Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»

ЛИЧНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННО-ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Монография

Под общей редакцией профессора В.Н. Стегния

Издательство
Пермского национального исследовательского политехнического университета
2015

Авторы:

доцент К.А. Антипьев (§ 1, гл. V); доцент Н.И. Асанова (§ 7, гл. IV); доцент О.С. Беляева (§ 1, гл. III); доцент В.А. Бурко (§ 6, гл. I); доцент Ю.М. Вассерман (§ 2, гл. IV); аспирант Н.В. Вяткина (§ 3, гл. V); ст. преподаватель М.А. Геташвили (§ 4, гл. III); доцент В.С. Гриценко (§ 7, гл. I); доцент М.К. Дуванская (§ 6, гл. III); ассистент М.А. Ермаков (§ 3, гл. I); доцент М.А. Киприянова (§ 4, гл. IV); ст. преподаватель Э.Б. Кощеев (§ 5, гл. III); доцент Л.Н. Курбатова (§ 4, гл. I); ассистент Е.А. Лазукова (§ 2, гл. V); доцент А.Ф. Невоструева (§ 5, гл. I); профессор С.П. Парамонова (§ 5, гл. IV); доцент В.В. Прокин (§ 3, гл. IV); ст. преподаватель И.М. Пудовкина (§ 4, гл. II); доцент А.А. Пучков (§ 8, гл. IV); доцент В.Д. Разинская (§ 1, гл. IV); ст. научный сотрудник Г.В. Разинский (§ 3, гл. III); доцент Е.Н. Расторгуева (§ 8, гл. III); ассистент Г.И. Селеткова (§ 4, гл. V); доцент Е.В. Середкина (§ 8, гл. I); доцент Н.С. Смольников (§ 2, гл. III); ст. преподаватель С.Н. Смольников (§ 9, гл. III); профессор В.Н. Стегний (введение, § 1, гл. I, § 1, гл. II, § 2, гл. II); доцент Т.А. Топеха (§ 7, гл. III); профессор Н.Н. Целищев (§ 3, гл. II); доцент О.Р. Чудинов (§ 6, гл. IV); доцент Е.С. Шайдарова (§ 2, гл. I).

Рецензенты:

д-р филос. наук, профессор А.Ю. Внутских (Пермский национальный исследовательский политехнический университет);

д-р филос. наук, профессор *Н.К. Оконская* (Пермский национальный исследовательский политехнический университет)

Л66 Личность в информационно-инновационном обществе : моногр. / под ред. проф. В.Н. Стегния. – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015. – 448 с.

ISBN 978-5-398-01448-8

Анализируются особенности функционирования личности в современном российском обществе, постиндустриальном, информационном, ее отношение к информации, ее компетенции, общение, статус. Характеризуются особенности сознания, его прогностическая функция, состояние национального, религиозного сознания, психическое состояние. Особое внимание уделено социализации и воспитанию личности, ее сознанию, культуре, социальному статусу. Рассматриваются условия и факторы, под действием которых формируется личность в инновационном обществе. Участие личности в управлении.

Адресовано специалистам в области социологии, социальной философии, студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных, социально-экономических дисциплин.

ББК 533.21-723.4

ОГЛАВЛЕНИЕ

введение	5
Глава І. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-	
ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	8
§ 1. Особенности функционирования личности в информационном	
обществе: отношение к информации	8
§ 2. Место личности в инновационном обществе	
§ 3. «Человек информационный»: трансформация системы	_,
ценностей	36
§ 4. Жизненные ценности личности как выбор социального	50
вектора в институциональном пространстве общества	53
§ 5. Общение в информационном обществе	
§ 6. Личность и социальный капитал	
§ 7. Человек в постиндустриальном обществе	
§ 8. Личность в информационном обществе и социальная оценка	70
техники	103
Глава II. СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ	113
§ 1. Осознание личностью своего социального будущего – основа ее	
деятельности в информационно-инновационном обществе	
§ 2. Историческое сознание	122
§ 3. Этническая идентичность и национальное самосознание	
российского народа	135
§ 4. Религиозное сознание как основа социальной активности	
личности	145
Глава III. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ	168
§ 1. Типология личности	
§ 2. Эстетическая личность	
§ 3. Личность в контексте патерналистского синдрома: особенности,	160
у 3. личность в контексте патерналистского синдрома. осооенности, статус, поведение	104
§ 4. Патернализация личности	
§ 4. Патернализация личности	
	217
§ 6. Мотивационно-ценностные приоритеты студентов вуза	225
как отражение политической ситуации в обществе	
§ 7. Роль семьи в становлении современной личности	
§ 8. Психическое здоровье личности	2 3 0
§ 9. Представления личности о социальной справедливости	260
через призму социальных эксклюзий	269

Глава IV. КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ	279
§ 1. Особенности культуры личности	279
§ 2. Личность в процессе модернизации: социокультурные типы	297
§ 3. Экономическая культура личности	319
§ 4. Экологическая культура личности	335
§ 5. Нравственная культура	350
§ 6. Правовая культура – социальный феномен	362
§ 7. Личность и образование	377
§ 8. Ценности и ценностные ориентации как аспект взаимодействия	
преподавателей и студентов в вузе	395
Глава V. ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ4	409
§ 1. Отчуждение и самотчуждение личности в местном	
самоуправлении	409
§ 2. Студенческое самоуправление	
§ 3. Инновационный потенциал менеджеров среднего звена	
в современном российском обществе	429
§ 4. Распространенность предпринимательских качеств:	
кросскультурный анализ	438

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап мирового социального развития характеризуется наличием нескольких типов цивилизации, которые классифицируются на основе разных критериев. Через один из них проходят или пройдут все страны, только в разное время. Такая классификация цивилизаций основана на принципах научно-технического прогресса. Если исходить из этих принципов, то одни страны еще находятся на доиндустриальном этапе цивилизации, другие проходят индустриальный этап, а третьи вступают в постиндустриальную эпоху. Каждому типу цивилизации соответствует модель, тип социальноэкономической системы, которая позволяет обществу решать задачи конкретного цивилизационного этапа. Страны, где человек живет на 1 доллар или 3 доллара в сутки – это около 3 млрд человек, – находятся еще на доиндустриальной стадии развития. Страны со средним доходом жителей от \$5000 до \$12,7 тыс. в основном индустриального типа. Страны с высоким уровнем дохода в год выше \$ 14 000, их около 75, переходят с индустриального на постиндустриальный этап цивилизации. В эту группу входит и Россия.

По экономическому потенциалу наша страна входит в первую десятку наиболее развитых стран мира, а об уровне образования свидетельствует факт: больше половины россиян имеют дипломы вузов. По данным экспертов международной организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в России такая группа в возрасте от 25 до 64 лет составляет 54 % населения, в Канаде – 51 %, в Израиле – 46 %, в Японии – 45 %, в США – 42 %, в Новой Зеландии – 41 %, в Южной Корее – 40 %, в Великобритании, Финляндии и Австралии – по 38 %. Следовательно, в современной России есть самое главное – высокий интеллектуальный потенциал людей, которым нужно правильно распорядиться и направить его на формирование нового общества постиндустриального типа. В современном российском обществе доминирует индустриальный тип отношений, но оно уже вступило и в постиндустриальную стадию, как и многие другие страны мира, которые столкнулись в последние 20–30 лет с основ-

ным противоречием: эффективность экономического развития общества и необходимость социальной защиты личности. Для разрешения этого противоречия необходимы новые модели социально-экономического развития, отвечающие потребностям постиндустриальной стадии. Универсальной модели на всех не будет, эти модели будут иметь региональные, национальные и другие особенности. Они должны быть привязаны к особенностям и уровню развития каждой страны.

Кто найдет ключ к разрешению данного противоречия, тот найдет ключ к новой модели социально-экономического развития. Следовательно, речь идет о новом типе общества, формировании инновационного общества, нового типа рыночного общества. Модели рыночных отношений индустриального общества при переходе в постиндустриальную стадию требуют нового, иного типа рынка.

Вступая в постиндустриальную стадию, общество столкнулось с изменением места, роли, содержания информации. Человек оказался под воздействием постоянных потоков информации, и данное общество начали характеризовать не только инновационным, но и информационным, а его будущее развитие прогнозируют как инновационно-информационное. Развитие такого общества сегодня – задача как ближайшего, так и отдаленного социального будущего.

Развитие инновационно-информационного общества требует формирования соответствующего типа личности. Субъектом, формирующим такое общество, является личность. Изменяющиеся объективные и субъективные факторы макро- и микросреды формируют новый тип личности с точки зрения социального будущего. От такой личности требуется чувство нового, прогностическая ориентация на будущее, у нее другие личностные и профессиональные компетенции, другая система ценностей, другая культура, тип сознания, мировоззрения, роль которых возрастает как в условиях кризиса, так и переходного состояния общества.

Социологический анализ данных процессов велся одновременно на теоретическом и эмпирическом уровнях социологической теории.

Результаты, изложенные в работе, опираются на эмпирические социологические исследования, которые проводились лабораторией социологии, кафедрой социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета на протяжении последних 40 лет.

Доктор социологических наук, профессор В.Н. Стегний

Глава І

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

§ 1. Особенности функционирования личности в информационном обществе: отношение к информации

В концепции информационного общества выделяют ряд аспектов $^{1}.$

Информационное общество как информационная экономика рассматривается в двух аспектах – производственном и профессиональном. Производственный подход – это переход от сельскохозяйственного к промышленному, затем – к информационной экономике, где используется два индикатора – информационная скорость и информационный индекс. Профессиональный подход основан на анализе профессиональной структуры общества. Здесь к традиционным секторам экономики (промышленность, сельское хозяйство, сервис и т.д.) добавляется информация.

Информационное общество как постиндустриальное связано с производством и использованием информации с помощью интеллектуальных технологий, базирующихся на компьютерной обработке информации, что приводит к росту теоретического знания и науки.

Информационное общество как общество знаний делает акцент на производстве не только теоретического, но и ненаучного знания (литература, искусство, религия и т.д.). В связи с этим следует различать знание и информацию. «Знание создает способность действия (знание – предпосылка действия), в то время как информация представляет собой знание, обработанное для целей использования. По-

¹ Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. С. 33–34.

этому знание отражает статистический структурный аспект, а информация – процессуальный аспект коммуникации»².

Информационное общество иногда рассматривается как конец общества массового производства. Изменяется организационная структура предприятия. С одной стороны, возникают транснациональные корпорации, свободно действующие в международном масштабе, с другой стороны, под давлением потребителя и международной конкуренции они переходят на рельсы индивидуализированного производства.

Информационное общество – это, скорее, политическая программа, чем теоретическое понятие. Его связывают с развитием современных технологий, т.е. его развитие определяется технологически четырьмя основными взаимосвязанными инновационными факторами:

- переходом от отдельных механических, электрических, электромеханических к электронным системам;
 - микроминиатюризацией всех электронных элементов;
 - дигитализацией коммуникации и информации;
 - взрывным развитием в обществе программного обеспечения³.

Информационное общество должно рассматриваться одновременно как результат его естественной эволюции и как следствие политической воли, выраженной самим этим обществом.

Особенность информационного общества - создание виртуального предприятия, не привязанного к определенному месту или даже национальному государству. Оно за счет своевременно получаемой и быстро перерабатываемой информации может гибко реагировать на любые запросы потребителя, колебания рынка, самоперестраиваясь в соответствии с этими запросами и колебаниями, становясь саморефлексивной системой. Таким образом, современную стадию развития информационного общества следует понимать как общество знаний и информации. Труд и капитал, характерные для индустриального общества, дополняются на этой стадии информацией

 $^{^{2}}$ Бехманн Г. Указ. соч. С. 108. 3 Там же. С. 106.

и знаниями. Причем информация и знания становятся главными ценностями современного общества. Хотя в системе рыночного общества знания и информация рассматриваются как товар.

Знания и информация пронизывают все сферы общественной жизни: производственную, техническую, экономическую, экологическую, социальную, политическую, управленческую, сервисную и т.д. Они являются вертикальным срезом общества. Особую роль в этом обществе играет не столько знание и информация, сколько их недостаток.

Цель производства знаний и информации – сделать их полезными обществу, доступными всем его членам, а не только узкому кругу носителей власти или их производителям.

Качественный сдвиг и новый этап в развитии современного информационного общества связывают с появлением Интернета. Компьютеризация и коммуникации сливаются сегодня воедино. В 2007 году Интернетом в мире пользовалось 2 млрд человек. Это 1/3 всего человечества. В развитых странах — 75–80 % населения ⁴. Кроме того, около половины населения планеты пользуется сотовым телефоном. 20 лет назад такое трудно было представить, но сегодня это факт. В данном случае мы имеем дело с новым этапом информационно-технологической революции на основе развития новых информационных и коммуникативных технологий, которые внесли изменения в современную науку, культуру, общество в целом.

Само развитие общества все больше зависит от новой социальной роли знаний. Они не являются сегодня прерогативой только науки, а становятся основой практического использования. В обществе меняется статус науки, знания, информации. Потребность в них растет. Для их функционирования необходима другая организация информационной инфраструктуры.

Решение этой проблемы требует конкретного знания о положении дел с информированностью личности в современном обществе.

⁴ Бехманн Г. Указ. соч. С. 127.

Сравнивая информированность личности в 1970-1980 годы и в 10-е годы XXI века, мы фиксируем качественные изменения и появление совершенно новых тенденций.

Информированность личности в современном обществе рассмотрим на примере студентов одного вуза⁶. Теоретическое определение информированности студента при проведении конкретносоциологического исследования необходимо свести к операциональной характеристике его содержания и структуры⁷.

Взяв за основу исследования информированность студента, т.е. то, как он трактует ее содержание и направленность, фиксируем в анализе:

- осведомленность студента о социальной среде, характеризуемую объемом информации о ней;
- избирательность студента в отношении информации о социальной среде, характеризуемую конкретным содержанием и направленностью;
- степень активного отношения к социальной среде, характеризуемую учебной, общественно-политической, духовной активностью студента;
- степень влияния информированности студента на его поведение, ценности, мировоззрение.

В личном домашнем пользовании студент имеет не одно средство получения информации, а целую систему (табл. 1).

 $^{^5}$ Стегний В.Н. Политическое информирование личности (1970–1999 годы) / Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 2001. С. 18–78.

⁶ Социологическое исследование проводилось среди студентов Пермского государственного технического университета в 2010 году (было опрошено 980 чел.). В этом же вузе было проведено еще одно исследование в 2013 году (опрошено 832 чел.).

 $^{^7}$ Стегний В.Н. Осознание личностью своего социального будущего. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2013. С. 15–16.

Таблица 1 Средства получения информации, имеющиеся в личном домашнем пользовании студента (%)

№ п/п	Средства для получения информации	Доля ответивших
1	Телевизор (два и более)	67,0
	Телевизор (один)	30,0
2	Компьютер	91,0
3	Телефон сотовый	84,0
4	Телефон стационарный	82,0
5	Радио	70,0
6	Принтер	67,0
7	Домашняя библиотека (500 книг)	53,0
	Домашняя библиотека (свыше 500 книг)	16,0
8	Музыкальный центр	66,0
9	Видеоплеер	59,0
10	Музыкальный плеер	55,0
11	Сканер	40,0
12	Ксерокс	31,0

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько средств получения информации, сумма больше 100~%.

Основными средствами получения информации у студентов являются: компьютер, телефон, телевизор, музыкальный центр, принтер. Их имеют в личном пользовании от 70 до 100 % студентов. Каждый второй студент имеет в личном пользовании видеоплеер, музыкальный плеер, сканер, ксерокс. Каждый второй студент имеет в личном пользовании домашнюю библиотеку. То, что студент получает информацию не из одного источника, а из целой системы — это хороший показатель его культуры. Изменились по сравнению с 60–80-ми годами XX века источники информации, постепенно исчезают такие средства получения информации, как газета, журнал, кинотеатр, клуб, дворец культуры, резко сократилась роль книги. Поэтому

современный студент стал хуже излагать свои мысли, писать стал с большим количеством ошибок и т.д.

Данные опроса, из каких информационных источников и как часто студенты получают информацию, представлены в табл. 2.

Таблица 2 Источники и частота получения информации студентами (%)

	Доля ответивших		
Источник информации	Постоянно	Время от времени	Не интересуют
Родители	45,0	41,0	4,0
Родственники	8,0	39,0	34,0
Друзья	49,0	36,0	3,0
Школьные учителя	1,0	13,0	62,0
Преподаватели вуза	3,0	27,0	49,0
Специалисты	6,0	33,0	40,0
Политики	2,0	7,0	67,0
Экстрасенсы, ясновидящие	2,0	5,0	69,0
Телевидение	19,0	35,0	28,0
Интернет	41,0	34,0	12,0
Книги	20,0	42,0	21,0
Газеты	16,0	38,0	28,0
Реклама	7,0	25,0	48,0
Программные официальные документы государства, партий, общественных организаций	5,0	20,0	51,0
Свой личный опыт, свои размышления, наблюдения за жизнью других людей	54,0	23,0	5,0
Другие источники	15,0	33,0	15,0

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько источников, сумма по каждой группе студентов больше 100%.

Среди постоянных источников информации у студентов доминирует свой личный опыт, затем друзья, родители, Интернет. Эти источники информации основаны на опыте, а не на знаниях, что существенно влияет на уровень теоретической, научной подготовки студента. Сегодня только каждый пятый студент в качестве постоянного источника информации имеет книгу. Обращает на себя внимание и тот факт, что только 3–6 % студентов в качестве постоянного источника используют информацию, полученную от преподавателя вуза и специалиста. Это существенный показатель будущей профессиональной подготовки специалиста.

Следует отметить проблему эпизодического использования студентами большого количества каналов получения информации. Очень странно, что среди этих каналов информации доминируют книга, газета, программные документы государства, партий. Среди них велика роль информации, полученной от преподавателей вуза, специалистов, родственников, из телевидения, от друзей. Каждый третий студент эпизодически пользуется этими каналами получения информации.

Обращает на себя внимание и то, что почти у каждого второго студента отсутствует интерес к информации, получаемой от политиков, школьных учителей, специалистов, преподавателей вуза, из рекламы, программных официальных документов государства, партий. Конечно, весьма интересно и то, что у основной группы студентов отсутствует интерес к ясновидящим и экстрасенсам.

Важнейшим источником получения информации для студента является книга. Здесь попытаемся выяснить, какое количество книг они читают в течение месяца (кроме учебников): одну книгу – 44 %; регулярно одну-две – 22 %; регулярно три и более – 8 %; читают обычно во время каникул – 19 %. Следовательно, 93 % студентов в течение месяца читают книги регулярно. Эта весьма достаточный показатель для современного студента. Проанализируем характер литературы, которую читают студенты (табл. 3).

Таблица 3 Характер литературы, которую читают студенты (%)

№ п/п	Вид литературы	Доля ответивших
1	Учебники и учебные пособия	52,0
2	Литература по специальности	44,0
3	Романы, повести, рассказы	43,0
4	По истории, политике, философии	17,0
5	По искусству	14,0
6	О спорте	18,0
7	Об экономике, бизнеса, менеджменте	15,0
8	О проблемах секса	13,0
9	Религиозная	4,0
10	О моде, косметике	33,0
11	О проблемах права, морали	8,0
12	О необычных, непознанных явлениях	16,0
13	Книги, которые учат жить	35,0
14	Детективы, приключения, научная фантастика	28,0

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько источников, то сумма больше 100~%.

Наиболее востребованные книги для студентов — это учебники и учебные пособия, а также книги по специальности, художественная литература и книги, которые учат жить. Это соответствует содержанию учебной деятельности студента и требованиям к его будущей специальности. Такую литературу читают от половины до трети студентов. Хотя учебники и книги по специальности, следует отметить, читают все.

Специально следует подчеркнуть отношение студентов к научно-фантастической литературе. Каждый третий интересуется ею, и это весьма высокий показатель для студентов технического вуза.

От 1/5 до 1/10 студентов проявляют интерес к книгам о непознанных явлениях, спорте, искусстве, философии, истории, политике, экономике, бизнесе, менеджменте.

К сожалению, только 8 % студентов интересуются проблемами права, морали. Это очень низкий показатель. Этими проблемами должны интересоваться 100 % студентов, так как мораль и право являются основой жизнедеятельности человека и специалиста.

Среди средств получения информации у студентов ведущая роль принадлежит телевизору и компьютеру.

Компьютер как техническое информационное средство и «виртуальный посредник общения» для студента крайне необходим, что подтвердили результаты опроса:

- позволяет оперативно получать необходимую для учебы информацию 69,0 %;
- сокращает время на получение необходимой информации 67,0 %;
 - осуществляет связь с миром 64,0 %;
- позволяет общаться с друзьями «вне времени и пространства» 54.0~%;
- позволяет расширить круг людей, имеющих общие интересы 53,0 %.

В то же время компьютер превращает человека в своего заложника -18.0%; изменяет психоморфологические качества человека как биологического вида -8.0%; способствует стандартизации общественной культуры, морали -7.0%.

Таким образом, в системе общения студентов компьютер занимает одно из ведущих мест и выполняет целый комплекс функций в процессе обучения. Без компьютера и сотового телефона представить современного студента практически невозможно, что является одним из существенных показателей информационного общества.

По телевизору студенты смотрят самые разнообразные передачи (табл. 4). При этом интерес у большинства студентов почти по всем указанным темам высокий.

Таблица 4 Содержание телепередач, которые смотрят студенты (%)

$N_{\underline{0}}$	Томотуме напанан	Доля
п/п	Тематика передач	ответивших
1	Художественные фильмы (зарубежные)	71,0
2	Музыкальные передачи	70,0
3	Художественные фильмы (отечественные)	62,0
4	Информационно-политические и аналитические передачи	54,0
5	Мультфильмы	47,0
6	Игровые шоу	35,0
7	Образовательно-познавательные	38,0
8	Сериалы	32,0
9	Эротические	20,0
10	Религиозные	5,0

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько телепередач, сумма больше 100 %.

Наибольший интерес вызывают художественные фильмы и музыкальные передачи (около 3/4 студентов). Хотя в меньшей степени, но достаточно высок интерес к информационно-аналитическим передачам и мультфильмам (половина студентов). У трети студентов большой интерес вызывают игровые шоу, образовательно-познавательные передачи и отечественные сериалы. Религиозная тематика интересует только 5 % студентов, а вот эротика – 20 % студентов, что вполне естественно для их возраста.

Одним из самых существенных информационных каналов у студентов является общение с друзьями, в ходе которого они обсуждают различные вопросы (табл. 5).

Наиболее часто обсуждаемые студентами проблемы – это текущие проблемы учебного процесса, что является показателем нацеленности основной массы студентов (3/4) на учебный процесс – основной вид их деятельности в вузе. Вместе с тем следует обратить особое внимание и на то, что студенты живут не только учебой в вузе: 3/4 из них смотрят фильмы, слушают музыку. Это очень важный

показатель духовной культуры студента, существенно влияющий на его ценности, внутренний мир. Вопрос только в том, какие он смотрит фильмы (в основном зарубежные) и какую он слушает музыку (в основном развлекательную). Вот над этим стоит задуматься.

Таблица 5 Вопросы, обсуждаемые студентами с друзьями (%)

No	Vарактар обоуживами у ронросор	Доля
п/п	Характер обсуждаемых вопросов	ответивших
1	Текущие проблемы учебного процесса	73,0
2	Фильмы, музыка	73,0
3	Поведение своих знакомых, друзей	54,0
4	Поведение преподавателей, качество преподавания	46,0
5	Организация досуга	45,0
6	Спортивные события	38,0
7	Организация учебного процесса	31,0
8	Книги	30,0
9	Проблемы работы	29,0
10	Проблемы морали	27,0
11	Социальные проблемы общества	26,0
12	Аудиторная нагрузка	26,0
13	Проблемы профессии	25,0
14	Самостоятельная работа студентов	25,0
15	Политические новости	24,0
16	Экономические проблемы	23,0
17	Структура учебного плана	22,0
18	Организация производственной практики	19,0
19	Проблемы вуза	16,0
20	Материально-техническая база вуза	14,0
21	Проблемы факультета	8,0
22	Организация производственной практики	8,0
23	Научно-исследовательская работа студентов	8,0

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько ответов, сумма больше 100 %.

Среди студентов весьма большая группа (около 1/2) обсуждает качество преподавания, поведение преподавателей, поведение своих знакомых и друзей, организацию досуга и отдыха, спортивные события. Каждый третий студент обсуждает проблемы организации учебного процесса, будущей работы, морали, книг. Каждый четвертый студент принимает участие в обсуждении социальных проблем общества, аудиторной нагрузки, проблем профессии, своей самостоятельной работы, экономики, политической жизни. Только каждый пятый студент обсуждает структуру учебного плана, организацию производственной практики, проблемы материально-технической базы. Значит, эти вопросы в вузе решаются достаточно успешно.

Реже всего студенты обсуждают проблемы факультета, производственной практики, научно-исследовательской работы. Значит, эти проблемы для основной массы студентов решены.

Проблемы, выделенные студентами для обсуждения, свидетельствуют о том, что студенты живут не одной какой-то проблемой, а целой системой. У них фиксируются системный подход, комплексное отношение к окружающему их миру и многообразие интересов.

Конечно, круг проблем, обсуждаемых студентами в своей среде, сильно изменился по сравнению с аналогичными показателями 70–80-х годов XX века. Объясняется это, прежде всего, существенными изменениями в социальном составе студентов⁸.

Рассмотрим, какие вопросы общественной жизни интересуют сегодня студентов (табл. 6).

Почти у каждого второго студента фиксируется постоянный интерес к информации по разным аспектам общественной жизни. Среди постоянных интересов у студентов наибольший интерес вызывает информация об образовании, межличностных отношениях, семье и браке, психологии. Это та информация, которая отражает наиболее важные стороны жизнедеятельности современного студента.

⁸ Стегний В.Н. Изменения в социальном составе студентов постсоветского общества // Вестник Пермского государственного технического университета. Социально-экономические науки. 2009. № 4(22). С. 81–91.

Таблица 6 Интерес студентов к содержанию информации о современной общественной жизни (%)

	Степень интереса		
Содержание информации	Постоянно	Время от времени	Не интересуют
Культура	22,0	55,0	10,0
Мораль	23,0	48,0	14,0
Политика	24,0	48,0	17,0
Экономика	30,0	46,0	17,0
Образование	53,0	32,0	4,0
Наука	21,0	53,0	14,0
Здравоохранение	26,0	46,0	14,0
Техника и технология	30,0	35,0	20,0
Экология	17,0	51,0	18,0
Семья и брак	37,0	39,0	12,0
Право	29,0	44,0	15,0
Межличностные отношения	50,0	29,0	7,0
Психология	41,0	31,0	14,0
Уфология	7,0	25,0	52,0
Космос	13,0	33,0	41,0
Религия	11,0	35,0	39,0
Межнациональные отношения	14,0	40,0	31,0
Астрология	11,0	30,0	43,0
История	20,0	45,0	22,0

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько ответов, сумма по каждой группе студентов больше 100 %.

От 1/3 до 1/5 студентов постоянно интересуются информацией о культуре, морали, политике, экономике, науке, здравоохранении, технике, праве, истории. Это та информация, которая лежит в основе их образовательной деятельности, и они имеют с ней дело постоянно.

Весьма слабый интерес студенты проявляют к экологии, уфологии, космосу, религии, астрологии, межнациональным отношениям. К этой информации постоянный интерес фиксируется только у каждого десятого студента. Отмечая постоянный интерес к указанным видам информации, следует сказать, что эпизодический интерес к этой же информации у студентов фиксируется значительно сильнее.

Эпизодический интерес студенты проявляют к большому количеству тем. Если постоянный интерес фиксируется к 4 темам у половины студентов, то эпизодический интерес у каждого второго студента фиксируется к 11 темам. К остальным 4 темам фиксируется интерес у 1/3 студентов. Это достаточно высокие показатели, характеризующие духовный мир, культуру студента. Группа студентов, эпизодически интересующихся разными темами, является доминирующей, что определяется их статусом и содержанием деятельности.

Среди студентов выделяется также группа, которая не интересуется тем или иным видом информации, что вполне естественно, так как студент не может интересоваться всеми видами информации. Информация, которая не интересует студента, – это астрология, космос, религия, уфология, межнациональные отношения. Таких студентов около половины. 1/10 студентов не проявляет интереса к другим темам, указанным в табл. 6.

Характеризуя интерес студентов к социальной информации, следует отметить постоянный и многообразный их интерес к современному обществу, его социальному будущему. Судя по содержанию информированности, у студентов доминирует установка на инновационную модель развития России.

Студент проявляет конкретный интерес к информации по наиболее острым социальным проблемам современной жизни (табл. 7). От 1/2 до 3/4 студентов наиболее всего обеспокоены такими проблемами, как криминальная обстановка, наркомания, безработица, нищета, экономическая нестабильность, неблагоприятная экология, падение нравов, морали, политическая напряженность. Это самые острые проблемы современного российского общества, и студенческая молодежь более чувствительна к ним, чем другие социальные группы.

№ п/п	Социальные проблемы	Доля ответивших
1	Криминальная обстановка	63,0
2	Наркомания	62,0
3	Безработица	59,0
4	Нищета	56,0
5	Экономическая нестабильность	55,0
6	Неблагоприятная экология	49,0
7	Падение нравов и морали	43,0
8	Политическая нестабильность	39,0
9	Проституция	37,0
10	Проявление девиантных форм поведения	31,0
11	Разобщенность людей	26,0
12	Последствия распада СССР	14,0

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько ответов, то сумма больше 100~%.

От 1/3 до 1/4 студентов обращают внимание на такие проблемы, как разобщенность, девиантные формы поведения в некоторых группах населения, проституция, последствия распада СССР. Указанные студентами социальные проблемы свидетельствуют о том, что они хорошо ориентируются в информации не только об успехах в обществе, но и его проблемах, на решении которых они настаивают.

У студентов сформировалась определенная система требований к информации (табл. 8). 1/2 студентов считает полученную информацию из указанных источников не совсем достоверной, хотя и отмечается самый высокий показатель достоверности информации у книг и практически одинаковый у газет, журналов, радио, телевидения.

Таблица 8 Требования студентов к современной информации (распределение ответов, %)

Требования к информации	Телевидение	Радио	Интернет	Книги	Газеты, журналы
Достоверность					
В полной мере	22,0	16,0	23,0	27,0	10,0
Не совсем	51,0	48,0	46,0	42,0	47,0
Не соответствует	14,0	14,0	13,0	10,0	23,0
Объем					
В полной мере	35,0	12,0	49,0	25,0	18,0
Не совсем	38,0	49,0	26,0	40,0	44,0
Не соответствует	8,0	15,0	6,0	11,0	15,0
Надежность					
В полной мере	14,0	13,0	10,0	23,0	7,0
Не совсем	44,0	44,0	46,0	43,0	44,0
Не соответствует	23,0	20,0	23,0	13,0	26,0
Быстрота					
В полной мере	53,0	38,0	69,0	9,0	23,0
Не совсем	23,0	37,0	9,0	31,0	41,0
Не соответствует	4,0	7,0	4,0	35,0	13,0
Точность					
В полной мере	18,0	14,0	15,0	21,0	9,0
Не совсем	51,0	51,0	49,0	44,0	52,0
Не соответствует	12,0	12,0	14,0	12,0	17,0

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько ответов, сумма по каждой группе студентов больше 100 %.

В полной мере считают достоверной информацию из указанных источников от 1/10 до 1/4 студентов. Наибольшей достоверностью отличаются книги, наименьшей – газеты, журналы, радио, телевидение и Интернет. По этому показателю студенты оценивают их одинаково.

По критерию объема информации в полной мере 1/2 студентов удовлетворена Интернетом, 1/3 – информацией, получаемой по телевидению, 1/4 – из книг, 1/5 – из газет и журналов и 1/10 – по радио.

По степени частичного удовлетворения объемом информации самый высокий показатель у Интернета (1/4 не удовлетворены) и самые низкие – у остальных каналов получения информации, где каждый второй ею не удовлетворен. Неудовлетворенность объемом получения информации всеми источниками фиксируется у каждого десятого студента.

Надежностью информации из книг удовлетворен каждый четвертый студент, и каждый десятый удовлетворен другими источниками информации. Это весьма низкий показатель. Каждый второй студент частично удовлетворен надежностью информации по всем источникам информации, и каждый четвертый студент указывает на ее полное несоответствие надежности по всем каналам.

Быстрота передачи информации отмечается разная по каждому каналу. Самая скоростная информация идет через Интернет и телевидение, и практически одинаковая – через газеты, журналы, радио. Самая низкая быстрота передачи информации – через книги, что вполне закономерно для этого источника информации. Это не основной его критерий. У студентов нет особых претензий к быстроте передачи информации по всем источникам.

Что касается такого критерия, как точность передачи информации, то он по всем каналам в основном совпадает с показателем достоверности информации. Наибольшей точностью отличается информация из книг и наименьшей – из газет и журналов. В полной мере этот показатель отмечают от 1/10 до 1/5 студентов у разных каналов. Показатель частичной точности информации отмечает каждый второй студент. Практически, кроме книги, он одинаково отмечается ими у всех других каналов.

Какова же в целом удовлетворенность студентов той информацией, которую они получают из СМИ? Среди студентов 1/5 вполне удовлетворены информацией, которую они получают из СМИ, 1/3 частично удовлетворены ею, 1/4 не удовлетворены и 1/10 студентов

этот вопрос не интересует (табл. 9). Следует отметить достаточно низкий показатель удовлетворенности студентов получаемой ими информацией.

Таблица 9 Удовлетворенность студентов получаемой информацией из СМИ (распределение ответов, %)

Степень удовлетворенности	Вид информации		
информацией	политическая	экономическая	национальная
Вполне удовлетворен	26,0	22,0	20,0
Частично удовлетворен	35,0	40,0	38,0
Не удовлетворен	21,0	23,0	23,0
Меня это не волнует	9,0	7,0	10,0
Нет ответа	9,0	8,0	9,0

Рассматривая степень удовлетворенности студентов получением информации, следует обратить внимание на то, каких знаний студенту будет не хватать в его будущей деятельности, как он прогнозирует ее после учебы в вузе (табл. 10).

Таблица 10 Отношение студентов к дефициту своих будущих знаний (%)

№ п/п	Вид знаний	Доля ответивших
1	Практические знания и навыки	49,0
2	Юридические знания	40,0
3	Гуманитарные знания, знание иностранного языка	31,0
4	Экономические знания	25,0
5	Знания по управлению	23,0
6	Знания компьютерной техники	21,0
7	Специальные знания	12,0
8	Фундаментальные общетеоретические знания	6,0
9	Надо хорошо учиться самим студентам	13,0

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько ответов, сумма больше 100~%.

Что студенту на первой стадии производственной деятельности не будет хватать практических навыков — это закономерное явление для любого начинающего специалиста (49 % студентов это осознают).

Поскольку в нашей выборке доминируют студенты инженерных специальностей, им, вполне вероятно, не будет хватать знаний юридических, экономических, по управлению, иностранного языка, гуманитарных! При переходе на ГОС ВПО 3-го поколения удельный вес этих знаний в подготовке инженера сократился на 20 %. Многие учебные дисциплины вообще не попали в учебный план ГОС. Эту особенность отмечают от 25 до 40 % студентов по разным группам социальных знаний. Следует обратить внимание и на то, что студенты с 2011 года отмечают недостаток знаний компьютерной техники.

Недостаток специальных знаний отмечают только 12 % студентов. Этот показатель достаточно низкий с точки зрения того, что 90 % этого дефицита не чувствуют. Вместе с тем студенты недооценивают роль фундаментальных общетеоретических знаний. Среди них только 6 % выражает сомнение в их дефиците.

Рассматривая информированность студентов, мы попытались проанализировать взаимосвязь между содержанием, уровнем информированности студента и его успеваемостью, участием в самоуправлении, общественно-политической жизни, свободным времяпрепровождением. При этом четко прослеживается такая взаимозависимость: чем выше уровень информированности студента, тем лучше его успеваемость, активнее участие в студенческом самоуправлении, общественно-политической жизни, содержательнее формы свободного времяпрепровождения, выше ценностные ориентации и более реалистичная нравственная позиция. Эта взаимозависимость нас как раз интересует в первую очередь, так как она указывает направление социализации, воспитания студентов в информационном обществе. Роль информации в жизни студента в информационном обществе будет возрастать. Для него очень важно научиться ориентироваться в нарастающем потоке информации, так как количественный критерий здесь не является определяющим. Главное – это содержание информации, ее качество, научность, достоверность.

§ 2. Место личности в инновационном обществе

Наше время – переходное, причем в нескольких смыслах. Россия и другие страны, в которых существовал так называемый первоначальный социализм, переживают (завершают) постсоциалистическую трансформацию. Что-то переходное, новое содержится и в тех процессах, которые происходят в странах, считавшихся (называвшихся) странами среднего и малоразвитого капитализма, особенно в Латинской Америке и части стран Азии.

Вместе с тем общее, глобальное мировое состояние также характеризуется своей масштабной мировой переходностью. Об этом много пишут, в том числе о новой материально-технической базе общества, которое на ее основе становится постиндустриальным, информационным и инновационным, о преимуществах и особенностях новейших технологий, о глобализации, главная суть которой в конечном счете в развитии мировых интеграционных процессов, в усилении связности и сложности мирового человеческого сообщества. Об этой мировой переходности пишут как об историческом времени, в котором происходит поиск и формирование новой цивилизации как условия сохранения и безопасного развития человечества. Такие исторически новейшие явления, как качественное изменение социальной структуры (средний класс), социальное государство, приоритет социального развития, современные социальные технологии, «современный социализм» и т.д., связывают с содержанием и с самим фактом существования переходной исторической эпохи. Постоянно идет речь о неопределенности наступающего нового времени, неясности его контуров и структур. Иначе и быть не может, ведь мы находимся лишь в самом начале этого мирового переходного процесса. Но и в этом случае: если этот процесс начался, он должен уже сейчас в чем-то проявляться, следовательно, его можно заметить и обозначить. Его и замечают. При этом анализ осложняется тем, что разнообразные переходные процессы в отдельных государствах и регионах мира и глобальный переходный процесс налагаются друг на друга и сложно взаимодействуют.

Анализировать наступающее новое время можно с разных сторон, в разных аспектах. Но ясно одно: определяющим свойством нарождающейся системы общества является изменение отношения к человеку, изменение его положения в обществе - от человека как средства к человеку как цели и результату всего. Но эта «новость» стара, как мир. Человек есть мера всех вещей, - сказано в глубокой древности. Однако идея противопоставления человека как средства, т.е. человека технократического, человеку как цели, т.е. человеку социальному, вместе с человечеством прошла свою историю, от абстрактно-философского существования к попыткам воплощения в различных утопиях, к ограниченной, формальной, уравнивающей реализации в первоначальном социализме до нашего времени с его проблемами и задачами. И теперь эта идея становится центром новейшей мировой переходности потому, что оказывается единственной надежной защитой главного - жизни человека и человечества.

И дело не только в том, что новейшая техника создала средства глобального уничтожения человечества, но и в том, что собой представляет человек (в широком смысле), который этой техникой владеет. Среди прочего в условиях новой материально-технической базы труда и общества, в условиях новой социальной реальности человек как средство, человек технократический прямо опасен и недостаточно эффективен экономически и социально уже потому, что в этом качестве он всегда частичен, и потому в той или иной степени может быть использован против себя самого. Во всей своей социальной полноте и значимости, т.е. в социологическом понятии как личность, человек предстает лишь в том случае, если одновременно рассматривается как цель, ради которой существует и действует данный объект – общество. Сейчас настало время, когда становится ясно, что переход от одного к другому – длительный исторический процесс, и, насколько возможно, он должен быть исследован и описан как сегодняшняя реальность и как перспектива.

Для философского подхода чисто понятийное противостояние (человек-средство – человек-цель) – уже немало; для социологиче-

ского подхода этого совершенно недостаточно. Должна быть исследована диалектика сегодняшнего сосуществования того и другого отношения к человеку; того и другого места, положения человека; их взаимопроникновение и взаимопереходы; формы проявления и т.п. Должна быть представлена длительность процесса, его возможные этапы и проанализирован его современный этап. Таким образом, должно быть рассмотрено становление отношения к человеку как к цели в реальной действительности. Само это отношение, освобождая человека от роли средства, весьма инструментально, ибо выполняет в обществе жизненно важные функции.

Несколько слов о терминах (понятиях). В своих работах автор использует термин «первоначальный социализм» для обозначения бывшего советского социализма. Термин удобен тем, что указывает на первую, неразвитую форму социализма и вместе с тем содержит в себе историческую перспективу социализма. Для противопоставления человеку технократическому автор использует термин «человек социальный», или социальный подход к человеку, имея при этом в виду положение человека как цели и соответствующую ему тенденцию к всестороннему развитию личности. В этом случае термин не очень удачен в силу многозначности понятия «социальный», но так хотя бы короче. Вообще следует отметить, что современное общество называют еще инновационным: в нем меняется все, появляется много нового и потому ощущается потребность в новых понятиях. Многозначность понятия «социальный», возможно, проистекает как раз из недостатка новых понятий.

Иными словами, необходимо указать на какие-то явления, процессы, в которых уже сейчас проявляется начавшийся мировой переход к инновационному обществу, о котором идет речь. В этом плане, пожалуй, прежде всего, следует указать на настойчивое выделение сферы социального как особого вида общественных отношений по сравнению со сферой технико-технологических и экономических отношений. При всей неопределенности и многозначности понятия «социальное» оно занимает чрезвычайно важное место в общественной науке, а со второй половины XX века – и в практике жизни об-

щества. В.Н. Иванов, В.И. Патрушев и другие, определяя «социальное», указывают, что это исходная, базовая категория социологической науки; она характеризуется особыми свойствами и признаками: среди них «осознание своей целеполагающей общественной деятельности каждым индивидом, социальной группой, общностью», отношения социальной структуры, «организация борьбы за улучшение жизненных условий, удовлетворение интересов и потребностей», деятельность по утверждению социальной справедливости, «воплощение в жизнь принципов свободы, равенства и братства» и т.д., отмечая, что это «неполный перечень основных черт и особенностей» категории «социальное». Это сфера «взаимоотношений человека и общества, поведения и социальных действий индивида»⁹.

Приведенная попытка определить «социальное» демонстрирует, прежде всего, высочайшую сложность этой категории и явные недостатки определения (искомое «х» входит в определение), но и главное для нас: в сфере социального человек проявляет себя как личность, как человек-цель, хотя бы частично, и именно в наше время это так важно. С помощью тех или иных понятий, терминов отмечают в наше время приоритет социального над экономическим, сферы социального над экономической сферой, социального развития над экономическим развитием. Смысл этого приоритета в том, что именно развитые социальные отношения формируют личность, эффективную как экономически, так и социально. Наиболее глубокой (первичной) предпосылкой этого приоритета является ситуация, когда для значительной части членов общества содержание их труда (и вообще их деятельность в обществе) предъявляет высокие требования к развитию личности.

Формируется новая отрасль в социологической науке – наука о социальных технологиях, отражающая практику разработки и внедрения социальных технологий на различных объектах. Определенной базой этой новой отрасли социологии является широко распро-

 $^{^{9}}$ Социальные технологии: толковый словарь / отв. ред. В.Н. Иванов. М., 1995. С. 189–190.

странившаяся в 1960-1980-е годы прикладная деятельность социологов на предприятиях, в городах в виде социального планирования (и других видов практического использования социологии с целью сокращения текучести кадров, формирования коллективов, развития социальных, культурных функций предприятий). Эта деятельность, в свою очередь, заставила увидеть предприятия не только как функциональную, производственную систему, но и как социальную систему¹⁰, в которых человек как работник, как средство противопоставляется человеку в его социальной полноте как личности и самоценности. Предприятие как социальная система стало предметом деятельности заводских социологических служб. Характерно, что вся эта деятельность началась «снизу», не по приказам сверху, а как потребность самих производственных коллективов. «Верхи» же (кроме профсоюзов) здесь существенно запоздали. Характерно и то, что социальные технологии во многих случаях давали (прямо или косвенно) больший производственный эффект, чем собственно технические и экономические технологии.

В первые годы перестройки процесс первоначального накопления капитала заставил убрать с предприятий и социологические службы, и социальное планирование и пр., и это показательно: народившемуся российскому капиталу человек требовался только как работник в узком смысле слова, и ничего сверх того. И только теперь в виде современных социальных технологий, расширения их практического использования проявляется и интерес к тому, что было наработано в советское время.

Сегодня нельзя сказать, чтобы суть глобального переходного времени, его направление – от человека как средства к человеку как цели, как личности, как самоценности – четко фиксировалась в теоретических работах и методиках. Тем не менее в работах Файнбургской социологической школы такая четкость присутствует, и в этом

 $^{^{10}\,\}mathrm{Cm}$.: Григас Р. Социальная организация предприятия и ее функции. Вильнюс, 1980. 317 с.

их преимущество¹¹. Авторы, разрабатывающие проблематику социальных технологий, исходят из характеристик современной мировой эпохи и рассматривают идею глобальных социальных технологий как способ предотвращения ее опасностей, ее катастрофичности. Тем более важно установить связь между глобальным переходным процессом и конкретными социальными технологиями, что позволило бы уточнить содержание социальных технологий, их главное направление, определить меру и формы, в которых это направление реализуется на практических уровнях. Без этого не получается полноценного анализа, суть дела рискует потеряться в перечислении множества свойств или направлений 12.

В связи с новейшими соотношениями социального и экономического появились такие понятия, как «социально ориентированное рыночное хозяйство», «социальная экономика», «социальное государство». За ними стоят реально существующие формы жизни общества, реальные государства. Им соответствует современная социальная политика, которая отнюдь не сводит свои задачи к борьбе с бедностью, но стремится создать равные исходные базовые возможности для развития каждого члена общества, обеспечивая хорошие условия жизни, медицину, образование. Адресность и индивидуализация социальной политики позволяет в конечном счете учесть не только проблемы, но и интересы, и особенности личности.

Крушение первоначального социализма в России имело и плюсы, и минусы. Одним из плюсов была возможность выбора направления дальнейшего развития страны. Однако по ряду причин этот выбор по-настоящему не сделан до сих пор. Скорее, мы последние 20 лет плыли по течению. Одной из очевидных причин-помех явился

¹¹ См.: Методика социального планирования коллектива предприятия. Пермь, 1971. 213 с.; Социология социалистического производственного коллектива / под ред. 3.И. Файнбурга. М., 1982. 168 с.

¹² См., например, определение понятия «социальная технология»: Социальные технологии: толковый словарь. С. 185; недавний пример: Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // СОЦИС. 2014. № 7.

глубокий социально-экономический кризис, сопровождавший перестройку, когда на первый план постоянно выходили острейшие жизненно важные проблемы, которые требовали немедленного решения. В какой-то мере «успокоились» на том, что провозгласили современную социальную политику и записали в Конституции, что Россия является социальным государством. Между тем ни для того, ни для другого не было достаточных условий. Скорее, сказалось давление мирового переходного времени: условий нет, но не определиться с выбором невозможно. Приходится согласиться с О.Т. Богомоловым: «Население лишено важнейшего ориентира, а именно: к какому общественному устройству страна придет в результате проводимых реформ и что это даст народу» 13.

Понятие «стратегия» сплошь и рядом в российской реальной политике применяется неадекватно. Модернизация страны, провозглашенная якобы основным направлением развития, в действительности не может сформировать представление об образе будущего, а только добавляет неопределенности. Это понятие давно оторвалось от своего исходного смысла (переход к индустриальному обществу, внедрение индустрии), стало многозначно размытым, а в нашем случае, скорее всего, обозначает призыв к обновлению всего и вся. Столь же недостаточно (но по другим причинам) для целостного представления о будущем и понятие инновации, при всей его актуальности и современности.

Неопределенность образа будущего, несомненно, мешает развитию страны, косвенно отрицательно влияет на темпы роста экономики, поселяет неуверенность у населения, не позволяет сформулировать «национальную идею», т.е. идеологию, которая была бы принята народом и содержала стимулы движения вперед. Очень важно знать, куда это – вперед? Важно не только для страны, но для каждого человека, особенно для молодежи, ибо это знание связано с мотивами деятельности и даже со смыслом жизни.

_

 $^{^{13}}$ Богомолов О.Т. Социально-гуманитарные аспекты модернизации России // ЭКО, 2011. № 7.

В том, что, как пишет О.Т. Богомолов, народу до сих пор не предъявлен образ будущего, «виновата» не только властная элита, но и наука. Мало разрабатываются такие научные позиции, с которых общество видится в целом, исторический процесс – в движении, в смене форм общества: политическая экономия, соответствующая теоретическая социология. В научных социологических публикациях топчемся в основном на уровне средних социологических теорий, которые изучают различные направления, сегменты, но не дают увидеть целое, тем более в глобальном историческом развитии.

Для анализа новейших общественных форм (социальное государство, социальная экономика и т.п.) необходимо использовать весь арсенал законов диалектики в их методологическом значении. Для анализа современного развитого капитализма было бы продуктивно, на наш взгляд, использовать марксистские идеи о «превращенных формах», наполнив их современным содержанием. Для правильной ориентации в нашем историческом времени необходимо признать прошедший первоначальный социализм не ошибкой, не экспериментом, не случайным зигзагом истории, а незрелой, но закономерно возникшей формой, которая что-то дала современности и будущему. (При этом следует помнить, что социализм был не только в Советском Союзе, но охватил почти треть мира по населению и территории: память об этом многое ставит на свои места.)

Неопределенность представлений о будущем усиливается еще и тем, что, несмотря на то, что Россия объявлена социальным государством, до сих пор говорят о каком-то особом пути России в будущее. Однако при ближайшем рассмотрении многие «особенности» России оказываются лишь проявлением ее отсталости от развитого Запада. Реальные же особенности России могли бы определить не суть, но еще одну форму социального государства. Таких форм в мире уже несколько. Ликвидация отсталости и развитие полноценного социального государства вполне могло бы стать той движущей национальной идеей, идеологией, которой нам сейчас так не хватает. Тем более что социальное государство предоставляет новые возмож-

ности для развития личности, для движения от человека технократического к человеку социальному.

В сложной, противоречивой конструкции социального государства сосуществуют социалистическая (коллективистская) и капиталистическая (индивидуалистическая) сущности и тенденции 14. Та и другая оказывают влияние на развитие личности. В отличие от первоначального, экономического и революционного, социализма современный социализм эволюционно возникает на почве современного развитого капитализма и развертывается в социальной сфере («социальный социализм»), что означает большие возможности непосредственного воздействия на развитие личности, на формирование ее неотъемлемых качеств. Индивидуалистическая тенденция сохраняет положение человека как средства в той мере, в какой существуют действительные по своей сути капиталистические отношения. Однако и здесь происходят значимые изменения. Их смысл отражен в таких понятиях, как «человеческий капитал», «человеческий потенциал». В них отражен приоритет социального развития, в котором личность и качества современного работника в какой-то мере совмещаются. В противостоянии работодателю (капиталу) работник владеет своим личностным и профессиональным потенциалом как капиталом. В словаре «Социология труда» понятие «человеческий капитал» связывается с такими концепциями, как «экономика – для развития человека, а не человек для развития экономики», с использованием в ООН индексов развития человека (ИЧР) и развития человеческого потенциала (ИРЧП), которые по своему содержанию далеко выходят за контуры человека как работника¹⁵.

Социалистическая и капиталистическая тенденции, противоречиво взаимодействуя в социальных государствах, одновременно располагают возможностями влияния на формирование и развитие лич-

 $^{^{14}}$ Подробнее об этом: Шайдарова Е.С. Постсоциалистическая трансформация: методологический аспект // Вестник Перм. гос. техн. ун-та. Социально-экономические науки. 2010. № 8(27).

¹⁵ Социология труда: теоретико-прикладной толковый словарь / под ред. В.А. Ядова. СПб., 2006. С. 399–400.

ности. Эта проблема заслуживает обстоятельного научного анализа, здесь мы, по существу, лишь указали на то, что социальное государство содержит в себе процесс движения к человеку социальному – всесторонне развитой личности.

В перспективе этот процесс будет ускоряться и углубляться на основе расширения сфер творческого труда и других, новых направлений. В частности, в перспективе предстоит преобразование т.н. сферы услуг в многостороннюю деятельность по обеспечению жизненного процесса и развития личности, причем труд в этой сфере будет все более насыщаться творчеством и разнообразием.

§ 3. «Человек информационный»: трансформация системы пенностей

Развитие рыночного общества в эпоху расцвета индустриализма породило соответствующую модель личности, ориентированной на потребление товаров и услуг - «человека потребляющего». В свете трансформационных преобразований общества набирает актуальность вопрос, связанный с перспективами изменений личности под влиянием специфических требований информационного общества. Информационное общество – это не только (и не столько) техническая характеристика, отражённая в коммуникационных и технологических преобразованиях: телевидении, телефонии, компьютерной технике и Интернете, сколько тенденциозные изменения основных принципов функционирования общества, его институтов. При оценке специфики авторских подходов было выявлено, что изучение метаморфоз в социокультурной сфере мало кем из исследователей воспринималось как первоочередная задача. Это объяснимо, так как большинством магистральных теорий в качестве основы и катализатора формационных преобразований рассматриваются изменения в области производительных сил и форм труда. Не преуменьшая значимости данного направления исследований, необходимо отметить, что изменения различного толка в основных социальных институтах, ответственных за внепроизводственные области, уже происходят. Фундаментальные трансформации в социальном институте экономики опосредуют появление нового типа работника и влекут за собой изменения в социальной структуре, формирование специфической роли высшего образования как инструментального компонента процесса социальной (социоструктурной) организации общества, передачи новых культурных универсалий. Все обозначенные тенденции подводят к конечному ориентиру – как данные изменения будут отражаться на личности информационного периода развития, что будет собой представлять «человек информационный».

И. Масуда придерживался позиции, что ключевым изменением в личности информационного этапа развития станет трансформация её системы ценностей, а именно уничтожение ориентации потребителя. На смену характерной ценности для индустриального общества – потребления, в информационном обществе, по мнению Масуды, в качестве наиболее характерных выдвигаются «информационные ценности» 16, в частности время.

XX век продемонстрировал значительные изменения, происходящие, в частности, в структуре потребления населения стран, находящихся на острие цивилизационного развития. Ставшее нормативным для позднего периода индустриализма общество потребления имеет шансы быть воссозданным и в ценностной структуре общества постиндустриальной стадии развития. Сохранится ли «человек потребляющий» в информационном обществе?!

Эволюция взглядов на потребление восходит к Античности (Аристотель, Платон), где в качестве нормы воспринимался аскетичный образ жизни, ориентация на минимализм. Таких же принципов придерживалась средневековая традиция: потребление рассматривалось как неизбежная черта сущности человека, но его святой обязанностью было самоограничение, стремление избавить себя от искушения. Новое время (А. Смит, Т. Гоббс, Дж. Локк) принесло обществу идею «разумного эгоизма» в лице человека, отказывающегося от

¹⁶ Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash.: Wold Future Soc., 1983. P. 75.

удовлетворения лишь части своих потребностей. Отныне «человек потребляющий» уже не воспринимался как крайняя степень девиации, вопрос лишь состоял в достижении равновесия между потребностями различных людей в рамках межинституционального взаимодействия. Эпоха индустриализации оказала значительное воздействие на эволюцию системы потребления. Выработанная антитеза «производство-потребление» способствовала формированию установки: спрос определяет предложение – развитие потребления есть путь к развитию производства и, посредством него, всего общества. Логика потребления человека эпохи индустриализма меняется от представления об «экономическом человеке» (К. Маркс, М. Вебер), т.е. субъекте, движимом рациональными мотивами, до «человека потребляющего» - личности, из системы ценностей которой изъяты представления о структуре потребления как механизме удовлетворения «нужды». Метаморфозы, трансформирующие систему ценностей потребляющего человека, охарактеризованы абсолютной деформацией первоначальной установки индустриального общества и становлением противоположной: предложение определяет спрос - неконтролируемое развитие науки и техники, опирающееся на совершенные механизмы маркетинга и рекламы, создающие / расширяющие структуру потребления – это и есть рецепт развития общества рубежа XX-XXI веков.

«Потребление задает цели и ориентиры общества, обеспечивая его стабильность и формируя социальную структуру. Человекпотребитель в этом случае – противоречивое соединение рационалистичного субъекта и манипулируемого объекта социального взаимодействия, «актор» и «фактор» современного общества» 17.

Потребление – это путь к конструированию новой социальной среды, либерального общества, делающего личность «свободной», однако это лишь новая иллюзия, лишающая «человека потребляюще-

 $^{^{17}}$ Батюта Е.А. Трансформация «человека потребляющего» при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2008. С. 4.

го» своего собственного «Я». Через потребление создается специфическая «виртуальная» реальность, куда помещается личность в её связи со средой – «симулятивная реальность» или «гиперреальность» (по Бодрийару). «Симулятивная реальность» - сфера, где создаются смыслы жизни современного человека, посредством обмена символов осуществляются взаимодействия людей, данная сфера опосредует социальную структуру общества, создаёт виртуальный образ статуса личности. Благодаря глобализации и созданию каналов массовой коммуникации «симулятивная реальность» становится общезначимой, делая человека «одномерным» и излишне подверженным манипуляции (Г. Маркузе, М. Маклюэн, Ю. Хабермас и др.). Психологической особенностью современного «человека потребляющего» и в то же время основной проблемой, являющейся следствием процессов виртуализации, является преобладание символического контекста, виртуализация личности, её переход в киберпространство. Символическая культура постиндустриального общества обладает качеством фрагментарности, что можно раскрыть посредством трёх характерных особенностей: мозаичности, серийности, дискретности. Данные характеристики преимущественно продуцируются посредством СМИ (телевидением и Интернетом, в частности).

«Симулятивная реальность» обладает специфической формой дискурса, в котором отражаются потребности, желания и установки потребителя. Таким образом, речь идёт о преобладании символического в системе организации постиндустриального общества, взаимодействий в нём. Агентами, создающими символическое наполнение, являются государство, экономика в общем и производство в частности, инструментальная роль отводится СМИ, образованию, культуре. Как следствие, обосновывается особая роль, которой наделяют внепроизводственную сферу в информационном обществе, более конкретно – сферу массовой коммуникации (СМК). В частности, большая содержательная нагрузка ложится на СМИ. Проиллюстрировать данный факт мы можем путём выделения специфической роли современных масс-медиа в процессах освещения международной политики (отражение тех или иных соглашений, договорённостей

и действий акторов), внутренней политики (ключевая роль в процессе проведения избирательных компаний, отражение действий (окраска) акторов политического процесса уже внутри государства), а также экономических, социальных, производственных и других процессах, характерных для периода расцвета информатизации.

Характеристики «симулятивной реальности» как глобальной и всеобъемлющей диктуют необходимость рассмотреть позицию личности в обществе будущего. Тот самый дискурс, который становится определяющим в создании виртуальной реальности нового общества, — это и путь к массовому обществу, личности, неотделимой от тех символов, которые транслируются извне. Способна ли личность избавиться от предопределяющих её поведение символов, которые поступают со стороны общества? Иными словами, может ли представитель постиндустриального общества считать себя самостоятельным / независимым!? «В массовом обществе потребление реабилитируется экономистами и признается важнейшей стороной жизни, но оно подчиняется законам «рыночной стихии» и порождает несамостоятельного, нерационального потребителя-обывателя, утрачивающего свойства свободного субъекта и служащего объектом манипулирования для рыночных сил» 18.

Потреблять – не значит приобрести товар с определённым набором характеристик, это значит приобрести символ, характеризующий принадлежность к тому или иному стилю потребления. Ключевым звеном в деятельности экономического института является создание продукта не столько инновационного в плане технической начинки, сколько в плане расширения (развития) определённых потребительских стандартов. Таким образом, свойства продукта – это виртуальное (символическое) значение, зачастую имеющее лишь иллюзорную связь с объективной полезностью данного продукта. Крайне затруднительно представить, какую роль современная продукция играла бы для представителей другой культуры, а тем более при вынесении за рамки социума вообще: «этот 'предмет' [автомобиль] имеет выдаю-

¹⁸ Батюта Е.А. Указ. соч. С. 6.

щийся дизайн» (Повозка, Российская империя XVI век.); «данная 'деталь' [костюм] как нельзя лучше подчёркивает вашу индивидуальность (ваш стиль)» (Тога, Римская империя I век д.н.э.). В итоге индустрия постиндустриального общества обрастает множеством типических моделей потребления, рассчитанных на целевые аудитории, в рамках которых личности-потребители стремятся развивать собственную «индивидуальность». Привычные границы между элитарной и массовой культурами стираются, образуется разветвлённая схема типизированных моделей потребления. Шаблоны потребительских моделей различаются по субъекту-носителю: территориальные, этнические, профессиональные, демографические, субкультурные и пр. При этом такие факторы, как принадлежность к классу или национальности (мы рассматриваем национальность как государственно-юридический статус субъекта), особо значимые для индустриального периода, более не играют роли в процессе структурирования общества, а следовательно, и не влияют на появление спепотребительских практик. цифических Также результате нарастания глобалистических тенденций происходит постепенное снижение актуальности территориального и этнического факторов. Различия между моделями поведения (а также потребления) жителей города и села постепенно исчезают, аналогичные процессы происходят и с этническими культурами, они оказываются ассимилированными глобальной культурой массового общества.

Современный «человек потребляющий» — существо беспокойное, лишённое ориентира на стабильность. Наоборот, ориентация на изменчивость, мобильность позволяет ему адаптироваться к постоянным переменам в окружающей его жизни, развитию общества в виде развития технологий, наконец, к изменяющимся стандартам потребления. Данная целенаправленно созданная установка — непременное условие функционирования общества потребления.

Тем временем специфика существования «человека потребляющего» скрывает в себе мощный конфликтоген. Личность потребителя, поглощённая «симулятивной реальностью», теряет связь с окружающей его социальной средой (для личности она заменяется вирту-

альным её отражением). Под влиянием тенденции современной культуры в представлении личности закрепляется главенствующая ориентацию на индивидуализм, становление и развитие собственного «Я». Однако внутри самой личности понятие собственного «Я» приобретает иллюзорное значение. Смысл целей и жизненных ориентиров, являющихся для потребителя производными от его индивидуальности, в действительности имеют строго ограниченные источники происхождения — всё ту же массовую культуру. В результате чем больше проявляется стремление личности выделиться из массы «обывателей», продемонстрировать собственную «непохожесть», тем более нормативными и обычными его действия считаются для самой массовой культуры, возводя данную личность в ряды массовых потребителей. Подмена понятий заставляет актора эпохи потребления действовать, редко отдавая себе отчёт об истинных причинах собственной мотивации.

Анализ текущих трендов развития культуры позволяет сделать вывод, что совершенствование и развитие средств массовой коммуникации вкупе с сопутствующими глобалистическими тенденциями – путь к формированию действительно массовой культуры, содержащей унифицированный набор ценностей и норм. В данном контексте значительно возрастает продуктивность целенаправленной регуляции культуры.

Характеристика статуса трансформируется до неузнаваемости: статус «человека потребляющего» низводится к совокупности символов, которые он приобретает в процессе потребления. Процесс идентификации – процедура соотнесения себя с группой на основе сопоставления символов, которыми он располагает. Ориентиром (путём) для изменения (модернизации) идентичности является потребление готовых символов новой идентичности через вещи (новая одежда, телефон, машина – новый Я). Желание приобрести тот или иной предмет в сознании индивида подменяет неосознаваемую потребность обладания каким-либо качеством, свойством, иначе говоря, какой-либо символической ценностью. Физические свойства и характеристики товара становятся малозначительными в сравнении с теми

значениями, образами, что он подразумевает (символизирует) в общественном сознании. Товаропроизводящая экономика трансформируется в экономику по производству символов.

Для потребителя символического контента стёрта грань между реальностью и виртуальностью, точнее - виртуальность заполняет (заменяет) собой социальную реальность. Интегральной ценностью для потребляющей личности становится производство определённых символьных конструктов, встраивающих её в стандарты потребления, транслируемые обществом. Вокруг данной цели личность выстраивает систему мотивации, для достижения которой аккумулируется энергия и предпринимается активность. Он (потребитель) сознательно манипулирует символическими значениями, которыми наделены товары, выбирает товары, имея особое намерение использовать их для создания или поддержания определенного впечатления о себе. С другой стороны, несмотря на то, что современный потребитель является активным манипулятором (актором) символическими значениями товаров, мотивация его поступков является следствием попытки вписать себя в идентичность, навязанную ему извне. Таким образом, современный «человек потребляющий» характеризуется субъект-объектным положением в социальном институте экономики.

Естественным результатом тенденций изменения личности является появление общесоциальной потребности в выработке потребительской компетентности. Оценка данной компетентности носит двоякий характер:

- чисто внешне, описательно это способность расчётливо действовать в условиях свободного рынка, потреблять товары и услуги исходя из рациональной оценки их полезности для актора в соотношении со стоимостным измерением. В таком контексте содержательный смысл компетентности максимально близко приближается к понятию «потребительская грамотность»;
- однако потребительскую компетентность можно рассматривать несколько иначе, как умение оперировать символьными конструкциями для создания определённого представления об акторе в социальном пространстве. Другими словами, речь идёт о способности

рационально решать потребительские задачи и удовлетворять потребности в рамках «симулятивной реальности». «Как сформировать наилучшее представление о себе среди коллег/одногруппников/одноклассников?», «как произвести впечатление на девушку/молодого человека?», «какую субкультурную среду выбрать для развития и совершенствования собственного статуса?» — это лишь небольшой перечень вопросов, которые необходимо решать «компетентному потребителю».

Итогом личностной трансформации является достаточно парадоксальная модель, своеобразный оксюморон: в ней объединяются свойства «экономического человека» – рационального и расчётливого и в то же время «человека потребляющего» – движимого стремлением обладать. Синтетическая модель личности переходного периода представляет собой рационального потребителя, чья мотивация, побуждающая к активности, является производной от символического наполнения, производимого массовой культурой (причём в скрытом от сознания самой личности виде).

Исследование потребностей искусственной надсистемы, воссозданной с помощью иллюзорных артефактов, призванных обеспечить снятие критичности работника к содержанию его нетворческого труда, позволяет сделать главный вывод: у информационно бедного работника отсутствует главная область потребления — потребление своих способностей к труду. Способность к труду творческому нивелируется в исполнительском бедном знаниями труде настолько, что вне потребительских практик человек оказывается лишенным социальной активности, социальной признанности по сравнению с информационной культурой лидеров современного производства.

Очерченные закономерности преимущественно характеризуют переходный период, в рамках которого лишь выстраивается культура посттрансформационная, непосредственно присущая информационному обществу. Что же касается оценки перспективной модели личности информационного этапа, её характерной особенностью, как мы предполагаем, должен быть антагонизм, заключающийся в противопоставлении двух поведенческих практик — двух типов личности:

первый тип, представленный в атавистическом наследии индустриального периода, включенном в «потребительскую культуру», и прямо противоположный второй – продукт «информационной культуры», приобретающей форму компенсации по отношению к пережиткам прошлых исторических эпох. Причём необходимо отметить, что принципиальное значение в плане реализации предначертанных прогнозов имеет институт образования, а именно высшего, который играет роль условной точки бифуркации.

Стоит отметить, что существуют объективные предпосылки к выстраиванию модели всеобщего высшего образования для личности позднего информационного общества. Подобная модель может быть рассмотрена как новая форма утопии, так как в данном случае снимается социоструктурный антагонизм, являющийся основным конфликтогеном до настоящего времени. Это объясняется усложнением требований к личности развитого информационного этапа. В очаге требований к личности находится общекультурная и коммуникативная компетентность, а также ориентация на данном фоне на постоянное развитие (самообразование на всю жизнь). При подобном сценарии очевидно последствие в виде исчезновения противоречия между слоями ввиду всеобщности образования, превращающего самого работника (нового профессионала) в самое совершенное средство производства, саморазвивающееся и не имеющее объективных преград к расширению границ полезности. Такой работник ввиду инновационности и творческого характера его труда, становится наиболее весомой составляющей стоимости производимого продукта (если не единственной в ряде случаев), что в то же время снимает с него напряженность, вызванную отчуждением труда, избавляя от тяготеющего давления со стороны социума или отдельных социальных институтов. Итогом является гармонизация (гомогенизация) социальной структуры. Помимо всего прочего, информационно развитый работник, «новый профессионал», избавляется от зависимостей, свойственных «человеку потребляющему»: развитость коммуникативной компетентности позволяет личности адекватно оценивать коммуникативные свойства продукта, не подменяя реальную полезность продукта иллюзорной, символической полезностью, навязываемой производителем. Эксплуатация невозможна, так как не остается рычагов манипулирования данной группой при межклассовом взаимодействии.

В то же время на пути к модели всеобщего высшего образования существует основное противоречие: целенаправленная самоизолированность от ожидаемой ориентации на саморазвитие (самообразование) части населения. Отказ происходит в пользу нацеленности на инструментальную направленность, т.е. образование (в нашем случае высшее) – это путь к удовлетворению ряда потребностей. Подобный сценарий предполагает минимизацию собственных усилий в плане саморазвития и, как следствие, попадание в зависимость от бесконечно развивающейся информационной составляющей бизнеса (закабаление). Личность становится бездумным потребителем, лишённым критичности в плане оценки тех практик и стандартов поведения, которые транслируются извне. Потенциал личности в данном раскладе постоянно снижается ввиду крайне больших темпов развития общества, где требования к личности имеют перманентную направленность на усложнение, как результат – попадание в категорию «информационных бедняков». Ориентация на инструментальную направленность личности, т.е. стремление к удовлетворению сиюминутных потребностей, страстное стремление к гедонизму - путь к увеличению разрыва между социальными слоями (в сравнении с творческой работой «новых профессионалов»). «Информационный бедняк» не имеет возможности накапливать опыт, ему сложно оценить реальное положение вещей, так как его основной целью является потребление трендов (стандартов поведения), диктуемых массовой культурой. Статусное положение «информационных бедняков» имеет тенденцию к снижению вплоть до ситуации, когда личность больше будет не в состоянии образовываться (развиваться), делает их зависимыми от информационной продукции (оценка объективной стоимости продукта для них затруднена ввиду невысокого интеллектуального развития), в цене которой могут быть скрыты сверхприбыли производителя (искусственное навинчивание цены). Погоня за товарами, неоправданно дорогими, в совокупности с невысоким имущественным цензом заставляет такого работника трудиться всю жизнь, лишь покрывая навязанные ему искусственно потребности, а также воспроизводя свой статус наследственно (ввиду передачи культурной ориентации на отказ от самообразования, передачи деструктивных потребительских установок и отсутствия материальных ресурсов на образование).

В итоге «информационный бедняк» приобретает закабалённое положение, лишая себя пути к саморазвитию, попадая под всё более сложные и изощрённые механизмы принуждения, обрекающие его на «рабский труд». Система экономического принуждения работника к труду, которую описывал К. Маркс, в ходе развития постиндустриального общества не прекращает своё действие, наоборот, механизмы её работы становятся более изощрёнными, полностью перейдя из области физического стимулирования в информационное поле.

- Экономическое принуждение к постоянной работе. Современный наёмный работник, занятый не в сфере информационного труда, вынужден работать без остановки на протяжении всей своей жизни, так как средства, зарабатываемые им, лишь покрывают спектр его основных потребностей: жильё, питание, одежда и некоторые базовые услуги (минимальный досуг, медицинское обеспечение и т.д.).
- Вторым положением, вытекающим из особенностей предыдущего, является характеристика информационного неравенства или информационной бедности как преимущественно наследственной. Слой работников низкостатусного труда не способен обеспечить должный уровень образования ни себе, ни следующему поколению в большинстве случаев (что проявляется и в недостаточном уровне материальной обеспеченности, необходимой для получения образования, а также в отсутствии ориентации на образование / самообразование), что затрудняет возможности вертикальной мобильности и для потомков слоя «новых бедняков». Таким образом, явление передачи статуса по наследству характерно для информационного общества в значительно большей степени, чем для индустриального.

- Третьим механизмом скрытого принуждения работников является создание искусственных потребностей спроса на псевдонужные товары, которые транслируются работнику посредством СМИ, маркетинга и модификаций культуры. В массе создаётся ориентир на своеобразную «гонку вооружений», которая заставляет индивида стремиться к постоянной охоте за «новинками». Для реализации данных потребностей индивид вынужден постоянно работать, чтобы поддерживать приемлемый с точки зрения навязанных ценностей стиль потребления.
- Четвёртым скрытым механизмом экономического принуждения современных работников является кредитная система, которая позволяет обеспечить общепринятую модель потребления, но делает работника при этом всё более и более зависимым от заимствованных средств, «ссудного капитала» 19 и экономических институтов.
- Пятым механизмом, побуждающим работников к низкоквалифицированному или малокультурному труду, является возможность контроля информационного пространства со стороны заинтересованных сторон. Сюда мы можем отнести различные проявления контроля: это и препятствие распространению негативной информации, связанной как с деятельностью отдельных организаций, так и всего социального института экономики; а также создание образа какоголибо объекта (редакция информации, с ним связанной), что также может быть рассмотрено в нескольких плоскостях:
- на уровне конкретной организации или отдельной сферы экономики формирование престижа, который регулирует активность (увеличение-уменьшение) претендентов на рабочие места (предложение работников), следовательно, и конкуренцию, а также интерес со стороны потенциальных инвесторов, отдельных компаний и других агентов экономического пространства;

^{19 «}Ссудный капитал» – совокупность денежных активов, предоставляемых во временное пользование на условиях возвратности, при учёте взимания определённой платы в виде процента.

– на уровне государственной экономики и экономики межгосударственного масштаба – создание ценностных ориентаций для населения и корректировка общепринятых моделей поведения, а также регуляция (макро)экономической и (гео)политической конъюнктур. Иными словами, контроль и изменение «надстройки» в терминах социологии К. Маркса. Отличие состоит в том, что механизмы трансляции принципов и положений «надстройки» для периода прединформационного общества становятся несравнимо совершеннее, за счёт чего изменяются плотность охвата и степень воздействия на население.

Ключевую роль при конструировании границы между типами личности в информационном обществе играет высшая школа. Причём речь идёт не только о процессе формирования определённой компетентностной модели личности в рамках высшего образования, позволяющей оперировать всё усложняющимися потоками информации, синтезировать и преобразовывать информацию. При этом ключевой формой труда является интеллектуальная деятельность творческого характера, направленная на создание инновационного конечного продукта. Другой немаловажной составляющей социального института высшей школы как агента социализации является формирование продуктивной системы ценностей, позволяющей избежать гегемонии потребительских практик.

Показательным с этой точки зрения является разделение студентов высших учебных заведений на антагонистические типологические модели: с одной стороны, личности, в чьей системе ценностей (в том числе и по отношению к образованию) преобладает инструментальная, то есть потребительская ориентация; с другой стороны – личности, у которых прослеживается доминирование терминального типа ценностей, рассматривающих образование (в частности) как самоцель. При подобном ракурсе становится наглядным зачаточное разделение, характерное для информационного общества: на «информационных бедняков» и «новых профессионалов» соответственно. Первый тип рассматривает образование как инструментальную потребность, некий тренд — символ, встраивающийся в сиюминут-

ный стандарт потребления. Результатом данной ориентации является низкая продуктивность образовательного процесса, так как личность стремится минимизировать издержки на пути к достижению своей символической цели. Потребительские установки лишь усиливаются, также повышается управляемость объекта – личность реагирует на запросы, транслируемые извне. Диаметрально противоположный второй тип личности - это рациональная нацеленность на образование как процесс самосовершенствования и саморазвития. Пролонгация подобной ориентации позволяет сконструировать динамичный личностный портрет, обладающий высоким потенциалом адаптивности и саморегуляции, что проявляется в выработке интегральной личностной ценности - стремление к самообразованию на протяжении всей жизни. Более того, творчество, являясь неотъемлемым атрибутом терминальной направленности личности, - это путь к инновационной деятельности, расширяющей грани социальной реальности, совершенствуя общество или отдельные его практики. Также необходимо отметить, что данный тип личности приобретает независимость от воздействия со стороны социума, выходя в надклассовую плоскость. Тем самым с точки зрения позиционирования в социальной структуре двух типов личности, выведенных из преобладающих ценностных ориентаций, - это два противоположных полюса: с одной стороны, не способный к саморазвитию инструментальный тип, обречённый на репродуктивную деятельность и погоню за навязанными символами, и, с другой стороны, терминальный тип, направленный на постоянное саморазвитие и развивающий за счёт продуктивной деятельности окружающее его общество, в то же время приобретая от него же независимость.

При оценке вопроса о возможности построения модели всеобщего высшего образования и влияния высшей школы на социальную структуру информационного общества невозможно не учитывать дополнительный фактор – влияние со стороны бизнес-структур. Экономически активные акторы заинтересованы в развитии информационной составляющей в продукции, т.е. ориентированы на возрастание наукоёмкости производства, расширение границ информатиза-

ции. Одновременно с этим они не заинтересованы в развитии в том же направлении и потребителя, так как нацелены на возможность манипуляции со стоимостью товара (если потребитель некомпетентен). Результатом лоббирования бизнесом своих интересов является блокирование ориентации на всеобщее высшее образование. Напротив, очевидна тенденция к стимулированию сегментации, разделению работников на 2 типа: первый – профессиональные творческие работники, ориентированные на саморазвитие и занимающиеся производством информационного продукта; и второй тип – потребители данного продукта, занятые рутинной деятельностью (классический тип наёмного работника, по Марксу), обеспеченных по минимальному уровню, покрывающему потребности, продиктованные требованиями социума (мода, дорогостоящая высокотехнологическая техника, бренды и т.д.).

Обобщим вышеперечисленные тенденции сохранения информационного рабства в обществе, прогрессирующем на основе интеллектуальной собственности работника: пока существует труд низкостатусный, общество будет заинтересовано в навязывании отдельным работникам ложной информации в области потребностей, создании модели нового «человека потребляющего». Информационное неравенство информационного общества повторяет в превращенной форме институт рабства в Античности. «Недопуск» к умственному труду осуществляется в основном за счет уничтожения потребности в нем у достаточно весомой части населения. Если потребности, которые человек осознает в качестве значимых, соответствуют отсталым, изжившим себя периодам развития (индустриальный – в нашем варианте исследования), то человек не может быть заинтересован в саморазвитии выше наличного уровня запроса на его рабочую силу.

Помимо сложных антагонизмов, единым свойством для личности информационного общества является её публичность. Взамен современного понимания «публичной личности» как некоего представителя элиты, к чьей жизни приковано повышенное внимание, данным свойством оказывается наделён каждый представитель информационной эры от мала до велика. Причиной данной закономерности является погружение каждой личности в единое глобальное информационное пространство и в то же время лишённое всякого рода ограничений. Личность приобретает виртуальную характеристику, представляющую собой массив разнородной информации о какой-либо персоне, оперирование данной персональной информацией становится социально значимой потребностью для любого представителя информационного общества.

Информационное поле предоставляет исчерпывающую информацию о личности: это сфера деятельности, профессия, друзья, область интересов, хобби и т.д. Помимо этого, могут быть зафиксированы отдельные факты биографии, фото- и видеоматериалы с участием индивида, высказывания, в том числе и касательно социально-экономических и политических вопросов, на основании которых можно составить ценностную модель и выявить основополагающие поведенческие установки. Также в информационном массиве зачастую содержатся конфиденциальные данные: место жительства, контактные телефоны, номера банковских счетов и пластиковых карт, паспортные данные и т.п. Таким образом, персональная сопряжённость с информационным полем и даже зависимость от него характерны для любой личности, социализированной посредством культуры общества информационной эпохи.

Подобные тенденции рисуют перспективы возникновения новых вызовов для личности информационного общества — обеспечение «информационной безопасности личности». Данная сфера деятельности, теоретически, должна будет предоставлять целый спектр услуг наподобие «создания благоприятного личного образа в информационном пространстве» или «зачистки персонального имиджа от порочащих фактов биографии».

Обратной, негативной, стороной явления «личность в информационном пространстве» оказывается возможность реализации сценариев, характерных для антиутопий Джорджа Оруэлла и Евгения Замятина 20 : тотальный контроль государства над личностью.

 $^{^{20}}$ Замятин Е. Мы (1920 г.); Оруэлл Дж. 1984 (1949 г.).

§ 4. Жизненные ценности личности как выбор социального вектора в институциональном пространстве общества

Характер жизненного самоопределения, уровень сформированности системы социальных ценностей личности во многом определяют социальную, творческую активность молодого человека как гражданина и будущего специалиста²¹. В первую очередь это проявится в различных отраслях материального и духовного производства современного общества. Уровень сформированности системы социальных ориентаций отражает способность личности сделать собственный социальный выбор в условиях современного общества. При этом следует учитывать, что само российское общество находится в стадии своего собственного выбора и определения пути развития. Социальная ориентация личности, таким образом, обусловливает степень и характер ее будущей самореализации в нашем обществе.

Социальная ориентация представляет собой «стереотипы сознания, служащие ориентирами при определении своего социального и профессионального положения». Существуют различные уровни социальной и профессиональной ориентации. Социальная ориентация – это система жизненных ценностей, которая раскрывает различные формы целеопределения и целедостижительства личности в ус-

²¹ См.: Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1999. 237 с.; Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества: моногр. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та. 2009. 382 с.; Лисовский В.Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование). 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/lisovskiy_cennosti/ (дата обращения: 23.01.2015); Дивисенко К.С. Библиографические исследования жизненного мира // Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 41–45; Лапин Я.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. № 5; Бубнова С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 5. С. 38–44; Долгов Ю. Н. Ценностно-событийный анализ жизненного пути личности: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. 151 с. и др.

ловиях определенной общественной среды (где родился, жил и развивался индивид).

Жизненные ценности есть комплекс различных по своему составу социальных установок, которые находятся в состоянии постоянного движения, изменения, развития, адаптации и перерождения под воздействием как внешних социальных сил (общества, группы), так и самой личности (её морали, культуры, жизненного опыта).

Таким образом, система социальных ориентаций есть «путеводная звезда» в жизни человека, его социальный компас.

Характер формирования личности определяется особенностями процесса институционализации общества как целостной социокультурной системы и спецификой той социальной группы, которая оказывает активное влияние на социализацию личности. Однако, учитывая феномен габитуса²², личность стремится или к самовыражению, или к стереотипному поведению, и как результат это все проявляется в его социальном поведении (рис. 1).

Профессиональная ориентация является составной частью социальной ориентации и формируется на основе общих жизненных ценностей. Критерии выбора социального положения, вида труда, профессии содержатся в ценностных представлениях о жизненном успехе, образовании, общественном положении, трудовой деятельности в целом, профессии, в качествах, необходимых для успешной деятельности в определенной профессиональной области. В данных представлениях отражается прямо или косвенно тип культуры, морали, идеологии, труда, профессиональной деятельности человека. В профессиональных планах, являющихся составной частью жизненных планов, находит наиболее конкретное выражение выбор направлений самореализации и самоутверждения в труде как системе общественных отношений.

 $^{^{22}}$ См.: Бурдье П. Социология социального пространства: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко / Ин-т эксперимент. социол.; М.; СПб.: Алетейя. 2007. С. 288; Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 60–70.

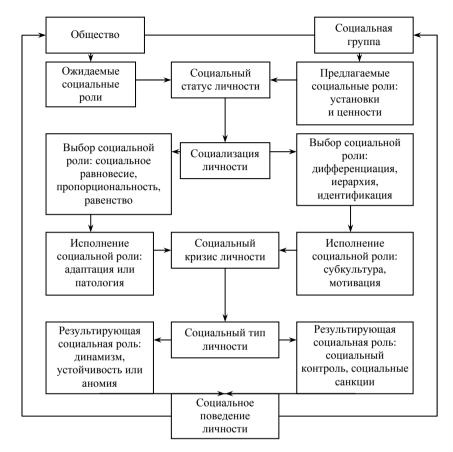

Рис. 1. Формирование социальной модели личности

Итоговыми показателями сформированной социальной ориентации являются отношение личности к жизненному успеху, социальный и профессиональный выбор, характер социальной активности индивида.

Структура жизненных ценностей студентов раскрывает общую культуру этой специфической социальной группы. Общая культура личности может быть рассмотрена через:

• систему жизненно важных потребностей, ценностных ориентаций, мотивов;

• принадлежность личности к конкретной социальной группе, так как выступает носителем субкультуры данной группы. Характер общения личности с членами группы определяет устойчивость социокультурных связей и, следовательно, их ценность для молодого человека.

Структура социальных потребностей современных студентов

В основе ценностных ориентаций личности студента лежит та структура потребностей, которая была сформирована у него в условиях первичной социализации, где главную роль играла семья. В основе показателей системы потребностей лежит теория потребностей, разработанная А. Маслоу²³.

Структуру потребностей студентов проанализируем в рамках активно используемой в практике как обучения, так и управления организацией знаменитой пирамиды А. Маслоу, которая включает следующие показатели:

- первичные потребности (потребности в еде, одежде, отдыхе);
- социальная защищенность, безопасность (уверенность в завтрашнем дне, наличие работы, охрана жизни и здоровья и т.д.);
- принадлежность, причастность (общение, друзья, отношение к группе, развитие коллективистских отношений и т.д.);
- признание, престиж (уважение окружающих, членов социальной группы, общества и т.д.);
- \bullet самореализация «Я» (социальная реализация личности в обществе, в жизни, семье и т.д.).

Сравнительный анализ системы потребностей личности студента позволяет выявить особенности институциональных изменений,

²³ См.: Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://psylib.org.ua/books/masla01/index.htm (дата обращения: 23.01.2015).

которые происходят в общественной жизни на определенных этапах ее развития 24 .

В качестве временного отрезка взяты 1996, 2008 и 2013 годы, которые одновременно завершали период очередного социально-экономического кризиса российского общества и в то же время были началом следующего, еще официально не объявленного, но уже приближающегося кризиса. 1996 год связан с периодом переустройства российского общества после развала в 1992 году СССР, окончанием первой чеченской войны. В то же время этот год предшествовал кризису 1998 года. В 2008 году завершается стабильный период в жизни России (осень 2008 года – мировой финансовый кризис, как очередной кризис капитализма²⁵). В научных публикациях российских экономистов период с 1998-го по 2008 год обозначен как «зарождение внутренних механизмов циклического развития или импортирование мировых потрясений»²⁶. 2013 год – предшествовал кризису 2014 года. Период с 2008-го по 2013 год отмечается низким уровнем социальной напряженности в молодежной среде²⁷.

Именно к 1996, 2008 и 2013 годам у людей появляется ощущение некой стабильности, так как они начинают постепенно адаптироваться к посткризисным условиям жизни, следовательно, меняется система социальных потребностей. Наиболее ярко этот процесс наблюдается на примере студентов, так как эта молодежная социальная группа активно реагирует на институциональные изменения общества (табл. 11).

 $^{^{24}}$ Социологические исследования проведены в апреле, мае 1996, 2008 и 2013 гг. В исследованиях приняли участие студенты Пермского национального исследовательского политехнического университета. В 1996 г. опрошено 407 студентов, в 2008 г. – 512 студентов, в 2013 г. – 612 студентов.

²⁵ См.: Ленин В.И. Империализм как высшая стадия развития капитализма / Полн. соб. соч., изд. 5-е. 1960. Т. 27. С. 299–426.

 $^{^{26}}$ Белянова Е.В., Николаенко С.А. Экономический цикл в России в 1998–2008 годах: зарождение внутренних механизмов циклического развития или импортирование мировых потрясений // Экономический журнал ВШЭ. 2012. № 1. С. 31–57.

²⁷ См.: Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад; Ин-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ. М., 2011. 304 с.

Таблица 11 Структура социальных потребностей студентов в зависимости от социального времени и пола (% от числа опрошенных)

Социальные	Всего по массиву			Юноши			Девушки		
потребности	1996	2008	2013	1996	2008	2013	1996	2008	2013
Первичные потребности (еда, одежда, отдых)	38,3	47,5	80,2	43,6	49,3	74,0	31,8	50,6	84,4
Безопасность, защищенность	25,5	36,8	56,4	32,7	31,7	49,2	16,5	46,0	61,0
Принадлежность, причастность	52,6	57,4	36,0	50,9	56,5	37,6	55,3	61,5	35,2
Признание, престиж, уважение	26,0	39,4	47,8	31,8	37,4	45,8	18,8	44,5	49,2
Самореализация личности	53,1	66,4	71,4	47,3	70,5	75,0	51,2	67,2	69,2

Результаты проведенных исследований показали, что за исследуемый период времени социальная масса потребностей постепенно увеличивалась. Исключение составляет такая потребность, как принадлежность, причастность, где наблюдается обратная зависимость. Так, в 1996 году на эту потребность ориентировалось 52,6 % студентов, тогда как в 2013 году только 36,0 %.

В то же время мы наблюдаем изменение приоритетности потребностей. Так, потребность в самореализации, имеющая наибольшее значение для студентов 1996 года, «уступила пальму первенства» первичным потребностям (соответственно 71,4 и 80,2 % в 2013 году). При этом следует отметить, что первичные потребности и потребность в социальной защищенности, безопасности возросли в два раза (первичные потребности в 1996 году — 38,3 %, в 2013 году — 80,2 %, потребность в социальной защите в 1996 году — 25,5 %, 56,4 % в 2013 году).

Рассмотрим более подробно характер структуры социальных потребностей студентов по годам (рис. 2).

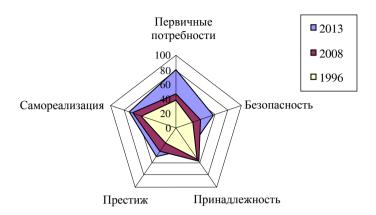

Рис. 2. Структура социальных потребностей студентов в 1996, 2008 и 2013 годах (%)

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Начало 1990-х — «шоковая экономическая терапия», привела к стагнации системы потребностей россиян, что отразилось в структуре потребностей студентов, которая сжалась как шагреневая кожа.

В то же время в 1996 году сохраняется структура потребностей, свойственная советской культуре, то есть большое значении имеет самореализация личности, принадлежность к социальной группе, что характеризует ориентацию на всестороннее развитие личности и коллективистские ценности.

К 2008 году конфигурация структуры социальных потребностей сохраняется, а вот социальная масса увеличивается. Это говорит о том, что у студентов появляются возможности для реализации своей системы потребностей.

2013 год отмечается изменениями социальной конструкции структуры потребностей. При значительном увеличении социальной массы начинают доминировать первичные потребности, возрастает потребность в социальной безопасности и социальной защите. В то же время ощутимо снижается потребность в причастности и принадлежности к социальной группе. Самореализация, признание,

престиж сохраняют свою идентичность в 2008 году, хотя и здесь мы наблюдаем увеличение социальной массы данных потребностей.

Гендерный аспект анализа позволяет понять, как в условиях неустойчивой, неопределенной социальной среды, при переходе от одной социально-экономической формации к другой происходит изменение социально-ценностной системы личности и социальных групп по гендерному признаку (рис. 3, 4).

Рис. 3. Структура социальных потребностей девушек в 1996, 2008 и 2013 годах (%)

Рис. 4. Структура социальных потребностей юношей в 1996, 2008 и 2013 годах (%)

Наибольшим динамизмом отличается структура потребностей девушек. В 1996 году объем социальной массы был незначительным, что можно соотнести с ярко выраженными процессами дискриминации женщин начала 90-х, когда они оказались на «обочине истории российского общества»²⁸. Каждая вторая девушка ориентирована на самореализацию себя как личности в социальной группе. Только каждая пятая студентка отметила наличие у себя потребности в престиже, признании и потребность в социальной защите. Такое противоречие в структуре потребностей, тем более в условиях дискриминации женщин того периода, говорит о сложившемся в российском обществе гендерно-социальном парадоксе. С одной стороны, общество не способствует общественной реализации женщины, с другой – девушки сохраняют устойчивую установку на возможность проявить себя в обществе. При этом такая ситуация не снижает порог страха, что проявляется в низкой оценке потребности в социальной безопасности. Однако именно такая социальная парадоксальность 90-х привела к активному развитию в системе потребностей девушек в последующие годы потребности в социальной защите и безопасности, при этом уровень социальной неопределенности снизил положительную оценку роли и места социальной группы как фактора защиты. Многократно увеличилась ценность первичных потребностей. Потребности в самовыражении и престижи практически с 2008 года по 2013 год не претерпели изменений.

Юношам свойственно постепенное нарастание социальной массы потребностей по всему спектру, исключение составляет потребность

²⁸ См.: Условия труда и быта женщин, стат. сб.; Информационно-издательский центр по статистике. М., 1992. 124 с.; Труд и занятость в России, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_36/IssWWW.exe/ Stg/d1/01-20.htm (дата обращения: 22.01.2015); Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? / под ред. М.К. Горшковой, Н.Е. Тихоновой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002; Здравомыслова О.М. Гендерные аспекты современных российских трансформаций: проблемы методологии исследования / Интфилософии РАН. М., 2008. 50 с.; Ходкина З.А. Гендерная асимметрия в сфере занятости // Материалы 1-й Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям / ред. О.А. Воронина, З.А. Ходкина, Л.Г. Лунякова / МЦГИ. М., 1997. С. 60−65.

в принадлежности к группе. Это единственная потребность, динамика которой одинаково проявляется в обеих гендерных группах по годам. В то же время в период с 1996 по 2008 год у юношей отмечается устойчивость такой потребности, как потребность в престиже, безопасности, причастности. Наиболее востребованными к 2013 году становятся потребности в самореализации, безопасности и престиже.

Сравнение динамики формирования системы потребностей по годам в гендерных группах показало, что в 1996 году системы потребностей имели разные конфигурации, к 2013 году происходит выравнивание их структур (рис. 5, 6, 7).

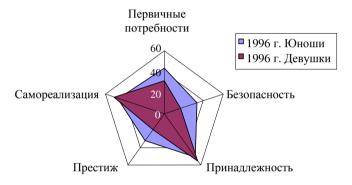

Рис. 5. Структура потребностей юношей и девушек в 1996 году (%)

Рис. 6. Структура потребностей юношей и девушек в 2008 году (%)

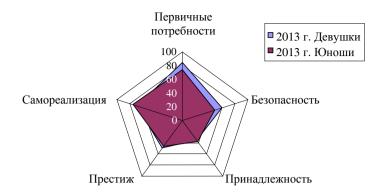

Рис. 7. Структура потребностей юношей и девушек в 2013 году (%)

Следовательно, перед кризисом 2014 года в молодежной среде была сформирована такая структура потребностей, которая характерна как для девушек, так и для юношей.

Основным выводом проведенного анализа является тот факт, что структура потребностей у студентов находится в социальном противоречии между потребностью «самореализация личности» и удовлетворенностью «первичных потребностей». Эти две группы потребностей одинаково важны для молодежи. Однако между ними в соответствии с теорией потребностей А. Маслоу находятся другие потребности, удовлетворение которых может преодолеть путь от первичных потребностей к потребности «самореализации личности» как высшей социальной потребности (рис. 8).

Почему проявляется такая «несогласованность» в иерархии потребностей по А. Маслоу с реальной картиной системы потребностей современных российских студентов?

Во-первых, в системе данной группы потребностей можно выделить две социально значимых группы:

• потребности «целеопределения»: первичные потребности, отвечающие за поддержание биологического состояния человека и потребность в самореализации личности как высшей социальной потребности;

Рис. 8. Структура потребностей по А. Маслоу

• потребности «целедостижительства»: потребности в безопасности, признании, престиже.

Если первая группа потребностей является в большей мере иррациональной и соответствует сущности Homo-sapiens, sapiens (человек разумный, разумный), то вторая группа потребностей отражает рациональность институционализации исторического времени социальной практики человека. Современные студенты есть социальный продукт конца XX и начала XXI века. Это время отмечено формированием Homo-economics (человек экономический).

Следовательно, первая группа потребностей формируется под воздействием исходно заложенных признаков человека как биологического и социального существа (человек должен поддерживать свое биологическое и социальное естество), вторая группа зависит от институциональных средств и условий жизни человека в конкретном обществе в конкретное социальное время.

В нашем случае мы имеем две потребности – потребности «целеопределения», которые социально уравновешены, хотя находятся на противоположных полюсах структуры потребностей. В ситуации, когда система потребностей «не укомплектована» потребностями «целедостижения» (безопасность, принадлежность, признание), по-

требности «целеопределения» превращаются в иллюзию. Это состояние проявляется в социальном и психическом нарушении целостности личности, что в конечном счете приводит к изменению его социального поведения²⁹. Такая ситуация может способствовать повышению психического и социального напряжения личности, повышению уровня ее неудовлетворенности своим местом и ролью в обшестве.

Таким образом, возникает вопрос соответствия структуры социальных потребностей студентов, ценностных ориентаций и мотивов как факторов, обусловливающих социальное поведение личности в условиях стабильности и кризиса общества.

Структура ценностных ориентаций студентов

Система ценностных ориентаций студентов формируется под воздействием той структуры потребностей, которая сформировалась у молодого человека в период первичной социализации.

Для сравнения сопоставим социально-ценностные ориентации студентов 2002, 2008, 2013 гг. (табл. 12).

2002 год характеризуется, с одной стороны, преемственностью власти (Б.Н. Ельцин – В.В. Путин), с другой стороны, это начало новых институционально-системных изменений в российском обществе как следствие кризиса 1998 года. В определенной степени институциональные изменения в это время носят слабо выраженный характер, что вполне объяснимо институциональной инертностью, обусловленной особенностями культуры российского общества³⁰. В то же время экономисты настаивают на возможности активировать

²⁹ См.: Распространенность психических заболеваний [Электронный ресурс]. URL: http://www.psychiatry.ru/lib/54/book/28/chapter/100 (дата обращения: 24.01.2015); Социально значимые заболевания населения России в 2013 году (статистический материал) [Электронный ресурс]. URL: http://psychiatr.ru/download/1821?view= 1&name=Заболеваемость+2014.pdf (дата обращения: 24.01. 2015); Староверова И.В. Факторы девиации сознания и поведения российской молодежи // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 107–117.

³⁰ См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

институциональные изменения через механизмы управления, создавая новые экономические институты³¹.

Таблина 12 Структура ценностных ориентаций студентов (% от числа опрошенных)

Панности и орнантании	Всего по массиву*					
Ценностные ориентации	2002	2008	2013			
Социально-базисные ценности						
Семья, любовь	51,0	55,0	65,7			
Уверенность в завтрашнем дне	60,0	61,3	51,6			
Материальный достаток	62,0	60,7	52,3			
Социально-адаптационные ценности						
Умение приспосабливаться к жизни	84,0	75,2	73,5			
Хорошее здоровье	73,0	61,9	58,5			
Наличие друзей	78,0	59,3	52,6			
Социально-регулирующие ценности	4					
Образованность, культура	40,0	49,2	35,6			
Добропорядочность, честность	43,0	39,3	43,1			
Профессия	43,0	32,3	25,8			
Социально-результирующие ценности						
Дети	37,0	28,4	34,3			
Служебная карьера	36,0	38,9	29,4			
Бизнес	35,0	28,4	22,5			

Примечание. В исследованиях приняли участие студенты ПНИПУ, в том числе: в 2002 г. опрошено 938 студентов, в 2008 г. – 512 студентов, в 2013 г. – 612 студентов.

Таким образом, в период 2002-2013 годов мы наблюдаем процесс «насильственного» институционального управления общественной жизнью, попытку институционально-экономическими рычагами изменить социально-культурную сущность российского обще-

³¹ См.: Институты: от заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений / Я.И. Кузьминов, В.В. Радаев, А.А. Яковлев, Е.Г. Ясин. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2005. 54 с.

ства. Как эта ситуация отразилась на структуре ценностных ориентаций молодых людей?

Проведенные нами исследования показали, что за период институциональных изменений 2002–2013 годов социально-ценностная масса уменьшилась, хотя особых структурных изменений не произошло, за исключением структуры социально-базисных ценностей. Здесь приоритеты изменились – «семья, любовь» возвращают свое ценностное первенство. Если обратиться к истории формирования социальных ценностей, то как раз даже в условиях институционального кризиса 1984 года в СССР ценности «семья, любовь» занимали первое место в системе жизненных ценностей, тогда как ценность «материальное благосостояние» – 4-е³². Возрастание ценности семьи обусловило возрастание ценности детей, которая к 2008 году была одной из самих невостребованных ценностей.

Гендерная характеристика структуры жизненных ценностей отражает сформированную у студентов систему социальных потребностей. Приближение структуры потребностей девушек к аналогичной системе потребностей у юношей к 2013 году отразилось в структуре ценностных ориентаций студентов (рис. 9).

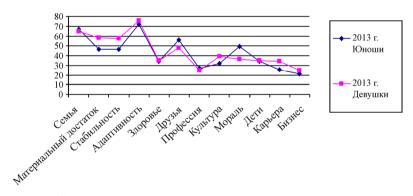

Рис. 9. Структура жизненных ценностей студентов в 2013 году (%)

³² Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества: моногр. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 382 с.

В то же время наблюдаются некоторые различия в таких подсистемах, как социально-базисные ценности, социально-регулирующие ценности и социально-результирующие ценности. Девушки более ориентированы на материальные ценности, стабильность, карьеру. У юношей по сравнению с девушками доминируют ценности общения (друзья) и моральные ценности (добропорядочность, честность).

В период институциональных изменений с 2002 по 2013 год, и кризиса 2008 года в системе жизненных ценностей студентов наблюдается ослабление таких ценностных аспектов, которые носят экономический характер: материальный достаток (62,0 % в 2002 г. и 52,3 % в 2013 г.), наличие профессии (43,0 и 25,8 % по годам), служебная карьера (36,0 и 29,4 %), занятие бизнесом (35,0 и 22,5 %).

Таким образом, предположение институционалистов-экономистов о том, что достаточно изменить правила игры на экономическом поле, создать новые институты, внедрить практику «мониторинга экономического и социального поведения акторов» не оправдались. За прошедший период институциональные реформы привели к снижению социального качества жизненных ценностей экономического «профиля» и, наоборот, возродили исконно ценностные социальные ориентиры в среде молодежи.

Однако если институциональные условия будут продолжать находиться в противоречии с ценностной системой личности, это может усугубить общий социальный фон общественной жизни.

Роль высшего образования в структуре жизненных ценностей студентов

Чтобы жить в условиях рыночных социально-экономических отношений, студенты должны осознавать не только социальную ценность этого общества, но и видеть себя в условиях этого общества. Чтобы выжить и адаптироваться в этих условиях, студен-

там приходится делать социальный выбор своего места в этом обществе 33 .

Поколенный срез показывает, какие изменения произошли в системе социальных ценностей личности под воздействием социально-экономических преобразований в российском обществе. Сравнительный анализ социальных ценностей студентов за пятилетний период (2008–2013 гг.) позволит понять, как влияет политическая, экономическая и социальная ситуация в обществе на характер социального выбора молодого человека.

Студенты – это обучающаяся молодежь. Следовательно, ценность образования есть качественная характеристика образа жизни современного молодого человека.

В структуре ценностей образования продолжает присутствовать два культурных феномена: 1) *традиционный*, сформированный в условиях советского периода, – ориентация на всесторонне развитую личность; 2) *прагматический*, свойственный капиталистическому обществу, – ориентация на потребности рынка труда и стремление к обеспечению широких материальных перспектив в жизни (табл. 13).

Таблица 13 Ценность высшего образования как характеристика образа жизни студентов (% от числа опрошенных)

Роль высшего образования	Всего			Юноши		Девушки	
в обществе	1984	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Всесторонне развивает способ-							
ности личности	51,1	60,7	52,0	54,6	50,9	85,5	53,1
Формирует научное мировоз-							
зрение	25,1	25,1	17,3	28,1	23,3	23,8	10,9

 $^{^{33}}$ См.: Разинский Г.В. Молодежь в структуре городского социума // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та. 2011. С. 152–155.

Окончание табл. 13

Роль высшего образования	Всего			Юноши		Девушки	
в обществе	1984	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Дает возможность приносить наибольшую пользу обществу	34,1	14,8	15,7	16,9	20,1	13,6	10,9
Готовит к квалифицированной профессиональной деятельности	65,9	57,5	61,4	53,5	54,7	60,8	68,7
Готовит к научной, исследовательской работе	17,4	9,4	8,2	12,7	10,1	7,7	6,1
Обеспечивает широкие материальные перспективы в жизни	20,0	50,1	47,1	53,5	45,9	49,2	48,3
Формирует необходимые культурные навыки общения дома,	20.1	24.1	167	21.2	17.6	26.2	15.6
в быту, в семье	38,1	24,1	16,7	21,2	17,6	26,3	15,6
Соответствует требованиям рын-ка труда		23,1	20,9	26,5	22,6	21,3	19,0
Повышает конкурентоспособность на рынке труда	8,5	27,9	34,0	28,5	29,6	28,1	38,8

Примечание. Исследование проведено на базе ПНИПУ. Опрошено: $1984 \, \Gamma$. $-792 \, \text{студента}$, $2002 \, \Gamma$. $-938 \, \text{чел.}$, $2008 \, \Gamma$. $-512 \, \text{чел.}$, $2013 \, \Gamma$. $-612 \, \text{чел.}$

В целом можно говорить о том, что ролевые позиции современного образования демонстрируют активный процесс перехода к модели ценностей капиталистического общества. Постепенно, но необратимо утрачиваются общественно значимые, мировоззренческие ценности образования, ценность образования как условие развития научного потенциала общества, ценность образования как средства формирования личности. Студенты изначально строят свою социальную карьеру на необходимости иметь такой социальный багаж, как высшее образование. Однако высшее образование в условиях современной России не является гарантией для получения на рынке труда интересной и содержательной работы. И как следствие этого образование начинает терять свои ролевые позиции по всему социальному спектру личностных предпочтений студентов.

Изменение структуры мотивов наводит на мысль о повышении числа так называемых «социально демотивированных» студентов. Для таких студентов образование выступает как атрибут современной жизни, то, без чего сегодня нельзя сделать социальную карьеру. Содержание образования как социального качества жизни подменяется статусными ценностями (табл. 14).

Таблица 14 Мотивы выбора высшего образования студентами (% от числа опрошенных)

Мотивы	2002	2008	2013
Без высшего образования нельзя заняться интересной			
и содержательной работой	53,5	40,6	26,5
Без высшего образования нельзя сделать карьеру	63,5	52,3	51,3
Высшее образование гарантирует хорошее материаль-			
ное положение	35,2	32,4	25,8
Высшее образование открывает путь к высокой куль-			
туре, всестороннему развитию личности	52,6	34,6	33,0
Люди с высшим образованием пользуются большим			
уважением в обществе	32,7	26,8	22,2
Высшее образование – это гарантия от безработицы	17,1	13,1	12,3
Ваши родители настояли на получении вами высшего			
образования	19,4	16,5	13,1

Выбор конкретного вуза определяется многими социальными факторами (табл. 15).

Для технического вуза, который в 90-е и в начале 2000-х переживал социальный кризис, связанный с изменений профессиональных приоритетов молодежи на рынке «образовательных услуг», наступило более благоприятное время. За прошедшее десятилетие статус технического вуза начинает набирать былую силу. Повышается интерес к инженерным специальностям, возрастает спрос на данные профессии на рынке рабочей силы. Политех сохраняет высокий престиж в городе.

Таблица 15 Структура мотивов выбора учебного заведения студентами (% от числа опрошенных)

Мотивы	2002	2008	2013
Вам интересна специальность, которую вы можете получить в этом вузе	67,5	46,3	51,0
Специальность, которую вы получаете в данном вузе, позволит занять более высокое положение в обществе	20,2	16,8	21,6
Диплом данного вуза гарантирует получение работы на рынке труда	23,5	22,5	29,1
Вам было все равно, в каком вузе учиться, лишь бы только получить диплом о высшем образовании	13,2	15,1	12,1
В этот вуз поступали ваши друзья, и вы решили поступать вместе с ними	7,6	8,3	9,8
В этот вуз был невысокий конкурс	11,5	12,1	4,6
Этот вуз пользуется более высоким престижем по сравнению с другими вузами города	25,1	28,9	38,6
Полученное в этом вузе образование поможет вам в будущем открыть собственное дело	26,2	10,1	15,6
В этом вузе наряду с учебой хорошо организован досуг студентов	7,3	6,9	6,5
Учеба в этом вузе позволяет избежать призыва в армию	12,7	10,0	6,5

Сравнительный анализ ценностно-мотивационной структуры современных студентов позволяет сделать один очень важный вывод: высшее образование в современном российском обществе рассматривается с позиции прагматизма и функционализма. Роль образования в обществе принимает формальный характер, диплом является «кредитной картой» на рынке труда. Именно прагматизм определяет выбор вуза студентом.

Таким образом, социальные ценности личности представляют собой социальный вектор жизненного выбора.

Управление институциональными изменениями общества может быть эффективно, если новые институциональные средства адаптив-

ны к ценностной культуре личности, если институциональные ценности культивируют социально значимые ценности человека социального.

§ 5. Общение в информационном обществе

Умение общаться с людьми – такой же покупаемый за деньги товар, как сахар или кофе. И я готов платить за это умение больше, чем за какой-либо другой в этом мире товар.

Дж. Рокфеллер

Вхождение мирового сообщества в стадию информационного общества, чрезвычайная сложность и противоречивость объективных процессов глобализации привели к формированию в социологии направления, исследующего особый феномен — информационно-коммуникационное пространство (ИКП). Тем самым теоретический дискурс относительно устройства современного общества и ключевых социальных факторов, влияющих на его структуру, экономику, политику и культуру, дополняется анализом информационного пространства как новой составляющей мирового развития, создающей качественно новые условия для развития и общения личности. ИКП, обретая реальные черты современной цивилизации, отражает сущностные характеристики информационного общества. Информированность, информация и знания становятся сущностными ценностями.

Создание современной информационной среды, появление Интернета, многообразие социальных практик, становление новых социальных институтов, развитие коммуникационных технологий, динамизм современной эпохи актуализируют научный подход к анализу перемен. Неопределенность и нестабильность мира, социообразующая роль информации в целом требуют принципиально иных исследований, поиска нетривиальных решений противоречий мирового развития, а также выявления в этих условиях меняющихся ценностных ориентиров личности.

Достижения научно-технической революции, переход к новой энергетической базе экономического развития, выдающиеся открытия в теоретической и экспериментальной физике, математике, появление на основе фундаментальных наук множества прикладных дисциплин формируют с середины XX века основные черты новой цивилизации. Именно в этот период рождается наука, в последующем — самая динамичная и революционная — кибернетика. Вместе с тем условия биполярного мира, военное противостояние сверхдержав во всех уголках земного шара, идеологический «железный занавес» давали преимущество развитию направлений, имевших прежде всего военное значение. Апогеем стал выход человека в космическое пространство и его техническое освоение.

В 70-е годы XX века начался второй этап научно-технической революции, когда определяющая роль принадлежала фундаментальным открытиям в химии и квантовой физике, благодаря которым началось производство материалов с заданными параметрами, появились лазерные технологии и многое другое. Создаются материальные предпосылки для перехода от крупных автоматизированных производственных комплексов к компьютерной технике на основе микроэлектроники.

80-е годы прошлого столетия дали человечеству принципиально новый способ коммуникации, получения и хранения информации – Интернет. Появление «Всемирной паутины», виртуального пространства — событие нового этапа формирования человеческой цивилизации практически во всех сферах жизни общества. Овладение новыми технологиями перестает быть уделом избранных, становится образом жизни, обыденностью, «вплетается» в повседневную жизнь людей. Дополняет изменения стремительное распространение сотовой связи, претерпевающей качественные перемены, превращающие современный сотовый телефон в неотъемлемую часть глобального информационно-коммуникационного пространства.

Таким образом, высказанная учеными в середине XX века прогностическая мысль о возрастании роли информации в развитии общества и общих контурах возможных социальных перемен подтвер-

ждается. В то же время анализ разноплановых возможностей распространения информации, формирование современной информационной среды требуют новых подходов, создания иных инструментов измерения масштабов перемен и их социальных последствий.

Одним из значительных и плодотворных научных знаний является теоретическая разработка проблем, связанных с *информацион- но-коммуникационным пространством*. Этот термин появляется в начале XXI века и становится одним из наиболее популярных в поисковых системах Интернета. Так Yandex по состоянию на май 2014 года дает ссылки на 2 млн страниц. Вместе с тем, пока не сформировано научное определение этого социального феномена, сам термин зачастую используется с разной семантической основой.

Смысловое пространство формируется и развивается вместе с основными этапами человеческого общества, наполняясь в каждом из них новой социальной сущностью, формирующей предпосылки для дальнейшего развития. Выдающееся место принадлежит гениальным изобретениям человеческого разума: науке, письменности, развитию путей и средств сообщения, книгопечатанию, книгоиздательству, средствам массовой информации (СМИ), телеграфу, телефону, радио, звукозаписи и звуковоспроизведению, кинематографу, телевидению и др.

Теоретические основы коммуникации, осознание значения информационных процессов в жизни общества берут свое начало в период генезиса современного комплекса научного знания об обществе, т.е. со второй половины XIX века. В работах классиков социологии представляются, трансформируются основные понятия, формируется категориальный аппарат и первые обобщающие теории коммуникации. Вместе с тем преимущественное внимание обращалось на оценку речевых и письменных каналов коммуникационного воздействия (область филологии), а сам процесс коммуникации понимался как факт передачи, восприятия, переработки и понимания сообщения, что в дальнейшем использовалось как основа для консо-

лидации или деструкции общественных отношений³⁴. К началу XX века коммуникация в основном определялась как *«общение»*, *«понимание»*, и *«смысл»*. Пространственная же тематика оставалась объектом исследования математики, физики, географии. Историки, социологи уже пытаются установить взаимосвязь пространственных характеристик с общественными процессами.

Несомненным приобретением социальных наук XX века стала разработка тем, связанных с понятием *«социология пространства»*, введенным немецким ученым Г. Зиммелем в 1903 году. В своей основательной работе *«Социология»* он подчеркивает необходимость *«синтеза пространства»*, вкладывая в это понятие совокупность множества одновременно привходящих факторов в одном и том же пространстве³⁵. В начале 20-х годов XX века М. Вебер также уделял внимание этой проблеме, обращаясь к пространственному анализу городов в мировой истории, раскрывая их смысл как центров будущих коренных перемен³⁶, когда само городское пространство предстает пластичным и действенным.

С 30-х годов центр мировых исследований коммуникации в пространстве перемещается в США, где наука обеспечивается значительной государственной поддержкой. Проблематика коммуникации превращается во влиятельное научное направление, изучающее конкретные изменения в жизни американского общества. Опыт распространяется и на другие государства.

_

 $^{^{34}}$ См.: Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. М.: Либроком, 2011; Спенсер Г. Основания социологии. СПб.: Алетейя, 1998; Гумплович Л. Основы социологии. М.: Editorial URRS, 2010; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991; Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996; Тард Г. Социальные законы. М.: Editorial URRS, 2009; Тённис Ф. Эволюция социального вопроса // Тексты по истории социологии XIX—XX вв. Хрестоматия. М.: Наука, 1994; Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

³⁵ Simmel G. Der Raum und die r\u00e4mlichen Ordnungen der Gesellschaft // Soziologie: Untersuchungen \u00fcber die Formen der Vergesellschaftung. Leipzich-M\u00fcnchen: Duncker & Humblot, 1908. S. 461.

 $^{^{36}}$ Вебер М. Город // Вебер М. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. С. 333—488.

Рационализация производства, повышение производительности труда путем перехода к *«конвейерному»* принципу организации производственного цикла, поиск путей стимулирования труда, создание эффективной системы организации управления приводят к появлению отдельной отрасли коммуникации – *организационной*, в ее основной форме – управлении (*менеджменте*), то есть к *«научному управлению»*. Основная идея состояла в обеспечении максимальной прибыли для предпринимателя в соединении с максимальным благосостоянием каждого работника³⁷. Классическая *«административная»* школа управления в 30-е годы дополняется созданием *«школы человеческих отношений»*, с применением научных разработок социологов, психологов, успешных менеджеров³⁸. Их основной ценностью является определение универсальных принципов, функций управления и интегрирующей роли коммуникации в организации.

Социологические исследования соответствующего смысла выявили важность и перспективность пропагандистских кампаний с помощью инструментов массовой коммуникации и привели к появлению теоретических работ в этой области. Наибольшее влияние на теоретические представления о пространственных и коммуникационных проблемах оказала чикагская школа социологов³⁹. В работах Р. Парка, Э. Берджесса, Р. Маккензи характеристики социальной действительности получили развитие в социологических исследованиях городского пространства. Важной стала доктрина о взаимодей-

-

 $^{^{37}}$ См.: Управление — это наука и искусство / А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тэйлор, Г. Форд. М.: Республика, 1992.

³⁸ См.: Друкер П. Классические работы по менеджменту. М.: Альпина Бизнес Бук, 2008.С. 16–18.; Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 2002. С. 67–70.

³⁹ См.: Мозолин А.В. Исследования пропаганды в теориях массовой коммуникации [Электронный ресурс]. URL: www.rc-analitik.ru/teoriya_i_metody/; Обремко О.А. Чикагская традиция и политическая наука Гарольда Лассуэлла // Социологический журнал. 1994. № 1; Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2005; Джефкинс Ф., Ядин Д. Паблик рилейшнз: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

ствии человека и окружающей среды как центральная составляющая взаимодействия и продуктивного влияния на формирование самого пространства 40 .

Созданная в конце 40-х годов теория коммуникации позволила на новом теоретическом уровне обосновать основные понятия: «коммуникация», «социология коммуникации» и «социальная коммуникация». В 70-е годы научная мысль дополняется «петлей обратной связи», а сам термин «коммуникация» представляется как результат достижения соответствия между исходным и конечным «значением». Тем самым преодолевались однонаправленность и линейность, фиксировалось наличие обратной связи в коммуникации⁴¹.

Переход к «неклассическим» концепциям коммуникации происходил на основе системного подхода, вошедшего в арсенал мировой социологии⁴². Основной задачей теоретических исследований становится поиск ответа на вопрос: «Каким образом возникает новый тип эффекта овеществления, и почему эти эффекты сегодня проявляются, прежде всего, в коммуникационно-структурированных сферах действия» В процессе коммуникации субъекты постигают правила и способы достижения взаимопонимания, а условия взаимопонимания заложены в структуре речи. Таким образом, цель коммуникации задает нормы коммуникационного взаимодействия. Чтобы

_

 $^{^{40}}$ См. например: Маккензи Р.Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Серия 11. Социология. 2000. № 4. С. 136–152.

 $^{^{41}}$ Грачев М.П. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 31–32.

⁴² Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология. М.: Университет, 2002. Ч. 2; Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125; Луман Н. Невероятность коммуникации [Электронный ресурс]. URL: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_c.html; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001; Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

⁴³ Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.znl.boom.ru/bibl/Hbrms.html.

достичь взаимопонимания, субъекты используют различные средства языка.

На основе упомянутых исследований формируется теория «соииального пространства» с гипотезой о том, что наряду с естественной природой (физическим пространством), антропогенным (измененного человеком) пространством существует также социальное пространство, содержащее многообразные формы взаимодействия (коммуникации) между людьми, социальными структурами и институтами. В свое время австрийский социолог и философ А. Шюц назвал социальное пространство «миром рабочих операций», являющимся главенствующим по отношению к внутреннему миру человека⁴⁴. А немецкий философ М. Хайдеггер основным содержанием процесса освоения социального пространства считал создание определенной картины мира (мировоззрения), важной чертой которой является её разнообразие. Борьба мировоззрений приводит в действие «неограниченную мощь всеобщего расчета, планирования и организации» 45. А. Лефевр и М. Фуко дополняют мысли философа о пространстве как социально продуцированном феномене. Так, М. Фуко, рассматривая влияние пространства городов, местных сообществ на социальные отношения, отмечает исторические перемены в пространственном мышлении (иерархии мест): в Средние века – локализация, в Новое время – протяженность, а в ХХ в. – отношения соседства между точками и элементами 46. А. Лефевр рассматривает пространственные изменения через призму производительных сил и производственных отношений. На примере становления и развития капитализма ученый раскрывает объективный смысл освоения пространства как процесс, названный им «спатиализация» (производст-

⁴⁴ Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. T. 3, № 2. C. 15.

⁴⁵ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.

С. 52. 46 Фуко М. Другие пространства / Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. Статьи и интервью 1970-1984. М.: Праксис, 2006. С. 217.

во пространств) 47. П. Бурдьё, характеризуя социальный мир, определяет его через понятие многомерности пространства, построенного «по принципам дифференциации и распределения», где движущей силой выступают социальные поля 48. Британский социолог Дж. Урри считает, что в современном мире определяющим фактором пространственных характеристик становится тотальная мобильность 49. А немецкий социолог Мартина Лёв полагает, что социальное пространство определяется наличием социально значимых товаров и людей и их взаимодействие⁵⁰. Британский социолог Скотт Лэш, анализируя социальное пространство современного информационного общества, акцентирует внимание на иррациональном содержании информационных потоков, содержащих противоречивые тенденции глобализации, приводящие к разрушению традиционного социального пространства на отдельные зоны⁵¹.

К началу 70-х годов XX века количество теоретических, а в большей степени практических работ по различным аспектам коммуникации увеличилось в два раза и превысило 10 тысяч⁵². Особенностью публикаций являлось обращение авторов к проблемам «микроуровня» на основе выявления проблем межличностного общения, организационной идеологии, деятельности по поддержке имиджа⁵³. Появляются работы, анализирующие новые явления информационно-коммуникационного пространства. Например, связанные с перерастанием PR-деятельности рамок социальной практики

⁴⁷ Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.

⁴⁸ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // П. Бурдьё. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 15.

⁴⁹ Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

Löw Martina. Raumsozociologie. Frankfurt: Suhrkamp, 2001. S. 31.
 Lash S. Critique of Information. London, Thousand Oaks: Sage Publications, 2002. P. 29.

⁵² Катлип М. С., Сентер Х.А., Брум М.Г. Паблик рилейшнз: Теория и практика. М.: Вильямс, 2001. С. 193.

⁵³ См. реферативное сообщение, выполненное в рамках проекта «Онлайновые ресурсы и журналы ICA для РКА»: Писаревская Д. Организационная коммуникация: вызовы нового века [Электронный ресурс]. URL: http://russcomm.ru/rca_projects/ica/.

и становление связей с общественностью как особого феномена – отдельного социального института 54 .

В научной терминологии исследований советского периода синонимом *«коммуникации»* выступали термины: *взаимодействие*, *взаимосвязь*, *взаимоотношения*, *влияние*, *процесс развития*. В данных рамках активно разрабатывались, по сути, коммуникационные проблемы в области психологии и социальной психологии, биологии и физиологии, лингвистики и языкознания, зарождающейся культурологии. В нашей стране само понятие *«коммуникация»* начинает входить в научный оборот на рубеже 50–60-х годов XX века, что связано, как и на Западе, с развитием кибернетики, а затем информатики. Первоначально термин использовался в математике, физике, а в конце 60-х годов коммуникация становится центральным понятием внутренних и внешних системных процессов науки в целом⁵⁵.

В отечественной социологии проблемы изменчивости, эволюции общественных отношений, их коммуникационной взаимосвязи в пространстве все больше входили в научный оборот, создавая теоретическое и практическое поле для научного дискурса⁵⁶.

_

⁵⁴ См.: Бернейз Э. Паблик рилейшнз. М.: Наука, 1994; Блэк С. Введение в паблик рилейшнз. Ростов н/Д: Феникс, 1998; его же. Паблик рилейшнз: Что это такое? М.: Новости, 1990; Бодуан Ж.-П. Управление имиджем компании. Паблик рилейшнз: предмет и мастерство. М.: Инфра-М, 2001; Джефкинс Ф., Ядин Д. Паблик рилейшнз. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003; Grunig J, Hunt T. Managing Public Relations. New York, 1984; Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково-Поле, 2003 и др.

⁵⁵ См.: Горохов В.Г. К проблеме рассмотрения науки как системы // Системные исследования: Ежегодник: 1973. М.: Наука, 1973. С. 211–217; Маршакова И.В. Система коммуникации в области знания // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник: 1980. М.: Наука, 1981. С. 354–371; Мирский Э.М. Системный подход в изучении науки // Там же. М.: Наука, 1973. С. 187–202.

⁵⁶ См.: Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М.: Мысль, 1973; Бестужев-Лада И.В. Свожу счеты с жизнью. Записки футуролога о прошедшем и приходящем. М.: Алгоритм, 2004; Бореев В.Ю., Коваленко А.К. Культура и массовая коммуникация. М.: Наука, 1986; Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М.: Международные отношения, 1974; Грушин Б.А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987; Горшков М.К. Общественное мнение:

Именно в конце 60-х годов ученые пришли к современному пониманию коммуникационных проблем, применив методологию системного подхода в исследованиях природы человеческой деятельности, культуры, в создании новых методологических принципов построения современной онтологии (синергетики)⁵⁷.

Новейший период отечественной истории привел не только к отказу от прежней идеологии, но и к радикальной смене дефиниций, активному проникновению в российскую науку современных, прежде всего англоязычных словосочетаний. На этом фоне создавалось впечатление отставания российской науки от мировых достижений, в том числе и социологии. Появившиеся переводные книги, работы, насыщенные англоязычной терминологией, привели практически к отказу от изучения или к недооценке необходимости использования отечественного опыта предшествующего периода. Исследователи, сталкиваясь с огромным количеством научной информации, зачастую оказывались в психологической ловушке, получившей в ряде публикаций название – «методологическая травма социолога». Специалистами в области информатики установлена динамика роста информации. К 1800 году объем информации удваивался каждые 50 лет. С 1950 года – каждые 10. С 1970 года – каждые 5 лет, с 1990 года – ежегодно⁵⁸.

В научном гуманитарном знании общение как социально-психологическая категория – многогранный процесс коммуникации между людьми, обусловленный самой жизнью. Профессиональная культура

История и современность. М.: Политиздат, 1988; Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М.: Наука, 1978; Коган В.З. Человек в потоке информации. Новосибирск: Наука, 1981; Ненашев М.Ф. Газета, читатели, время (социологический анализ). М.: Мысль, 1986. и др.

⁵⁷ Каган М.С. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972; Его же. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа М.: Политиздат, 1974; Его же. Системный подход и гуманитарное знание // Избр. статьи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

⁵⁸ См.: Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // СОЦИС. 2006. № 10; Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // СОЦИС. 2005. № 5.

не ограничивается специальными профессиональными знаниями. Важна совокупность общих знаний.

Общение — это необходимость взаимоотношений людей, потребность человека, источник знания и понимания окружающего мира. Общение — это практический способ организации совместной жизни людей.

В общении первостепенны три момента: обмен информацией, взаимодействие общающихся и восприятие.

Обмен информацией (коммуникативная сторона общения) органично связан с линией поведения общающихся, с их личностными свойствами. Для общения важны условия, когда собеседники восприняли информацию, когда она им понятна и, что не менее важно, – осмыслена. Все люди очень разные, На восприятие сути информации влияют многие факторы. В том числе менталитет, возраст, образование, социальное положение, политические взгляды, культура и др. Значение одних и тех же слов люди воспринимают неоднозначно. Таким образом, в процессе обмена информацией могут возникнуть недоразумения, недопонимание, приводящие к конфликтам, предубеждения, манипуляции, барьеры в общении.

Характерная примета современности – стремительное развитие информационных технологий и деловой активности в различных сферах жизни. Глобализация информационного пространства, новый тип общества, стратегическая роль информации в современном мире приводят к более глубокому осознанию и пониманию роли феномена общения (коммуникации) в современной действительности.

Мир человека, сам человек как существо историческое, гуманитарные знания, включающие понимание истории, социологии, философии, культурологии, экономики и политологии, деятельность, условия, в которых он трудится и живет, общественное обустройство мира с определенными нормами и социальными ролями проецируются на личностные свойства человека, формируют его многомерный образ.

Любая информация, коммуникация для человека — это факт воздействия на его представления о чем-либо, на мнение, мотивацию, поведение, поступки. Непреходящей ценностью является умение слушать и слышать человека, стремиться понять позицию другого человека без предубеждений и предвзятости. Социальная, психологическая и эмоциональная зрелость человека помогает ему эффективно общаться с другими людьми. В литературе не случайно слова «личность» и «общество» практически всегда упоминаются рядом. Для социума весьма важна личность, индивидуальность человека, степень его интеллектуального и морального развития.

В условиях коммерциализации практически всех сфер жизни общества особый смысл приобретает содержание личности в системе социального управления. Это особый тип социального лидера со свойственными только ему социально-психологическими и профессиональными качествами. Личностное самоопределение лидеров социального управления происходит на уровне их вневременных ценностей. Они решают возложенные на них профессиональные задачи и нравственно (или наоборот) ведут себя в системе общественных отношений.

Социальные лидеры управленческого типа стремятся соответствовать общественным ожиданиям. Свою профессиональную деятельность они строят ответственно, на основе научного и практического управления, учитывают общественное мнение. Общая культура современного человека, являющаяся базисной в стиле его поведения в организации и в обществе, объединяет трудовой коллектив вокруг поставленных целей, позволяет реализовывать профессиональный и творческий потенциал каждого сотрудника.

Весьма важными для любого человека являются гуманитарные знания, способствующие развитию в личности творческого подхода к делу, стратегического мышления, позволяющих решать инновационные задачи времени.

Важно и то, что ещё будучи студентами университета, молодые люди осмысливают свой стиль и культуру общения на основе соци-

альных норм и нравственных ценностей. По идее обществом должна цениться личность, беспокоящаяся об общественных интересах и способная их отстаивать.

Для соблюдения основ межличностной коммуникации, делового общения важны многие навыки. Среди них:

- умение улыбкой, выражением лица проявить интерес к собеседнику и тактичность;
 - внимательно и заинтересованно посмотреть на человека;
 - проявить доброжелательный тон в голосе, не повышая его;
 - стремиться проявить заинтересованность темой разговора;
- умение слушать партнера (человека трогает слушание сопереживание);
 - не суетиться, не перебивать собеседника;
 - умение логично передать собеседнику тему беседы;
- помочь собеседнику изложить смысл проблемы, если у него не получается четко её выразить;
- не допускать эмоциональных напряжений в разговоре, контролировать язык тела, жестов (информация передаётся при помощи поз и жестов), стремиться не допускать категоричности в суждениях;
- предоставлять возможность собеседнику высказать и прояснить его позицию, не перебивая и не стремясь навязать свою точку зрения;
 - умение задавать вопросы и, не перебивая, слушать ответы;
 - не говорить слишком много;
- не «давить» на человека своим административным, возрастным или иным ресурсом;
- обращать внимание на визуальные сигналы и невербальные намеки, владеть навыками вербальной и невербальной коммуникации;
 - умение слушать «между строк» и задавать уместные вопросы;
 - не стремиться демонстрировать свою осведомленность;
 - умение выслушать всю информацию до конца;
- стремиться быть искренним, создавать благоприятный психологический климат для общения;

• не спорить мысленно с говорящим человеком, так как при этом человек слушает себя, а не собеседника.

В деловом мире ценится умение расположить к себе, владение психологическими приёмами формирования аттракции, т.е. возникновения привлекательности одного человека для другого, умение сделать уместный комплимент.

Содержание общения во многом зависит от мотивов собеседников. Диалог может происходить в форме сотрудничества или соперничества. Кооперация и конкуренция - основные смыслы общения при совместной деятельности людей. Собеседникам важно сознательно руководствоваться гуманными социальными нормами поведения, элементарными правилами вежливости.

Со школьных лет мы помним так называемое «золотое правило нравственности», которое в формулировке русского революционера Петра Кропоткина звучит так: «Поступай с другими так, как бы ты хотел, чтобы в тех же условиях другие поступали с тобой»⁵⁹.

Меняется мир, меняются нормы жизни, меняется человек, меняется моральное сознание, являющееся предметом дискурсов в истории этики разных эпох. Этика от греч. ethos - обычай. Философское учение о нравственности, о правилах поведения человека⁶⁰. Нравственность как социальная основа общения характеризует нормы и мотивы морального поведения человека, его морального выбора. А общительность - профессионально важное качество для любой личности. Важно системно совершенствовать коммуникативные навыки, свою коммуникативную компетентность.

Мораль – совокупность норм поведения, принятых в каком-либо социальном слое, сообществе, коллективе⁶¹. Под моралью принято понимать представления людей о добре и зле.

 $^{^{59}}$ Кропоткин П. Нравственные начала анархизма. Лондон, 1907. С. 28. 60 Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2003.

⁶¹ Толковый словарь русского языка начала XX1 века. М.: ЭКСМО, 2006. C. 612.

Как известно, личность человека отличается уровнем развития его сознания и соотнесением его сознания с сознанием общества. Личность — это практически всегда индивидуальность. Именно в общении людей проявляются социальные качества личности и отношение человека к общественным устоям, его способности взаимодействовать с окружающими. Уровень развития личности определяется способностью взаимодействовать с людьми, ориентируясь на принятые в обществе нормы поведения.

Весьма актуальной остается проблема отношения личности к информации, компетенции человека информационного общества и роль личности в таком обществе.

Само понятие «информация» (от лат. informatio – осведомление, разъяснение, изложение) часто используется на обыденном, интуитивном и прикладном уровне, означающем «сведения», «сообщение», «знания», «известия», «данные», «алгоритм» и др. Здесь речь идет только о ценной или осмысленной информации, имеющей важное значение для её интерпретации и применения в повседневной жизни человека.

С давних пор осознавались роль и значение информации в жизненной повседневности, и её влияние на различные стороны развития общества. Еще в знаменитом трактате о военном искусстве Суньцзы писал: «...Просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому что все знали наперед» 62, подчеркивалась значимость предварительно полученной информации. Затем положение о первостепенности информации трансформировалось в исторической фразе Натана Ротшильда, основателя английской ветви мирового банкирского дома: «Кто владеет информацией, тот владеет миром!», ставшей крылатой, благодаря её популяризации знаменитым политическим деятелем Великобритании в годы Второй мировой войны У. Черчиллем.

⁶² Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. М.: АСТ: Астрель; СПб.: Тетга Fantastica. 2011. С. 72.

В современных условиях данная метафора обрела новый смысл. Прежде всего, благодаря изменениям в обществе в целом на новой стадии его развития. Как отмечал Н. Винер, «действенно жить – это значит жить, располагая правильной информацией» ⁶³. Фундаментальность данной дефиниции связана также с тем значением, которое имеет информация в жизни человека и природы в целом. Сегодня понятие «информация» – общенаучный термин.

Полагаясь на результаты анализа теоретических представлений и на социальную практику о сущности, роли и месте общения, социальной коммуникации в функционировании и развитии общества, есть основание сделать следующие выводы. Во-первых, современный уровень теоретических обоснований центральных социологических категорий: «социальная система», «структура общества», «социальные институты» позволяет определить роль и место коммуникации как неотъемлемого свойства функционирования не только всего социального организма человеческого сообщества, но и основополагающего принципа существования окружающего человека материального мира в целом. Во-вторых, общение в современном обществе, социальная коммуникация выполняют важнейшую регулятивную роль, обеспечивая единство и взаимодействие всех социальных институтов и социальных практик в целом, а также их непрерывное изменение и преобразование.

§ 6. Личность и социальный капитал

Личность и общество «являются взаимодополняющими, взаимопроникающими, взаимодействующими элементами. Вместе с тем им свойственна противоречивость, т.е. они имеют противоположно направленные векторы интересов, взаимоисключающие стадии развития и функционирования»⁶⁴. Однако если категория «личность» уже не одно столетие находится в сфере внимания учёных-общество-

 $^{^{63}}$ Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 31. 64 Социология: курс лекций / под ред. проф. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-во

⁶⁴ Социология: курс лекций / под ред. проф. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-вс Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. С. 134.

ведов, то понятие социального капитала (далее СК) как одного из показателей взаимодействия человека и общества только в последние годы стало темой научного дискурса зарубежных и отечественных социальных исследователей. Поэтому не удивительно, что в современной отечественной обществоведческой науке практически отсутствуют работы, рассматривающие взаимодействие и взаимоотношения данных социальных феноменов. В тех же немногочисленных работах, где такая попытка делается, большее внимание уделяется анализу места СК в структуре личности, но не рассматривается механизм взаимодействия этих факторов глубоко⁶⁵. Между тем, по нашему мнению, есть все основания считать, что социальный прогресс любого общества зависит, во-первых, от того, насколько глубоко разработаны теоретические аспекты развития личности в процессе взаимодействия с СК, и, во-вторых, от того, насколько эффективно общество использует все выгоды такого взаимодействия или, другими словами, в какой степени социальные институты способствуют такого рода взаимодействию.

Впервые выражение «социальный капитал» появилось у Лид Джадсон Ханифан в 1916 году в работе, посвящённой анализу жизнедеятельности в сельских школах⁶⁶. Автор использовала этот термин, чтобы обратить внимание читателей на существование «значимых обстоятельств, которые влияют на повседневную жизнь каждого»⁶⁷. В конце 30-х годов его также использует Н. Элиас, а позднее Т. Адорно. Но только спустя почти полвека Д. Джекобс, а затем

_

 $^{^{65}}$ См.: Почебут Л.Г., Марарица Л.В. Социальный капитал личности и стратегия его накопления и использования; Левицкая И.А. Социабельность и социальный капитал личности: некоторые аспекты теоретического анализа; Смирнова О. Развитие экономического Я личности в структуре социального капитала.

⁶⁶ Hanifan L.J. The rural school community center // Annals of the America-nAcademy of Political and Social Science. 1916. Vol. 67. P. 130–138.

⁶⁷ Социальный капитал для начинающих [Электронный ресурс]. URL: http://dialogs.org.ua/ru/cross/page13099.html (дата обращения: 18.12.2014).

и П. Бурдьё, и Д. Коулман ввели это понятие в научный дискурс⁶⁸. П. Бурдьё в основном использует понятие СК для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения политических, экономических, социально-культурных выгод. На индивидуальном уровне к получаемым выгодам такого рода он отнес, в частности, здоровье, воспитание и обучение детей (автор обращал особое внимание на роль семьи как источника формирования СК индивида). Считается, что, самую обширную концептуальную проработку категория СК получила в работах американского экономиста и социолога Дж. Коулмана, в частности в работе «Капитал социальный и человеческий», вышедшей на русском языке в 2001 году. В ней автор делает попытку ввести концепцию СК в социальную теорию наряду с концепциями физического и человеческого капитала. По мнению Коулмана, социальный капитал содержится в таких элементах социального взаимодействия, как доверие, социальные сети и социальные нормы, создающие условия для координации и кооперации.

После публикации работ Коулмена термин СК упоминался во многих работах экономистов, социологов, политологов, и уже в начале XXI века выступал в качестве основного фокуса исследований Всемирного банка, став, помимо этого, главной темой нескольких популярных книг, таких как «Игра в гольф в одиночку: размывание общественного капитала Америки» Р. Патнэма и «Лучше вместе: восстановление американского общества» Р. Патнэма и Л. Фельдштейна. Изучением роли и места СК занимались главным образом экономисты и политологи. Концепция экономического капитала стала развиваться еще с начала 1890-х годов, после чего в экономиче-

⁶⁸ Согласно Дж. Коулмену, заслуга введения в научный тезаурус понятия «социальный капитал» принадлежит Г. Лури. «В определении, данном Лури, под социальным капиталом подразумевается совокупность ресурсов, основанная на семейных отношениях в рамках социальных организаций, которые способствуют когнитивному или социальному развитию ребенка...» (Цит. по: Беккер Ю.С. Интерпретация понятия «социальный капитал» в современной экономической теории и социологии // Вестник ТГЭУ. 2012. № 2).

ских и социальных науках стали выделяться такие формы капитала, как физический, человеческий, культурный, политический, административный, социальный и т.д. Популярность терминологии, связанной с различными формами капитала, возможно, вызвана «специифической коннотацией понятия «капитал», который представляется как нечто заведомо объективированное, весомое и в то же время динамичное, развивающееся, беспрестанно меняющее формы» ⁶⁹. Позднее понятие «капитал» было заимствовано социологами, переосмыслено и получило множество дополнительных значений и интерпретапий 70 .

Если говорить о работах, посвящённых анализу роли СК в отечественной социологической науке, то, по нашему мнению, хотя сам термин «социальный капитал» начал встречаться в работах российских учёных лишь в конце 90-х годов прошлого века, однако ряд аспектов, характеризующих СК (доверие, социальные нормы и правила, формирующие общность, и т.д.), были постоянно в поле зрения советских и российских обществоведов. Это и не могло быть иначе в силу изначальной вовлечённости человека в социальные отношения. Так, ещё в конце 70-х годов прошлого века в коллективной монографии «Рабочая книга социолога», давая определение социальной деятельности, авторы отмечали, что последняя представляет собой «совокупность действий личности, преследующей определённые социальные цели и использующей для достижения этих целей различные средства - экономические, социальные, политические **и идеологические**» 71 (выделено нами – В.А. Бурко). И далее: «Личность - конкретное выражение сущности человека, определённым образом реализованная интеграция в индивиде социально значимых черт и социальных отношений данного общества»⁷² (выделе-

 $^{^{69}}$ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 22.

⁷⁰ Там же. С. 23.

⁷¹ Рабочая книга социолога / под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 10. ⁷² Там же. С. 10.

но В.Б.). Авторы «Рабочей книги социолога», говоря о системе личности, приводят список элементов, составляющих социальное качество человека. В этот список, в частности, вошли «...ожидания в отношении (выполняемых человеком – B.Б.) ... позиций и ролей; нормы и ценности, которыми он (человек - B.Б.) руководствуется в процессе своей деятельности; ... совокупность полученных знаний, позволяющих выполнять принятые на себя роли и более или менее свободно ориентироваться в окружающем мире...»⁷³. Упомянутые элементы личности в той или иной мере характерны и для функционирования СК. Можно ещё отметить работы отечественных обществоведов, посвящённые проблемам взаимодействия личности и общества, в частности проблемам социализации. Особо хотелось бы отметить работы профессора З.И. Файнбурга, в которых он рассматривал феномен коллективности. Так, в одной из последних монографий, подготовленной Файнбургом в соавторстве с Г.П. Козловой, но опубликованной лишь в 2012 году, рассматривались новые стимулы к труду, характерные для посткапиталистической формации⁷⁴. Авторы пишут, что эти новые стимулы «...эффективны в условиях кооперации труда, в которой приоритетную (доминирующую) роль играют не функциональные качества работника (совместность - как мы обозначили этот исторический тип кооперации), а личностные (коллективность как тип кооперации). Но и функциональные качества работника в этой системе стимулирования должны быть очень высоки. Они не снижаются, а растут, причём и они здесь выступают как проявление, реализация личностных качеств работника»⁷⁵. Таким образом, авторы подчёркивают возрастающую в новых, посткапиталистических условиях роль связи личности с обществом. А если вспомнить, что СК есть своего рода показатель полноты (широты) взаимодействия личности и общества, то можно смело утверждать,

 $^{^{73}}$ Рабочая книга социолога. С. 11.

 $^{^{74}}$ См.: Файнбург З.И., Козлова Г.П. Коллективистское общество: идеал, теория, реальность. подг. к изд. проф. Г.З. Файнбург. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. 352 с.

⁷⁵ Файнбург З.И., Козлова Г.П. Указ. соч. С. 212.

что этот показатель может быть одним из составляющих элементов совместимости и коллективности, которые являлись предметом анализа во многих работах З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой.

Говоря об измерении СК, следует отметить, что на сегодняшний день существует множество подходов в этом направлении, но ни один из них не является универсальным. Причиной тому - многомерность категории и сложность ее количественной оценки. Некоторые упоминания о сущности СК встречаются еще в работах А. Смита, К. Маркса, Э. Дюркгейма, К. Менгера и др. Так, К. Менгер в работе «Основания политической экономии» предложил понимать «отношения» как свойство экономических благ. Эти отношения должны включать в себя не только взаимоотношения между фирмами, монополиями, права продажи патентов, но и взаимоотношения между потребителями, фирмами, а также дружбу и любовь 76. В упомянутой выше работе Р. Патнэма «Игра в кегли в одиночку: крах и возрождение американского сообщества» автор использовал трехфакторную модель СК: нормы взаимности, доверие и социальные сети. Два первых фактора являются, по существу, социальнопсихологическими атрибутами индивида. Поэтому Патнэм измерял социальный капитал с помощью индивидуальных индикаторов, таких как интенсивность и сила контактов, членство в общественных объединениях, электоральная активность, удовлетворенность взаимоотношениями, соблюдение норм взаимности, чувство безопасности, доверие к соседям и социальным институтам. Групповые или территориальные показатели получались посредством агрегации индивидуальных. Индивидуалистический подход к измерению социального капитала доминирует и в исследовательской программе Всемирного банка, посвященной устойчивому развитию стран и регионов, и большинстве экономических и социологических моделей. Индивидуальные индикаторы социального капитала, из которых состоят опросники Всемирного опроса ценностей, формируются из следующих вопросов: «Сколько своих соседей вы знаете по име-

 $^{^{76}}$ Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 109.

нам?», «Присматривают ли соседи за вашей квартирой во время вашего отпуска?», «Часто ли сталкиваетесь в магазинах с друзьями?», «Как много у вас знакомых?», «Часто ли разговариваете по телефону с родственниками?», «Приглашаете ли вы к себе домой коллег?», «Сколько раз вы обращались за советом к другим людям за последние три месяца?», «Считаете ли вы свой район безопасным?», «Считаете ли вы, что полиции/милиции в вашем городе можно доверять?», «Знаете ли вы, кто является депутатом местного представительного органа от вашего округа?», «Насколько вы терпимы к людям, поведение и привычки которых сильно отличаются от ваших?». Одним из индикаторов социального капитала является принадлежность к группам, наличие контактов⁷⁷. Как утверждает Википедия, «самые популярные меры социального капитала в межрегиональных исследованиях – это ценности (доверие, уважение к окружающим, готовность помогать, толерантность, членство в ассоциациях и клубах по интересам (например, профсоюзах), благотворительность, волонтерство, развитость некоммерческих организаций⁷⁸.

Если говорить о попытках измерения СК в работах отечественных учёных, то они на сегодняшний день немногочисленны и чаще всего опираются на измерения такого показателя, как доверие (межличностное доверие, доверие к социальным и политическим институтам). Как нам представляется, наиболее масштабно оценки СК проводились группой исследователей научно-учебной лаборатории прикладного анализа институтов и социального капитала НИУ ВШЭ под руководством Л.И. Полищука⁷⁹. Разработкой социологических показателей для данного исследования занимались сотрудники фон-

⁷⁷ Сивуха С.В. Энциклопедические статьи, связанные с творчеством Пьера Бурдьё [Электронный ресурс]. URL: http://bourdieu.name/content/social-capital (дата обращения: 10.01.2015).

⁷⁸ Социальный капитал. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%F6%E8% E0%EB%FC%ED%FB%E9 %EA%E0%EF%E8%F2%E0%EB (дата обращения:

⁷⁹ Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46-65.

да «Общественное мнение» (рук. А.А. Ослон). В ходе последнего (2008 г.) социологического опроса, охватившего более 34 тыс. респондентов, были получены данные о ценностях респондентов, доверии и солидарности в обществе, а также готовности к самоорганизации и коллективным действиям, в том числе в политической сфере. При этом регистрировались социально-экономические характеристики респондентов, их удовлетворенность положением в своем городе и мнение о работе городских властей водилось с целью оценить его влияние на экономические и политические аспекты жизнедеятельности той или иной территории в 1.

Отметим, что сегодня практически отсутствуют работы, в которых анализировалась бы роль и место СК в структуре личности ⁸². Хотя именно развитие личности и создание условий для её развития всегда являлось главной целью любой обществоведческой науки. Таким образом, перед учёными, изучающими сегодня проблемы функционирования СК, стоят две главные задачи:

- 1) разработать единый инструментарий для измерения СК, который позволял бы проводить компоративные исследования;
- 2) направить фокус своих теоретических и прикладных работ в этой сфере на анализ взаимодействий и взаимовлияний личностного капитала и СК.

Именно такого рода исследования являются сегодня актуальными как для социологов, так и для психологов не только с точки зрения развития теоретических аспектов обозначенной проблемы, но и для принятия эффективных управленческих решений, способствующих прогрессу общества.

 $^{81}\,\mathrm{B}\,$ этом же направлении проводились работы, выполненные, например, Е.И. Трубехиной, С.В. Патрушевым, Е.М. Акулич и В.В. Коноваловым.

 82 В связи с этим можно обратить внимание на отсутствие работ по сопоставлению личностного капитала и СК.

 $^{^{80}}$ Полищук Л., Меняшев Р. Указ. соч. С. 63.

§ 7. Человек в постиндустриальном обществе

Основные черты современного общества, которые принято называть постиндустриальным: становление информации в качестве основного ресурса, предмета и продукта производства; переход ведущей роли в развитии общества от производства товаров к производству услуг; определяющее место высококвалифицированных работников, инженеров и технических специалистов в структуре занятости, - характерны лишь для развитых стран. Фактически эти тенденции обеспечены не утратой материальным трудом своего значения в качестве основного источника общественного богатства. а, с одной стороны, переносом большей части материального производства в развивающиеся страны, с другой стороны, становлением автоматизированного труда, требующего меньших затрат рабочей силы, в самих развитых странах. Как показывают исследования, важнейшей чертой постиндустриального общества выступает глобализация, которую следует трактовать не в расхожем, тривиальном смысле как объединённую мировую экономику, а как «экономику, в которой национальные экономики зависят от деятельности глобализованного ядра»⁸³, которое включает в себя центры накопления капитала, прежде всего финансового, и центры международной торговли. В странах «ядра» базируются головные офисы транснациональных корпораций, там же зачастую осуществляются наиболее сложные виды производства, требующие наличия высокоразвитой фундаментальной и прикладной науки и технологии и соответствующих видов труда.

Постиндустриальное общество – это общество глубокого экономического и социального неравенства, рост которого наблюдается как внутри стран, так и в мировом масштабе. По данным ООН, если в 1960 году 20 % самого богатого населения Земли имели 70 % мирового дохода, то в 1991 году – уже 85 %. К началу третьего тыся-

_

⁸³ Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 64.

челетия 5 % самых богатых людей в мире получали в 114 раз больше дохода, чем 5 % самых бедных, а «верхний» 1 % – столько же, сколько «нижние» 57 % в общей массе⁸⁴. Что касается информационного неравенства, то, в США к началу тысячелетия имело выход в Интернет 50 % населения, а на всем Африканском континенте всего $0.4 \%^{85}$. В 2002 году люди из развитых стран могли передавать в 8 раз больше информации, чем люди из развивающихся стран. Спустя всего пять лет этот разрыв почти удвоился – в развитых странах поток информации стал в 15 раз больше⁸⁶. Дж. Стиглиц полагает, что наблюдающаяся в современном обществе «асимметрия» информации в существенной степени зависит от «асимметрии» собственности и экономической власти: страны G7 («Большой семёрки») получили фактически неограниченное влияние на мировую экономику посредством контроля над деятельностью международных финансовых институтов, таких как Всемирный банк, Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация. Рекомендации, предписываемые этими институтами развивающимся странам, не только в корне отличны от тех, что осуществляли сами развитые страны в период своего становления, но и противоположны им. «Развивающимся странам было сказано, чтобы они открыли свои рынки для всех форм импорта, какие только можно вообразить, включая то, в чем Америка имела неоспоримые преимущества, в частности финансовые услуги и программное обеспечение для компьютеров. Мы же при этом сохранили жесткие торговые барьеры и крупные субсидии для американских фермеров и агробизнеса»⁸⁷. В этих условиях страны периферии, представляющие собой прежде всего рынки сбыта продукции ТНК, источники сырья и дешёвой ра-

 $^{^{84}}$ Greig A., Hulme D., Turner M. Challenging global inequality: development theory and practice in the 21 century. London, New York, Canberra, 2007. P. 4.

⁸⁵ Ibid. P. 5.

 $^{^{86}}$ Информационная революция [Электронный ресурс]. http://www.cyberforum.ru/news/thread242114.html (дата обращения: 15.05.2011). URL:

⁸⁷ Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала // Современная экономика и право. М., 2005. С. 67.

бочей силы, не догоняют развитые страны, а бегут в другом направлении и с гирями на ногах.

Переход от кейнсианства к неолиберализму как ведущей экономической программе и способу организации экономики в мировом масштабе привёл к развитию четырёх негативных тенденций: приватизации и превращению всех ресурсов в предмет куплипродажи; повышению значимости финансового сектора - вплоть до многократного превышения денежной массой объёмов реального производства; управлению и манипуляции кризисами; государственному перераспределению богатства и доходов от бедных к богатым. «Было подсчитано, что с 1980 года страны с периферии отправили в развитые государства средства, по совокупности превышающие бюджет плана Маршалла в пятьдесят раз (свыше 4,6 трлн долл.)»⁸⁸. Во многом именно этими тенденциями объясняется значительное сокращение темпов роста развивающихся стран по сравнению с «золотым веком капитализма». «Показатели роста в регионах, где неукоснительно следовали неолиберальным рецептам, - в Латинской Америке и Африке. к югу от Сахары, - оказались существенно ниже, чем в «старые недобрые времена». В 1960-1970-х годах Латинская Америка развивалась темпами в 3,1 %, если считать по уровню национального дохода на душу населения. С 1980 по 2009 год примерно в треть этих темпов – 1,1 %»⁸⁹. Причём местные периферийные элиты, опирающиеся на монопроизводство или сырьевой сектор, демонстрируют поразительное единство интересов с элитами развитых стран. И те, и другие по своей сути не заинтересованы в диверсификации и усложнении производства, человека и социальной структуры в развивающихся странах в целом.

_

⁸⁸ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение [Электронный ресурс]. URL: http://revbel.org/wp-content/uploads/Дэвид_Харви_Краткая история неолиберализма.pdf (дата обращения: 18.11.2014).

⁸⁹ Чхан Ха Джун. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм. М.: АСТ, 2014. С. 97.

Поэтому объективное положение человека в постиндустриальном обществе во многом продолжает определяться его социальным происхождением. Меритократия и относительно равные стартовые возможности обеспечены в странах глобального «ядра», в то время как жители стран периферии продолжают страдать от голода, нищеты, отсутствия доступных медицинской помощи и образования.

Сегодня мы наблюдаем становление автоматизированного труда в качестве основы общественного богатства. Возникшие в постиндустриальном обществе тенденции вязаны, таким образом, с коренным изменением общественного характера труда, выходящего за пределы типически опосредованно общественного характера труда, обусловленного общим, частным и единичным разделением труда и рыночным обменом. «Всеобщий» (автоматизированный) труд - непосредственно общественный, аккумулирующий труд поколений и интегрирующий труд современников в мировом масштабе. В современном обществе к конкретным формам всеобщего труда может быть отнесено производство различных видов электронных технологий, робототехники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники, компьютерный труд или управляемое компьютерными технологиями производство. Эти формы получили обобщённое название пятого технологического уклада, согласно теории Кондратьева-Шумпетера и их последователей. Начинает развиваться шестой технологический уклад, обусловленный появлением нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных (NBICS) технологий и тенденциями к их конвергенции. Шестой уклад связан также с использованием микро- и суперкомпьютеров в общественном производстве, прогнозировании и планировании.

Квинтэссенцией современных форм всеобщего труда выступает производство *информации* как абстрактных материальных структур. Основными свойствами информации – функционирующих в компьютерном производстве материальных структур, которые, однако, могут осознаваться, – обусловлено преодоление во «всеобщем» труде в целом противоположности материального и интеллектуального

труда: «Как таковой, он — всегда деятельность материальная и духовная одновременно, универсальная и специализированная» 90 . Ярким примером единства материальной и интеллектуальной стороны во «всеобщем» труде может выступать изобретательская деятельность, связанная как с прикладной наукой, так и с материальным производством непосредственно.

«Всеобщий» (автоматизированный) труд по своей сущности не только отличен от исторически предшествующего ему абстрактного труда (в техническом аспекте ярче всего представленного машинным трудом), но и противоположен ему. Абстрактный труд, основа товарной стоимости и прибыли, представляет собой усреднённый, доведённый до предела специализации, качественно неразличимый частичный труд, измеряемый общественно необходимым рабочим временем. Товарная стоимость, условно говоря, есть пропорция между затраченными на производство человеко-часами и результатом труда. Само её существование и распространение обусловлено усреднённым и отчуждённым характером абстрактного труда. «Всеобщий» труд, в свою очередь, не может быть по своей сущности усреднён и отчуждён, поскольку сам масштаб природных и общественных сил, вовлекаемых в производственный процесс, этого не допускает. По своей природе «всеобщий» труд не создаёт товарную стоимость.

«Товарную (или, лучше сказать, квазитоварную) форму многофункциональное техническое изобретение приобретает лишь в результате его однофункционального применения. Предпринимателя заботит поиск не технических новинок вообще, а таких технических новинок, которые можно использовать однофункциональным (частичным) образом, что, с одной стороны, обеспечит реализацию производящей стоимость частичной деятельности работника, а с другой – повысит производительность в целом и позволит, тем самым, сокра-

 $^{^{90}}$ Корякин В.В. Современный мир и философия // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр. (по материалам всерос. науч. конф., Пермь, 18–19 апреля 2013 г.): в 2 т. Пермь, 2013. Вып. 21. Т. 1. С. 21.

тить применение этой частичной рабочей силы без утраты её качества» 91. Этот факт можно проиллюстрировать различными, и даже противоположными задачами, которые ставятся для конструкторских бюро и научных лабораторий при крупных предприятиях. Нельзя назвать редкой ситуацию, когда инженеры одновременно работают над повышением качества продукции и её запланированным устареванием. В итоге становление автоматизированного («всеобщего») труда приводит к парадоксальной ситуации: с одной стороны, человек открывает невиданные ранее средства саморазвития и развития общества, с другой стороны - колоссальные возможности отчуждения. Отчуждение довлеет не только над высокообразованными инженерами, вынужденными заниматься частичной деятельностью, но и над вытесненной из производства вследствие многократного повышения производительности труда невостребованной рабочей силой. Резкое увеличение количества всевозможных менеджеров, промоутеров, бюрократии, юристов, экономистов, работников сферы услуг, занимающихся фактически непроизводительным трудом, имитацией деятельности – необходимое следствие рыночного xaoca.

Ещё Франкфуртская школа в достаточной степени разработала проблему отчуждения. Хотя они анализировали «государство всеобщего благоденствия», или кейнсианскую модель экономики развитых стран, некоторые выявленные ими тенденции присущи, по-видимому, любой вариации индустриального общества, поскольку проистекают из фундаментальных его черт. Так, стремление к максимизации прибыли порождает стремление удешевлять товары и ускорять товарное обращение. Как следствие товарный фетишизм приобретает уродливонавязчивую форму. Отчуждение же работника от процесса и результата его труда приводит к отчуждению и разрыву его собственной сущности, человек не просто превращается в обезличенный автомат, но искренне считает свой образ жизни нормальным и единственно при-

 $^{^{91}}$ Корякин В.В. Современный мир и философия // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр. (по материалам всерос. науч. конф., Пермь, 18–19 апреля 2013 г.): в 2 т. Пермь, 2013. Вып. 21. Т. 1. С. 24.

емлемым. Это лишает его как подлинной коллективности, так и подлинной индивидуальности. «Коротко говоря, индивид перестаёт быть собой: он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть... Каждый человек искренне убеждён, что он – это «он», что его мысли, чувства и желания на самом деле принадлежат «ему». Но хотя среди нас встречаются и подлинные личности, в большинстве случаев такое убеждение является иллюзией, и притом иллюзией опасной, ибо она препятствует ликвидации причин, обусловивших такое положение» 92. По Фромму, мировоззрение современного человека фактически является отчуждённым: его характеризуют сочетание цинизма и наивности, нигилизма и слепой веры в авторитеты, отсутствие целостного представления о мире и самом себе. Чувства и желания такого человека искажены, как и его мышление, в итоге - человек отказывается от собственной сущности, целенаправленно отчуждает её.

Эти процессы в весьма своеобразной форме схвачены и философией постструктурализма. Многообразие концепций «смерти автора» (Р. Барт), «смерти человека» (М. Фуко), «смерти субъекта» вообще можно трактовать как индикатор усиления отчуждения в постиндустриальном обществе. «Современная философия, таким образом, симптоматична. Она, по большому счёту, есть философия дегуманизированного, *отчуждённого* бытия» ⁹³.

Неолиберальная экономическая система углубила противоречия, присущие индустриальному обществу вообще. Стремление капитала подчинить себе различные виды «всеобщего» труда приводит к тому, что «сегодня отношения частной собственности всё больше проникают в те сферы общественной жизни, которые прежде были чужды буржуазному духу» В связи с этим выделяются три вида фетишизма: товарный, финансовый и символический — причём

⁹⁴ Там же. С. 75.

 $^{^{92}}$ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. С. 159.

⁹³ Прозументик К.В. Генезис человеческого отчуждения. Опыт онтологического введения в проблему. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 73.

последние получили широкое распространение в последние пару десятилетий. Символический фетишизм порождает отчуждение средствами всемирной паутины, феномен web-alienation 95 отражает глубокое противоречие между экзистенциальными силами человека и его символизирующей деятельностью, между производством и потреблением информации. «Специфика современного (постиндустриального) этапа развития заключается в том, что современные технологии позволили отчуждению функционировать не только в реальном, но и в символическом регистре» ⁹⁶. Преодоление «всеобщего» труда отчуждения может произойти только в условиях изменения способа производства – реального приведения производственных отношений в соответствие с высокоразвитыми производительными силами, прежде всего с фундаментальными особенностями «всеобщего» труда.

Движение общества в этом направлении свидетельствует о начале системной реиндустриализации в США, Франции и Великобритании. Только на основе высокотехнологичного высокопроизводительного автоматизированного труда, развивающегося в условиях качественно организованной социальной сферы, возможно, во всяком случае, относительное преодоление объективных причин, порождающих отчуждение, и, как следствие, отчуждённого сознания.

§ 8. Личность в информационном обществе и социальная оценка техники

В начале XXI века в обществе произошли серьезные изменения, связанные с активным вхождением в жизнь новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Именно ИКТ привели передовые страны в новую постиндустриальную стадию социального развития. Масштабы этих изменений заставляют заново взглянуть на место человека в новом мире, понять и исследовать экономические,

 $^{^{95}}_{96}$ Прозументик К.В. Указ. соч. С. 82. 96 Там же. С. 84.

политические и социокультурные аспекты его существования. В связи с этим проблема человека в постиндустриальном обществе выходит на первый план. Само понятие «постиндустриальное общество» несет в себе смысл незавершенного характера социальных трансформаций, возможность фиксации перехода от индустриального общества к чему-то новому, еще не сложившемуся социальному типу.

Интерес к исследованию постиндустриального общества вызван прежде всего тем, что происходящие в нем технологические изменения способствуют трансформации всех сфер «социального космоса». Актуальным является исследование информационного пространства современного общества как новой коммуникативной среды, которая децентрирована, не зависит от прежних концептов, религии, культуры, национальности, «локуса» и определяет реальное поведение человека. Подобная информационная среда предстает как новая форма культуры, в которой коммуникация становится своеобразным способом существования людей. Расширение информационного пространства и увеличение его роли в жизни людей ведет к формированию нового «жизненного мира» как целостного поля, внутри которого находятся взаимодействующие индивиды и специфика которого заключается в разорванности двух уровней бытия: реального и виртуального. Это заставляет нас совершать прорывы к новым формам, способам и смыслам существования. Приобретая глобальный характер, информационные технологии способствуют расширению коммуникаций и формированию единого коммуникативного пространства, в рамках которого вырабатываются свои особые законы и нормы поведения и мировосприятия.

Что характеризует в первую очередь специфику информационно-коммуникационного общества? Разрушение прежнего жесткого единства времени, пространства и действия. В свою очередь, это приводит к отрыву социальных отношений от локальных пространств и формированию *транснационального социального пространства*. Специфика последнего заставляет нас в процессе исследования социокультурных явлений переносить акцент с национально-государственного уровня на глобальный.

В связи с этим важным становится анализ глобализации как феномена постиндустриального общества, что позволяет выявить качественные отличия глобализации от прочих интеграционных процессов, обнаружить многомерный и всеобъемлющий характер мировых трансформаций и в качестве движущей силы глобализации выделить личность, для которой становится возможным автономное включение в информационное пространство, не опосредованное общественными институтами.

Происходит интеграция мира через глобальные сети, а ИКТ способствуют разрушению коммуникационных барьеров (этнических, религиозных, моральных, государственных). В свою очередь, это ведет к усилению процесса персонализации, когда человек становится все меньше зависим от общепринятого, традиционного мнения в восприятии и интерпретации информации, поскольку формируется прямая связь индивида с источником информации. Главным фактором процесса персонализации становится десубстанциализация нашего «Я», происходит размывание социальных ролей, разрушение прежних идентичностей, в результате чего человек предстает как «плавающее пространство, не имеющее ни постоянного места, ни ориентиров» ⁹⁷. Этот феномен свидетельствует о нарастающем в постиндустриальном обществе процессе индивидуализации, который понимается как освобождение человека от навязанной обществом предопределенности. Общество, как система, предоставляющая прочные формы социальной идентичности, разрушается, а жизненное пространство формирует новые формы идентичности, новые общности, границы между которыми подвижны и легко проницаемы. В подобных условиях человеческая идентичность из данностиопределенности превращается в вызов, ответить на который может лишь сам человек.

Речь идет о формировании новой концепции человека и связанной с нею новой системы духовно-практических и социальных навы-

 $^{^{97}}$ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. С. 99.

ков, суть которой можно выразить известной «антропологической формулой» В.С. Библера: «Человек – это ничто, но способен стать всем» ⁹⁸. В связи с этим формируется «нарциссический тип личности» (И.Ю. Манакова), который испытывает постоянную потребность в обретении себя, в поиске и подтверждении собственной самости. Появляется так называемый *креативный субъект*, который в условиях разрушения прежних оснований для самокатегоризации конституирует новые социальные связи и собственную идентичность. Следует подчеркнуть, что этот процесс является непрерывным и ориентированным на будущее, поскольку постиндустриальное общество «заточено» на изменения и динамику, и человек должен постоянно обретать себя на основе самостоятельного выбора.

Важно изучение механизмов идентификации в постиндустриальном обществе, которое предоставляет неограниченный простор для самоконструирования личности: с одной стороны, расширяя пространство идентификации, с другой — сужая саму идентичность за счет выбора все более узких культурных ниш для самоидентификации. Последнее зачастую приводит к фрагментации личности и к появлению множественной идентичности, которая впервые в истории начинает восприниматься как норма.

Рассмотрим специфику культуры и коммуникационной среды в информационном инновационном обществе. Информационно-коммуникационные технологии на фоне развернувшейся глобализации современной жизни порождают новые культурные артефакты/кластеры/феномены и выводят проблему коммуникации (диалога) на первый план. Культура, как таковая, всегда апеллирует к сопоставлению, сравнению. Она не только то место, где рождаются смыслы, но и то пространство, где эти смыслы обмениваются символами и категориями, «проводятся» и стремятся быть переведенными с одного языка культуры на другой. Стремление к некой идеальной «сверхпроводимости» является, по сути, глубинным нервом всякой

 $^{^{98}}$ Библер В.С. Мышление как творчество. М.: Изд-во полит. лит., 1975. С. 175.

культуры. В конечном счете речь идет о выявлении импульсов ее жизненного роста.

Идея культурной «сверхпроводимости» особенно актуальна для современного глобализирующегося техногенного мира, требующего максимального расширения коммуникационного пространства. И здесь важная роль принадлежит «высоким технологиям» («хайтек») и гаджетам. Высокие технологии, опирающиеся на самые наукоемкие отрасли промышленности, проникают все больше в «тело» социума и культуры. Разработки в сфере ИКТ, биотехнологий, искусственного интеллекта и антропоморфных роботов размывают доселе четкие границы и нормы научного исследования и порождают новую онтологию и глобальные «узлы коммуникаций».

Расширение возможностей для вхождения в диалоговое поле представителей различных культурных традиций, вероисповеданий, социальных групп, субкультур в эпоху «хайтек» и гаджетов очевидно. Статус «юзера» индифферентен к дихотомиям прошлых эпох (Запад-Восток, деревня-город, массовое-элитное, высокое-низкое, мужчина-женщина и т.д.). Однако такое напряженное и динамично развивающееся коммуникационное поле имеет свои пределы, которые необходимо подвергнуть философскому анализу. Во-первых, из этого поля вытесняются так называемые «лузеры» новой эпохи, т.е. те, кто плохо разбирается в современных ИКТ и не имеет продвинутых гаджетов. К ним в первую очередь относятся пожилые люди и бедные слои населения. Наверху в таком типе общества оказываются «нетократы» ⁹⁹.

⁹⁹ Нетократия – одно из названий постиндустриальной элиты, нового постиндустриального правящего класса. Вводя его, социологи хотели подчеркнуть одно из основных свойств членов нового правящего класса – умение выстраивать вокруг себя сеть, систему человеческих отношений, основанную на выполнении ими комплементарной функции, то есть на замыкании на себя решения каких-то задач и интересов других людей. Подр. см.: Бард А., Зодерквист Я. Netoкратия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма: пер. с швед. СПб., 2004.

Во-вторых, отношение человека с техникой сложнее, чем простое умножение возможностей: она не только выполняет инструментальные функции, но и трансформирует субъект изнутри, меняя его картину мира и структуру деятельности. Пора отказаться от представлений о нейтральности технических устройств, которые мы используем для преобразования внешнего мира. Вместе с внешним миром трансформируемся и мы. Об этом предупреждал еще великий немецкий философ М. Хайдеггер: «В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу» 100.

Расширяя возможности, технические средства одновременно подчиняют человека, вызывая различный спектр отношений – от глубокой зависимости и неприязни до чрезмерной апологетики или мистического страха. Современные исследователи утверждают, что мы столкнулись с «хищными технологиями века». «Речь идет об алчных вещах, несущих в себе соблазн, вещах, ставших большими, чем они есть на самом деле, вещах, в которых слились средство и содержание, технология и психология и которые, помимо удовлетворения потребностей, ради которых они и были созданы, начинают удовлетворять иные потребности или даже порождать их» 101.

Происходит сращивание технологий с нашими телами, когда мобильный телефон (iPhone) становится своего рода «виртуальным ошейником» и держит нас на коротком поводке. Одновременно этот процесс сопровождается феноменом дебиологизации, деантропологизации человека. Связь человека с реальностью меняется. Приведем такой пример. Японский геймер, известный под ником Sal9000, влюбился в виртуальную героиню игры Love Plus для приставки Nintendo DS по имени Nene Anegasaki и в 2009 году заключил с ней

¹⁰⁰ Хайдеггер М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 221.

¹⁰¹ Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 84.

официальный брак. Это только первая ласточка. Насколько может быть оправданным такое расширение коммуникационного пространства? С помощью «высоких технологий» происходит интервенция в экзистенциальный мир человека цифровых персонажей, «сращивание» средств связи с нашими телами и психикой. Человек с отключенным сотовым телефоном, например, зачастую испытывает чувство беспокойства, неуверенности и тревожности, он как бы теряет «полноту бытия», которую ему нечем компенсировать.

Другая проблема, связанная с использованием информационно-коммуникационных технологий, маркируется как разрушение приватной/частной жизни. Институт *privacy*, главное завоевание западной цивилизации, сегодня стремительно разрушается, причем на добровольной основе. Тому пример Twitter, Instagram, FaceBook и другие социальные сети. Молодые люди выкладывают свою приватную информацию на всеобщее обозрение, совершенно не испытывая дискомфорта. Очевидно, это уже новый человек новой эпохи.

Проанализируем, в каком направлении идет исследование феноменов информационного инновационного общества. Может ли человечество на данном этапе регулировать научно-технологическое развитие? Современный мир насквозь пронизан техникой. Мир высоких технологий и инноваций не только расширяет онтологические горизонты мироздания, но и меняет саму структуру нашего мышления, трансформирует «социальный космос». Узловая проблема техногенного общества лежит не в экспансии постоянно прогрессирующей техники, а в моральном несоответствии между человеком и созданным им техническим миром. Готово ли человечество адекватно ответить на вызов технотронной цивилизации? В центре внимания современных исследований находится не сама техника, а процесс ее взаимодействия с обществом. Общеевропейский проект «Ответственные исследования и инновации» (Responsible Research and Innovation) в рамках «социальной оценки техники» (Technology Assessment) яркое тому подтверждение. Моральные аспекты научнотехнического прогресса и оценки его последствий для общества и человека оказываются в центре политических и общественных дискуссий вследствие кризиса концепции технооптимизма и осознания, связанных с техникой рисков для окружающей среды, человека, общества в целом. В связи с этим проблема гуманитаризации технического образования, а также роль социально-гуманитарного познания в междисциплинарной оценке научно-технического развития выходят на первый план.

Под социальной оценкой техники понимается эпистемологическая претензия на систематическое и многостороннее исследование и раннее распознавание на основе всех имеющихся знаний возможных последствий научно-технического развития. Она необходима для принятия научно обоснованных решений (причем не только с точки зрения естественных и технических, но и общественных наук) в области научно-технической политики.

Социальная оценка техники может рассматриваться как междисциплинарное (даже трансдисциплинарное) исследование, которое ориентировано на решение социальных и политических проблем, возникающих в жизненном мире фактически вне научных контекстов. Поэтому и предлагаемые решения подобных проблем должны доказать свою практическую релевантность за пределами науки. Недаром российский философ техники В.Г. Горохов отмечает, что чисто научные подходы к решению жизненно важных практических проблем повседневной жизни являются слишком односторонними и близорукими. «Отработка вненаучной постановки проблем и выработка способов ее решения, которые в свою очередь должны доказать их способность решать такого рода проблемы, характерны для социальной оценки техники» 102. Поэтому такого рода исследования по определению не могут быть чисто научными.

Это фактически соответствует постнеклассическому этапу развития науки, согласно классификации В.С. Степина. «Постнекласси-

 $^{^{102}}$ Горохов В.Г., Декер М. Социальные технологии прикладных междисциплинарных исследований в сфере социальной оценки техники // Эпистемология и философия науки. 2013. № 1. С. 135–150.

ческий тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутри научных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» ¹⁰³.

Итак, актуализация новых импульсов для социальной оценки техники возможна только в *трансдисциплинарном коммуникативном пространстве*. Для этого методологически необходимо отделить междисциплинарные стратегии исследования от трансдисциплинарных. В первом случае речь идет о диалоге/полемике экспертов, которые руководствуются в первую очередь внутринаучными ценностями для прагматического решения целого спектра инженернотеоретических задач. Во втором же случае необходим осознанный выход за рамки экспертного сообщества. За счет этого число *социальных акторов*, участвующих в обсуждении, максимально расширяется через включение в диалоговое пространство интенций-желанийценностей не только экспертов (инженеров, ученых), но и «профанов», т.е. представителей различных социальных групп.

Узловой проблемой в трансдисциплинарном коммуникативном пространстве социальной оценки техники являются вопросы, связанные с этикой. В своей фундаментальной монографии «Ответственные нанобиотехнологии: философия и этика» (2012) немецкий философ техники А. Грунвальд говорит о необходимости разработать теорию проблемно ориентированной этики в современном инновационном обществе. Он исходит из общепринятой в науке установки различения «фактуальной морали» и этики как рефлективной дисциплины, реагирующей на плюрализм мировоззрений и моральных образцов в современном западном обществе. В этом смысле понятной становится установка Ю. Хабермаса, который постоянно подчеркивает в своих работах, что правильное этическое самопонимание не может быть ни

¹⁰³ Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2007.

получено в результате откровения, ни дано каким-либо иным образом; оно может быть лишь завоевано совместными усилиями.

Моральные конфликты в эпоху высоких технологий и гаджетов требуют мобилизации всех интеллектуальных и социальных сил для конструирования оптимальных моделей «коммуникации с будущим» и реализации на практике концепции устойчивого развития и справедливой экономики.

Глава II

СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ

§ 1. Осознание личностью своего социального будущего – основа ее деятельности в информационно-инновационном обществе

Формирование личности в информационно-инновационном обществе – многогранная проблема, научное решение которой позволяет исследовать разные аспекты. Одним из направлений ее исследования является процесс формирования у нее осознанного отношения к своему социальному будущему. Такое отношение личности к своему социальному будущему позволяет ей видеть реальные потребнозавтрашнего дня, оценивать перспективы развития и общества, неуклонно двигаться вперед. Это качество в условиях формирования инновационно-информационного общества становится нормативным для каждого человека. Осознание своего социального будущего не является для личности самоцелью. Оно необходимо для объективного видения сегодняшних и завтрашних проблем развития общества и личности. Человек, не осознающий социального будущего, стоит «спиной» к прогрессу. Без прогностической ориентации на социальное будущее личность не сможет эффективно функционировать в настоящем. Осознание своего социального будущего предполагает определенное знание индивидом перспектив развития общества и личности. Становление информационно-инновационного общества - реальный процесс. Анализ осознанного отношения личности к своему социальному будущему предполагает рассмотрение его как одного из элементов процесса социального развития, в котором всегда есть остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего.

Представить социальное будущее возможно только в определенных исторических границах. Оно детерминировано степенью зрелости общества. Общество на современном этапе представляет несколько типов цивилизаций, среди которых доминирующими явля-

ются западная и восточная. Приоритетная роль сегодня принадлежит западной цивилизации, но прогнозируется возрастание роли и даже доминирование восточного типа цивилизации.

Социальное будущее в настоящее время отражает ряд типов социальных систем, общественно-экономических формаций. Их будущее связывают с постиндустриальным, информационным, рыночным и социально ориентированным обществом. Поэтому осознание личностью своего социального будущего включает осознание социального прогресса, развития. Во всемирной истории действует закон ускорения развития. Ускорение ритмов, темпов социальных процессов, сокращение периодов эволюционных накоплений, возрастание коренных качественных «скачков» во всех сферах жизни способствует увеличению социального времени в каждом физическом часе, годе. Типы общественной и индивидуальной жизни людей позволяют заметить и осознать характер общественного развития. Это требует от человека информационно-инновационного общества качественно иного отношения к времени.

Становление социального будущего – цель нашей эпохи, оно целесообразно. Наши представления о социальном будущем ограничены историческими рамками данной эпохи. Социальное будущее, на которое ориентируется личность, является исторически необходимым. Его становление – не случайность, не простое пожелание, а объективный процесс.

Все указанные аспекты социального будущего отражаются в сознании личности. Поэтому осознание личностью своего социального будущего в общесоциологическом плане есть осознание развития личности, общества, содержания современной эпохи, социальной системы, социального прогресса, нового типа цивилизации, бесконечности социального развития 104.

Личность в современном обществе осознает не только будущее развитие общества, но и свое будущее. Осознание индивидуального

 $^{^{104}}$ Стегний В.Н. Личность и будущее. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990, С. 14–20.

будущего включает осознание цели и смысла жизни личности. «В реализации своих способностей и дарований, творческих возможностей духовного богатства и состоит конкретная цель жизни каждого человека» Смысл жизни личности заключается в том, чтобы определить свое место в обществе, поставить и решить такие задачи, цели, которые дали бы ей возможность самоутвердиться, раскрыть свои способности и задатки. Он связан со смыслом человеческой истории. Его наполняет деятельность человека по реализации современного идеала. Смысл жизни неотделим от активных преобразований общественных отношений. Он обязательно обращен в будущее. В нем находит свое отражение проблема жизни, смерти и бессмертия человека.

Осознание своего социального будущего включает: 1) жизненную стратегию личности, которая характеризует главное направление развития личности, ее становления; 2) жизненную линию личности, которую она выбирает для реализации своих целей и идеалов; 3) жизненную программу личности, в которой представлено осознание собственной жизни. Это целостная картина, идеальный образ намеченного жизненного пути, жизненных целей, позиций индивида в системе его представлений о будущем; 4) жизненные планы личности, в которых она сознательно планирует свое будущее на определенный период, в них отражается порядок, вырабатываются формы, средства для реализации будущих замыслов; 5) жизненный путь личности, на протяжении которого она принимает участие в конкретных исторических событиях, становится субъектом исторического процесса; 6) ценностные ориентации и социальные установки личности, которые показывают ее ориентацию на будущее, состояние готовности действовать в направлении будущего.

Социологические исследования, проводимые нами с 1970 года по настоящее время, позволили зафиксировать различия в ценностных ориентациях личности советского и постсоветского общества, на

 $^{^{105}}$ Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. С. 5.

разных исторических этапах 70–80-х годов, 90-х годов XX века и 10-х годов XXI века 106 .

Личность современного общества имеет конкретные ориентации на будущее во всех сферах жизни. В частности, с помощью эмпирического исследования нами были рассмотрены представления личности о предпочитаемых ею в будущем видах труда, профессиях, мотивах выбора работы, типах поселения, формах обязательного обучения, формах проведения свободного времени, моделях общественного устройства и т.д. Это позволило зафиксировать у личности четкую ориентацию на будущее 107.

Сформировавшиеся ценностные ориентации личности отражают не только ее современные потребности, но и потребности будущего, которые она оценивает как реальную программу социального и индивидуального совершенства. В этом проявляется специфическое свойство самосознания личности в современном общества: наличие в социальном самосознании личности закономерной обязательной социальной прогностической ориентации, основанной на осознании своего социального будущего. В эмпирическом исследовании она фиксируется у подавляющего большинства опрошенных нами респондентов разных социальных групп. Они имеют конкретную ориентацию не только в своей личной жизни, но и на будущее развитие общества ¹⁰⁸.

Итак, индивидуальное и общественное осознание будущего взаимосвязаны. Индивидуальное будущее выступает не само по себе, а как часть общественного будущего, обусловленная общественным

107 См.: Стегний В.Н. Осознание личностью своего социального будущего: моногр. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. С. 121–133.

108 См.: Стегний В.Н. Выбор студентами инновационной модели развития Рос-

 $^{^{106}}$ См.: Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества: моногр. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. С. 40–166.

¹⁰⁸ См.: Стегний В.Н. Выбор студентами инновационной модели развития России // Вестник Перм. гос. техн. ун-та. Серия «Социально-экономические науки». 2010. № 7(26). С. 3–6; Стегний В.Н. Прогнозирование будущей социальной модели развития России // Вестник Перм. гос. техн. ун-та. Серия «Социально-экономические науки». 2010. № 5(24). С. 3–13.

развитием. Общество гарантирует личности благоприятное социальное будущее, если ее практическая деятельность не противоречит тенденциям социального развития. В то же время личное будущее выступает в качестве конкретной возможности, которая зависит не только от индивидуальных усилий, но и в своих главных чертах гарантируется, обеспечивается обществом. Свое социальное будущее личность стремится осознавать в единстве общего (теоретического) и индивидуального (конкретно-деятельного). Социальное будущее для личности является направлением, в котором идет ее самореализация. Личность осознает, что условием развития общества и изменения ее индивидуальной судьбы может быть только ее собственная активность. Основы выбора своего будущего личностью закреплены в правовых нормах, функционирующих в обществе, в Конститупии РФ.

Осознание социального будущего отражает определенный уровень осознания и осуществления свободы личности. Свобода является основой, из которой вырастает все здание общественного идеала. Свобода и будущее — категории взаимосвязанные: второе всегда предполагает в какой-то мере первое. Свою свободу в будущем личность видит во взаимосвязи с обществом, что способствует эффективности их обоюдного функционирования. Общество предоставляет индивиду определенные возможности для свободного выбора своего социального будущего. Именно свобода выбора своего личного будущего в обществе составляет одну из главных особенностей современного общества.

Осознание своего социального будущего неразрывно связано со свободой и творчеством, это творческий акт, в котором личность реализует свободу выбора между многими реальными возможностями с тем, чтобы одну из них превратить в действительность. Сознательно выбранное человеком социальное будущее становится для личности законом жизни, определяющим способ и характер ее действий. Поэтому в осознании будущего находит свое проявление диалектика свободы и необходимости.

В осознании социального будущего выделяется ближайшее, отдаленное и сверхотдаленное будущее, причем все они связаны между собой. Нельзя достигнуть отдаленного будущего, если ближайшее будущее оторвано от него и нет представления о дальнейших этапах.

Воспитание человека обязательно предполагает формирование у него представлений о ближайшей и отдаленной перспективе как общества, так и своей личной жизни. Хотя индивидуальное и историческое осознание будущего совпадает, между ними есть и различия. В социальном времени выделяется время индивида, поколения, истории 109. Наиболее полно эта взаимосвязь проявляется в соотношении биографического и исторического развития личности.

Осознание социального будущего – один из элементов социального времени, которое отражает прошлое, настоящее и будущее в процессе развития. Деление объекта на прошлое, настоящее и будущее возможно только в сознании. Отражая в сознании современное общество в такой последовательности, оно отражает и направленность, необратимость, преемственность исторического развития.

Осознавая свое социальное будущее, личность не может претендовать на исчерпывающее знание о нем. Осознание личностью своего социального будущего не подчиняется только логике, оно шире и глубже одной теории, «модели будущего меняются во всех формах общественного сознания: науке, искусстве, философии, религии, политическом сознании, морали» 110.

Осознание наиболее общих тенденций будущего развития природы, общества выражено в философии. В этой форме общественного сознания дается общий, целостный, концептуальный взгляд на социальное будущее. Философия является общетеоретической основой познания социального будущего.

В политическом сознании моделью будущего выступает политический идеал. В нем отражается отношение личности к политиче-

 $^{^{109}}$ Яковлев В.П. Социальное время. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 980. С. 16–146.

¹¹⁰ Румянцева Т.М. Интервью с будущим. Л.: Лениздат, 1971. С. 177.

скому развитию системы, ее содержанию, характеру, движущим силам.

В системе правовых взглядов отношение к будущему проявляется через осознание правового идеала. Осознание будущего имущественного положения общественных групп, прав и обязанностей личности, правовых принципов и норм исходит из сегодняшнего правового положения, закрепленного в законах и других правовых нормах, прежде всего в Конституции РФ.

В нравственном сознании моделью будущего является нравственный идеал. Он отражает перспективу моральных отношений, образец совершенства человеческих отношений.

В искусстве будущее осознается через эстетический идеал. Он в художественной форме отражает картину желаемого, должного, мечтаемого. Этот идеал предусматривает преобразование действительности по законам красоты, эстетическое отношение к труду, природе, обществу. Истина, добро, красота – вот три ипостаси данного идеала.

В экономическом сознании будущее осознается через экономический идеал, который предполагает дальнейшее развитие материального производства, повышение его эффективности, развитие народного хозяйства – мечта человека в экономической системе.

У личности современного общества фиксируется прогностическая ориентация как на идеал будущего развития общества, так и своей, личной жизни¹¹¹. У опрошенных респондентов положительные чувства вызывают следующие понятия: порядок – 58 %, справедливость – 49 %, стабильность – 38 %, достаток – 37 %, труд – 31 %, права человека – 33 %. Отрицательные чувства вызывают такие понятия, как элита – 41 %, капитализм – 26 %, Запад – 23 %, ре-

¹¹¹ См.: Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Мифы / отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 69–143; Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества: моногр. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн.ун-та, 2009. С. 40–180.

волюция — 22 %, коммунизм — 19 %, власть — 18 %, оппозиция — 17 %, партия — 16 %, либерализм — 15 %.

Для нашей страны, по мнению опрошенных, наиболее приемлемы такие ценности, как мир, законность, духовность, могущество, независимость, равенство, развитие, сотрудничество, государственность, коллективность, человечность, безопасность, внимание к людям, образованность, научность, нравственность, воля, терпимость и т.д.

Для себя лично респонденты выбирают: доверие, семью, здоровье, труд, любовь, порядочность, справедливость, уважение к Родине, образование, занятость, веру, ответственность и т.д. Отвергаются ими беззаконие, безработица, взяточничество, война, вырождение, разобщенность, непрофессионализм, жестокость, агрессивность, бедность, зависть, лень, обман, хамство, разврат и т.д. 112

Ориентация личности современного общества свидетельствует о том, что в центре будущего общества должен стоять человек. В таких ориентациях он выступает самоцелью общественного развития, а не средством.

Итак, осознание личностью своего социального будущего является элементом всех форм современного сознания. В каждой из них оно отражается в своей специфической форме. Идеал отражает будущий образ, воплотивший наиболее цельные черты развития общества, личности. Идеал как элемент осознания социального будущего специфически отражает действительность. Идеал является высокой целью, образом, программой деятельности общества, личности, индивида. Идеал – это совершенство, выходящее за пределы реального. Идеализировать – значит представить что-либо лучше, чем оно есть на самом деле, поднять над действительностью. Идеал обладает бытием в потенциальной форме. Современный идеал представляет собой единство субъективного и объективного. Он направлен на изменение действительности. Изменяя ее, человек это делает потому, что

 $^{^{112}\,{\}rm O}$ чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. С. 13–24.

идеал, реализованный в ней, не удовлетворяет его, он создает в воображении лучшее. Конечно, жизнь и идеал – не одно и то же. Жизнь – это действительность, идеал – идеальная возможность сделать жизнь такой, какой она мыслится. Характерной особенностью современного российского общества является то, что в нем еще не выработан общественный и личностный идеал, который бы смог заинтересовать и увлечь основную массу населения нашей страны на ее изменение во имя человека и для блага человека. Общественный идеал (и осознание личностью своего социального будущего) может быть верным (объективным) только в том случае, если он не противоречит научным знаниям о социальном будущем, тенденциям развития общества, практике строительства современного общества. Практика – главный критерий как истинности осознания личностью своего социального будущего, так и деления на этапы его реализации и формирования¹¹³.

Одного осознания социального будущего недостаточно для его достижения, здесь необходимы еще и общественные действия. Прогностическая ориентация личности, основанная на осознании своего социального будущего, мобилизует, организует оптимистическую социальную активность личности, направленную на движение общества к будущему. Осознание будущего выступает как условие фактической деятельности личности. Осознание будущего воздействует на развитие общества не само по себе, а через активность людей. Идеи будущего, овладевая массами, становятся побудительной силой развития общества, личности. Знание тенденций общественного развития является одной из основных предпосылок, позволяющих не только объяснять социальное будущее, но и привлечь личность к активному и сознательному его осуществлению. В таком социальном будущем индивид видит смысл своего бытия, которое направлено на реализацию будущего, объективно отвечающего его личным интересам. Воплощая свой личный интерес, человек способствует общест-

 113 См.: Стегний В.Н. Осознание личностью своего социального будущего. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. С. 42–59, 60–82.

венному развитию. На всех уровнях практической деятельности (от общества до отдельного трудового коллектива, рабочего места) осуществляется деятельность по реализации общего и индивидуального будущего.

Рассмотренная нами трудовая, общественно-политическая, духовная активность личности в современном обществе позволяет четко зафиксировать ее обращенность в будущее. Конечно, активность личности, направленная на практическое претворение в жизнь своего социального будущего, не исчерпывается только указанными ранее видами активности. Она охватывает все стороны деятельности человека: преобразовательную, ценностно-ориентационную, коммуникативную и т.п. Указанные нами формы активности являются лишь главными, но не единственными.

Содержание деятельности личности, обращенной в социальное будущее на разных исторических этапах, определяется сущностью той социальной среды, в которой она живет. Самое главное в этом процессе, зафиксированное нами, это конкретная взаимосвязь между уровнем осознания личностью своего социального будущего и уровнем ее активности, роль которой по мере становления информационно-инновационного общества будет возрастать.

§ 2. Историческое сознание

На современном этапе общественного развития у личности усиливается интерес к прошлому нашего общества, особенно к периоду после Октябрьской революции. Существенное влияние на развитие интереса к прошлому оказывает движение общества в направлении информационно-инновационного развития, так как оно позволяет выйти на новые подходы к осознанию пройденного. Это имеет существенное значение для усвоения уроков истории, развития исторической памяти, чувства исторической ответственности, формирования исторического сознания, основанного на объективном отношении к прошлому. Обновление общества предполагает объективный учет исторического прошлого, его уроков, научный взгляд в будущее.

В этих условиях очень важно осознать прошлое на основе исторической правды, знания тенденций общественного развития.

Что же такое историческое сознание? Категория «историческое сознание личности» охватывает «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых личность осознает свое прошлое, точнее – в которых общество воспроизводит свое движение во времени».

Объектом отражения исторического сознания является история. Историческое сознание представляет собой «...совокупность знаний, идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем многообразии...», 114 присущем как обществу в целом, так и личности, индивиду. Историческое – это объективно существующая действительность, диалектически развивающаяся по своим внутренним законам.

Историческое развитие есть прежде всего развитие целеполагающей деятельности людей и, следовательно, включает в себя сознание. Специфика истории в том, что она обращена к прошлому. Поэтому история – это прошлое. Осознание истории – это прежде всего осознание прошлого человеческого общества, личности. Но это осознание осуществляется из настоящего. Место исторического сознания определяется через отражение в сознании противоречивости общественного развития, в котором есть всегда остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего.

Историческое сознание как особая форма общественного сознания в отличие от других его форм фиксирует не особые качественно различные институты, структуры и виды деятельности, а аспекты стабильности и изменчивости в их временном бытии. Если все другие формы общественного сознания отражают одну из плоскостей человеческого отношения к наличной деятельности (или действительности), то историческое сознание в эти отношения вводит до-

¹¹⁴ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарика, 2001. С. 177.

полнительное измерение – время. Элементом исторического сознания является **историческое время**¹¹⁵.

В самосознании это время воспринимается не как астрономическое, а как время исторической хронологии событий, время осуществления главных планов, идеалов, исторических событий, этапов. Временные периоды в историческом сознании выступают как ступени предыдущих этапов общественного развития. Историческое время отражает движение общества от одной цивилизации, эпохи, формации к другой. Здесь мы имеем дело в основном с прошлыми цивилизациями, эпохами, формациями. Историческое время позволяет отличить историю Древнего мира, Средних веков, новую, новейшую – одну от другой, показать их взаимосвязь, направленность, необратимость развития. Через отношение человека к указанным ранее периодам идет осознание ближайшего, отдельного, сверхотдельного исторического прошлого.

Для исторического времени существенное значение имеет осознание, определение начала и конца объекта, от возникновения до отмирания. Историческое время воспринимается обычно как непрерывный хронологический ряд, на самом деле оно должно быть рассмотрено в виде многих рядов, в каждом из которых существует особая длительность, присущая только одному уровню развития. В формационном времени, в одной формации, в ее экономической, социальной, политической, духовной сферах общественного развития мы имеем дело с временными отрезками разной длительности. Эти интервалы времени могут не совпадать не только по своей продолжительности, но и в моментах их начала и окончания 116. Причем в 30 разных цивилизациях, формациях разный ритм времени. Человек развитой страны и развивающейся имеет существенно разные ритмы времени. У первого он значительно интенсивнее. Историческое и астрономическое время также могут не совпадать. Если

_

 $^{^{115}}$ Стегний В.Н. Методологические аспекты исследования исторического сознания // Учен. зап. гум. фак. Вып. 1 / Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 2000. С. 23.

 $^{^{116}}$ Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 6.

у стран, находящихся на вершине социального прогресса, они совпадают, то у развивающихся стран социальное время отстает от астрономического. Данное противоречие отражает историческое сознание. Оно отражает не только время общества, но и время поколения, индивида, личности.

Историческое сознание с помощью исторического времени позволяет человеку, обществу определить свою систему координат в настоящем. Прежде всего, это отражает историческое сознание, так как утрата временной ориентации в истории ведет к формированию псевдообщественного поведения, восприятию антинаучных, донаучных типов мировоззрения. Историческая определенность личности, общества в практической жизнедеятельности делает возможным объективное осознание не только прошлого, но и настоящего, и будущего. Историческое сознание не только отражает прошлое, историю, но и познает их. Его основой является историческое познание, где оно выполняет определенные функции¹¹⁷. Историческое познание и историческое сознание находятся в противоречивом взаимодействии. При общности они фиксируют как специфически разные процессы, так и результаты. Результатом исторического познания является историческое знание. Поскольку знание является ядром сознания, то историческое знание является ядром исторического сознания. Историческое познание через свои знания отражает генезис объекта. В связи с этим важно не забывать основную историческую связь, смотреть на каждый процесс с точки зрения того, как конкретное явление в истории возникло, какие этапы в своем развитии оно проходило и чем оно стало теперь. С помощью исторического познания историческое сознание осуществляет описание, объяснение, предсказание в истории. При этом следует заметить, что прогнозирование, предвидение осуществляется не только будущего, но и прошлого 118.

 117 Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 48–63.

¹¹⁸ Стегний В.Н. Осознание личностью своего социального будущего. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. С. 7–42.

Историческое познание опирается как на научные, так и ненаучные формы познания. Научные и ненаучные формы познания находятся в противоречивом взаимодействии. Ненаучные формы познания иногда отождествляют с антинаучными. О последних здесь речь не идет.

Приоритетным принципом исторического познания и сознания является принцип историчности. Основным средством исторического познания в историческом сознании является историческая наука. Она изучает события прошлого, которые начались и закончились задолго до того, как ученый приступил к их исследованию. У историков предмет отражения, анализа, изучения не обладает свойствами непосредственной действительности, т.е. не находится на глазах исследователя (индивида), а воспринимается и осознается через различного рода промежуточные свидетельства, которые принято называть историческим источником.

Поскольку объекты прошлого, как правило, не существуют в момент их осознания, исследования, то их познание не может осуществляться методом наблюдения. Хотя есть памятники истории, но они не могут отразить всей сути прошлого, истории. Поэтому для исторического познания, сознания, для выработки исторического знания основную роль играют абстрактно-теоретические методы анализа, среди которых прежде всего следует выделить ретросказание. Оно является процедурой опосредованного, выводного получения знаний о прошлом на основе знаний о настоящем. Вся прошлая история проецируется в настоящем, и ученый, индивид стремится по этой «проекции» восстановить прошлую историю. Индивид, исследователь живут в мире настоящего, только в нем они могут черпать материал для получения знаний о прошлом и будущем. Историческое сознание является непрерывным процессом «переработки» настоящего в прошлое и прошлого в настоящее и будущее. Именно следы прошлого и являются тем отправным материалом, на котором основывается историческое знание.

Историческое знание в историческом сознании характеризует прошлое общества с целью познания закономерностей его развития,

а также с целью выявления того, как эти закономерности влияют на существующие общественные отношения и будущее общественное устройство. Знание прошлого — основа правильного понимания настоящего и будущего, историческое знание позволяет извлекать из прошлого уроки, необходимые для подготовки предстоящих общественных усовершенствований, и поэтому их практическая роль будет усиливаться по мере того, как человечество будет овладевать подлинно научными методами управления общественный развитием. Хотя история изучает прошлое человечества, но «историческая наука вольно или невольно ищет путь стать наукой о будущем»¹¹⁹.

Основой исторического знания является информация о прошлом. Именно она образует духовные предпосылки исторического знания. Эта информация, воплощенная в орудиях труда и других предметах, запечатлена в документальной (книги, газеты, журналы, кассеты, архивы и т.д.), художественно-образной (произведения литературы, искусства и т.д.) и устной форме. Благодаря информации о прошлом каждое новое поколение наследует достижения во всех сферах общественной жизни, и поэтому избавляется от необходимости повторять все сначала. Отталкиваясь от достигнутого, новое поколение, взяв его за основу, идет дальше, вперед, в будущее.

Информация о прошлом позволяет человеку адаптироваться к окружающему миру, ориентироваться в настоящем, управлять сво-им поведением. Она служит исходным материалом для становления личности, индивида. Запас информации о прошлом уникален у каждого человека, что вызывает специфический характер восприятия им воздействия социальной среды. Эта информация находится в противоречивом взаимодействии с информацией о настоящем, в таком случае она является источником развития поколения, человека, общества. Человек находится под влиянием двух потоков информации – передача информации от поколения к поколению (вертикальный обмен) и обмен информацией между людьми одного поколения (горизонтальный обмен информацией). Два потока информации – ге-

¹¹⁹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 26.

нетическая и социальная протекают в истории человечества и встречаются в процессе жизни и развития индивида.

Информация о прошлом характеризует историческое наследство, которое получает общество, личность. Тем более что наследство может быть со знаком плюс или минус, т.е. и то, что является основой развития, прогресса, и то, что их тормозит и порой противостоит.

Информация о прошлом отражает историческую память, без чего не может функционировать историческое сознание. Историческая память хранит большой объем информации о прошлом. Благодаря ей человек хранит информацию обо всем увиденном, услышанном в прошлом. В современном обществе человек получает информацию по целой системе каналов 120.

Для исторического сознания большое значение имеет отражение исторических образов, форм зеркального отражения реальных прошлых событий. Здесь домысел исключен. В историческом сознании с помощью исторических образов, исторической памяти, информации отражаются исторические пункты. Отражаются они в нем не сами по себе, а в системе. Только в системном виде, отражаясь в историческом сознании, факты могут обнаружить действие исторической закономерности.

Научное историческое сознание отражает прежде всего законы общественного развития. Законы науки призваны выполнять функции «соединительного моста» между информацией о настоящем и прошлом. Смысл истории составляют объективные закономерности, присущие процессу развития человеческого общества. Движущей силой истории является деятельность человека, которая отражает историческое сознание.

¹²⁰ См.: Стегний В.Н. Информированность студента как показатель его культуры // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 114–118; Стегний В.Н. Информационное общество: отношение личности к информации // Вестник Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Серия «Социально-экономические науки». 2013. № 19(46). С. 8–22; Стегний В.Н. Политическое информирование личности (1960–1990-е годы) / Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 2001. С. 18–80.

Историческое сознание отражает не только исторические закономерности, но и случайности. История носила бы мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Они входят составной частью в процесс развития. Историческое сознание отражает случайное и закономерное в прошлом, пройденный человеческий путь во всем многообразии и неповторимости. История не прямолинейный процесс, она развивается сложным, противоречивым путем. «Вся сложность понимания истории как осуществляемого людьми закономерного процесса в том и заключается, что познание должно ухватить противоположные начала в деятельности людей: объективное и субъективное; необходимое и случайное; независимое от человека, нечто субстанциональное и зависящее от его сознания, воли, выбора; закономерное и определяемое совокупностью конкретных обстоятельств; общее и отдельное и т.д. Эти противоположности не просто противостоят друг другу, они постоянно переходят одна в другую» 121.

Историческое сознание, как и вообще сознание, следует объяснять из противоречий материальной жизни общества. Оно отражает прежде всего действие основного противоречия развития человеческого общества в прошлом, затем основное противоречие каждой цивилизации, эпохи.

Историческому сознанию присущи свои специфические противоречия. Противоречие между специализированным историческим сознанием и историческим сознанием массовым в современных условиях является одним из основных. Суть его состоит в том, что открываемые исторические закономерности, процессы, факты и т.д. должны становиться достоянием сознания каждого человека, а не оставаться достоянием только специализированного сознания, исторического знания, исторической наукой и историческим сознанием. Историческая наука, историческое знание еще не стало ядром исторического

_

 $^{^{121}}$ Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981. С. 130.

сознания индивида современного общества. Историческое знание может становиться историческим сознанием порой через очень длительный интервал времени. Многие закономерности, открытые не одно столетие назад, не стали достоянием сознания каждого человека в современных условиях. В частности, открытая Коперником около четырех столетий назад геоцентрическая система не стала достоянием сознания каждого индивида и по сей день. Превращение исторического знания в историческое сознание весьма длительный, сложный, противоречивый процесс. Одна из задач историков в том, чтобы своевременно выявлять противоречия между естественной ограниченностью нашего исторического опыта с вытекающими конкретными пределами наших знаний нием преодолеть эти пределы обращением к иллюзиям, мифотворчеству.

Историческое сознание в системе общественного сознания выполняет конкретные функции, среди которых существенное место занимает функция **преемственности исторического развития**. Новое общество вырастает не на пустом месте, а из предыдущего. Здесь мы имеем дело с генетической преемственностью в общественном развитии, что отражает историческое сознание.

Такое отношение к прошлому определяется тем, что материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, принадлежат настоящему. Прошлое живет в созданной человеком культуре, в сложившихся общественных связях, политическом строе, традициях, обычаях и т.д. Чувство истории, сопричастности с прошлым – показатель духовной зрелости человека.

Человек в процессе общественной практики предметно наследует воспринимает, актуализирует, воспроизводит прошлый опыт и вместе с тем создает обратную материальную, общественную и чувственную по своей природе связь с объективной действительностью прошедшего времени и людьми, преобразующими её. Поэтому в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни.

Воспроизводство действительной жизни возможно только через преемственность поколений. Ввиду этого человек заимствует формы предметной деятельности. История есть не что иное, как последовательная смена поколений, каждое из которых использует производительные силы, передаваемые ему всеми предшествующими поколениями. Именно этот процесс отражается через историческое сознание, обеспечивая связь поколений, их преемственность, создает условия для общения, взаимопонимания людей в различных сферах жизнедеятельности, для культурного, социально-этнического определения народа, для осознания себя как самостоятельной общности. В этом процессе велика роль воспитания.

В историческом сознании есть необходимость выделить воспитание как самостоятельную функцию, так как личный жизненный опыт каждого поколения передается следующему поколению лишь через воспитание. Однако опыт, передаваемый следующему поколению, становится уже не только личным, но и общественно-историческим достоянием. Поэтому историческое сознание существует не только как продукт личного жизненного опыта, но и как общезначимое знание, доступное и понятное всем членам данной общности. В процессе воспитания историческое сознание выполняет функцию накопления, сохранения и передачи исторического опыта. Через передачу опыта историческое сознание выполняет функцию самосохранения этнической целостности, культурной общности. Здесь очень велика роль культуры. Историческое сознание не функционирует вне культуры. Необходимость усвоения культуры — потребность исторического сознания.

Историческое сознание, выступающее как «память» человечества, дает множество образцов социально значимого поведения. Поступки людей, различные исторические ситуации, становясь эталонами, дают обоснование норм поведения, санкционированных общественным поведением, служат укреплению конкретного общественного строя. Усвоить прошлое должен каждый человек. Идет этот процесс главным образом через социализацию, хотя здесь большую роль играет и индивидуализация.

Регулятивная функция исторического сознания касается сферы взаимоотношения в прошлом народов, государств, наций, социальных групп. Государственно-правовое регулирование внутренних и внешних конфликтов нуждается в особой аргументации, опирающейся на исторические сведения. Обращение к прошлому в поисках исторических доказательств является обычной процедурой политической и юридической практики в настоящем.

В современных условиях обращение к прошлому нашей страны связано с тем, чтобы извлечь определенные уроки, опыт из прошлого, так как информация, знание о прошлом является одной из основ организационно-управленческой деятельности в настоящем. Без регулятивной роли исторического сознания общество вообще не могло бы существовать, на основе исторического прошлого формируются нормы общественного поведения, общественное и индивидуальное сознание.

Аксиологическая функция исторического сознания позволяет охарактеризовать его как систему взглядов определенного общества в отношении ценностей прошлого. В научном сознании развитие осознается не как процесс движения из прошлого в настоящее, а из настоящего в будущее. Здесь ориентация на будущее преобладает над ориентацией на прошлое и настоящее, исходя из чего определяется отношение к ценностям прошлого, их месту и роли в общественном развитии. В обыденном сознании развитие и прогресс не осознаются как процесс движения из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее. И здесь ориентация на прошлое преобладает над ориентацией на будущее.

В этом сознании ценности прошлого доминируют над ценностями будущего.

Опираясь на историческое познание, знание, историческое сознание выполняет познавательную функцию. Оно является самопознанием прошлого общества, личности, индивида. Зная материальные, духовные отношения той или иной прошлой эпохи, цивилизации, можно судить о степени их познания и о степени свободы людей в них. Историческое сознание дает целостную картину по-

знания и освоения мира при помощи всех форм общественного сознания.

Историческое сознание выполняет функцию предвидения. Историческое знание, познание, сознание является единственным основанием для предвидения будущего. Для того чтобы историческое прошлое могло служить основанием для предвидения будущего, необходимо располагать определенным логическим механизмом, позволяющим переносить информацию о прошлом на будущее. Таким основным социальным механизмом могут служить только законы общественного развития. Через их осознание осуществляется предвидение, прогнозирование будущего. Поэтому историческое сознание имеет прогностическую функцию 122.

Историческое сознание выполняет функцию восприятия прошлого и преобразования настоящего. Эта функция позволяет осуществить взаимосвязь идеального и реального, теории и истории, теории и практики. С ее помощью человек, общество осуществляют на практике свои планы, программы деятельности. Эта функция является одной из основ ориентированности общества, личности, их активности. Между уровнем развития исторического сознания общества, личности и ее активностью существует взаимосвязь: повышение уровня данного сознания является одной из основ повышения их созидательной творческой активности, возрастания роли народных масс, личности в истории. История учит человека активности, личной ответственности каждого за свои поступки, целенаправленности, так как она не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека.

Конечно, при анализе истории принципиальную роль играет проблема соотношения теории и истории. Этапы развития истории и исторической науки не совпадают, но в настоящее время они не разделены. Не исследованной остается проблема, когда же историческое знание стало теорией, наукой, в результате каких научных открытий. Фактически остаются не классифицированными научные ис-

¹²² Стегний В.Н. Осознание личностью... С. 60–88.

торические школы, которые придерживаются разных концепций, парадигм интерпретации исторических событий, фактов, процессов. Та классификация, с которой часто приходится иметь дело в исторической науке, в основном произведена не по научному, а по политическому критерию или идеологическому, религиозному и т.п.

При исследовании истории научные и ненаучные формы познания оказываются взаимосвязанными. Но, к сожалению, чаще всего используются ненаучные методы познания, что и является причиной спора о том, история – это наука или идеология. В нашей стране со сменой политического режима или политического лидера страны начинают переписывать историю, при этом прошлый период оценивается негативно, а настоящий этап только в радужных тонах. В этом случае нуждается в прояснении вопрос о соотношении в исторической науке нравственно-этического подхода, направленного на выявление исторической правды, и научно-теоретического, цель которого – познание исторической истины. Правда в истории – это в конечном счете истинное представление об исторической реальности. Для историка важно выявить истину, которая, во-первых, может выступать как бесконечный процесс углубления в предмет исследования, во-вторых, как процесс застывший. Здесь очень велика роль интеллектуального поля истории 123.

Доминанта апологетической функции исторической науки над анализом, синтезом, прогнозом свидетельствует о том, что история чаще всего рассматривается через призму политического интереса какой-либо социальной группы, исследователя. Политический, хронологический, описательный подходы к характеристике истории доминируют над её анализом и синтезом. Обилие исторических фактов, событий дает незначительный эффект. Характеристика объекта исследования за счет расширения его границ чаще всего позволяет построить всего лишь хронологический ряд исторических событий. Движение в глубину объекта исследования дает несколько иной ре-

 $^{^{123}}$ Андреев А.Л. Интеллектуальное поле истории // Высшее образование в России. 2013. № 8–9. С. 133–144.

зультат. Он позволяет привести факты в определенную систему, систему исторических знаний.

В настоящее время актуальны проблемы методов исследования истории истории еской наукой; предмета преподавания истории и предмета исследования исторической науки. Что преподают в школе или вузе: историю или историческую науку, или и то, и другое, или ни то, ни другое¹²⁴? Без решения этих вопросов очень сложно формировать историческое сознание.

§ 3. Этническая идентичность и национальное самосознание российского народа

Этническая идентичность – субъективная сторона этнической принадлежности, когда люди сами себя причисляют к какой-либо этнической общности. Наиболее глубоко проблемы групповой и индивидуальной идентичности разработаны в психологии (З. Фрейд), в теоретической социологии (Д. Мид, Ч. Кули, Р. Тернер, Э. Гофман), в этнополитологии (В. Тишков, Ю. Шабаев).

Начиная еще с Э. Дюркгейма, социологами тщательно изучаются механизмы установления связей индивида с определенной общностью под воздействием надиндивидуальных социально-культурных требований.

В теории социальной идентичности Тернера идентичность – это знание человека о себе как о члене группы. Согласно этой теории, люди стремятся к позитивной социальной идентичности, к тем знаниям о себе, которые позволят им думать о себе лучше, чем о людях из других групп. Общественный образ себя, своей группы и окружающего мира должен быть целостным и непротиворечивым.

Понятие идентичности в строгом смысле слова означает основополагающие и устойчивые черты, составляющие своеобразие личности или группы, а также осознание принадлежности к группе,

135

 $^{^{124}}$ Антипов А.Л. Как и зачем нужно изучать историю в школе и университете // Высшее образование в России. 2013. № 8–9. С. 125–132.

основанное на географической, лингвистической, культурной общности.

Идентичность – субъективное переживание человеком своей индивидуальности. Человек, рассмотренный в структуре философских категорий «общее – особенное – единичное», предстает:

- а) как человечество в целом и общечеловеческое в каждом конкретном представителе нашего рода;
- б) как определенная общность людей (расовая, этническая, национальная, классовая, конфессиональная, профессиональная, половая, возрастная, характерологическая и пр.) и проявления этой общности в конкретных людях;
- в) как отдельный человек в конкретной единственности своего реального существования.

Эта трехуровневая структура представляет собой универсалию бытия и самосознания человека.

В. Тишков и Ю. Шабаев называют три характерных признака этнической идентичности.

«Во-первых, этнические общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий людей и создаваемых ими институтов, но главным образом государства...

Во-вторых, границы этнических общностей являются подвижными не только во времени, но и в зависимости от конкретных ситуаций. Например, в одной ситуации мордвин назовет себя мордвином (в Москве), в другой — мокшей (в своем селе), в третьей — русским (за пределами России). Равно как личностная идентификация, способна меняться и групповая идентификация...

В-третьих, этническая общность, основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности, цементируется во многом способностью группы консолидированно противостоять внешним угрозам и вызовам, а культурная схожесть членов помогает осуществлять контроль ресурсов и политических институтов, обеспечивать

комфортное существование личности в рамках культурно-гомогенных сообществ» 125 .

Государственная идентичность индивида существует в различных формах. Наиболее удачным основанием для ее типологии служит степень отождествления индивида с данной государственностью, тот уровень субъективного самоощущения плотности связей и взаимозависимостей с государством, который присущ конкретному индивиду (или группе). Поэтому можно представить существующую совокупность идентичностей как некий континуум, на одном полюсе которого находится абсолютное неприятие и непризнание какойлибо связи с данным государством, отвержение его и активное нежелание выполнять обязательства в его отношении (например, староверческие скиты), а на другом полюсе – абсолютное растворение индивида в государственности и полное подчинение ей, исключающее право на собственную частную жизнь. Первое можно назвать негативной идентичностью, второе – этатической идентичностью. Все прочие типы или модели идентичности находятся в пространстве между ними. Наиболее же оптимальным является центр данной шкалы, предполагающий сочетание развитой индивидуальности и осознание собственных интересов граждан с их чувством гражданства, субъективно значимой причастности к определенному государству.

Государственность и государственная идентичность, таким образом, тесно связаны и взаимообусловлены ¹²⁶.

Большое значение имеют проблемы сохранения национальной идентичности в условиях растущей глобализации мира. Наряду с влиянием глобальных тенденций усиливается противоположный процесс: упрочение идентичности. Рычагами сохранения идентичности выступает не только государство, но и институты гражданского общества.

 $^{^{125}}$ См.: Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011. С. 59–60.

 $^{^{126}}$ См.: Хабибуллин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. 2000. № 5. С. 5–11.

В связи с этим пристальное внимание вызывают процессы децентрализации и детерриториализации в странах развитых демократий, характеризующихся передачей основных организационных функций публичным общественным институтам региональных и локальных уровней, ибо только на уровне территорий возможно сохранение собственной идентичности.

К сожалению, эти процессы не свободны от известной степени мифологизации культуры и истории новыми субъектами политического действия. Реальность этнических мифов такова, что история каждого народа представляется наиболее древней и богатой среди других, а ареал исторического расселения и влияния — выходящими далеко за пределы их нынешних границ.

В России в 90-е годы XX века наступил кризис идентичности в результате распада прежней государственности. Так, по мнению Е.Б. Светлицкой, важнейшим следствием распада СССР стал идентификационный кризис, переживаемый значительной частью населения России, особенно лицами, относящимися к старшим возрастным группам. Ухудшение положения в стране, изменение идеалов, неопределенность ситуации привели к тому, что многие потеряли нравственные, идеологические, материальные и жизненные ориентиры, остро почувствовали свою ненужность государству, маргинальность своего положения: перестав быть гражданами СССР, они не осознали того, что стали гражданами России 127.

С распадом СССР и образованием новых государств люди, пересматривая прежние представления о самих себе, сталкиваются с сосуществованием старых и новых идентичностей, в том числе национальных. Этот сложный процесс вызвал кризис самосознания и болезненные политические проекции, связанные с отрицанием старого режима и его политической и социокультурной системы.

В различные эпохи национальной жизни выступают на передний план определенные аспекты, отбирается то из прошлого, что со-

 $^{^{127}}$ См.: Светлицкая Е.Б. Новая российская идентичность // Общественные науки и современность.1997. № 1. С. 73.

ответствует ее, этой эпохи, духу. Многие ученые России кризис идентичности видят в возвращении к «русской идее».

На Украине возникла проблема этногенеза украинцев и места в нем Киевской Руси, усилилась угроза идентичности русскоязычного населения. Дело дошло до вооруженного конфликта между Юго-Востоком страны и Киевской центральной властью.

В Молдавии существует запутанность в исторических отношениях основного этноса – молдаван – с Румынией и Россией. В результате вооруженного столкновения возникла Приднестровская Молдавская Республика, жители которой сохранили российскую идентичность.

Армянские исследователи говорят о «карабахизации» своей национальной истории.

Война в Югославии показала, что может произойти в случае ускоренной и одобряемой извне перемены идентичности.

Американский ученый С. Хантингтон изложил новую концепцию идентичности в книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности». Автор говорит об угрозе разделения США на две культуры и два народа, говорящих на разных языках. По его мнению, мексиканцы и латиноамериканцы, в отличие от предшествующих групп иммигрантов, не интегрировались в основное ядро культуры США, а образовали по всей стране собственные политические и языковые анклавы, не приемлющие англопротестантские ценности 128.

Сложные проблемы возникают в мусульманском мире. В зонах расселения мусульман в разных странах мира исламизм распространяется через формирование альтернативной идентичности, то есть самоидентификацию не с тем или иным модернизирующимся секулярным государством, а с исламской уммой (глобальным сообществом верующих), которая на деле подменяется конкретным исламистским центром.

 $^{^{128}}$ См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008.

Следует отметить, что ничто не наносит большего вреда исламу и мусульманам, чем современный исламский экстремизм.

Исламский экстремизм - ваххабизм, названный так по имени его основателя Мухаммада ибн абу аль Ваххаба (1703-1787), составляет идейную основу международного терроризма, призывает к «джихаду» - «священной войне против неверных». Необходимо противодействовать не исламу и людям, его исповедующим, а экстремизму в исламе и его носителям.

Для России проблемы идентичности приобретают сегодня исключительное значение, что связано с усилением процессов глобализации, экономико-технологической и идейно-информационной конкуренцией, обострением военно-политических проблем.

В условиях сложной геополитической обстановки граждане Российского многонационального государства должны чувствовать себя единым народом, знать и любить тысячелетнюю историю своей страны, свои традиции и ценности. В этом смысл национальной идентичности. «Мы должны гордиться своей историей, и нам есть чем гордиться, - подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2013 г. – Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности. Без признания этого невозможно взаимное доверие и движение общества вперед» 129.

Этническая идентичность формируется в процессе социализации. В этом велика роль семьи, ближайшего окружения, школы, вуза, трудового коллектива, армии.

С этнической идентичностью неразрывно связано национальное самосознание, обладающее сложной структурой. Оно включает в себя сознание этнической принадлежности, которое появилось задолго до образования наций, отношение к другим этносам; приверженность к национальным ценностям - языку, территории, культуре; понимание социально-государственной общности, проявляющееся в патрио-

140

 $^{^{129}}$ По материалам сайта ahttp//kremlin.ru/news/19243.

тизме. Центральным компонентом национального самосознания является историческая память народа.

Национальное самосознание можно определить как совокупность взглядов, оценок, мнений и отношений, выражающих представления членов национально-этнической общности о своей истории, современном состоянии и перспективах своего развития, а также о своем месте среди аналогичных общностей и характере взаимоотношений с ними.

Проблема самосознания нации, национальности, этнической группы — это и проблема национального духа, которая включает в себя обряды, обычаи, познание самих себя в перспективе и ретроспективе. Никто не хочет терять национальное лицо. Академик Ю.В. Бромлей рассматривает национальное самосознание как категорию, обозначающую весь комплекс представлений национальности о самой себе (в том числе и принадлежность к ней), ее осознанных интересов, ценностных ориентаций и установок по отношению к другим национальностям.

Образовавшиеся в течение веков особенности жизненного уклада того или иного народа создают неповторимую национальную специфику, специфику психологического характера. Исторический процесс развития народа и государства накладывает отпечаток на культуру и психологию нации, а значит, и на деятельность ее представителей. «Национальное самосознание есть не что иное, как сгусток интеллектуальной информации об исторической и культурной самобытности и самочувствии того или иного народа, зафиксированный в его сознании и проявляющийся как традиционная система ценностных ориентаций, уточняющаяся каждым последующим поколением» ¹³⁰. Отсюда и характер национальной общности, ее отношение к окружающему миру и к самой себе, к обустройству своей жизни.

 $^{^{130}}$ Абдулатипов Р.Г. Два типа национального самосознания // Независимая газета. 1996. 18 апр.

Ю.В. Бромлей называет такие элементы в структуре национального самосознания, как национальная идентификация, представления о типичных чертах своей общности, ее свойствах как целого - автостереотипы; представления об общности исторического прошлого народа; о территориальной общности («родной земле»); о государственной общности при определенных конкретно-исторических условиях. Самостоятельным элементом является осознанное отношение к материальным и духовным ценностям нации, ее достижениям, ориентациям на них 131.

Р.А. Абдулатипов выделяет рациональный и эмоциональный типы национального самосознания. Рациональный тип национального самосознания – адекватное отражение национальной жизни в национальном самосознании, приспособление его к условиям реальной практики. В этом качестве оно становится более соответствующим повседневным потребностям людей и отличается предсказуемостью и устойчивостью. Эмоциональный тип национального самосознания, как правило, агрессивен, он занят не столько обустройством своего и других народов, сколько обвинениями неких противников и сведением счетов. Отсюда и почва для массовых нарушений прав человека по национальному признаку¹³². Эмоциональный тип национального самосознания, замечает М.А. Фадеичева, чаще всего приводит к этнонационализму, который является предметом веры и поклонения, вместо реальных межнациональных отношений занимается все более полным и жестким делением наций на «наших» и «не наших» ¹³³.

При определении этнической идентичности и национального самосознания российского народа следует учитывать геополитическое положение России, ее нахождение частью в Европе, частью в Азии. Россия является мостом, соединяющим Восток с Западом, в этом глубинные истоки «русской идеи», русского характера, исторической миссии России. Выдающийся русский ученый Н.А. Бердяев

¹³¹ Бромлей Ю.В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР. М.: Знание, 1987. С. 47.

¹³² Абдулатипов Р.Г. Два типа национального самосознания.
133 Фадеичева М.А. Человек в этнополитике. Екатеринбург, 2003. С. 169.

писал: «Россия есть целая часть света, огромный востоко-запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» 134 .

Весь уникальный исторический опыт русского народа, его проживание на огромном евразийском пространстве в дружбе с другими народами говорят о том, что у России, по выражению Ф.И. Тютчева, «особенная стать». Еще в 1938 году немецкий философ-антифашист В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока», сравнивая менталитет русского человека с особенностями характера представителей других европейских народов, отмечал: «Не европеец, а русский имеет ту душевную установку, в которой человек может оправдать свое извечное предназначение. Он руководствуется абсолютом, вселенским чувством, мессианской душой. Вот почему мы заявляем со всей решительностью: в главных вопросах бытия европеец должен брать за образец русского, а не наоборот. Если он хочет вернуться к вечным целям человечества, ему следует признать русско-восточную оценку мира... Англичанин хочет превратить мир в фабрику, француз в салон, немец – в казарму, русский – в храм. Англичанин жаждет добычи, француз – славы, немец – власти, русский – жертвы. Англичанин ждет от ближнего выгоды, француз стремится вызвать у него симпатию, немец хочет им командовать, и только русский не хочет ничего. Он не пытается превратить ближнего в орудие. В этом суть русской идеи братства... Русский всечеловек есть носитель нового солидаризма» 135.

В национальном самосознании заключается единый культурный, цивилизационный код, основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия, духовного единства всех народов России. Государство защищает культурное и языковое многообразие российских наций и народностей. В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов, в госу-

¹³⁴ Бердяев Н.А. Русская идея. О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 44.

¹³⁵ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003. С. 415.

дарственной системе образования применяются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года изложены следующие цели государственной национальной политики России:

- а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации);
- б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России;
- в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений;
- г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств;
- д) успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов 136 .

Национальное самосознание — это, по существу, осознание народом своей собственной социально-этнической сущности, осознание того, какую реальную роль он играл или в потенции может играть в истории человечества, каков его вклад в общечеловеческую цивилизацию. Это сознание естественно-исторического права на свободное волеизъявление в определении своей судьбы.

Историческое значение имеет общекрымский референдум 16 марта 2014 года, на котором абсолютным большинством голосов было принято решение о воссоединении Крыма и Севастополя с Россией.

Явка избирателей составила: в Крыму — 83,1 %, в Севастополе — 89,5 %, из них за вхождение в Россию проголосовало: в Крыму — 96,77 %; в Севастополе — 95,6 %. 18 марта 2014 г. был подписан До-

¹³⁶ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666) [Электронный ресурс]. URL: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521.

говор о вступлении Крыма и города Севастополя в состав Российской Федерации; в Российском государстве образовались два новых субъекта: Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Таким образом, была восстановлена российская идентичность многонационального крымского народа.

В Послании Федеральному собранию 18 марта 2014 года Президент РФ В.В. Путин сказал: «Крым – это уникальный сплав культур и традиций разных народов, и этим он так похож на большую Россию, где в течение веков не исчез, не растворился ни один этнос» 137.

Более двух последних десятилетий Крым жил на положении бедного родственника Украины, утратив, по существу, свою национальную идентичность. С воссоединением с Россией началось возрождение Крыма.

Носителями этнической идентичности и национального самосознания, в целом российской цивилизационной идентичности являются не только этнические русские, но и представители всех наций и народностей великой России.

§ 4. Религиозное сознание как основа социальной активности личности

В социологии активность трактуется как социальное явление (социальная активность) и рассматривается в следующих аспектах: как прирожденное свойство личности, дальнейшее развитие которой связано с процессом социализации, формирующей ее свойства, и деятельность, как способ решения тех или иных задач» 138, «как специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру (целесообразного изменения и преобразования этого мира) на основе развития различных форм культуры» 139; как «способ существо-

 137 Комсомольская правда. 2014. 19 марта. 138 Социологический словарь / под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М.: Норма, 2008. С. 14-15.

¹³⁹ Новая российская энциклопедия / под ред. А. Некипелова, В.И. Данилова – Данильяна [и др.]: в 12 т. М.: Энциклопедия, ИНФРА-М, 2003. Т. 5(2). С. 194–195.

вания человека», как фактор, позволяющий ему занять «свое особое место в мире» и утвердить «себя в нем как существо общественное» 140. Статус человека определяется коллективным характером любой сферы деятельности, предполагающей участие определенного количества участников, «координированно направляющих свои усилия для решения встающих перед ними задач» 141.

В социологии религии специфика деятельности может быть объяснена согласно подходу Н. Стотера в целом к социологии как к науке, изучающей «поведение людей, занимающихся с «Х», или принадлежащих к «Х», или находящихся под влиянием «Х» 142. При этом под «Х» подразумевается религия, которая, с точки зрения Р. Белла, должна осознаваться в научных терминах, «как понятие в научном анализе» вследствие отсутствия обещающей «совокупности символических форм, которая выполняла бы функцию религии для всех людей» 143 .

Отсутствие единой религиозной системы «символических форм» еще раз подтверждает многообразие религиозного опыта, разнообразные типы которого сводятся к двум видам деятельности: нерелигиозной, реализуемой в нерелигиозных светских институтах: экономики, политики, образования, культуры, и религиозной, включающей в себя два уровня: внекультовую, теоретическую, связанную с разработкой «религиозных идей», необходимостью систематизации и интерпретации «догматов теологии, сочинением богословских произведений», а также миссионерскую, пропагандистскую, образовательную и культовую, предметом, которой «становятся различные объекты и силы, осознаваемые в форме религиозных образов» 144.

 $^{^{140}}$ Каган М.С. Человеческая деятельность. М.: Политиздат, 1974. С. 5–6. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М.: Мысль, 1983. С. 56-57.

¹⁴² Стотер НУ. Социология науки // Американская социология М.: Прогресс,

^{1972.} С. 248.

143 Белла Р. Социология религии // Американская социология. М.: Прогресс,

¹⁴⁴ Борунков Ю.Б., Яблоков И.Н. Основы религиоведения / под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 1994. С. 54-56.

В целом религиозная деятельность направлена на познание сакрального мира и спасение человека и как любой вид человеческой деятельности состоит из действий, которым А.Н. Леонтьев отводил роль механизмов, обязательного условия существования деятельности, как особой формы «действия или цепи действий» 145.

П.А. Сорокин, характеризуя действия как взаимодействия индивидов и социальных групп, обладающих «одинаковыми социокультурными ценностями», сводил их «к четырем главным формам: каталитические, открытые, закрытые и толерантные, среди которых выделяются непосредственно относящиеся к религиозным действиям:

- 1) каталитические, вызванные знанием о «существовании участника или участников взаимодействия»;
- 2) толерантные, мотивированные «серьезными внутренними усилиями индивида», которые могут выражаться в открытой форме и закрытой («воздержание от внешних актов»), особенно характерных для христианства;
- 3) открытые и закрытые действия могут быть продолжительными во времени (крещение, венчание) или непродолжительными (покупка или продажа предметов культа), а также сознательными (выбор веры, религиозное поведение) и бессознательные (ритуальные действия и обряды)¹⁴⁶.
- Р. Белла составил типологию культовой религиозной деятельности, критерием которой как раз и являлось разделение на религиозную и нерелигиозную сферы деятельности. Примитивная культовая деятельность отражала социокультурные реалии первобытного общества, где само общество и церковь представляли неразделимое целое, и культовое действие сводилось к идентификации его участников «с мифическими существами, которых они представляли», исключая обряд богослужения и жертвоприношения. Архаическая культовая деятельность носит уже институциональный характер с

¹⁴⁵ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 154–155.

 $^{^{146}}$ Сорокин П.А. Структурная социология // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 195–197.

возникновением «подлинного культа с комплексом богов», профессионального жреческого сословия, возникновения и упорядочивания обрядов богослужения и жертвоприношения. Историческая культовая деятельность, связанная с национальными и мировыми религиями, еще более дифференцируется, отделяясь от нерелигиозной деятельности, становясь самостоятельной религиозной организацией, отделяясь «от других форм социальной организации» 147.

В этот период культовая деятельность также дифференцируется под влиянием богословских догматических систем, религиозных символов, вероучений и определяется в рамках мировых и национальных религий и как ортодоксальная (христианство), основанная на вере, «ее разумном структурировании в рамках вероучения, катехизиса и богословской системы», и ортопраксическая (ислам, иудаизм), придающие «особое значение закону» – Торе и Шариату, и «регулированию общинной жизни» 148, к которым, с некоторыми оговорками, может быть отнесен и буддизм. В отличие от христианства, ставящего в центр вероучений идею Бога, в буддизме сам Будда не является «необходимым фактором религиозной жизни», так как для буддиста не столько важна личность Будды, сколько его учение, хорошее знание которого и следование ему предполагает спасение 149.

Религиозная деятельность в исламе рассматривается в рамках жизни общины (уммы), члены которой обязаны неукоснительно выполнять пять столпов веры: шахад (публичное исповедание), салат (моление), закат (милостыня), саум (пост), хадж (паломничество).

Традиционно религиозная деятельность в иудаизме направлена на исполнение закона и предполагает следующие действия: молитвы (утренние, дневные и вечерние), соблюдение субботнего дня (Шаббат), в течение которого действует строгий запрет, например, на ис-

¹⁴⁸ Денни Ф. Ислам и мусульманская община // Религиозные традиции мира. М.: Кронн-Пресс, 1996. Т. 2. С. 12.

¹⁴⁷ Белла Р. Указ. соч. С. 268–273.

¹149 Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики. Мирового религиоведения: антология. М.: Канон+, 1998. Т. 2. С. 212.

пользование электрического света, и праздничных дней в течение $roda^{150}$.

Религиозная деятельность в христианстве дифференцируется по конфессиональной принадлежности и структурируется в зависимости от понимания идеи спасения.

Структуру религиозной деятельности в католичестве и православии составляют такие действия, как молитвы, чтение Священного писания, символа веры, соблюдения десяти заповедей, семи таинств (крещение, причащение, покаяние, таинство брака, таинство священства, елеосвящение), паломничество.

Существенным различием является не только расхождение в символе веры, но и в таком характерном для католической церкви обряде, как конфирмация (сознательное решение реализовать обряд крещения, став деятельным членом церкви), а также предпочтения относительно священных текстов. В православии сохраняется традиция чтения Четвероевангелия, тогда как католическая церковь, модернизировав традицию в конце XIX века (энциклика папы Льва XIII 1893 г.), до настоящего времени признает необходимым чтение и изучение Библии в контексте научного прогресса, так как «библейские авторы, придерживавшиеся «научных» воззрений своего времени, не предоставляют толкований естественно-научным вопросам наших дней» 151.

Подход к Библии католической церкви объединяет ее с одним из богословских принципов протестантизма, признающим невозможность для «современного исторического мышления» осознания «догматической методологии» 152 .

 150 Фишбейн М. Религиозные традиции иудаизма // Религиозные традиции мира. М.: Кронн-Пресс, 1996. Т. 1. С. 526–529.

¹⁵¹ Браун Р.Э. Церковь и Библия: новое понимание // Современное католическое богословие: хрест. М.: Изд-во Библ.-богосл. ин-та св. апостола Андрея, 2007. С. 3.

¹⁵² Муррей Р. Откровение // Современное католическое богословие: хрест. М.: Изд-во Библ.-богосл. ин-та св. апостола Андрея., 2007. С. 18–19.

Сам протестантизм, оставив из всех обрядовых действий только молитву, чтение Священного писания, крещение и причащение, фактически воскрешал принципы примитивного религиозного действия, способствуя слиянию церкви и общества, отменив духовенство и приравняв каждого верующего к священнослужителю (К. Маркс).

В прошлом столетии под влиянием протестантизма право мирян толковать тексты священного писания признает католическая церковь в Пастырской конституции «О Церкви в современном мире» на II Ватиканском соборе (1962) в контексте анализа специфики деятельности человека, позволяющей расширить компетенцию мирян в вопросах богословия, признавая «законными некоторые мирские толкования творения» 153.

Работа соборов (православных и католических) связана не только с регулированием культовой деятельности, но и входит в состав внекультовой религиозной деятельности, структуру которой составляют практическая внекультовая деятельность – экономическая (связанная в основном с производством культовой продукции), миссионерская, образовательная, управленческая, информационная, а также духовная внекультовая деятельность, цель которой изучение, систематизация и развитие научно-богословских идей (Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков). К духовной внекультовой религиозной деятельности следует отнести правовую (церковное право), необходимую, поскольку, церковь должна регулировать отношения среди своих членов. Как учреждение, церковь, осуществляет конкретные виды деятельности и нуждается в «регулировании отношений, сфер деятельности, мер и средств к достижению церковных задач», как социальный институт - «осязаемая величина в мире», церковь должна выстраивать отношения с другими социальными институтами, требующими «юридического нормирования» 154.

_

¹⁵³ Макдонах Э. Церковь в современном мире // Современное католическое богословие: хрест. М.: Изд-во Библ.-богосл. инта св. апостола Андрея, 2007. С. 339.

 $^{^{154}}$ Суворов Н.С. Курс церковного права. Ярославль: Типография Г. Фалька, 1889. Т. 1. С. 5–6.

Структура внекультовой религиозной деятельности позволяет выявить сходство с нерелигиозной деятельностью, осуществляемой светскими нерелигиозными институтами: политическим, образовательным, правовым.

М.С. Каган выделяет следующие виды нерелигиозной светской деятельности: преобразовательную, или трудовую, экономическую, объектом которой является природа, общество и человек; познавательную на уровне обыденного сознания как накопление практического опыта и научного знания, отделившегося «от практики в историческом процессе общественного разделения труда» и ставшего «самостоятельной и профессионализированной конкретной формой деятельности»; ценностно-ориентационную, по сравнению с другими более индивидуализированную, субъективную, связанную «с потребностями (интересами, желаниями, устремлениями, целями, идеалами) субъекта», которые реализовываются в следующих видах деятельности и их «оценочных плоскостях»: природа (эстетические и религиозные ценности), общество (политические и правовые ценности), человек и «я» оценивающего субъекта» (нравственные ценности); коммуникативную, предполагающую общение и активный обмен информацией 155.

Итак, внекультовая религиозная деятельность и нерелигиозная деятельность объединены между собой не только одинаковыми видами деятельности, но и человеческим фактором: человек является субъектом и объектом обоих типов деятельности.

Практически все виды деятельности как внекультовой, так и нерелигиозной относятся к духовной сфере деятельности, за исключением экономической, трудовой. Однако материальная и духовная деятельность не могут рассматриваться вне зависимости друг от друга, так как они реализуются в соответствующих социальных институтах как среды жизнедеятельности человека и конкретных сфер, где

¹⁵⁵ См.: Каган М.С. Человеческая деятельность. М.: Политиздат, 1974. С. 53–89.

происходит экономическая, политическая, духовная и «собственно социальная» социализация личности 156 .

Объекты собственно материальной деятельности в равной степени принадлежат области мифа, как и объекты духовной деятельности: мифы о происхождении животных. К. Леви-Стросс подчеркивал уникальность мифологической системы Южной Америки, сложившей мифы, касающиеся непосредственно одного из видов человеческой деятельности: о «происхождении кухни», атрибутами которой считались огонь (мифы о происхождении огня) и животные (мифы о происхождении диких свиней), «то есть мяса: материала и условия готовки, подобно огню в качестве средства и орудия» 157.

Новые реалии материальной деятельности: гидроэлектростанции, автомашины, строение атома, предметы быта (Р. Барт, Б. Латур, Э. Фромм) становятся новыми объектами мифотворчества. Существование мифологии, несмотря на достижения прогресса и явные успехи процесса «расколдовывания мира», рационализацию и интеллектуализацию сознания, еще, как считал М. Вебер, «не означают роста знаний о жизненных условиях, в каких приходится существовать» современному человеку, для которого многие очевидные вещи и действия обладают скрытым непонятным смыслом¹⁵⁸.

Миф способен идеально вписываться в профанный мир, поэтому, как считал М. Элиаде, повседневность всегда заключает в себе неосознанность «сакральности земной жизни», бессознательное следование «вселенскому закону и причастности к величию мироздания» 159.

Материальная и духовная деятельность в одинаковой степени подразумевают преобразовательную деятельность, средство преобра-

 $^{^{156}}$ Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Социология человека. От классических к постнеклассическим подходам. М.: ЛКИ, 2008. С. 40, 53.

 $^{^{157}}$ Леви-Стросс К. Мифологики. От меда к пеплу. М.–СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 2. С. 27.

 $^{^{158}}$ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 713.

¹⁵⁹ Элиаде М. История религии и религиозных идей. От каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2001. Т. 1. С. 242.

зования природы, совершенствование общества и развития личности человека в процессе трудовой деятельности.

Богословие и марксистская философия демонстрируют одинаковый подход к труду как условию формирования личности. В контекстах православной концепции труда труд есть способ самосовершенствования человека, «цель которого строительство Царство Божия в мире», «проявление духовной жизни, и выражение духовности» 160. Марксистская философия также рассматривает труд как способ производства не только материальных, но и духовных ценностей, «воспроизводства общественных отношений» 161, проявленную возможность, с помощь которой человек «постоянно социализирует свою индивидуальную энергию в создаваемых им продуктах труда, и, следовательно, в каждом акте труда воссоздается его общественный характер» 162.

Религиозная и нерелигиозная деятельность получили самостоятельный статус в процессе разделения труда, формирующего самостоятельные профессиональные отрасли деятельности. Это неизбежно, по признанию Э. Дюркгейма, «производит солидарность» как условие «общей интеграции общества» и фактор социальных связей, видимым символом которых является право 163.

П.А. Сорокин рассматривал право в контексте трех типов культуры, где законы идеациональной культуры «рассматриваются как данные Богом или Абсолютом», но их роль существенно снижается в праве чувственной культуры, однако возрастает в идеалистическом праве, занимающем «промежуточное положение между чувственными и идеациональными законами» 164.

 160 Шамшурина Н.Г. Идеология труда в России // Социологические исследования. 1994. № 8–9. С. 181–184.

 $^{^{161}}$ Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования / ЦСПиМ. М., 2010. С. 335.

 $^{^{162}}$ Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. М.: ЛКИ, 2007. С. 31.

¹⁶³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 65.

 $^{^{164}}$ Сорокин П.А. Кризис нашего времени / Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 498.

Г. Зиммель, рассматривая религиозную составляющую как часть любого вида социальной деятельности, также ссылается на право как регулятор отношений между людьми, нравственный закон, закрепленный в религиозных системах, который затем переходит в правовое состояние, а «из правового – в состояние свободной нравственности; так многие социально вредные, безнравственные поступки фактически преследовались сначала внутри церковного общества», и затем «нашли свое место в уголовном кодексе» 165.

В.О. Ключевский также рассматривал «сферу церковной юрисдикции» как основу появления правовых норм в Древней Руси, охватывающую как вопросы правовой деятельности в церковной области (церковная практика, христианская дисциплина), так и проблемы юридической практики, касающиеся норм общественной жизни 166.

Главной функцией церковного права, как впоследствии и светского права, является соблюдение порядка, гарантированного «возможностью (морального или физического) принуждения, осуществляемого особой группой людей, в чьи непосредственные функции входит охранять порядок или предотвращать нарушение его действий посредством применения силы» 167.

Функция порядка основывается на соблюдении нравственных принципов как регулятора поведения человека в обществе, обязательного послушания «некоему безусловному требованию» 168.

Г. Спенсер источник происхождения нравственности связывал с врожденными чувствами человека, его способностью к рефлексии относительно неодобрения окружающих людей, преимущественно членов семьи, как реакции на некоторые поступки, вызывающие у него ответный страх. Распространяясь на остальных членов общно-

 $^{^{165}}$ Зиммель Г. Религиозный элемент в отношениях между людьми. М., 2004. 166 Ключевский В.О. Полный курс лекций. М.: ACT, 2002. С. 218–219.

¹⁶⁷ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 640.

¹⁶⁸ Герман И.В. Религия и нравственность // Сравнительное богословие: немецкий протестантизм XX века. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского гум. vн-та, 2009. C. 71.

сти, правила нравственности, выработанные индивидом, институционализируются и становятся наукой «правильного поведения», социальные действия, имеющие «целью определить, как и почему одного вида образ действия вреден, а другой полезен», – источник ее происхождения 169 .

По признанию Б. Малиновского, понятие «безнравственности», в смысле отсутствия любых ограничений, правил и ценностей», не существует ни в каком типе общества, и даже примитивная культура, «какой бы сниженной и извращенной она ни была», вырабатывала минимальные нравственные социальные нормы, к числу которых относится «экзогамия, табу внутри семьи и домохозяйства, на супружескую измену, на свойственников, правила, гарантирующие привилегии вождя, ранговые барьеры» 170.

Позднее социальный минимум требований получил религиозный статус, на основе которого сформировались следующие «нравственные типы веры»: этический, носителями которого были «еврейские пророки»; договорный, связанный с конфуцианством, и юридический, распространенный в исламе и «талмудическом иудаизме»¹⁷¹.

Договорной «нравственный тип веры» в иудаизме и позднее в христианстве направлен на соблюдение «заповедей всеведущего и справедливого Абсолюта», регулирующих религиозные действия, освящающих «все важные события повседневной жизни человека», формирующих понятия греха «в случае нарушения заповедей» как преступления и последующего за грехом наказания 172.

Иудейские и христианские нормы нравственности закреплены в десяти заповедях как свод религиозных и социальных норм, таких как нравственные принципы во взаимоотношениях между родителя-

 170 Малиновский Б. Избранное. Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 763, 774-775.

 $^{^{169}}$ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск: Современная литература, 1999. Т. 1. С. 332, 341–342.

 $^{^{171}}$ Тиллих П. Динамика веры // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. С. 175.

¹⁷² Сорокин П.А. Кризис нашего времени... С. 495, 543.

ми и детьми, остальными членами общества, брачное право, необходимость соблюдения дней отдыха, запрет на убийство и кражу.

Светское право унаследовало из религиозных нравственных норм закон о необходимости наказания за преступления (талион), брачное право, причины, допускающие развод и условия развода, а также правило соблюдения праздничных и выходных дней (в христианской культуре – воскресенье, в исламе – пятница, в иудаизме – суббота), клятва на Библии, присяги и т.д.

Светское право унаследовало из церковного права подход к личности человека, достоинство, свобода и высокое положение в мире которой признается христианством, традиционно рассматривающим ее «в контексте образа Бога и конечной связи с Христом» 173.

Права и свободы личности гарантированы конституциями всех демократических государств и международными документами (Всеобщая декларация прав человека (1948), международные пакты по правам человека (1976) и т.д.).

Право не гарантирует построения справедливого общества на земле, его цель состоит в фактическом стремлении осуществления фундаментального религиозного принципа, золотого правила, предостерегающего человека от совершения безнравственных поступков. Но именно религиозные принципы послужили основой исторически сложившихся моделей взаимоотношения государства и церкви:

- восточная церковь симфония, как тесное взаимоотношение между церковной и светской властью;
- западная «теократия» концепция «двух мечей» или средоточие светской и церковной власти в руках папы;
- статус государственной церкви, закрепляющий право государства принимать участие в церковных делах, учреждать новые епархии и приходы, устанавливать границы между ними, открывать монастыри, духовные школы, распределять церковно-должностные места и т.д.;

¹⁷³ Маклонах Э. Указ. соч. С. 337–338.

- отделение церкви от государства, обозначающее или лишение всех ее прав, и присвоение юридического статуса церкви «частной корпорации», или признание государством права невмешательства «в дела друг друга, свободу и независимость религиозных общин»;
- церковь как корпорация публичного права, т.е., не являясь государственной, церковь имеет ряд прав и обязанностей, делегированных ей государством (преподавание вероучений в школах, регистрация актов гражданского состояния и т.д.)¹⁷⁴.

Современную модель взаимоотношения церкви и государства представляет Европейский союз, в который вошли следующие правовые системы: каноническое право (Римская церковь), англиканское каноническое право, считающееся «составной частью системы английского права», лютеранская, вальденская, методистская, баптиская, адвентистская церкви, исторически оказывающие влияние на правовую систему Германии, Дании, Швеции, православные церкви восточной Европы, в частности Греции и Кипра, где сохранилась «тесная связь между правом религии и государственным правом» 175.

Современная религиозная ситуация в Российской Федерации дает право говорить о попытке возрождения модели симфонии на уровне взаимоотношения государства и РПЦ на основе факторов, выделенных и проанализированных Б.К. Кнорре, как «маркирование «сакрального» в политике» (обозначение политических действий как сакральных, демонстрация религиозного поведения представителей думских партий, ссылки на высказывания духовных российских лидеров в речах и выступлениях, апелляция к традиции и традиционным ценностям); «фактор «духовничества» (признание наличия духовных отцов у первых руководителей страны); религиозная риторика в международных отношениях (использование понятия «молитва» в заявлениях, касающихся жертв терактов, землетрясений, техноген-

 174 Цыпин В.А. (протоиерей). Курс церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2004. С. 636–644.

¹⁷⁵ Брольо Ф М., Мирабелли Ч., Онида Ф. Религии и юридические системы. Введение в сравнительное церковное право. М.: Изд-во Библ.-богосл. ин-та св. апостола Андрея, 2008. С. 98–103.

ных катастроф и т.д.); «партостроительство» (заявления о необходимости создания православных политических партий, чья цель — «отстоять национальные интересы в России»); а также стремление к патернализму, единоначалию, реанимации «института семьи в псевдодомостроевской модели» 176 .

Религиозный аспект в светской правовой системе подтверждает выводы М. Вебера о «единообразии в социальном поведении» как факте, подтверждающем, «что данный тип социального поведения, по существу, больше всего в среднем соответствует, по субъективной оценке индивидов, их естественным интересам и что на эти взгляды и знания они ориентируют свое поведение» и социальную деятельность, а также подтверждает «стабильность обычая», на который вынужден ориентироваться индивид для обеспечения своего места в обществе, и «стабильность констелляции интересов», предполагающей ориентацию поведения индивида «на интересы других» 1777.

Однако светское право подтверждает также вывод Б. Латура о влиянии секуляризации на сознание человека, стиль его мышления, наследия Нового времени, интерпретирующего старые религиозные традиции в контексте модернизации. Другими словами, Бог и религия в современном мире приобрели латентную функцию, утратили чисто религиозный смысл, став для современного мира «возможным как нечто одновременно светское и религиозное». Таким образом, право, реализованное в Конституции, «давалось не самим Богом, но отсутствующим» 178, и опосредованность религиозного фактора в правовой деятельности дает основание выявить религиозный элемент в атеистической, научной и образовательной видах деятельности.

Атеистическая деятельность была направлена на безрелигиозную личность, отвергающую любые религиозные догмы, представ-

¹⁷⁶ Кнорре Б.К. Российское православие. Православная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 56–60, 70–72, 77.

¹⁷⁷ Вебер М. Основные социологические понятия... С. 633-636.

¹⁷⁸ Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2006.

ления и нормы поведения, ориентирующую на научный и общественный прогресс, признающую религию частным делом. Для достижения своей цели атеистическая деятельность включала в себя элементы преобразовательной деятельности (формирование новой природы человека); познавательную (научная картина мира); ценностноориентационную (секулярные, социалистические, коммунистические ценности); коммуникативную (атеистическое воспитание как фактор отхода от религии).

Исторически позиционируя себя как мировоззрение, противоположное религиозному, атеизм не был лишен религиозного основания (Л.А. Андреева, М.К. Рыклин), которое проявляло себя в идеях богостроительства (А.А. Богданов, А.М. Горький, А.В. Луначарский), гуманизма (П. Куртц, В.Л. Гинзбург), ницшеанства (Н.А. Бердяев, Н.Я. Данилевский), сакрализации революционной деятельности и образа революционера (С.Н. Булгаков), символов власти, партий и идеологий (Н. Верт), культа вождей (Д.В. Поспеловский, Н. Тумаркин).

В. Шубарт выделяет два вида атеистического опыта пассивного, западного, выраженного в молчаливом неприятии и отрицании религии, и активного, русского, «воинствующего», но не лишенного религиозной сути, самой борьбой доказывающего скорее бытие Бога, но не его отрицание¹⁷⁹.

В свою очередь, отечественный атеизм не является единым течением и в зависимости от опыта разделяется на следующие типы:

- последовательные атеисты, сознательно отвергающие «веру в какие-либо сверхъестественные связи и потусторонний мир» и обладающие «более или менее стройной системой атеистических убеждений», активно содействующие антирелигиозной пропаганде, стремясь помочь верующим «освободиться от религии, вовлечь их в активную производственную и общественную жизнь»;
- «безрелигиозные» атеисты, индифферентно относящиеся в целом к религиозным взглядам и к атеизму;

¹⁷⁹ Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. С. 157.

- «колеблющиеся», выражающие «сомнение в существовании Бога», но верящие «в сверхъестественные силы» и соблюдающие «некоторые религиозные обряды» 180 .

Учитывая целенаправленность атеистической деятельности в советский период на полное искоренение религии, следует принять во внимание еще один тип атеистов, предложенный О.Е. Казьминой и обозначенный как «фиктивные атеисты», вынужденные фиктивно отречься «от открытого исповедничества», как бы доказывая таким шагом согласие с идеологией государства, но продолжая тайно придерживаться религиозных взглядов¹⁸¹.

В рамках многообразия форм атеистического опыта представляет интерес следующая типология, разработанная согласно богословскому подходу к проблеме соотношения веры и неверия:

- атеизм остаточный, мировоззренческая позиция убежденного атеиста;
- атеизм переименованный, выражающий заявленную личностью позицию скептицизма или агностицизма;
- атеизм оппозиционный как принципиальная позиция личности по отношению к изменившейся религиозной политике государства;
- атеизм полурелигиозный или проповедь гуманистической религии, «атеистической религии», популярной на Западе;
- атеизм вынужденный, выражающий внутренний конфликт человека между желанием верить и невозможностью его осуществления в силу личных качеств и психологических причин 182 .

Влияние на религиозное сознание прослеживается в области науки, хотя традиционная конфронтация между наукой и религией на первый взгляд утверждает противоречие между наукой и религи-

160

¹⁸⁰ Орлова А.С. Типы нерелигиозности в социалистическом обществе: дис. ... канд. филос. наук. М., 1984. С. 49–50.

¹⁸¹ Казьмина О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 101.

 $^{^{182}}$ Сержантов П. (диакон). Атеизм в ассортименте [Электронный ресурс]. URL: www/pravoslavit.ru/jurnal/74968.htm (дата обращения: 11. 11.2014).

ей, как противоречие между двумя мировоззрениями, двумя соперничающими между собой силами, «с одной стороны, растущая сила человеческого интеллекта, с другой – давление, порождаемое традиционной верой» 183 .

Но, как и религия, наука занимает одинаковое положение в обществе, и данное внешнее сходство обосновывается согласно функционалистскому подходу Р. Мертона к науке в системе политических, экономических, гуманистических, религиозных ценностей, так как 1) следуя логическим рассуждениям, ее методы могут рассматриваться как враждебные «соблюдению важных ценностей» и 2) нелогические выводы и наблюдения вызывают «ощущение несовместимости между чувствами, воплощенными в научном этосе, и чувствами, которые обнаруживаются в других институтах» 184.

Обозначенное Р. Мертоном противоречие относится и к религиозной деятельности, которая также с точки зрения логических выводов и чувственного опыта воспринимается как противоречащая здравому смыслу. В этом контексте Р. Мертон, подчеркивая значимость для социальной деятельности латентных функций, указывал на восприятие некоторых примитивных обрядов секулярным сознанием как нерациональных действий, лишенных конкретной цели 185.

Отсюда положение науки и религии в обществе есть «результат действия двух наборов противоположных сил, первый из которых одобряет науку как широкомасштабную социальную деятельность, а второй ей противостоит» 186 .

Сходство положения науки и религии в обществе, по Р. Мертону, опосредованно указывает на скрытый религиозный фактор в научной деятельности, который проявляет себя в таком вопросе, как влияние религии на научную деятельность, ее роль как катализатора

 $^{^{183}}$ Брук Д. Наука и религия. Историческая перспектива. М.: Изд-во Библ.-богосл. ин-та св. апостола Андрея, 2004. С. 37.

 $^{^{184}}$ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 751.

¹⁸⁵ Там же. С. 162.

¹⁸⁶ Там же. С. 751.

и тормоза научных исследований, одновременно мотивирующих развитие науки и препятствующих достижению ее целей.

С научной деятельностью связаны мифы о всесилии науки, ее способности решить проблемы бытия; прогрессе науки как фактора общественного блага, развития общества и преобразования природы и человека и достижения его бессмертия. Сегодня вопросы о прогрессирующей продолжительности жизни, связанной с развитием науки и высоких технологий, поставленные Ж. Кондорсе, получили дальнейшее обоснование в теориях Б.Е. Гройся (тиражирование образа с помощью дигитального видео), А.В. Турчина (киборгизация как «интеграция человеческого тела и различных механизмов с целью его улучшения» ¹⁸⁷); биотехнологиях (возможность клонирования «человеческого гена теломеразы», использование стволовых клеток эмбрионов, исследования в области молекулярной биологии ¹⁸⁸.

Р. Мертон подчеркнул связь науки «с эзотерической терминологией», как фактора мистических озарений определенной части общества, готовой к принятию современных «новых мистицизмов, облаченных во внешние одеяния науки» 189 .

Слитность практической, магической и научной видов деятельности в первобытном обществе и использование примитивным человеком в своих интересах «как естественных, так и сверхъестественных сил и факторов» 190 указывает на общую терминологию (вера, истина, заблуждение), сакрализацию деятельности, методы исследования.

Определение истины как «реально реального» делает фундаментальной цель религиозной и научной деятельности, идеалом познания, означающим совпадение теоретических моделей с действительностью. Необходимыми компонентами научной и религиозной дея-

162

-

¹⁸⁷ Турчин А.В. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа. М.: БИНОМ, «Лаборатория знаний», 2013. С. 169.

 $^{^{188}}$ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, ЛЮКС, 2004. С. 88, 91.

¹⁸⁹ Мертон Р. Указ. соч. С. 762.

¹⁹⁰ Малиновский Б. Магия, наука, религия. М.: Релф-бук, 1998. С. 34.

тельности выступает вера как «когнитивная функция человека» и заблуждение, как и истина, возникающая в процессе познания¹⁹¹.

Религиозную составляющую в научной деятельности И. Барбур выявляет на сходстве методов исследования, использования парадигм, особенно их смену (Т. Кун), которая ведет к переоценке ранее накопленного знания и приводит к научным революциям, религиозным расколам, смене религиозных верований, так как религиозные парадигмы еще в большей степени «сопротивляются опровержениям», но в конечном счете смена парадигм «может постепенно усовершенствовать или отбросить даже наиболее фундаментальные религиозные представления», особенно если новые идеи представляют собой альтернативу старым, точно так же, как и в научной деятельности, новая парадигма может представлять собой более перспективный вариант по отношению к устоявшейся, выступая как фактор ее смены¹⁹².

Научная деятельность позаимствовала у религиозной применение моделей, которые в обоих случаях создаются по принципу аналогии, поддаются расширению, распространяясь на другие сферы опыта, и «воспринимаются во всей целостности, ярко и непосредственно» ¹⁹³.

С научной деятельностью связана образовательная, целями которой являются создание условий для овладения профессиональной деятельностью, воспитание социально активного гражданина, способного нести ответственность лично за себя, результаты своей деятельности, семью и общество в целом, удовлетворение текущих и перспективных потребностей в любой сфере производства¹⁹⁴.

Традиционно образовательная деятельность церкви предполагала катехизацию, изучение священных текстов, знание которых было

 $^{^{191}}$ Тиллих П. Динамика веры... С.185.

¹⁹² Барбур И. Религия и наука. История и современность. М.: Изд-во Библ.-богосл. ин-та св. апостола Андрея. 2000. С. 151–152, 155.

¹⁹³ Там же. С. 139–144.

¹⁹⁴ Новиков А.М. Постиндустриальное образование. М.: Эгвес, 2008. С. 45.

обязательным в процессе обучения как в Западной Европе, так и в Древней Руси 195 .

В эпоху Просвещения образованию придается светский статус, его начинают рассматривать как один из путей к осуществлению модернизации общества и секуляризации общественного сознания.

Однако при смене образовательных парадигм религиозный аспект сохраняется, приобретая новые смыслы в классическом, неклассическом и постклассическом типах сознания (А.Г. Бермус) и соответствующих им моделях образования.

Так, для классического сознания продолжается поиск смысла в устоявшихся понятиях: «Бог, Культура, История, Истина», трактуемых как методологическая установка, позволяющая упорядочить и систематизировать накопленные знания «в символическом универсуме» 196.

Классическое образование ориентируется на различные философские идеи: врожденные безграничные возможности человека как отражение качеств Бога, создавшего человека по своему образу и подобию (Я. Коменский); образование как возможность достижения личного счастья и формирования представления о Боге как источнике добра для тех, кто любит и почитает его (Д. Локк); воспитание средствами природы и развитие природных способностей человека, формирование атеистического мировоззрения (Ж.Ж. Руссо).

Неклассическое сознание ищет истину вне Абсолюта, перенеся ее на человека, открывшего в себе «теургическое свойство отыскания и созидания смыслов, которые кодируются в виде знаменитых учений: марксизма, ницшеанства, фрейдизма, экзистенциализма» 197, оказавших влияние на интеллектуальное развитие общественного сознания, ставших составной частью философских, социологических, антропологических, психологических, культурологических и политических теорий XX века.

164

 $^{^{195}}$ Послание отца Геннадия (конец XV в.) // Хрестоматия по истории школы и педагогики в России. М.: Просвещение, 1986. С. 23.

¹⁹⁶ Бермус А.Г. Модернизация образования: философия, политика, культура. М.: Канон+, Реабилитация, 2008. С. 111.

¹⁹⁷ Бермус А.Г. Указ. соч. С. 111.

Обе модели образования существуют и развиваются автономно от церкви, но автономность религии, предполагающей лакуну в сознании, требует поисков новых смыслов, которые реализовали себя в постклассическом сознании, где смысл обретает себя в абсолютно противоположных направлениях. В религиозном контексте в постклассическом сознании наблюдается парадокс между развитием высоких технологий, на которые ориентируется новая парадигма образования, и интересом к проблемам иррационального, ростом уровня религиозности, возвращения религии в общественную сферу.

Таким образом, все парадигмы образования, отражающие базовые ценности трех типов сознания, фактически реализует идею П. Тиллиха об актуальности религиозного во всех областях духа, так как религия не занимает особую культурную область, но представляет собой фундаментальную «смысловую действительность» 198.

Анализируя удельный вес религиозного искусства в светской культуре на протяжении ее исторического развития, П.А. Сорокин выявил постепенную динамику снижения религиозного фактора, доля которого в общем потоке литературных произведений, изобразительном искусстве, музыке, архитектуре становится «совершенно незначительной в XIX и XX столетиях», времени формирования массовой коммерческой культуры, «как объект купли и продажи», разрушившей область идеального, «лишенного всяких религиозных, моральных или гражданских ценностей» 199.

Объектом культурной деятельности в секулярном обществе становится индивид, ограниченный «в своих креационистских потенциях», руководствующийся в своем поведении общепринятыми стереотипами и клише, заменяющими ему все многообразие и «вариативность ситуаций», формирующих ясную и завершенную картину мира²⁰⁰.

 $^{^{198}}$ Тиллих П. Об идее богословия культуры // Сравнительное богословие: немецкий протестантизм XX века. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского гум. ун-та, 2009. С. 232–233.

¹⁹⁹ Сорокин П.А. Кризис нашего времени... С. 443–444.

²⁰⁰ Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: ЛКИ, 2011. С. 40.

Эволюционный подход П.А. Сорокина к развитию культуры солидаризируется с выводами Д. Рескина, М. Дворжака, О. Бенеша, Э. Гомбриха о духовной составляющей светской культуры и творческой деятельности, но с одним существенным различием. П.А. Сорокин анализирует духовную составляющую светской культуры не с позиции экскурса «в историю религиозных умонастроений» или «религиозного мышления» 201 , а как «спутника», светской культуры, его скрытую функцию 202 .

Неизменно скрытая функция проявляет себя в мифе как аспект творческой деятельности в театре, кино, живописи, архитектуре, но особенно в литературе, в большей степени соответствующей языку – главному условию существования мифа, потому представляющему «собой ярко выраженную мифическую систему» 203.

Следовательно, мифы, мифология – не только необходимый аспект творческой деятельности, но и в буквальном смысле среда обитания человека, способ его «духовной саморегуляции», универсальный способ, позволяющий ему «вернуть разрушенную самоидентичность, так как архитепические структуры вписаны в матрицу человеческой памяти и реактивация этих сегментов приводит к запрограммированным изначально реакциям» 204.

Скрытая функция отражает социокультурные реалии времени и может носить, как в традиции постмодернизма, деструктивный концептуальный характер, выражающийся в поисках новых истин как синтеза нетрадиционных религий и «христианской неосакральности» с элементами символики «восточного – китайского и корейского – марксизма», с использованием «особых квазисакральных психических состояний сродни шаманизму»²⁰⁵.

Разрушение эстетических норм в постмодернизме не означает его отказа от эстетических идеалов, которые осмысливаются с по-

166

_

 $^{^{201}}$ Зельдмайер Г. Искусство и истина. Теория и метод истории искусства. СПб.: Axibma, 2000. С. 121.

 $^{^{202}}$ Сорокин П.А. Кризис нашего времени... С. 452.

²⁰³ Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2010. С. 295.

²⁰⁴ Костина А.В. Указ. соч. С. 325.

²⁰⁵ Гройс Б.Е. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. С. 308–309.

зиции красоты а с точки зрения необходимости целостного познания «личности и ее места в мире», как стремление «найти новые подходы к изучению человека-творца, выявить базовые механизмы эстетической деятельности» 206.

Следовательно, скрытая функция духовной составляющей светской культуры проявляет себя в эстетике, эстетическом восприятии, имеющем, по Н. Гартману, большое значение для современного человека, для которого больший вес и значение имеет существенное, «действительное», обладающее способностью буквально «останавливать его дыхание» перед воображаемым, областью, где он может находиться только в виде исключения, позволяющее вернуться «к первоначальной установке», означающей не примитивное «понимание окружающего мира», а познание другой, «собственно эстетической объективности», «скрытого заднего плана», «царства возле реального» 207 как сакрального мира.

Для С.Н. Булгакова скрытая функция выражалась в красоте как критерии уровня религиозности личности в секулярном обществе, проявлении «замерших религиозных сил души человека», так как в период упадка религиозной веры человек начинает испытывать повышенный интерес к эстетической стороне жизни, к красоте, и, воспринимая ее, «человек дышит божественным», хотя и отрицает его, но искусство как раз и становится для него средой для «религиозного питания» ²⁰⁸.

Скрытая способность религиозной культуры сохранять свое первоначальное предназначение даже в случае утраты собственно религиозной функции подтверждается У. Эко на примере «идеи пещеры» как модели для образования «структуры», существующей только в сознании и позволяющей различать в «совокупности явлений» первоначальный образ материальных объектов с помощью «иконического кода» 209.

 206 Маньковская Н.В. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. С. 128. 207 Гартман Н. Эстетика. Киев: Ника-центр, 2004. С. 68–72.

²⁰⁸ Булгаков С.Н. Религия человекобожия в русской революции. Два града. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 409.

²⁰⁹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 260.

Глава III СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

§ 1. Типология личности

Если общество бесконечно, то жизненное пространство личности ограничено – отсюда необходимость личностного выбора. А выбор – это отказ от всего остального. Личность, например, всегда шире своей профессии и широта её бывает беспредельна. Кроме того, необратимость жизни требует особого отношения человека ко времени своей жизни – своевременности, то есть способности человека определить соответствие логике событий своих внутренних возможностей.

Некоторые из нас подпадают под власть внешних событий, их удаётся вовлечь в чуждое по характеру событие, а то и дело. Они легко забывают о собственных целях, планах, совершая неожиданные для себя поступки. Хотя и своевременное действие тоже может быть случайным. В самом общем виде развитие личности – это возрастание её возможностей, возрастание и умножение личностного времени.

Социология рассматривает личность как элемент социальной структуры и субъект социальной процессуальности. Личность в социологии – это социальный облик человека как субъекта общественных отношений и действий, отражающих совокупность социальных ролей, которые она играет в обществе.

Социологический подход выделяет в личности социальнотипическое. Понятие демонстрирует то, как в каждой личности индивидуально проявляются значимые черты и как в целом она демонстрирует себя, будучи проявлением всех общественных отношений.

Личность с точки зрения социологии обозначает единичного человека, проявляющего социально-значимые черты индивидуальной жизнедеятельности благодаря взаимодействию с другими людьми и тем самым способствующего стабилизации и развитию общественных отношений. Индивидуальность не только обладает различными способностями, но ещё и представляет некую их целостность. Чтобы

эта целостность образовалась, необходимы многократные целенаправленные усилия.

Очевидно, что в массовом сознании происходит изменение нормативных представлений о правилах честных и нечестных отношений между людьми. Прежде всего это касается отношения к деньгам. Несколько лет назад человека, нашедшего бумажник с деньгами и вернувшего его владельцу, большинство из нас без колебаний назвало бы честным. А сегодня всё чаще раздаются голоса тех, кто полагает, что честным следует назвать того, кто вернул найденное, но потребовал за это определённое вознаграждение. По их мнению, ситуация безвозмездного возврата найденной вещи незнакомому человеку — вымышленная и не встречающаяся в реальной жизни, поэтому и обсуждать её бессмысленно.

Одни люди понимают честность как категорическое отвержение лжи в любых её проявлениях. Другие, напротив, полагают, что бывают ситуации, когда ложь неизбежна.

Каждый человек боится обмана, постоянно контролирует – сознательно и бессознательно – поступающие сообщения с точки зрения их правдивости, правильности, истинности. В то же время тот, кто совершает обман, далеко не всегда руководствуется злым умыслом, личным интересом.

Различие намеренного и ненамеренного обмана очень важно в межличностных и иных отношениях. Вера в то, что у субъекта, с которым мы общается, нет дезинформационной интенции, является нормальным условием человеческих отношений. Если такая интенция устанавливается или подозревается, то коммуникация переходит в другое качество – исчезает её доверительность.

Отношения обмана связаны прежде всего с защитой интересов – личных, групповых, коллективных, классовых, национальных, государственных и общечеловеческих.

Одним из наиболее благоприятных условий успешного обмана служит авторитетность «обманывающего» для «обманываемого». Благодаря этому свойству исходящее от первого сообщение принимается на веру либо по крайней мере ослабляется его критическая оценка.

У обмана есть «воодушевляющая» функция — это намеренная дезинформация человека или группы людей, которая вызывает у обманывающего прилив сил, повышает уверенность в себе, возможность достижения трудной цели, создаёт мобилизующий эффект.

Аналогичная форма — «обещающий» обман. Его функциональная действенность ограничена определённым сроком своего ожидания, своего рода периодом распада надежды. Одновременно с этим дискредитируется коммуницирующий субъект, который, правда, к этому времени, успевает, как правило, уйти из коммуникации.

В этом смысле личность как социальное качество человека становилась все более концентрированной субстанцией его особой (общественной) природы.

Следующая, более высокая степень характеристики общественных свойств человека – понятие «личность». Личность – это наивысшая степень духовного развития человека, представляющая собой устойчивую совокупность социально значимых качеств, характеризующих индивида как уникальную субъективность, способную осваивать и изменять мир. Иначе говоря, каждая личность – человек, но не каждый человек является личностью. Человеческим индивидом рождаются, а личностью – становятся.

Ничего обидного для людей в этом высказывании нет, и используется оно лишь для того, чтобы в очень краткой форме раскрыть степень общественного различия между человеком и личностью.

В отличие от индивида и индивидуальности, сущность которых формируется преимущественно на основе биологической природы человека, сущность личности опирается главным образом на ее духовные и социальные качества. Понятие «личность» содержит в себе совокупность всех социальных ролей данного человека, всех общественных отношений, важнейшими среди которых являются отношение к общественному долгу, а также к установкам общественной морали.

Личность, таким образом, представляет собой системное качество. Индивид приобретает ее в своей практической деятельности, в частности в работе и общении с другими людьми. Индивид только в том случае становится личностью, если он задействован в общест-

венных отношениях, в общении с людьми. Поэтому понятие «личность» следует раскрывать через практическую деятельность, поскольку именно она представляет собой основу формирования и развития личности. Чем полнее мы изучаем общение между людьми, межличностные отношения, тем глубже познаем суть и структуру любого, кто вступает в эти отношения. Следовательно, основу личности составляет стойкая система общественно значимых черт, которые проявляются в активном участии в общественно-экономической и культурной жизни общества и возможности определенного влияния на события, происходящие в обществе, а иногда и в мире.

Такое понимание личности говорит о сложной внутренней структуре этого феномена, включающей в себя физическую, социальную и духовную составляющие.

Физическая составляющая личности – это тело, или телесная организация человека, самый устойчивый компонент личности, основанный на телесных свойствах и самоощущениях. К физической составляющей личности часто относят одежду и домашний очаг, которые являются важной характеристикой сущности личности. Не зря по этому поводу в пословице говорится, что «человека встречают по одежке». К компонентам физической личности можно отнести все, что создано ее руками, а также интеллектом, – бытовые украшения, коллекции, рукописи, письма и т.д.

Личность обычно рассматривается как конкретное выражение сущности человека, воплощение и реализация в нем системы социально значимых черт и качеств данного общества. Личность — социальный облик человека как субъекта общественных отношений и действий, отражающих совокупность социальных ролей, которые он играет в обществе.

Проблема изучения личности в социологии является одной из центральных, поскольку каждый социолог для понимания сущности социальных явлений, системы взаимосвязей людей в обществе обязан понять, что движет поступками каждого конкретного человека. Индивидуальное поведение, таким образом, представляет собой основу понимания жизни всей социальной группы или общества.

У понятия «личность» бесчисленное множество трактовок. Но практически все они сводятся к одному: это живой, биогенный человек с предложенной ему обществом свободой и ответственностью. Человек культуры, человек-личность сам определяет содержание своего поведения. Он переживает душевные коллизии, выдерживая или не выдерживая борьбу различных мотивов. Отвечает за поступки как их автор. Личность рационально контролирует свои аффекты, но сама эта рациональность окрашена чувствами, обусловлена телесными потребностями и служит продолжению его жизни как целостного биосоциального существа.

Кстати, если говорить о тенденциях современного общества, то для всё большего количества людей становится характерным именно этот диагноз: психически здоров, но личностно болен.

Жизненное пространство – это среда обитания человека, позволяющая ему так или иначе воспроизводить и совершенствовать свою жизнь, совокупность элементов, составляющих естественную и социокультурную основу воспроизводства жизни как биосоциального существа.

Личное пространство – область непосредственного окружения личности, активно ею охраняемая, вторжение в которую вызывает состояние дискомфорта. Его границы строго не фиксируются и меняются в зависимости от психологических особенностей и социальных отношений личности с другими людьми.

Личное пространство связано с факторами индивидуального поведения – полом, возрастом, особенностями личности и т.п.

В основании почти всех теорий личности лежит предположение о том, что личность представляет собой жизненно устойчивое в сво-их основных проявлениях образование. Устойчивость личности характеризует последовательность её действий и предсказуемость её поведения и придаёт её поступкам закономерный характер. Но не только это. Необратимость жизни требует особого отношения человека ко времени своей жизни — своевременности. Своевременность — это способность человека определить соответствие логике событий своих внутренних возможностей: одни люди зависят от хода

жизненных событий, едва успевая за ними, другие – предвидят, организуют и направляют их.

Но иногда человек даже неосознанно ставит себе сроки, оценивая их несовпадение как жизненную неудачу. Сознание, что не успел вовремя жениться, получить образование, сделать карьеру, существенно снижает самооценку личности и её удовлетворенность жизнью.

В самом общем виде развитие личности – это возрастание её возможностей, возрастание и умножение личностного времени. Индивидуализация идёт интенсивно.

Одиночество – возможность не торопясь подумать о себе и своей жизни. Одиночество, как это ни странно, стимулирует творческие способности. Вы не одиноки. Вы независимы от надоевших вам людей и нудных обстоятельств.

Очевидно, что существуют типы людей, самоорганизующихся во времени, и типы, которыми нужно руководить.

Надо ли предоставлять человеку в избытке время для выполнения той или иной работы, если он сделает её в последнюю минуту?

Поэтому сила личности – это всегда индивидуально выраженная сила того коллектива, того «ансамбля» индивидов, который в ней идеально представлен, сила индивидуализированной всеобщности устремлений, потребностей, целей, ею руководящих. Это сила исторически накопившейся энергии множества индивидов, сконцентрированная в ней, как в фокусе, и потому способная сломать сопротивление исторически изживших себя форм отношений человека к человеку, противодействие косных штампов, стереотипов мышления и действия, сковывающих инициативу и энергию людей.

Сознание предполагает выделение субъектом самого себя в качестве носителя определённой активной позиции по отношению к миру. Это выделение себя, отношение к себе и оценка своих возможностей и образуют самосознание.

Сознание человека – одновременно и его самосознание, то есть осознание человеком своего тела, своих мыслей и чувств, своего положения в обществе и отношения к другим людям, словом, себя как особой и единой личности.

Самосознание не существует отдельно от целостного потока сознания как совершенно обособленное от него. Самосознание – своеобразный центр нашего сознания.

Любое самостоятельно мыслящее существо всю жизнь занято самопознанием.

Интенсивность жизни такова, что человеку часто даже некогда задуматься о том, чего он хочет от жизни и так ли он живёт. Власть над жизнью приобретают дела, а сам человек незаметно оказывается только ответчиком за то, сколько он успел сделать.

Не лишне спросить себя:

- 1. Ты живёшь в соответствии со своими потребностями?
- 2. Имеешь ли жизненные перспективы?
- 3. Миришься ли со своей неудовлетворённостью жизнью?
- 4. Как соединяешь в своей жизни то, что хочешь, что можешь и что должен делать?

Необходимо знание, понимание самого себя. Работа разума в сфере мотивации заключается в том, чтобы объяснить рациональными причинами импульсы, иррациональные по своей сути.

Вот прописные истины о самопознании:

- 1. Нельзя изучить себя, не пытаясь себя изменить.
- 2. Нельзя изменить себя в желаемую сторону, не изучая себя постоянно.
- 3. Нельзя изучить себя, не изучая одновременно с равной заинтересованностью других людей (хотя бы одного индивида, но чем больше, тем лучше).
- 4. Нельзя изучать человека холодно: таким путём человек, природа его, противится изучению, он становится непознаваем.
- 5. Ни себя, ни других нельзя изучить иначе как в деятельности и общении, таковы наши особенности.
- 6. Изучение и самоизучение человека принципиально независимы, поскольку человек открытая система, он всегда становится, а не существует.

Собранные и организованные люди часто бывают раздражительны или застенчивы: один теряет контроль над собой при публич-

ных выступлениях, другие – на экзаменах, третьи – только в интимных ситуациях, четвёртые – в общении с одним-единственным человеком, например, с самим собой. Словом, у каждого есть свои сферы наименьшего и наибольшего самоконтроля. И вряд ли необходимо, чтобы человек всегда одинаково владел собой.

Люди, которых «несёт» – в ссоре ли, в симпатиях или употреблении напитков, – в какой-то миг ещё знают, что говорят и делают не то, чувствуют не то, но остановить себя они не могут.

Мы по-разному настраиваем себя, отправляясь на похороны или на свадьбу. В нашем настрое всегда есть что-то для себя и для других, нереально это разделять.

Поэтому саморегуляция личности включает:

- обучение навыкам психофизической регуляции;
- повышение культуры эмоциональных переживаний;
- совершенствование навыков межличностной коммуникации;
- развитие навыков управления внешними ситуациями.

Лишь с 3 лет ребёнок начинает вести и познавать себя в качестве субъекта, отличного от других.

Первые реакции ревности обычно наблюдаются у ребёнка в 9 месяцев, правда, они примитивны и стереотипны. Самосознание не является исходным и простым, оно представляет собой очень сложный результат психической активности.

Активность личности может носить стихийный характер и достигать оптимальности случайным, подражательным путём.

Проблема социальной адаптации является одной из самых сложных в современной социологической теории. Это объясняется как неизменно ускоряющейся динамикой общественного развития, так и продолжающимися дискуссиями представителей различных социологических школ и направлений.

Хотелось бы отметить важность этнического аспекта социальной адаптации для России в целом и особенно для Северо-Кавказского региона и Украины. Думается, что успешная социальная адаптация невозможна без решения проблемы корреляции системы ценностей отдельной этнической группы и ценностей этнического

большинства. Очевидная несовместимость ценностных ориентаций внутри одного общества не только ведет к возникновению напряженности в межэтнических отношениях, но и затрудняет социально-адаптационные процессы в целом.

В свою очередь, добровольная адаптация имеет место тогда, когда согласование личности со средой не противоречит прежней системе ценностей, открывающимся возможностям. Она происходит, если декларируемые принципы и нормы социального бытия «вписываются» в систему значимых интересов и потребностей человека или даже создают более благоприятные условия для реализации таковых; ценностные ориентации, ранее свойственные индивиду, изменяются в новых условиях без особого напряжения и сопротивления с его стороны.

Вынужденная адаптация имеет место тогда, когда направления и методы преобразований противоречат представлениям и установкам индивида. Она обнаруживается, если индивид, не принимая нового, попытается изменить социальные ценности и поведенческие модели, вводимые средой, но эти попытки оказываются безуспешными, отчего ему приходится подчиниться правилам. Противясь новому, но опираясь на свой прошлый опыт, социальное поведение, индивид вынужденно подчиняется.

Таким образом, вынужденная адаптация, как и добровольная, формируется и на уровне сознания, и на уровне поведения. Поскольку одним из главнейших критериев общественного прогресса служит обеспечение возможностей развития личности по законам ее социальной жизнедеятельности, постольку при выборе направлений реформирования социально-экономической системы предпочтение следует отдавать стратегиям, способствующим расширению или по крайней мере сохранению области свободы как можно большему числу индивидов. Адаптация может быть активной, когда индивид стремится воздействовать на среду с тем, чтобы изменить ее, и пассивной – когда он не стремится к такому воздействию и изменению. Показателем успешной адаптации (адаптированности) является высокий социальный статус индивида в данной среде, также его психо-

логическая удовлетворенность этой средой в целом и ее наиболее важными элементами (например, удовлетворенность работой и ее условиями, ее содержанием, награждением, организацией).

Показателем низкой социальной адаптации (адаптируемости) является перемещение индивида в другую социальную среду – маргинализация (текучесть кадров, миграция, разводы, аномия и девиантное поведение).

Успешность социальной адаптации зависит от характера среды и индивида. Чем сложнее новая среда (например, больше социальных связей, сложнее совместная деятельность, выше социальная неоднородность), тем больше происходит в ней изменений, тем труднее для индивида. В любом случае социальная практика должна исходить из двух принципов. Во-первых, индивиды должны располагать возможностью включаться в новые модели поведения добровольно, по мере осознания своих преимуществ от приобщения к новым ценностям и способам социальных действий. Во-вторых, коль скоро индивиды не воспринимают те цели, которых общество намеревается достичь, они вправе рассчитывать на возможность для воспроизводства по законам собственной жизнедеятельности.

Разумеется, оба способа относятся к разряду идеальных и на практике не могут быть полностью реализованы. Но в любом случае их можно рассматривать как императив социальной практики.

Другим видом нарушения норм является открытое неповиновение и протест, демонстративное неприятие принятых обществом ценностей. Такая разновидность девиации свойственна революционерам, террористам, религиозным экстремистам и другим подобным группам людей, активно борющимся против общества, членами которого они являются. Здесь девиация выступает как проявление неспособности или нежелания индивидов адаптироваться к обществу и его требованиям, иначе говоря, свидетельствует о полном или относительном провале социализации.

Социальная типологизация — важное средство регулирования процесса социализации, социальной политики в сфере образования, воспитания, духовной культуры.

Оптимизм и пессимизм – не просто умонастроение личности, они представляют собой её совершенно разнонаправленную практическую ориентацию в мире.

Оптимисты — это люди, придерживающиеся в целом положительных ожиданий в жизни, а определяющая черта пессимистов — ожидание от жизни худшего. Для пессимистов обычно характерно плохое, подавленное настроение, уныние, тогда как оптимистам свойственно хорошее, радостное эмоциональное состояние. Оптимисты верят в лучшее, в будущее, в себя, свое окружение и в то, что неудача носит временный характер, что ее причина разового свойства и что виновно в ней стечение обстоятельств. Пессимисты же верят в то, что неудачи будут длиться долго, погубят все, что бы они ни делали и виноваты в них они сами.

Экспериментально доказано, что оптимисты, фокусирующие своё внимание на положительной стороне бытия, видят желаемые цели как достижимые и продолжают прилагать усилия ради достижения этих целей, даже когда прогресс идёт медленно или трудно.

Пессимисты же, акцентирующие внимание на негативной стороне жизни, считают свои желаемые цели недостижимыми и отказываются заранее предпринимать ради их осуществления какие-либо усилия.

В отличие от оптимистов пессимисты обладают низким потенциалом для преодоления жизненных трудностей.

В социологическом плане в разные периоды истории доминирует либо пессимизм (например, в Средневековье), либо оптимизм (эпохи Возрождения и Просвещения). Рассмотрим их наиболее существенные различия.

Пессимистические настроения обычно начинают преобладать в период затяжных войн, социальных сложностей или хронических экономических кризисов. Затяжные экономические кризисы не могут не отразиться даже на самых непримиримых оптимистах.

Оптимизм как тенденция появляется со стабилизацией социальной обстановки и развитием качества жизни людей.

Пессимисты применяют неэффективные, нерациональные, мало- и непродуктивные способы преодоления материальных лишений:

отстранённое принятие ситуации, смиренное бездействие, обвинение себя и других, стратегии избегания и депривационная адаптация. Пессимиста отличает внутренний дискомфорт.

Временная перспектива у пессимистов крайне укорочена, что свидетельствует об их низком интересе к жизни, отсутствии какихлибо целей и созидательных планов.

Пессимисты характеризуют окружающих как людей неудачливых, пессимистичных, деструктивных, бедных, что свидетельствует об их низкой корпоративности. Оптимисты, напротив, описывают своё социальное окружение в положительных терминах, как удачливых и состоятельных, нравственных и отзывчивых, патриотичных и оптимистичных.

Данные исследований показывают, что пессимиста отличает внутренний дискомфорт, выражающийся в подавленном настроении, в неудовлетворенности качеством своей жизни, в ощущении себя несчастливым, тогда как для оптимиста характерна внутренняя гармония, бодрость, ощущение счастья, удовлетворенность разными сторонами жизни.

Ожидание худшего, свойственное пессимистам, и ориентация на лучшее, присущая оптимистам, сбываются в жизни. Согласно результатам исследований, такие ожидания осуществляются почти в строгом соответствии с их знаком. В период экономических реформ пессимисты в основном терпят неудачи, теряют прежний экономический и социальный статус, портят отношения с окружающими, теряют здоровье. В общем, жизнь большинства из них меняется в худшую сторону. Оптимистам же больше сопутствует удача, многие из них повышают социальное и материальное положение, укрепляют взаимоотношения с окружающими, в итоге качество их жизни, как правило, улучшается.

Данные исследований показали, что в отличие от оптимистов, пессимисты обладают весьма низким потенциалом для преодоления жизненных трудностей. В их суждениях преобладает неспособность и нежелание как-то изменить ситуацию, нежелание и неспособность добиться поставленной цели, в то время как у оптимистов стратегии

обхождения с экономической и личностной недостаточностью более рациональные и эффективные. Пессимисты применяют в большинстве своём непродуктивные, пассивные и нерациональные виды деятельности, они гораздо хуже по сравнению с оптимистами адаптированы к новым условиям жизни.

В целом позитивный взгляд на жизнь свидетельствует о жизнеутверждающих, созидательных, располагающих к совместной деятельности диспозициях личности, тогда как негативный характеризует низкий интерес к жизни, слабую волю и мотивацию, иррациональную, непродуктивную и малопривлекательную жизненную стратегию.

Таким образом, социологические типологии личности весьма разнообразны, смотря какую из них взять за основу.

§ 2. Эстетическая личность

Казалось бы, об эстетическом достаточно известно, чтобы иметь представление об эстетической личности. Однако на самом деле о нём сегодня говорить также трудно, как и 25 столетий назад, когда об этом впервые обмолвился Платон. А потому, прежде чем рассуждать об эстетической личности, приходится начать с рассмотрения специфики эстетического, существующих его толкований.

В наиболее известных нынче учебниках по эстетике эстетическое трактуется как всё то, что имеет общечеловеческое значение или как гармония человека и универсума. То есть эстетическим признаётся либо общезначимая ценность, либо особая форма взаимосвязи человека и окружающего его мира. Однако эстетическое ни тем, ни другим не является уже потому, что в приведённых его толкованиях ему не присуща ни ценностная, ни качественная единственность. Первая дефиниция эстетического не исключает наличия многообразия этнических и других социальных представлений о нём, вторая — существования и других взаимосвязей человека и мира, признаваемых тоже эстетическими. К тому же в этих трактовках эстетического нет даже намёка на его чувственность, на то, что эстетическое связано с эмоциональным переживанием человека. Акцентирование же авторами общезначимости эстетического скрывает гос-

подствующую в жизни индивидуальность его проявления и приводит к отказу в признании этой его особенности.

Надо сказать, что в нашей эстетике на понимание эстетического большое влияние оказывают давно соперничающие между собой за лидерство два толкования эстетического – гносеологическое и аксиологическое. Согласно первому им является материальное свойство, подобное физическому, химическому, биологическому свойству, согласно второму – ценность или свойство действительности, имеющее значение для людей. Но тем самым эстетическое признаётся либо независимым от сознания, объективным, либо – зависимым, что следует из понимания ценности как того, что представляется человеку значимым для него в действительности²¹⁰.

Можно согласиться с мнением представителей аксиологической эстетики, что эстетического не существует как природного свойства, но его не существует и как признаваемой ими ценности. Поскольку постижение ценности, осуществляемое посредством её оценки, ограничивается выяснением лишь того, насколько она значима/не значима для оценивающего. Ни то, ни другое осознание эстетического само по себе не выявляет его сущности. При выяснении сути эстетического, думается, необходимо учитывать особенности и гносеологического, и аксиологического методов его постижения, использовать и познавательную, и оценивающую процедуру его осознания.

Для понимания эстетического нам представляется важным суждение В.П. Тугаринова о том, что эстетическое нельзя рассматривать в плоскости ни чисто объективной, ни чисто субъективной. И сделать это удобнее всего путём анализа эстетического восприятия человеком окружающего мира²¹¹, используя для этого когнитивную и аксиологическую процедуры его постижения, причём не поочерёдно, но одновременно.

_

 $^{^{210}}$ Это используется критиками аксиологической трактовки эстетического для усмотрения в ней субъективистских корней.

²¹¹ Рассмотрение с этой целью эстетического отношения к действительности, включающей в себя и созидательную эстетическую деятельность, которая, по определению, предполагает эстетичным только относящегося к ней человека и не даёт возможности выяснить специфику эстетического.

Своеобразие эстетического восприятия видится в том, что и объект, и субъект его эстетичны. Эстетичный субъект – это человек, обладающий одноимённым сознанием, сердцевина которого – его представление о предметах и явлениях с предпочитаемой им формой Предпочитаемая человеком форма предмета, явления отвечает имеющемуся у него её эстетическому представлению. Такое представление может складываться у человека при восприятии привлекательной для него формы предмета, явления. Эстетичный объект – это предпочитаемая человеком форма предметов и явлений. Особенность её в том, что она воспринимается только тем, представлению кого о ней она отвечает. Другими словами, воздействие её всегда адресно.

Каждый обладающий эстетическим сознанием человек имеет своё эстетическое представление о предметах и явлениях с предпочитаемой их формой (причём отличающейся не только, например, гармоничностью и симметричностью, но и дисгармоничностью, асимметричностью и другими её особенностями), большей частью размытое, слабо детализированное, самое общее. Посредством эстетического представления человека реагирует на воздействие предмета, явления с отвечающей его представлению формой. При этом форма объекта или явления, соответствующая эстетическому представлению человека о ней, трансформируется в его сознании в эстетически впечатияющую его форму. Впечатляющей она называется потому, что является для воспринимающего её источником восхищения тем, к чему он не может не выразить своего отношения, сопряжённого с эстетическим переживанием.

В эстетическом восприятии субъект и объект его взаимозависимы. Воздействие эстетичного объекта ограничивается только реагирующими на него людьми. Человеком же эстетически воспринимаются лишь те явления и предметы, форма которых соответствует его предпочитаемому представлению о ней.

²¹² Заблуждением представляется мнение, что «способность к эстетическому отношению потенциально присуща каждому нормальному человеку» (Буров А.И. Эстетика: проблемы и споры. М.: Искусство, 1975). В действительности к этому способны только люди, обладающие эстетическим сознанием, обретшие эстетическое представление, вкус.

В связи с этим, думается, нет оснований утверждать, что эстетическое субъект-объектно. Оно в не меньшей мере и объект-субъектно. Так как зависит и от объекта, от его воздействия на субъект, но, как мы сказали, только такого, который готов отреагировать на него 213 .

В эстетическом восприятии субъективное представление человеком эстетического соответствует свойству объективной действительности, привлекательному только для него. И напротив, свойство объективной действительности, существует как эстетическое лишь для конкретно воспринимающего его субъекта. Тем самым, эстетическое оказывается более сложным феноменом, чем это толкуется с точки зрения аксиологического его понимания²¹⁴.

Своеобразие эстетического восприятия обусловлено тем, что человеку приходится иметь дело с постижением, по существу, одновременно и с предпочитаемой им и с впечатляющей его формой предметов и явлений. Первую – познавать, вторую – эстетически оценивать, выявлять её значение для него²¹⁵. Как справедливо утверждает А.И. Буров, эстетическое «отношение человека к действительности базируется

²¹³ Эстетическое, как справедливо отметил М. Каган, «есть *диалектическое* единство объективного и субъективного, материального и духовного». На этом основании он относил эстетическое к ценности, утверждая, что «статус эстетического аксиологический». И потому «восприятие его сводится только к оценивающей деятельности человеческого сознания» (Каган М.С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971).

Аналогичный статус эстетического провозглашён М. Каганом: «... прекрасное, возвышенное и т.п. ценности и их восприятие – проявление ценностно-осмысливающей мир деятельности человеческого сознания». Он считает, что оценка всяких ценностей немыслима без их познания, «однако не понятийного, а интуитивного характера», то есть лишённого когнитивного смысла (Каган М.С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997).

²¹⁴ В понимании эстетического представляет интерес высказывание поэта Ф. Шиллера: «Красота есть одновременно предмет для нас и состояние нашего субъекта» и мысль К. Маркса, изложенная им при передаче существа трактовки прекрасного философа Ф. Фишера: «Прекрасное существует только для сознания». В материалистическом истолковании смысл этих суждений в том, что эстетическим является лишь то, что признаётся таковым субъектом.
215 Эстетическое «отношение человека к действительности базируется на его

²¹⁵ Эстетическое «отношение человека к действительности базируется на его отражении» (Буров А.И. Эстетика: проблемы и споры. М.: Искусство. 1975).

на её отражении». Их осознание составляет единый процесс. В эстетическом восприятии когнитивная и аксиологическая процедуры выяснения эстетического соплетены, составляют единое целое 216 .

Эстетическое восприятие включает в себя: 1) реагирование человека на предмет или явление с эстетически предпочитаемой им формой; 2) чувственно-рациональное постижение человеком эстетически предпочитаемой им формы предмета, явления, связанное с превращением её в эстетически впечатляющую его форму; 3) выражение человеком своего эстетического оценочного отношения к впечатляющей его форме предмета, явления, сопряжённое с её эстетическим переживанием.

При этом важно отметить, что эстетически предпочитаемая человеком форма предметов и явлений существует *объективно*, независимо от его представления о ней. Человек эту форму, это свойство предметов и явлений *отражает*, в результате чего выясняет, что ею является, и тем самым получает представление о *материальном* основании эстетического чувства, переживания²¹⁷.

В процессе эстетического восприятия предпочитаемой формы обычно в сознании человека осуществляется её *превращение* (но этого может и не произойти) во впечатляющую его форму. Такая форма существует *только для* впечатлённого ею человека и в этом, только в этом смысле, *субъективна*. Она-то и есть эстетическая ценность 218.

-

 $^{^{216}}$ Как утверждают В.В. Алексеев и А.В. Панин, «процесс познания всегда сопряжён с оценками, которые выражают отношение человека к объекту, его свойствам». Это в наибольшей степени проявляется в постижении эстетического (Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М.: Проспект, 2009).

²¹⁷ Напомним, что сторонники гносеологической эстетики считают, что эстетическое отношение человека к действительности (и, следовательно, эстетическое восприятие) – это отражение её им. А сторонники аксиологической эстетики процедуру познания эстетического отношения к действительности игнорируют.

²¹⁸ В нашем понимании эстетическая ценность, выражаясь дефинированно, это представляющаяся человеку впечатляющей его и тем самым значимая для него, ценимая им форма чего-либо. Это ценность того отвечающего эстетическому представлению человека свойства действительности, которое вместе с тем становится впечатляющим его. В связи с этим представляется неверным считать эстетической ценностью эстетическое переживание (Культурология / под ред. Ю.Н. Солонина

Указанная метаморфоза формы объекта эстетического восприятия свидетельствует о его двузначности — о значении объекта для другого объекта 219 и о значении объекта для субъекта. Это обусловливает потребность и познания, и оценивания объекта.

Ещё раз отметим, что эстетически воздействует на человека и предпочитаемая им форма предметов и явлений, и ставшая в его сознании впечатляющей их форма. Но лишь к последней человек выражает своё эстетическое отношение. Это отношение состоит в чувственно-рациональной оценке впечатляющей формы с позиции эстетического вкуса человека, в проверке её соответствия этому вкусу. Именно оценивание эстетической ценности и вызывает эстетическое чувство, переживание. Эстетическое представление человека, как и его эстетический вкус, — основные инструменты, посредством которых осуществляется им эстетическое восприятие действительности, окружающего мира.

Мнение же, что «эстетическое отношение (следовательно, и эстетическое восприятие — H.C.) представляет собой процесс отражения действительности», как и мнение, что эстетическое отношение состоит в оценивании действительности, так как «объект эстетического отношения носит ценностный характер», в которых представлены гносеологический и аксиологический подходы к пониманию эстетического, мы считаем ошибочными.

Говоря о самом общем в понимании эстетического, важно подчеркнуть, что эстетического только как объективного не существует. Но эстетического нет и без связей его с объективной действительно-

и М.С. Кагана. М., 2007), так как оно является следствием оценки эстетической ценности, или эстетический «объект в его отношении к субъекту», так как это означает, что объект наделяется способностью относиться к субъекту и тем самым осуществляется его субъективизация, что автор и признаёт, рассматривая ценность как «субъективированный объект» (Каган М.С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997).

²¹⁹ В нашем случае в качестве другого объекта выступает субъект. Это значение для эстетического субъекта, отражаемого им эстетического свойства действительности. «Определение подобных значений является проблемой познания» (Каган М.С. Человеческая деятельность. М.: Политиздат, 1974).

стью. Эстетическое не продукт суверенного, независимого от действительности сознания. Объективным основанием эстетического выступает эстетически предпочитаемая человеком форма предметов и явлений, становящаяся в процессе её восприятия вместе с тем впечатляющей его формой. Следует подчеркнуть и то, что эстетическое представление индивидуально, у каждого человека своё, значимое только для него²²⁰. Причина этого в физиологическом и психологическом основаниях эстетического мироощущения человека. Персональность эстетического является характерной его особенностью и проявляется главным образом в эстетическом восприятии человеком природы, всего естественного в действительности.

Эстетическое – это и эстетическое свойство действительности, но обнаруживающее себя только конкретному человеку, чьему эстетическому представлению оно соответствует, и эстетичная ценность – значимость для человека эстетического свойства действительности, представляющаяся ему впечатляющей его формой.

До сих пор мы вели речь об эстетическом человеке, отвлекаясь от того, что он всегда эстетическая личность. Это выражается в особенностях эстетического сознания, тесно связанного с интересами той общественной группы, членом которой личность является. Её эстетическое представление имеет чувственно-рациональное наполнение. О первом можно больше судить по её эстетическому вкусу, о втором – по её эстетическому идеалу. И тот и другой формируются в результате эстетической социализации, под воздействием её групповой и общественной эстетической среды, оказывающей на неё и стихийное, и организованное влияние. Последнее представляет собой эстетическое воспитание — специальное обучение индивида (личности) всем видам эстетической активности по принятым в обществе эстетическим правилам. В большой мере эстетическое сознание складывается под воздействием внешнего вида окружающих ин-

²²⁰ «Свойством индивидуальных существ», то есть индивидуальной особенностью людей считал красоту, как и мудрость и добро, Л. Фейербах (Фейербах Л. Избранные философские произведения. М.: Политидат, 1955. Т. 2).

дивида вещей, убранства помещений, манер поведения людей, далеко не всегда отвечающих существующему в обществе эстетическому вкусу, тогда как основную роль в его становлении должно играть (поскольку его, по существу, нет) эстетическое воспитание.

Целью его считается «формирование эстетического отношения человека ко всему миру... решительно всеми формами человеческой жизнедеятельности». В таком понимании эстетического воспитания оно сводится к выработке у личности главным образом способности эстетической оценки окружающего мира при его восприятии, к тому же посредством воздействия на неё всей (в том числе и не обладающей эстетическим достоинством) жизнедеятельности людей.

Но целью эстетического воспитания является не только привитие личности способности к восприятию предметов и явлений с предпочитаемой в обществе их формой, формой, отвечающей его эстетического вкусу и идеалу, но и в выработке у неё умения всё создавать и вести себя по законам красоты.

Главные задачи эстетического воспитания состоят в том, чтобы наделить личность знанием эстетических стандартов поз, телодвижений, жестов, манер, прежде всего профессиональной деятельности и публичного поведения, умением в совершенстве, искусно их выполнять и желанием только так действовать. Добиваться, чтобы эстетическое постижение и освоение мира стали потребностью личности. И цель, и задачи эстетического воспитания исходят из необходимости освоения эстетического, без которого не может быть никакой отвечающей высшим технологическим критериям социальной активности. Важной причиной осуществления эстетического воспитания является также и облагораживающее и духовно обогащающее воздействие красоты на людей.

Умение личности в совершенстве действовать означает, что она действует предельно верно, обязательно высокотехнологично. Но действия, выполняемые в соответствии с предписанием способа их исполнения, эстетичны, так как осуществляются технологически очень свободно и весьма впечатляюще. А желание её так действовать свидетельствует о том, что она совершает свои действия с благими

намерениями, творя добро. Это соответствует давно провозглашённому единству истины, добра, красоты. Ещё древнегреческие мыслители рассматривали красоту в связи с такими основополагающими для характеристики человеческого бытия понятиями, как истина и добро. Они считали, что человек должен действовать правильно, высоконравственно и непринуждённо, внешне выразительно.

Умение личности в совершенстве осуществлять свои действия является культурой. Но культура и эстетическое не тождественны. Культура, как способ совершенного осуществления личностью (или какой-то группой, обществом) своих действий, не всегда наблюдаема. Всегда наблюдаемы плоды осуществления культуры, в том числе эстетической (например, произведения искусства, изделия дизайна). Культурой же в этих случаях следует считать совершенное выполнение личностью художественной и дизайнерской деятельности. Поэтому эстетической культурой являются только наблюдаемые в совершенстве выполненные личностью действия.

Освоение личностью эстетической культуры состоит в приобретении ею способности к действию и общению по принятым в обществе и группах эстетическим правилам. В последнем случае личность оказывается членом одной из эстетических субкультур, отличающихся стилями поведения людей, их пристрастиями к игровым искусствам (балет, пантомима, театр). Особенностью приобщения к эстетической культуре (инкультурации) является её временная растянутость, по существу, это происходит всю жизнь и связано с изменением существующих в обществе и группах стандартов эстетической деятельности и общения людей. Кстати, необходимость приобщения к ним зачастую вызывает сопротивление личности, нежелание отказываться от разделяемых ею правил поведения.

Природа, естественное в жизни (например, облик человека) воспринимается личностью с точки зрения её индивидуального эстетического представления. Индивидуальность эстетического представления во многом основана на особенностях физиологии человека. Выбор им предметов и явлений с эстетически предпочитаемой формой в естественном мире в большой степени зависит от особенностей его миро-

ощущения, имеющего природно-биологические корни. Общество формирует у личности эстетическое представление о предметах и явлениях с предпочитаемой в нём формой, с соответствующим этому представлению эстетическим вкусом и идеалом. Они зачастую корректируются в зависимости от социального статуса личности, её экономических, политических, идеологических групповых интересов. Сформированными обществом (группой) эстетическими представлениями (вкусом, идеалом) личность руководствуется главным образом в своём эстетическом отношении к действительности, искусству.

Эстетическое воспитание следуют отличать от художественного воспитания, целью которого является обучение людей восприятию и созиданию произведений искусства. Искусство считается высшим проявлением эстетического. Однако согласиться с этим трудно, так как эстетичность искусства и эстетичность, например, дизайна просто очень разная. И поэтому восприятие формы, вызывающей эстетическое восхищение, в искусстве сопряжено с постижением смысла художественных произведений, а в дизайне - с осознанием функционального назначения его изделий. При этом утилитарные эстетические творения никогда не являются, как художественные произведения, объектами бескорыстного к себе отношения.

Эстетическое сознание личности – это не только её эстетическое представление, эстетический вкус, идеал, но и способность к воображению новых версий свойств эстетического: красоты, возвышенного и других, к собственному их поиску, без которого невозможна никакая дизайнерская и художественная деятельность.

Эстетическое сознание личности практически претворяется в восприятии и созидании эстетического 221, в общении с другими по поводу него, в этикетном её поведении. Созиданием эстетического является искусство, дизайн, эстетически радующие наглядные результаты всякой деятельности 222. Все формы предметного воплощения эстетического сознания вызывают у человека эстетическое чувство, при-

 $^{^{221}}$ Созидание эстетического требует особого разговора. 222 По этой причине, думается, неверно считать, что всякий радующий, вдохновляющий процесс, всякая такая деятельность доставляют эстетическое удовольствие.

носят ему эстетическое наслаждение. В этом случае сам процесс созидания эстетических предметов доставляет эстетическое удовольствие. Эстетическое восприятие состоит не только в созерцании, но и в постижении форм традиционно признанных свойств эстетического – красоты, возвышенного, комического, трагического, безобразного, низменного, которые вызывают разные эстетические чувства: удовольствие, катарсис, презрение, отвращение, приводящие к различным по своей тональности, эмоциональной выразительности переживаниям. Эстетическое восприятие – это наиболее распространённое проявление эстетичности личности. Эстетическое восприятие является базовым по отношению к другим проявлениям эстетичности личности.

Эстетическая жизнедеятельность личности состоит в осуществлении ею действий и общения с другими по этикетам поведения, строго придерживаясь правил их внешнего выполнения. В социальной жизни личности это проявляется в её активности на работе, в быту и на досуге, осуществляемой по эстетическим правилам той этнической, половозрастной, поселенческой и семейной групп, членом которой она является. Эстетичное поведение людей – очень востребованная нынче, но слабо освоенная и не всегда строго соблюдаемая, форма реализаций эстетического сознания.

Актуальность эстетичного поведения людей обусловлена не только тесной связью его с моралью общества, социальной группы, имеющей особенности своего внешнего выражения, в том числе эстетических субкультур, но и с чрезвычайно возросшей потребностью к высокотехнологичному осуществлению всех его проявлений. Участие личности в этикетной жизни людей является важным показателем её эстетичности.

Общение людей в связи с обменом эстетической информации – наиболее зрелая (после эстетического созидания) форма проявления их эстетичности, так как предполагает эстетическое образование и просвещённость общающихся.

Наряду с формами, в которых обнаруживает себя эстетическое сознание личности, существуют также *сферы* его реализации: этикетные деятельность и общение людей, искусство, дизайн, природа.

Все они, кроме природы, рукотворны, являются плодами разных видов эстетической деятельности людей в результате их занятий по эстетическому преобразованию действительности, а в искусстве – по её художественному удвоению, в результате её отражения или создания новой реальности — виртуального мира художественных образов. Специфика каждой такой сферы в своеобразии составляющих её творений и особенностях их восприятия. Особенности восприятия искусства и дизайна мы уже отметили, а восприятие эстетичных действий людей предполагает знание их предназначения, знание способа наиболее эффективного или эффектного их исполнения.

Каждая из названных рукотворных эстетических сфер по-своему значима для эстетической личности, именно для эстетической, обладающей эстетическим сознанием и способностями к его практическому претворению. Искусство значимо тем, что приносит ей эстетическое наслаждение. В этом его предназначение. Гедонизм – характерная и непременная особенность искусства. Только в связи с доставляемым им удовольствием оно выполняет познавательную, воспитательную и другие функции. Но лишь то искусство, которое нравится личности. Произведения изобразительного, музыкального, телевизионного, театрального и других видов искусства представляют своё художественное видение действительности, зачастую очень способствующее её углублённому постижению. При этом надо иметь в виду, что это видение, как правило, отвечает социальным интересам творцов художественных произведений, их идейным взглядам.

Чтобы личность могла воспользоваться искусством, она должна быть способна к восприятию искусства, и не только ставшего классическим, но и современного, получившего общественное признание. Во многом этому способствует усвоение выразительного языка искусств. Очень важной является художественная просвещённость личности, позволяющая ей глубже усваивать смысл произведения искусства.

Искусство является важным средством рекреации человека. Исключительна роль искусства в развитии воображения, фантазии личности, столь необходимых ей как в восприятии и созидании художе-

ственных произведений, так и во всякой креативной деятельности, в побуждении к ней.

Значение для эстетической личности дизайна, а это всё многообразие созданных по эстетическим стандартам изделий, состоит в возможности жить в окружении вещей, созданных по законам красоты, и тем самым получать от них эстетическое удовольствие. Сегодня к дизайну относится, по существу, вся созданная по эстетическим правилам искусственная среда людей.

Эстетичность (красота) дизайна функциональна. Чтобы её осознать, личности нужно хорошо представлять, для чего созданы по законам красоты машины, приборы, вещи, изделия разного профиля производства. Дизайн рекламы, различных стендов тоже требует от личности понимания их практического назначения.

Поскольку в дизайне эстетичность вещей связана с их пользой, то личность имеет дело с наиболее совершенными по своему технологическому исполнению изделиями, спрос на которые в обстановке возросшего потребления серьёзно увеличился. Но при этом многие плохо разбираются в современных эстетических стандартах, их дизайнерское просвещение значительно хуже художественного²²³.

Особое значение для эстетической личности имеет этикетное поведение людей и не только публичное и домашнее, но и приобретшее в последнее время большое значение деловое этикетное поведение, представляющее собой образец эстетически регламентированной служебной и производственной деятельности. Такое этикетное поведение представляет собой эстетическую человеческую среду, оказывающую непосредственное влияние на эстетическое формирование личности. О значимости для эстетической личности эстетических действий людей в разных областях её жизнедеятельности свидетельствует тщательная расписанность их внешнего выполнения в этикетах поведения в этих областях.

192

²²³ И это не удивительно, так как современные учебники по эстетике посвящены искусству и о дизайне, по существу, лишь упоминают, кстати, как и об эстетике в жизни людей.

В этикетном поведении личности наглядно проявляется его стратификационная принадлежность, социальные различия между людьми. Если публичное этикетное поведение людей разных социальных слоёв населения сегодня схожее, то их этикетное поведение в домашней обстановке, в кругу знакомых сохраняет этнические, гендерные, возрастные особенности.

Этикетное поведение, особенно в офисах и на предприятиях, является элементом существующей в них технологии общения людей и их труда. Строгого соблюдения делового и профессионального этикета и поведения требует сама специфика осуществляемых там работ.

Эстетичность (красота) телодвижений, манер поведения людей в разного рода хозяйственной деятельности, в занятиях спортом функциональна. О ней судят по её влиянию на их эффективность, по тому, насколько она способствует практическому выполнению указанных действий людей. Сегодня такой критерий красоты основной в большинстве видов жизнедеятельности личности.

Здесь важно отметить также зависимость эстетичности личности от её технологической и социальной свободы, обусловленность такой эстетической активности каждого достигнутой им суверенностью в своей деятельности и общении с другими. Значение указанной свободы личности в том, что она является непременным условием, дающим ей возможность вести свою жизнь внешне и внутренне непринуждённо, позволяющей всё делать и вести себя подлинно человечно.

Этикетное поведение людей на работе (в производственной группе), в быту (в семье), на досуге (в компании, на публике) оказывает на личность эстетическое влияние, если становится для неё объектом подражания. Воздействие на личность эстетической жизнедеятельности людей является одним из путей её эстетизации. Другим путём служит практическое овладение личностью этикетами поведения и внешним их исполнением.

Если с расширением эстетического преобразования предметной среды возрастает общественная потребность в её эстетическом освоении, главным образом посредством её восприятия, то всё большее распространение этикетной жизнедеятельности нуждается уже в её

массовом практическом овладении. От него во многом зависит повышение эффективности профессиональной и другой деятельности людей, цивилизованность их взаимоотношений.

Не менее важна для эстетической личности и её собственная эстетичность. В человеке, как просто и ёмко сказал А.П. Чехов, должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли²²⁴. Здесь ключевые слова «прекрасно» и «должно». Эстетическая личность и сама должна быть во всём прекрасна и добиваться этого упорно и постоянно. Только будучи такой, личность может и в делах своих, и в общении с другими быть эстетичной.

Становление личности эстетической приобретает для общества и неё самой всё большее значение. Сегодня многообразная жизнедеятельность людей и создаваемая ими предметная среда достигли высокой степени эстетизации. Это является следствием растущей технологичности и суверенности активности людей. Впереди неизбежны новые подвижки научно-технического и социального прогресса. Поэтому существовать в таком обществе может только эстетичная личность, только личность, обладающая этим удивительнейшим свойством человеческой цивилизованности.

§ 3. Личность в контексте патерналистского синдрома: особенности, статус, поведение

Комплексно-системное изучение феномена патернализма предполагает рассмотрение его как некоего синдрома, пронизывающего всю совокупность социальных отношений и включающего в себя как

²²⁴ Когда говорится, что у человека и душа, и мысли должны быть прекрасными, имеются в виду их внешние проявления – восхитительные поступки и плоды творчества. Между тем существует устоявшееся мнение, что все высоконравственные поступки вместе с тем являются эстетичными, более того, признание эстетичности нравственного поведения личности есть высшая оценка её моральности. При этом как-то упускается из виду, что для этого надо, чтобы они были и внешне привлекательными. Эстетично только то, форма чего впечатляет. Думается, по этой причине и понятия «красота» и «прекрасное», считающиеся синонимичными, таковыми не являются. Не всё, что слывёт как моральное, предстаёт как красивое. И наоборот. В этом специфическое различие нравственного и эстетического.

элементы традиционного общества, обусловленные культурно-исторической ментальностью российского государства, так и те из элементов общества рыночного типа, в которые «внедряются» патерналистские ценности и поведенческие практики. Он накладывает отпечаток на социальную систему в целом, отражая ментальность практически всех социальных групп общества²²⁵. Эта синдромность определяется не как механический набор тех или иных признаков-характеристик, а как система, в которой каждый из этих признаков органически связан с другими его составляющими, когда проявление патерналистских настроений в той или иной сфере жизнедеятельности непременно сопровождается соответствующими проявлениями в других сферах.

Репродуктором, через который транслируются социогенетические, социокультурные, поведенческие и иные стандарты и стереотипы, обеспечивающие преемственность и развитие социальных общностей всех уровней, оказывается личность. По-другому, личность это первичная частица, атом, в архитектонике социальной структуры общества, в которой (частице) уже представлена вся матрица общественных отношений. Поэтому, исследуя феномен патернализма и его производное – синдром патернализма, мы тем самым исследуем личностные проявления на различных этажах социума (группа, страта, регион).

Обозначим основные характеристики, образующие структуру такого феномена, как патернализм, и на основе которого функционирует патерналистский синдром 226 .

Во-первых, отличительной чертой патерналистских связей является их вертикальный вектор направленности, при котором стороны

²²⁵ Разинский Г.В. Патернализм как синдром [Электронный ресурс] // Социология в системе научного управления: материалы IV Всерос. социол. конгресса / Ин-т социологии РАН, Ин-т социально-политических исследований. М., 2012. С. 539–541 (CD-ROM).

²²⁶ Разинский Г.В. Патернализм: структурные характеристики // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: материалы XI Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения З.И. Файнбурга. (Пермь, 21–22 ноября 2012). Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. С. 82–85.

находятся в дихотомии господства и подчинения. Их отличает «примат коллектива над индивидом, жесткая внутренняя иерархия, немонетарные формы отношений».

В этом типе отношений всегда присутствуют два субъекта социального действия: доминирующий и подчиняющийся. В этих ролях в зависимости от сферы деятельности могут выступать различные акторы – как социальные институты, социальные группы, так и носители определенных социально-стратификационных, социально-политических, социокультурных и иных статусов.

Во-вторых, особенностью их взаимодействия является не только стремление одних доминировать над другими, но и стремление подчиняемых к делегированию своих прав и полномочий «наверх», желание, чтобы ими руководили, в расчете на то, что в обмен на это первые будут предоставлять определенный набор социальных благ и преференций. Речь идет, как пишет А.Л. Темницкий, о патернализме в трудовых отношениях, «о факте единения социальной политики патернализма, идущей от работодателя и культурных чаяний, ожиданий и возвышения патерналистских ценностей, идущих от работника» 1227, при котором данный тип отношений воспринимается подчиненными как единственно возможный.

В-третьих, для патерналистов характерен некритический, конформистский образ мышления и поведения, низкий уровень ассертивности, исключающий или по крайней мере снижающий степень осознания ответственности за те или иные социально востребованные действия в расчете на то, что доминантная сторона патерналистской вертикали решит за них и для них возникающие проблемы. Это является основанием для формирования социального иждивенчества и социальной апатии.

В-четвертых, в социально-стратификационном аспекте патернализм отличает подверженность его носителей эгалитаристским,

²²⁷ Темницкий А.Л. Социокультурные проявления и прорывы традиции патернализма в трудовой среде рабочих России // Рабочие–предприниматели–власть в конце XIX начале XX в.: социальные проблемы: материалы V Междунар. научной конференции. Кострома, 2010. Ч. 2. С. 79.

уравнительским настроениям, враждебное отношение к каким бы то ни было социальным дифференциациям, что в условиях нынешнего этапа общественных отношений затрудняет процесс адаптации к реалиям рыночного общества.

В-пятых, патерналистское восприятие окружающего социального мира тесно связано с абсолютизацией государства как главного «патера», которого носители патерналистских настроений или обожествляют, если оно им благодетельствует, или, наоборот, подвергают той или иной обструкции, если этого не происходит.

В-шестых, важной социокультурной характеристикой патерналистского видения окружающего мира является черно-белое его восприятие, стремление разделить его на своих и чужих, неприятие каких-либо инноваций, жесткое следование традиции, стремление к самоизоляции от всего, что рушит привычные стереотипы, что разрушает сложившуюся автаркию своего мира.

Наконец, следует отметить такие особенности патернализма, как пластичность и, как ни парадоксально это звучит, высокую степень приспособляемости к различным, зачастую диаметрально противоположным социальным системам и институтам.

Исследование, проведенное автором в 2012–2014 годах, посвященное изучению проявлений патернализма и его производного – патерналистского синдрома в условиях городской общности (опрошено 1040 жителей г. Перми, представляющих основные группы городского населения), позволило провести содержательный анализ данного явления. С этой целью выделены так называемые базовые индикаторы, доминантные проявления данного синдрома в современном обществе:

- отношение к роли государства в обществе как к генеральному патеру (ценностная составляющая);
- условия воспитания в родительской семье как показатель социализирующей составляющей патерналистского синдрома;
- ориентация на социальную поддержку, социальную помощь со стороны госструктур как поведенческий индикатор патернализма.

Полученные данные показывают, что в своих ответах на основные индикативные вопросы, посредством которых замерялся уровень распространения патерналистских настроений, опрошенные демонстрируют достаточно высокую подверженность патерналистскому синдрому. Так, в оценке роли государства более 70 % респондентов оценивают ее как доминирующую, и лишь каждый 4-й отдают предпочтение личной инициативе и активности.

Далее, анализ ответов на вопрос об условиях воспитания в родительской семье показывает, что почти для 80 % участников опроса первичная социализация прошла в условиях авторитарного, патерналистского стиля отношений и лишь 20 % — в равноправно-демократической атмосфере, что способствовало трансляции ретропатерналистских традиций российского общества.

Наконец, на поведенческом уровне отмечается, что более половины опрошенных постоянно или периодически нуждаются в социальной помощи и, соответственно, лишь 45 % не испытывают в ней потребности.

Анализ ответов на вопрос об отношении к роли государства основных социально-профессиональных групп городского населения показал преобладание во всех группах патерналистского отношения к государству (этатизм – доминирующая роль государства), разную степень приятия антипатерналистского отношения к государству отдельных соцпрофгрупп (наиболее этому подвержены предприниматели, ИТР и специалисты, рабочие промсферы, наименее – рабочие непромсферы и региональные управленцы).

Особенность российского патернализма проявилась в подверженности ему не только управляемых, но и управляющих. Как управляющие, они используют авторитаризм для контроля за управляемыми, как управляемые, они следуют правилам патерналистского синдрома. В этом нам видится причина высокой адаптивности норм и стандартов поведения в традициях патернализма, в том числе и в условиях общества рыночного типа.

Агломерирование полученных данных в типологии этатистского типа, выстроенной с применением веберовской типологии идеальных

типов²²⁸, вычленяющей из общей массы полученных данных тех, кто выбирает то или иное отношение к государству, оценивающих атмосферу воспитания в родительской семье и степень потребности в социальной поддержке, подтвердил сделанный выше вывод.

Так, патерналистами оказались ориентированные на доминирующую роль государства, оценившие отношения в родительской семье как авторитарные, испытывающие сильную потребность в социальной помощи (в порядке убывания) - пенсионеры, учащиеся и студенты, рабочие непромсферы, безработные, специалисты в органах управления, руководители, служащие неспециалисты. И если попадание в эту группу молодежи, с одной стороны, и пенсионеров – с другой связано с этапом социализации первых и выключением из активной трудовой и социальной жизни вторых, то присутствие в ней, в частности, руководителей и специалистов в органах управления как раз и подтверждает сделанный выше вывод о подверженности патерналистскому синдрому не только управляемых, но и управляющих. Как управляющие, они используют авторитаризм для контроля за управляемыми, как управляемые, они следуют правилам патерналистского синдрома. В этом причина высокой адаптивности норм и стандартов поведения в традициях патернализма: в том числе и в условиях общества рыночного типа.

Антипатерналистами в этой типологии оказались те, кто рассчитывают прежде всего на себя, соответственно относясь к государству как к чему-то внешнему, оценивая отношения в родительской семье как демократические, не испытывая при этом потребности в соцподдержке со стороны государства. К ним оказались отнесены предприниматели, ИТР и специалисты, рабочие промсферы.

Анализ распределения ответов респондентов соцпрофгруп по типологии трудового патернализма (отношение к государству, труд как ценность, удовлетворенность работой) в основном и подтверждает сделанные выводы:

²²⁸ Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология XX век: антология. М.: Юрист, 1995. С. 581–582.

- преобладание во всех группах патерналистского отношения к труду с разной степенью его распространения (инструментальное отношение к труду, ориентация на доминанту государства, отчужденное отношение к труду, девальвация традиционных трудовых (таких как любимая работа), социокультурных ценностей, ориентация на самореализацию и самоутверждение);
- большую склонность к патерналистскому типу трудовых отношений испытывают рабочие, особенно непроизводственной сферы, госслужащие в органах управления, служащие неспециалисты, пенсионеры, безработные, школьная и студенческая молодежь;
- большая восприимчивость антипатерналистского стиля трудового поведения служащими-специалистами непромсферы, предпринимателями.

Особняком стоят ИТР и специалисты промсферы, которые демонстрируют высокую степень трудового патернализма в том, что касается принятия (точнее непринятия) на себя ответственности и преобладание рутинных методов трудового поведения, и руководители, которые, наоборот, готовы действовать по лекалам антипатернализма, что подтверждает двойственность этой соцпрофгруппы, действующей как антипатерналисты по отношению к управляемым и как патерналисты – в иерархии подчинения вышестоящим.

Изучение взаимосвязи материального статуса и соответствующего типа потребительского поведения групп обследуемой городской общности и их подверженности патерналистскому синдрому показало, что существенным фактором, влияющим на это, является наличие или отсутствие у горожан-респондентов той или иной собственности. Так, те из них, кто дал положительный ответ на вопрос о владении той или иной собственностью демонстрируют положительную динамику отторжения патерналистских настроений, причем чем весомее имеющаяся собственность, тем менее они склонны разделять эти настроения, и, наоборот, наиболее подвержены патерналистскому синдрому те из опрошенных, кто вообще не располагает какой-либо собственностью (разрыв между первыми и вторыми составляет почти 2 раза).

О том, что это не единичная случайность, а вполне закономерное явление, обусловленное в том числе и особенностями социальных установок, одна из которых - отношение к социальной дифференциации, свидетельствует то, что эгалитаристская ориентация, отрицание допустимости социальных различий в большей мере присуща тем, кто склонен разделять ценности патернализма, тогда как те, кто допускает такие различия (причем без ограничений), в меньшей степени испытывают их воздействие (правда, следует отметить, что в целом все-таки преобладает патерналистское видение мира). Оценка респондентами своего (своей семьи) материального положения как базисного основания того или иного типа потребительского поведения демонстрирует тот же вектор движения от патернализма к его отрицанию: чем выше эта оценка, тем меньше зависимость от патерналистских ценностей. Это коррелирует с оценкой респондентами своего материального положения по величине заработка: наиболее сильны проявления патерналистской зависимости среди тех, кто относит себя к малообеспеченным. Среди них почти 60 % подвержены патернализму, и лишь каждый пятый – антипатерналисты. Этот вывод подтверждается и тем, какой стиль поведения на товарном рынке выбирают респонденты: ориентирующиеся на товары и услуги по низкой (доступной) цене в большей мере подвержены патерналистским настроениям, нежели те, кто выбирают более дорогостоящие товары. Особенно это характерно для тех, кто «берет» самую высокую ценовую планку: если среди первых процент настроенных патерналистски составляет 61,8 %, а антипатерналистски – 17,6 %, то среди вторых патерналистов в 3,5 раза меньше, а антипатерналистов в 2,7 раза больше.

Типологизация респондентов по методу О. Беремко²²⁹ в их отношении к тем или иным проявлениям патерналистского синдрома или отторжение его по критерию выбора стандартов того или иного типа потребительского поведения показала, что непосредственные

 $^{^{229}}$ Беремко О. Кого мы называем «люди XXI» // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 42–65.

повседневные поведенческие контакты в существенно большей степени способствуют преодолению патерналистского синдрома. Даже в группах, которые по другим основаниям склонны выбирать традиционные, патерналистские технологии, удельный вес тех, кто выбирает антипатерналистские типы потребительского поведения, существенно выше. Например, рабочих непромсферы, которые в других случаях демонстрируют наиболее сильную приверженность патерналистским стереотипам, в потребительском поведении в значительной своей массе (1/3 опрошенных) выбирают современные антипатерналистские технологии потребительского поведения. Единственным ограничителем, тормозящим этот процесс, выступает уровень материального благополучия горожан: чем он выше, тем более применимы антипатерналистские практики и наоборот. Это, с одной стороны, подтверждает сделанный выше вывод о связи потребительского поведения и выбора патерналистских или антипатерналистских ориентаций, с другой – подтверждает вывод о том, что патерналистский синдром, мимикрируясь, интегрируется в новые для себя потребительские технологии, что не исключает того, что впоследствии они «захватят» и более продвинутые стили потребительского поведения.

Из этого следует, что повседневное, рутинно-обыденное поведение, в частности, в сфере потребления в большей мере, чем ценностно-ориентационные установки, стимулирует преодоление патерналистского синдрома. При этом, чем в меньшей степени эти поведенческие акты табуируются ценностями и установками и подкрепляются позитивными тенденциями в материальном положении тех или иных городских страт, тем активнее протекает этот процесс.

Одним из существенных проявлений патерналистского синдрома, генетически восходящих к досоветскому и советскому периодам российского общества, относится низкий уровень социальной активности основных групп общества. Данные социологического опроса, проведенного в рамках исследования региональных проявлений патерналистского синдрома, показывают, что патерналистские настроения дают себя знать в том числе и на региональном уровне, причем в городе, население которого нельзя отнести к аутсайдерско-

му, но которое по-прежнему ориентировано на пассивное восприятие социальных реалий и не готово к активизации своего личностного потенциала. Применение веберовской типологии идеальных типов, нацеленной на изучение особенностей проявления патерналистского синдрома в ценностях и стандартах поведения респондентов в повседневной жизни в городе, позволило установить, что респондентов, включенных в патерналистский тип, отличает:

- более низкая сопричастность к поселению, в котором они проживают (большая отчужденность от места проживания, слабая информированность о городских делах и событиях, минимальная (которая и так незначительна) доля тех, кто ощущает значимость своего мнения при решении городских проблем и принимает участие в управлении городом на том или ином уровне);
- более интенсивный рост антирыночных настроений, сопровождающихся усилением социально-иждивенческих и эгалитаристских (уравнительских) ожиданий респондентов: среди них растет число тех, кто отрицает рыночные отношения и не признает дифференциации в доходах населения, более низкий удельный вес тех, кто ориентирован на собственные силы и возможности;
- минимальный уровень участия в общественно-политической жизни города на фоне роста их недовольства деятельностью органов власти краевого и городского уровней;
- более высокий уровень отчуждения городских социумов от власти: невысокий уровень доверия горожан к краевым и городским органам власти как к социальным институтам по сравнению с федеральными. Вместе с тем большое число опрошенных продолжают занимать пассивную иждивенческую или выжидательную позицию, тем самым рассчитывая на волю и возможности власть имущих, что является типичным проявлением патерналистского стандарта социального поведения;
- высокая степень нормативного релятивизма, гибкость моральных норм, переходящая в социальный конформизм (например, почти 2/3 всех опрошенных не готовы к принятию идеи законопослушности).

Вместе с тем выяснилось, что хотя корреляция между отношением к политике и выбором патерналистской или антипатерналистской ориентацией мало прослеживается, тем не менее социально-политическая активность горожан как сегмент их поведения в городской жизни испытывает противоречивое воздействие про- и антипатерналистских настроений. С одной стороны, интерес к политике носит эпизодический характер, а по частоте участия в политической деятельности горожане придерживаются откровенно патерналистских ориентаций, о чем свидетельствует наиболее высокий коэффициент патерналистских практик среди других занятий (70 % не готовы принять участие в городских акциях протеста).

С другой стороны, все-таки треть опрошенных готовы к этому, а 70 % одобрительно относятся к тем, кто выражает недовольство действиями властей. Впрочем, это отражает такую особенность изучаемого синдрома, как нежелание патерналистски ориентированных горожан брать на себя ответственность за те или иные действия.

Особенно явно синдром патернализма проявляется в политических установках и ценностных ориентаций горожан. Так, хотя вербально лишь 10 % считает президентскую форму правления наиболее предпочтительной, а 85 % – демократические формы правления, в ретроспективной оценке отдельных этапов развития российского/советского общества (от октябрьской революции до наших дней) наибольшие симпатии вызывают авторитарные и полуавторитарные режимы (ленинский этап, период сталинского правления, хрущевское десятилетие, брежневский застой, путинский период термидора – мнение 3/4 опрошенных), тогда как демократические и полудемократические периоды (НЭП, перестройка, 90-е годы) симпатичны лишь каждому четвертому (в группе патерналистов этот процент еще выше). Далее, давая прожективную оценку предпочтительной политической модели развития российского общества, большинство респондентов (причем как патерналисты, так и антипатерналисты разнятся интенсивностью проявления) выбирает или модель мягкого патернализма (социальное государство - мнение 60 % опрошенных) или жестко-ретроградную модель (изоляционизм, госпатриотизм, реанимация консервативных традиций и норм — так считает почти каждый пятый), и лишь 17,3 % выбирают либерально-антипатерналистский вариант (минимизация госвмешательства в экономическую и социальную жизнь общества, развитие индививидуальной активности граждан).

Следует особо подчеркнуть, что, во-первых, выявленные тенденции отражают общесоциальные процессы, характерные для российского общества в целом, тогда как региональная специфика проявляет себя в различиях количественного, а не качественного порядка, во-вторых, они присущи всей совокупности городского социума, различаясь лишь большей интенсивностью проявления в выделенном типе патерналистов.

Таким образом, проведенное исследование позволило подтвердить и обосновать основные структурные характеристики патерналистского синдрома и его проявлений как на личностном, так и на других уровнях социальных общностей.

Во-первых, нашла подтверждение гипотеза о всеобщности патерналистского синдрома: даже в группе условных антипатерналистов рецидивы патернализма, хотя и в меньшей степени, чем среди патерналистов, находят свое проявление (например, среди тех, кто относит себя к активным сторонникам рыночных отношений, одна треть респондентов подвержена патерналистским настроениям).

Во-вторых, подтвердилась и гипотеза о подверженности патерналистским настроениям не только управляемых, но и управляющих: среди руководителей $60\,\%$ оказались в группе патерналистов и лишь соответственно $40\,\%$ – антипатерналистов.

В-третьих, был пересмотрен вывод о том, что процесс вынужденной адаптации к рынку является переходной ступенью к принятию рыночных ценностей, полной адаптации к рыночным отношениям. Наоборот, данный вариант отношения к рынку скорее консервирует антирыночные ориентации: среди тех, кто выбирает данный тип отношения к рынку, 81,3 % оказываются в патерналистском типе и лишь 18,8 % – в типе антипатерналистов.

В-четвертых, в ряду личностных факторов, определяющих патерналистский синдром, ведущим является социализирующий фактор, условия воспитания в семье: те, кто указал, что решения в семье принимались одним из родителей, все 100 % оказались в патерналистском типе, и, наоборот, выбравшие вариант демократического принятия внутрисемейных решений полностью попали в антипатерналистский тип, т.е. можно говорить о социогенетической заданности патерналистских настроений.

Наконец, в-пятых, подтвердился тезис восприятия патерналистами окружающего социального бытия в его дихотомической иерархии, что соответствует авторитарному типу личности. Так, при определении своего места в социально-стратификационной пирамиде, из тех, кто отнес себя к «низам», 90 % составили патерналисты и лишь 10 % – их антиподы. Для сравнения: из тех, кто обозначил свое место в верхушке пирамиды, патерналисты составили лишь половину. При этом носителей патерналистского синдрома отличает двойственность интенций: жесткость в иерархическом восприятии социальных реалий сочетается с активным неприятием социальной дифференциации общественного устройства: среди сторонников эгалитаризма патерналисты составляют от 85 до 100 %, что, собственно, характеризует еще одну ипостась патерналистского синдрома: разорванность и внутреннюю противоречивость ценностно-ориентационного и поведенческого компонента их общественного сознания. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что на личностно-стратовом уровне такая внутренняя противоречивость патерналистского видения является еще одной и весьма существенной характеристикой патерналистского синдрома в целом. Можно сказать, что патерналистский синдром актуализирует сочетание взаимоисключающих комплексов: например, комплекса превосходства в оценке чужих этносов и культур и комплекса неполноценности при сравнении достижений «своих» и «чужих»; принятие на вербальном уровне ценностей и установок демократии и признание в качестве образца политического устройства общества авторитарных и полуавторитарных режимов; стремление и готовность к роли подчиняющихся и правовой нигилизм и неготовность к выполнению законов, в том числе и тех, что легитимизируют иерархический тип общественных отношений и т.д.

Таким образом, можно говорить о двух личностных моделях принятия или отторжения патерналистского синдрома: консервативно-инерционной (патерналистской) и деятельностно-динамической (антипатерналистской).

Консервативно-инерционная (патерналистская) модель базируется на традиционных представлениях. Для ее приверженцев характерен низкий уровень материальной обеспеченности, пассивно выжидательный, социально-иждивенческий подход, ожидание помощи извне (прежде всего от государства), слабая развитость адаптивных механизмов, что затрудняет их интеграцию в рыночную систему отношений, неприятие социальной дифференциации и стремление к социально уравнительным отношениям, неразвитость правового самосознания, интолерантность в ценностях и поведении, отчужденность от социальной среды, нежелание и неумение самостоятельно преодолевать жизненные трудности), пессимистическая оценка своих жизненных перспектив.

Деятельностно-динамическая (антипатерналистская) модель отличается нацеленностью на активное освоение окружающей социальной среды. Ее приверженцев отличает достаточно высокий уровень материальной обеспеченности, в своей повседневной жизненной практике рассчитывают прежде всего на собственные возможности, менее зависимы от других (в том числе и от государства), они демонстрируют высокие адаптивные способности, интегрированность в рыночные отношения как на вербальном, так и на поведенческом уровнях, их отличает высокий уровень правосознания, толерантное отношение к социальной дифференциации, стремление (и реализация) к личностной активности в освоении всех уровней социальной среды, желание и умение выбора оптимального варианта преодоления жизненных коллизий.

Как показало проведенное нами исследование, всеобщность распространения патерналистского синдрома, его тотальность связа-

ны не только с этой его всеобъемлемостью, но и с тем, что ему в той или иной степени подвержены все слои социально-стратификационной структуры сверху донизу, от личности до социально-статусных страт. Даже те группы, которые находятся в верхней части социальной иерархии, находятся под воздействием данного синдрома, что является одним из основных, хотя и не единственным препятствием для его преодоления. Как показывает практика функционирования российской политической системы, важным фактором, консервирующим отношения патерналистского типа, является прямая заинтересованность в этом не только «низов», привыкших к социальному иждивенчеству и пассивному подчинению верхам, но и «верхов», которые паразитируют на патриархально-традиционалистских настроениях, применяя соответствующие консервативно-патерналистские технологии. А если учесть, что «командующие», лидерские группы формируют социальную повестку общественного развития, это не может не создавать трудности в разработке социальной политики, нацеленной на реструктуризацию скреповых основ общества, консервирующих патерналистские настроения.

§ 4. Патернализация личности

Институт патернализма выстроен на социальных практиках взаимодействия людей, способствующих его включению в систему социальной иерархии. Основной его характеристикой является покровительство, основанное на социальном неравенстве и реализации власти. Патерналистские традиции передаются из поколения в поколение, являясь неким культурным «стержнем», историческим каркасом культуры взаимоотношений родителей и детей, работников и руководителей, граждан и государства. Процесс приобщения к патернализму, трансляцию такого поведения и влияние патерналистской культуры на социализацию личности мы будем обозначать через понятие «патернализации личности».

Люди выстраивают собственные «образы» и социальные практики в зависимости от своего индивидуального опыта взаимодействия с другими индивидами. Следовательно, основным показателем

приверженности к патернализму является их социальное поведение, выявляющее систему адаптации личности к условиям ее реализации, способ ее функционирования в системе конкретного общества, активность изменения социальной среды, самостоятельный поиск новых возможностей в различных сферах своей жизни.

Человеку, в отличие от животных, долгое время приходится зависеть от родителей в силу своей беспомощности в окружающем мире, что очень сильно влияет и на межпоколенческие отношения в семье, и на вербальные практики поведения личности. Длительный период подчинения и зависимости приводит к тому, что в процессе социализации у индивида может сформироваться высокая потребность в постоянном поиске авторитетов, защите от угроз и удовлетворении его нужд как в семейной структуре, так и вне ее.

Патернализм является продуктом общественного сознания (коллективного представления), присущим определенной эпохе или среде, формирующим систему социального неравенства с взаимодействующими и противостоящими друг другу сторонами. Любая общественная структура включает в себя социальные группы, не причастные к власти и общественным благам, согласные повиноваться власть имущим в обмен на их заботу и попечение. Но при этих явлениях возникает и обратная зависимость: внимание верхних слоев должно фокусироваться на удержании зависимости своих «подопечных» от них, то есть властные социальные группы в равной мере зависят от их добровольного подчинения. Таким образом, складывается модель удовлетворения взаимных интересов, в которой одна сторона, подчиняясь, удовлетворяет потребности другой.

Включенность патернализма (от лат. paternus – отцовский, отеческий) в культуру такова, что он доминирует в общественных отношениях, воспроизводя и поддерживая социальную иерархию, становясь неким эталоном поведения, постоянно воспроизводимым каждым членом общества, то есть неким культурным образцом. Таким образом, он является мощным социальным институтом (и субститутом), включенным в систему общественной жизнедеятельности, имеющим свою структуру, установки и регулирующим поведение

людей, и одновременно – социальной системой с особыми социальными действиями и ролями. Одна из его особенностей заключается в том, что он постоянно адаптируется и видоизменяется, не меняя своей сути, в чем бы ни состояли трансформации общества, при этом происходит постоянное воспроизводство неосознаваемого желания определенных социальных групп в покровительстве.

Несмотря на смену эпох, форм государства и типов экономических систем, патернализм остается одной из фундаментальных форм взаимодействия людей, обеспечивающей глубинное, «каркасное» основание и для стратификационной модели общества. Так, межпоколенческий патернализм является неизбежным в силу биологических потребностей и возникающих психологических зависимостей социализирующегося индивида. Сословная стратификация на формальном уровне разграничивает права и обязанности, что является объективным основанием для отношений патернализма. Тогда как классовая стратификация выражает заинтересованность верхних слоев в своем положении «патера», а нижние классы при этом вынуждены быть «детьми», чтобы сохранить или улучшить качество своей жизни.

Резюмировать ожидания подчиненных можно через определенные невербальные характеристики: «подчинение есть нечто естественное», «передача прав взамен обеспечения права», «принятие решения другим», забота, согласие (= безвыходность) на зависимое положение, ожидание экономической свободы, счастливой жизни, обещанной «неизвестными отцами».

С точки зрения патернализации личности необходимо изучать как сам механизм включения человека в патерналистские практики общества, так и его проявления, степень вовлеченности и выбор (или адаптацию) определенного поведения (роли) во властных отношениях. Личность является действующим субъектом, что позволяет идентифицировать ее с актором или агентом согласно мотивационному подходу взаимодействующих субъектов П. Ансара²³⁰. Актор им понимается как индивид, действующий в рамках личных интересов –

 $^{^{230}}$ Ансар П. Современная социология // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 135—143.

активный субъект, тогда как агент – пассивный субъект, вынужденный действовать под давлением внешних факторов. Данное различение ролей субъектов в социальном взаимодействии оказывает влияние на определение качества и вида патерналистских отношений; в частности, одной из форм является клиентелизм.

Клиентелизм (от лат. cliens – подопечный, послушный) рассматривается как отношения неравенства, в которых стороны оказывают друг другу взаимные услуги, но при этом важной характеристикой является тот факт, что принуждение является либо символическим, либо его заменяют добровольные договоренности, обеспечивающие взаимную солидарность и поддержку. Чаще всего понятие клиентелизма употребляют в политологии, обозначая им некую модель политического или политико-финансового структурирования общества. Клиентелы известны с античных времен и представляют собой «личные команды» отдельных лидеров, выстраивающих особые отношения с зависимыми или преданными последователями. Данные группы характеризуются неформальным характером борьбы за контроль ресурсов, а также формальной замкнутостью и строгой иерархичностью.

Таким образом, по качеству отношений между их субъектами, их сплоченности, а также исполнению ролей «актора» или «агента» можно, на наш взгляд, судить об уровне патернализации личности. Высокий уровень патернализации характеризуется неформальными отношениями, основанными на личном авторитете «патера» и стереотипах его поведения, существующих в обществе, а также пассивном подчинении ему нижестоящих. Низкий уровень патернализации отличается инструментальным характером гласных, публичных отношений, выражающимся во взаимной полезности, которую можно извлечь, используя друг друга в тех или иных ситуациях, то есть в получении зримых, моментальных благ, и большей самостоятельностью субъектов.

«Патронов» и «клиентов» мы будем относить к личностям, выполняющим роль акторов, осознанно достигающих своей цели через самостоятельный поиск личных выгод путем соглашения (клиентелизм). Актором же выступает и «патер», берущий на себя ответст-

венность за свою паству. Последнюю, в свою очередь, будем относить к агентам, воспроизводящим патерналистские культурные практики определенного общества, присущие каждому его члену и транслируемые через межпоколенческие механизмы – «патер» обязан позаботиться обо мне.

Процесс патернализации включен в процесс социализации личности и протекает идентично. Патернализм, как и любой социальный институт, входящий в определенную социальную структуру, организуется для выполнения тех или иных общественно значимых целей и функций. На наш взгляд, функцией патернализма как социального субститута является облегчение поддержания «социального порядка», то есть равновесия общественной системы, определение ролей и функций всех ее элементов и наиболее эффективного взаимодействия между ними. Любой социальный институт в процессе патернализации личности выступает, на наш взгляд, институтом-«патером» или институтом-«патроном» в зависимости от формализации и свободы норм, ценностей и отношений, прав и обязанностей, намерений и притязаний субъектов.

Государственный патернализм, согласно патерналистской теории возникновения государства основан на историческом разрастании патриархальной семьи и преобразовании власти отца семейства в общественную и государственную. Сторонники патерналистской теории призывали устранять из общественной жизни все безнравственное и девиантное, что возможно лишь в условиях крепких семейных отношений. Государство как основная социальная организация, построенная на отношении «власть - общество», является самым заинтересованным в воспроизводстве патерналистских практик легитимным «патером», особенно в случае недемократических режимов и командно-административных экономических систем. Большинство таких практик поддерживается этим институтом на законодательном уровне и с помощью экономических механизмов, что обусловлено возникновением и эволюцией самого государства. На наш взгляд, «патроном» государство может являться лишь в случае его принадлежности к реальным правовым и социальным государствам, что является практически недостижимым идеалом в силу социального неравенства. Современная трактовка государственного патернализма предполагает принятие государством на себя заботы о своих гражданах и подданных в случаях наступления неблагоприятной для них ситуации – болезни, инвалидности, безработицы и др.

Исторический аспект патернализма, его устойчивость в сознании населения РФ кроется и в длительной вере в «отца», который непременно решит проблемы всех и каждого, несмотря на определенные ограничения для «детей». Люди пассивно продолжают ждать принятия «царем-батюшкой» решения по вопросам их жизни, что, естественно, снижает их личную ответственность и социальную активность и приводит в итоге к социальному «застою» всего общества. В последнее время Российская Федерация стремится стать государством-«патроном» по отношению к своим гражданам путем создания формальных норм в трудовой и правовой сфере (равенство всех субъектов этих процессов). Но до реального воспроизводства этих норм в жизнедеятельности российского общества еще очень далеко, так как новые ценности равенства социально-трудовых отношений, реализации гражданских прав и свобод, социальной справедливости еще не «уложились» в мировоззрении большинства населения (в первую очередь жителей провинций), применяющих проверенные временем патерналистские («иждивенческие») практики.

В настоящее время данный вопрос стоит довольно остро, так как переходный период в нашей стране пока еще длится, культура меняется достаточно медленно и ценностные изменения при этом носят характер очень сложной деформации. Также одной из проблем современного российского общества является становление «среднего класса», предпосылкой развития которого может служить как раз формирование действующего актора среди социальных групп. Главная сложность, вызывающая противоречия в становлении широких самостоятельных средних слоев, на наш взгляд, заключается в том, что в данный момент превалируют инструментальные ценности, которые вроде бы должны склонять людей к клиентелизму как реальному партнерству с государством, работодателем и прочими, но од-

новременно до сих пор сильна культура «народного» прошлого, заставляющая их верить в защиту «царя-батюшки».

В трудовой сфере жизнедеятельности общества также почти не происходит никаких изменений или смещений в сторону социального партнерства субъектов социально-трудовых отношений. Наемные работники продолжают быть агентами, что связано, с одной стороны, с не самыми благоприятными экономическими условиями (они пытаются сохранить свои рабочие места), а с другой – попросту не желают прилагать лишних усилий, воспроизводя уже известные и отработанные типы поведения, а также не зная своих прав и возможностей. Работодателям и руководителям, в свою очередь, очень выгодно такое добровольное подчинение, так как оно наиболее рационально – приносит больший эффект производительности труда при наименьших затратах на стимулирование работников. Это подтверждается нашим исследованием субъектов социально-трудовых отношений, выявляющим уровень патернализма. Оказалось, что 100 % руководителей являются ярыми сторонниками своей абсолютной власти в трудовой деятельности.

Важным фактором для определения патернализации личности в трудовой сфере является и содержание труда. Высокий уровень патернализма, на наш взгляд, характерен для производственных организаций с высокой формализацией, точностью и сложностью производственных операций. Здесь уместны (и оправдывают себя) авторитарный стиль управления и патернализм как некая компенсация сложности труда. Для такой системы организации труда характерны роли руководителя-«патера» и подчиненных-агентов. Для организаций, занимающихся работой, предполагающей творческий подход и инициативу каждого, характерны и либеральный стиль управления, и клиентелистский подход к социально-трудовым отношениям. Подчиненные при этом могут выполнять как роли агентов, так и роли акторов, тогда как руководитель зачастую лишь играет роль «патрона», но в реальности считает себя «патером».

Еще одним фактором, влияющим на социально-трудовые отношения, является социально-психологический климат в коллективе.

Клиентелизм по сути своей напоминает команду, предназначенную для выполнения конкретных задач и достижения краткосрочных целей, тогда как патернализм представляет собой коллектив, связанный общими интересами и личными отношениями, несущий определенный образ жизни и представляющий культуру определенной эпохи.

Культуру определенного исторического этапа общественного развития каждый член общества получает в первую очередь от основного института социализации — семьи, транслирующей детям ценности (общественные и личные), нормы, знания и помогает в первых социальных практиках. Именно семья приучает ребенка повиноваться старшим, навязывает понятия соподчиненности и иерархии, которые личность проносит через всю свою жизнь. Как мы уже упоминали, это связано в первую очередь с биологическими особенностями развития человека. Но существуют и другие, искусственные социальные факторы, заставляющие молодых подчиняться старшим — например, демографические нормы (возрастной и гендерный цензы, этническая политика), социально-экономические условия (сословная стратификация, командная экономика, религиозное государство) и, конечно, политико-правовой режим государства.

Патернализация личности, таким образом, начинается параллельно с процессом социализации. Родители зачастую передают культуру соподчинения поверхностно, даже не задумываясь, что она означает: «Я – старше, значит, лучше знаю, чем ты должен заниматься», «Вырастешь – поймешь», «Мой ребенок, что хочу с ним, то и делаю» и т.д. На наш взгляд, так они неосознанно выражают основу всей домостроевской российской культуры, априори считающей патером старшего добытчика, а остальных членов семьи – его собственностью. Отсюда вытекает немало проблем как в отношениях в семье, так и личностных. Данная культура детьми зачастую будет транслироваться почти в неизменном виде уже в их собственных семьях, то есть произойдет воспроизводство модели родительской семьи. Таким образом, патернализация личности в семье неизбежна, и именно она учит индивида вынужденному подчинению в обмен на попечительство. В процессе социализации человек, конечно же, са-

мостоятельно определяет уровень своей патернализации в разных сферах жизнедеятельности, но основой остается все же структура взаимодействий первичной социализации.

В процессе становления индивида личностью большое влияние имеет и институт образования, закрепляющий патернализм в чуждой для ребенка внешней среде – статусы и нормы здесь носят как формальный, так и неформальный характер. Индивид отрабатывает совмещение и практику выбора для себя наиболее значимых ценностей и моделей поведения как с равными себе, так и с более/менее статусными людьми.

Особую роль играют в процессе патернализации и духовные институты, основанные на существовании и поддержании определенной идеологии — наука, религия, общественное движение или политическая организация. То есть любой институт, имеющий строгую иерархию, продолжает свое влияние на усиление патернализации личности (кроме тех случаев, когда ее деятельность связана с управлением элементами этих институтов). Использование веры людей в пропагандируемую идею — также один из механизмов патернализации личности.

Итак, уровень патернализации личности отражает различные аспекты социальных связей и социального взаимодействия, а также уровень сплоченности членов общества. Выбор той или иной стратегии взаимодействия и должен, на наш взгляд, отражать некую модель общественного управления как в социальном, так и в политическом, и культурном, и экономическом аспектах, на микро- и макроуровнях. Авторитарные режимы и командные экономики, по сути, сами взращивают и распространяют патернализм среди своих граждан, тогда как общества с демократическими ценностями и либеральным подходом пытаются наладить партнерство со всеми акторами.

Сохранение ярких патерналистских практик в российском обществе продлится еще достаточно долгий период, который понадобится для того, чтобы изменить культуру восприятия противостоящих слоев друг другом. И даже если это произойдет, патернализм никуда не исчезнет, он просто в очередной раз мимикрирует в новых

условиях и будет проявляться в других формах, так как патерналистская культура прочно вписана и поддерживается любой стратификационной системой, что означает неизменность ее существования.

§ 5. Особенности политической социализации в России

В социологии принято рассматривать социализацию как одну из центральных функций общественной системы. Именно эта функция позволяет воспроизводить базовые ценностные и культурные образцы жизни общества, удерживать это общество в состоянии равновесия, увязывать в единое целое разные поколения людей. Продуктом социализации становится та самая социальная ткань, прочность которой указывает на эффективное и бесперебойное действие социальных институтов, норм и моральных ценностей. В то же время социализация открывает возможности для самореализации отдельной личности, создает условия, при которых развитие личности является такой же важной и неотложной целью общества, как и разрешение системных противоречий. Эффективность социализации определяется гармонией и согласием между достижением личных целей и выполнением общественных задач.

Политическая социализация является неотъемлемой частью общей социализации личности. Однако (как и все «политическое») политическая социализация имеет тенденцию к доминированию и подчинению иных составляющих социализации своим содержательным императивам. Неслучайно в советском обществе институтам политической социализации уделялось так много внимания, и, возможно, именно они служат ключом к пониманию того, как происходила социализация по-советски.

Для нас очевидным представляется тот факт, что вместе с крахом Советского Союза политическая социализация в России приобрела стихийный, неконтролируемый и неуправляемый характер. На месте старых институтов, агентов и механизмов политической социализации (пионерия, комсомол, советские праздники, культовые места наподобие мавзолея Ленина, символы СССР и пр.) образова-

лась «пустота» в ценностно-идеологическом и институциональном смысле. С течением времени эту «пустоту» заполнили экранные образы западной культуры, материалы избирательных компаний, включая длинные списки партий и кандидатов в избирательных бюллетенях, пламенные речи новоиспеченных и вдруг «оживших» политиков, споры о переписывании истории, снос прежних памятников и переименование улиц и городов.

Образовательные учреждения обрели самостоятельность, что послужило стимулом к поиску нестандартных решений в области политической социализации, адекватных сложившимся политическим реалиям. Но, пожалуй, основное бремя не только в поиске своего социально-экономического места в новой системе отношений, но и в осмыслении происходящего, в моральном и политическом выборе легло на каждую отдельную российскую семью. Там, где государство оказалось слабо, бездейственно, а иногда и попросту преступно, именно семья, семейные узы, семейная поддержка, кооперация и взаимопомощь поколений сделали возможной сколько-нибудь эффективную социализацию.

Сегодня (спустя 25 лет после смены политического режима) система политической социализации по-прежнему смотрится как неудавшаяся, напоминая нам о трудностях становления в России новой общественной и политической структуры. Политическая социализация россиян носит фрагментарный, «осколочный» характер. Часто государственные программы, так или иначе связанные с политическим воспитанием и просвещением, превращаются в «кампанейщину» и «самопиар». Создание и поддержка молодежных парламентов, политических движений, ячеек и отделений при государственных и партийных структурах обычно совпадают с началом выборов разного уровня и отвечают, как правило, решению мобилизационных политических задач. Споры вокруг учебника истории в российской школе, а также о методах и формах патриотического воспитания вспыхивают всякий раз, как только происходят резонансные события в стране и мире. Общественное телевидение, которое могло бы стать проводником ценностей гражданского долга и политического участия, пока остается крайне непритязательным в этом отношении и невостребованным в сравнении с другими – развлекательными по своей направленности – телевизионными каналами. Больше того, в вопросе политической социализации молодежи телевидение теряет свои господствующие позиции, уступая место социальным сетям, популярным блогам и сообществам в Интернете.

Не будем забывать, что цель политической социализации — это превращение человека, рожденного и проживающего на определенной территории, в гражданина. Государство и общество рассматриваются гражданином как поле для активной деятельности, самореализации в общественных ролях. Вместе с этим гражданин принимает на себя ответственность за настоящее и будущее своих сограждан. Очевидно, что цель политической социализации может быть достигнута при согласованном участии в этом деле частных и публичных, общественных и государственных агентов. Усилия только одной стороны будут малопродуктивны. Но не все так просто.

Гражданские чувства могут быть истолкованы и воплощены в жизнь в разных вариантах. Гражданский долг может быть понят как долг политической лояльности или, наоборот, независимости; чинопочитания либо профессионализма; приверженности государственно-идеологическому канону или общественно-политическому плюрализму; моноцентризму или конкуренции; принципам директивы и послушания либо инициативы и самостоятельности в оценках (действиях); иерархии бесправия в ущерб политическому равенству. Этот дихотомический ряд может быть продолжен. Вопрос о том, какого гражданина мы хотим, становится центральным. Без ответа на него мы не сможем определиться ни с методами, ни с формами, ни, тем более, с содержанием политической социализации.

Так, мы выходим на проблему поиска и определения общественно-политического идеала, вектора общественного развития, формулирования и согласования ценностно-нормативных основ российского общества. Кто мы и куда идем, до сих пор неясно. «Священные коровы» демократии, прав и свобод человека, толерантности и гражданского общества, отрываясь от общественно-политической практики, повисают в воздухе, теряют смысл. Невозможно научить толерантности, когда с экранов телевизоров льется непрерывный поток ругательств, ненависти и злобы. Еще хуже обстоят дела с комментариями к политическому (да и вообще любому) контенту в Интернете. Невозможно апеллировать к образцам демократического общества, когда для значительной части российского общества (и особенно для тех, кто ходит с портретами Сталина-Ленина, хоругвями-иконами и имперскими флагами) «демократия» была и остается ругательным словом.

Если не демократия, то *что*? Реставрация советских институтов власти и управления вкупе со всей общественной системой? Но, кажется, это уже не в моде. Сейчас в моде образы царской России. Вот и Никита Михалков вносит свой вклад в политическую социализацию («Солнечный удар», 2014 г.), показывая на киноэкране идиллическую страну накануне Первой мировой войны и революции семнадцатого года. Политическая консолидация остается недостижимой мечтой для «правых» и «левых», для оппозиции, для тех, кто согласен, и тех, кто не согласен. Кто-то скажет, что страна должна консолидироваться вокруг своего лидера. Но тогда вопрос политической социализации снимается с повестки дня, потому что политическое участие будет требовать не знаний, а инстинктов.

Попробуем взглянуть на эти обстоятельства в другом ракурсе. Не секрет, что политическая социализация в современной России обусловлена болезненной ресоциализацией старших поколений россиян. В зрелом (и преклонном) возрасте им – людям с уже устоявшейся системой политических ценностей и оценок, со сложившимся отношением к политике, своей роли в политической жизни – пришлось переоценивать прежние идеалы, адаптироваться к новым формам политического участия, осваивать новые роли и опыт политических отношений. Таким образом, говоря об особенностях политической социализации в России, мы не можем обойти стороной тему травматического опыта поколений наших родителей и дедов. Нет такого общества, которое могло бы начать свою историю с чистого листа. Прошлое всегда отзывается в настоящем, политическое созна-

ние как продукт и пространство политической социализации неизбежно связано с фактами коллективной памяти.

Культурные институты общества (музеи, курсы школьной истории, праздники, памятные даты и мероприятия и т.д.) образуют несущую конструкцию коллективной памяти, в том числе и памяти о болевых точках национальной истории. Победы, войны, национальные достижения, трагедии и катастрофы образуют длинный ряд исторических образов и штампов, управляющих нашим восприятием прошлого, настоящего и будущего, питающих моральный порядок общества, национальную, культурную и политическую идентичность. Разрывы этих рядов, стирание моральных маркеров - «фашистская оккупация» - очевидное зло, а «освобождение Европы от фашистских захватчиков» - очевидное добро - приводит к фрагментации и распаду социокультурного пространства. Смена фокуса морально-политических и культурно-исторических различий, проведение новых различий, выделение новых территорий и смысловых полей, переоценка и реинтерпретация общепринятых идеалов и ценностей вызывает неоднозначную реакцию со стороны различных групп общества. Почему?

Устоявшиеся в обществе моральные и культурные образцы, привязанные к историческому опыту народа и транслируемые из по-коления в поколение, пронизывают собой личностную и групповую системы ценностей, служат для них строительным материалом. Соответственно, всякие попытки расстроить, расшатать ценностную опору общества часто вызывают болезненную, а также острую и агрессивную реакцию. Лишить человека, социализированного в определенной политической, социальной и культурной среде, символов веры, а саму веру поставить под вопрос в некоторых случаях равноценно лишению жизни. Мы «дышим» своими идеалами, убеждениями и жизненными принципами.

Однако социальные единства не гомогенны и не статичны, а наоборот, внутренне противоречивы, неравновесны и динамичны; они развиваются, трансформируются и даже гибнут. Это означает, что хорошо не то общество, которое смогло добиться ценностнонормативного тождества индивидов и групп, а то, которое смогло выработать в себе механизмы преобразования и новации, примирения и согласования, признания и покаяния.

Российское общество в этом отношении остается глубоко расколотым по культурным, социальным и политическим рубежам, безоружным перед новыми вызовами истории, вынужденным возрождать символы героического, победоносного прошлого, выпячивать архаические примитивные системы ценностных координат (свой / чужой). Отсюда новые попытки построения культурно-исторического канона как основной моральной силы, или духовной скрепы общества. Такая практика не только не приближает нас к осознанию и пониманию боли своих предков и современников, но в полной мере заслоняет живой человеческий голос, не всегда уверенный, внятный, едва различимый, требующий от нас большого терпения и острого слуха, чуткого к интонациям и болезненным срывам.

Все это существенным образом затрудняет поиск тех принципов и формул, которые могли бы лечь в основу политической социализации россиян. Слишком много острых углов, деликатных тем, спорных вопросов и непримиримых позиций, одно обсуждение которых способно свести на нет все усилия по общественной консолидации.

Если обратиться к результатам социологических исследований, то складывается довольно противоречивая картина. Согласно результатам исследования политической социализации россиян, проведенного под руководством Е.Б. Шестопал, старшее (старше 60 лет на момент исследования) и среднее (30–60 лет) поколения в ходе ресоциализации изменили первоначально усвоенные ими политические ценности, и в своих нынешних взглядах оказались довольно близки к молодому поколению (до 30 лет)²³¹. Стереотип, рисующий старшее поколение как наиболее авторитарную часть российского общества, а также представление о молодежи как о группе, критически настроенной в отношении власти, не соответствуют полученным данным.

 $^{^{231}}$ Шестопал Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. 2005. № 4. С. 48–69.

Среди опрошенных респондентов старшего возраста авторитарность встречалась чрезвычайно редко, несмотря на освоенные ими в ходе первичной политической социализации авторитарные политические практики. Е. Шестопал убеждена, что в ходе ресоциализации произошла более или менее успешная адаптация к новым политическим ценностям всех трех поколений.

Совсем иные выводы на основе исследования ценностных и поведенческих позиций студенческой молодежи делает Г.В. Разинский 232. Он отмечает подверженность молодежи воздействию все того же патерналистского синдрома, трактуемого через абсолютизацию роли государства, конформистский образ мышления и поведения, деление мира на своих и чужих, социальный эгалитаризм, иждивенчество и др.

Большой вклад в изучение процессов формирования и трансформации политического сознания и поведения россиян внесла группа социологов (Ю. Левада, Б. Дубин, Л. Гудков), известных своими исследованиями «человека советского». Л. Гудков и Б. Дубин настаивают на том, что в постсоветской России произошла деполитизация населения, всех его групп и слоев. Они выделяют три последствия такого коллективного «политического самоустранения». Первое – это тотальное недоверие российского населения большинству современных социальных институтов в стране, второе - крайне низкий уровень его (населения) социальной организованности, третье - выключенность россиян из деятельности добровольных неполитических организаций, слабое доверие к ним и нежелание их поддерживать ²³³. «Россия, тем самым, остается "закрытым" и "бедным обществом"» - бедным именно социальными связями, силами самостоятельности, многообразия и динамики. В ней по-прежнему

²³² Разинский Г.В. К вопросу о динамике социально-демографической структуры современного студенчества // Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании. 2014. Т. 15. С. 37–41.

²³³ Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «Управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма: очерки / под ред. М. Липман и А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. М., 2007. С. 8-63.

отсутствует позитивная оценка индивидуализма, активности, многообразия, нет и позитивной солидарности, которая поднимала бы самоуважение людей, укрепляла их самооценку. Кризис коллективной идентичности усиливается кризисом социального партнерства (изоляционизмом во внешней политике и массовой ксенофобией в быту), кризисом альтернативы (возрастающей неопределенностью будущего) и всей системы целеполагания. Говоря коротко, общество в России во многих отношениях и в решающем смысле формируется, осознает, воспроизводит себя по-прежнему как патерналистское и зависимое: это сообщество подопечных» ²³⁴.

Таким образом, мы вправе говорить не об успешной адаптации старших поколений россиян к новым политическим реалиям, а скорее о политическом отчуждении, растерянности и тревоге в отношении своего настоящего и будущего. И в этом они действительно схожи с поколением, чья социализация протекала в постсоветский период. Расстроенность политической системы, отсутствие внятных ценностных ориентиров, усталость от социальных шоков и национальных катастроф усиливают политическую апатию российского населения. С такими общественными настроениями вряд ли стоит рассчитывать на конструктивный диалог поколений, поиск консолидирующих ценностей, а также успешное лечение хронических российских болезней. Остается только согласиться с мнением Юрия Левады: «... за 1990-е годы... "простой человек" не стал жить лучше, но стал жить иначе, вынужден был шаг за шагом приспосабливаться к новой социальной и экономической реальности. <...> Вынужденное приспособление к рыночной системе само по себе не порождает и не закрепляет демократические образцы общественного устройства. На деле в отечественных условиях было закреплено «лояльное» отчуждение "массового человека" от государства, от власти, от политики»²³⁵.

 $^{^{234}}$ Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 61. 235 Левада Ю. «Человек советский»: 1989–2003 гг. Размышления о «большинстве» и «меньшинстве» // Вестник общественного мнения. 2004. № 5. С. 9–18.

Все это означает, что вопросы политической социализации не могут быть рассмотрены в отрыве от вопросов эффективного функционирования социальной структуры российского общества. Укрепление социальных институтов, институтов доверия, общественного самоуправления и самоорганизации будет способствовать укреплению норм и ценностей диалога и примирения, что неизбежно приведет к налаживанию механизмов вовлечения и включения всех общественных и заинтересованных групп в политическую жизнь страны. Именно в такой связи и последовательности мы видим решение вопросов политической социализации в современной России.

§ 6. Мотивационно-ценностные приоритеты студентов вуза как отражение политической ситуации в обществе

Политическая культура любого современного общества в первую очередь характеризуется политической социализацией личности. Социализация в данном случае представляет собой процесс интеграции индивида в общество, в различные социальные общности. Этот процесс решает две задачи: с одной стороны, помогает индивиду стать полноправным членом общества, с другой - обеспечивает жизнедеятельность общества и преемственность самой культуры²³⁶.

Во многом социально-политическая ситуация в государстве определяется тем, каких ценностей придерживается молодежь. Сама по себе система ценностей динамична в первую очередь в связи с меняющейся социальной средой, порождающей эти ценности, во вторых с возрастными изменениями, происходящими с молодежью. Одно поколение сменяет другое, соответственно этому меняется и набор ценностей²³⁷.

Формирование жизненных ценностей как неотъемлемая часть развития личности определяется также и тем, что вкладывают в че-

 236 Добрынина М.И. Политическая система общества. М., 2007. С. 94.
 237 Самсонова Е.А. Политические ценности российской молодежи в условиях социально-политических трансформаций 1990-х годов: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2008. С. 123.

ловека семья и общество, какие ценности и идеалы предлагают ему близкие значимые люди.

Таким образом, ценности могут иметь как внешнюю природу происхождения, представляя собой систему нормативных правил, так и отражать субъективно-личностные предпочтения индивида. То есть ценность является результатом осмысленного, сознательного отношения человека к окружающей действительности (к себе, обществу, миру), выступающим в виде некоторой меры значимости, отражения смысла этой действительности для общества и человека. При этом ценности являются важнейшим элементом культуры, так как призваны выполнять ряд общественно и личностно значимых функций: интегрирующую, стабилизирующую, идентификационную, нормативно-волевую, мотивационную, смысловую и др. Поскольку совокупность ценностей индивида определяет его оценку окружающей действительности, можно заключить, что ценности формируют мировоззрение каждого человека. Через ценности индивид осмысливает окружающий мир, определяет для самого себя смысл жизни.

В психологии большое внимание уделяется изучению феномена жизненных ценностей, в частности, изучению зависимости ценностных ориентаций от индивидуальных особенностей личности (Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Д.Н. Узнадзе, В.Н. Мясищев), активно-деятельностного окружения (К.А. Абульханова-Славская, Л.П. Буева, Д.Н. Узнадзе, В.Н. Мясищев и др.), духовного творчества (Н.А. Коваль, С.Б. Каверин, В.А. Токарева и др.), целеполагания и способов достижения цели (Б.С. Братусь, Л.Н. Собчик и др.).

Ряд авторов, а именно Д.А. Леонтьев, И.С. Кон, Ш.А. Амонашвили, А.А. Деркач, И.В. Дубровина, Д.И. Фельдштейн ценностные ориентации рассматривают как необходимые и важные ориентиры для формирования личности в юношеском возрасте 238 .

3.И. Файнбург отмечает «чрезвычайную сложность системы ценностных ориентаций личности..., сложность ее детерминации со-

 $^{^{238}}$ Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. С. 58.

циальным, многослойную и многоплановую опосредованность всех зависимостей в этой сфере. Мы имеем дело с многомерным объектом, очень сложным по своей структуре» ²³⁹.

Для изучения мотивационно-потребностной сферы личности было проведено исследование мотивационно-ценностной структуры личности студентов. В работе приняли участие студенты 3-го курса аэрокосмического факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета. Использовалась методика «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ). С помощью данного теста диагностируются терминальные ценности. Под «ценностью» понимается отношение к явлениям, жизненным фактам, объектам и субъектам, а также признание их как жизненно важных.

Жизненные ценности включают: развитие себя, духовное удовлетворение, креативность, активные социальные контакты, собственный престиж, высокое материальное положение, достижение и сохранение собственной индивидуальности. Реализуются терминальные ценности в разнонаправленных жизненных сферах. Под ними понимаются различные социальные сферы, в которых осуществляется жизнедеятельность человека. При этом значимость их для людей различна. Выделяют сферу профессиональной жизни, образования, семейной жизни, общественной активности, сферу увлечений и физической активности 240.

При помощи факторного анализа были выделены два фактора (табл. 16). Первый фактор характеризуется преобладанием следующих жизненных ценностей: собственный престиж, т.е. завоевание своего признания в обществе путем следования определенным социальным требованиям, высокое материальное положение, т.е. обращение к факторам материального благополучия как главному смыслу существования, сохранение собственной индивидуальности, т.е. пре-

²³⁹ Файнбург З.И. Ценностные ориентации личности в некоторых социальных группах социалистического общества // Личность и ее ценностные ориентации: информ. бюл. ИКСИ АН СССР. 1969. № 25/40. Вып. 2. С. 64. ²⁴⁰ Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей: руководство. Ярославль:

Содействие, 1991. С. 9.

обладание собственных мнений, взглядов, убеждений над общепринятыми, защита своей неповторимости и независимости.

Таблица 16 Результаты факторного анализа

Критерии	Фактор 1	Фактор 2
жизненные ценност	И	
Саморазвитие	0,65	0,64
Духовное удовлетворение	0,27	0,87
Креативность	0,36	0,78
Активные социальные контакты	0,57	0,63
Собственный престиж	0,79	0,38
Достижения	0,69	0,48
Высокое материальное положение	0,79	0,23
Сохранение собственной индивидуальности	0,77	0,42
жизненные Сферы		
Профессиональная жизнь	0,30	0,83
Обучение и образование	0,54	0,64
Семейная жизнь	0,78	0,29
Общественная жизнь	0,84	0,25
Увлечения	0,17	0,88
Физическая активность	0,79	0,20
Expl.Var	5,62	4,80
Prp.Totl	0,40	0,34

Данные ценности реализуются в социальных сферах общественной, семейной и физической активности жизнедеятельности студента.

Другими словами, для студентов значимыми жизненными ценностями выступили: достижение высокого материального положения, признание собственной престижности и уникальности, которые реализуются в общественно-политической жизни, в сфере семейных отношений, а также в стремлении вести здоровый образ жизни, считая,

что физическая культура необходима для гармонизации жизни человека.

Второй фактор характеризуется наличием духовной удовлетворенности, то есть преобладанием духовных потребностей над материальными, креативностью, стремлением реализовать свои творческие возможности в сфере профессиональной деятельности, которая для них выступает в роли увлечения всей жизни.

Обобщая, можно назвать людей, вошедших в первый фактор, нацеленными на достижение высокого материального положения через сферу общественной жизни. Второй фактор характеризуется творческим началом, высокой значимостью, личной увлеченностью процессом деятельности, нацеленностью на получение духовных благ.

При делении выборки студентов по половому признаку с помощью Т-критерия Стьюдента были получены значимые различия в стремлении достичь высокого материального положения и в сфере семейной жизни (табл. 17). Для девушек данные ценности являются более значимыми, что может свидетельствовать о стремлении, с одной стороны, к финансовой независимости, с другой – к поиску партнера для создания семейных отношений, в которых девушка реализует себя как мать.

Таблица 17 Различия в жизненных ценностях девушек и юношей

	Cp.	Cp.	t-	p	Стан-	Стан-	F-	p
	значе-	значе-	value		дартное	дартное	ratio	
Критерий	ния в	ния в			откло-	откло-		
Критерии	группе	группе			нение в	нение в		
	муж-	жен-			группе	группе		
	чин	ЩИН			мужчин	женщин		
Духовная удовлетво-								
ренность	41	42	-0,19	0,85	5,2	4,7	1,24	0,69
Креативность	43	44	-0,47	0,64	4,9	4,3	1,28	0,64
Активные социальные								
контакты	38	38	0,10	0,92	6,3	6,3	1,03	0,91

Окончание табл. 17

Критерий	Ср. значе- ния в группе муж-	жен-	t- value	p	Стан- дартное откло- нение в группе	откло- нение в группе	F- ratio	p
Собственный престиж	чин 41	щин 43	-1,09	0.28	мужчин 4,8	женщин 6,0		0,28
Достижения	39	39	0,05	0,26	-	7,0		0,72
Материальное положение	44	43	0,38	0,71	5,0	5,9		0,47
Сохранение собственной индивидуальности	44	48	-2,16	0,04	5,8	5,9	1,04	0,88
Сфера профессио- нальной жизни	42	42	-0,11	0,91	5,4	5,8	1,16	0,71
Сфера обучения и образования	60	61	-0,43	0,67	7,6	7,8	1,06	0,86
Сфера семейной жизни	59	60	-0,96	0,34	6,0	6,0	1,02	1,00
Сфера общественной жизни	55	61	-2,72	0,01	7,3	6,2	1,42	0,50
Сфера увлечений	51	53	-0,85	0,40	8,1	7,1	1,33	0,58
Сфера физической активности	56	54	0,54	0,59	7,5	10,8	2,06	0,10
Духовная удовлетво- ренность	52	49	1,18	0,24	9,9	10,8	1,18	0,68

Также следует отметить, что получены значимые взаимосвязи личностных особенностей с ценностной ориентацией, которые характеризуют выборку (табл. 18). В таблице представлены коэффициенты корреляции, значимые на уровне p < 0.05.

Таблица 18 Результаты корреляционного анализа по Пирсону

Критерий		Кеттелл							
Критерии	Α	C	Е	F	G	L	M	О	Q_1
Духовная удовлетворенность					-0,6	0,4	-0,5		-0,5
Креативность				0,4					
Активные социальные контакты		-0,4			-0,5			0,4	
Собственный престиж			0,3		-0,4				
Достижения							-0,4		
Материальное положение					-0,4				
Сохранение собственной									
индивидуальности			0,4		-0,5				
Сфера проф. жизни					-0,6			0,3	-0,4
Сфера обучения и образования			0,3		-0,6				
Сфера семейной жизни				0,4					
Сфера общественной жизни			0,4		-0,5				
Сфера увлечений					-0,4				-0,4
Сфера физической активности	0,4								

Наибольшее количество взаимосвязей имеют следующие мотивационно-потребностные сферы:

Потребность в «духовном удовлетворении» взаимосвязана с фактором L — «подозрительность — доверчивость», а также имеет обратные взаимосвязи с показателями G — «сознательность — беспринципность», M — «мечтательность — практичность» и Q_1 — «радикализм — консерватизм».

Таким образом, в структуре морально-нравственных принципов преобладает стремление к удовлетворению духовных потребностей над материальными, которые взаимосвязаны с выраженностью таких личностных характеристик, как твердость, направленность на «себя», стремление не связывать себя правилами, консервативность во взглядах и суждениях.

Сфера активных социальных контактов, т.е. установление благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия, расширение своих межличностных связей, реализация своей социальной роли, напрямую взаимосвязана с фактором О «спокойствие – тревожность», а также имеет обратные взаимосвязи с фактором G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» и фактором С «эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность».

Другими словами, потребность в социальной значимости, реализации социальных ролей связана со стремлением личности к самоактуализации, наличием обеспокоенности, развитым чувством вины. При этом наблюдается импульсивность, отсутствие принятия общепринятых социальных норм и правил, свободная их трактовка.

 $C \phi e p a \ npo \phi e c c u o h a ль h o й жизни имеет прямую взаимосвязь с фактором O «спокойствие – тревожность» и обратные взаимосвязи с фактором G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» и фактором <math>Q_1$ «консерватизм – радикализм».

То есть для респондентов сфера профессиональной жизни выступает как показатель личностной обеспокоенности, тревожности за свою профессиональную успешность, в достижении которой респонденты готовы к противостоянию с существующими нормами и правилами поведения в обществе, ориентируясь в деятельности на сиюминутный результат.

Также следует отметить, что личностный фактор G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» имеет обратные взаимосвязи со следующими показателями мотивационно-потребностной сферы: «Духовная удовлетворенность», «Активные социальные контакты», «Собственный престиж», «Материальное положение», «Сохранение собственной индивидуальности», «Сфера профессиональной жизни», «Сфера обучения и образования», «Сфера общественной жизни».

Другими словами, респондентам свойственно ассоциировать высокую нормативность поведения с неудовлетворением духовных потребностей, ограничениями в социальных контактах, материаль-

ным положением. Нормативность проявляется в оценке собственной индивидуальности. Личностная характеристика, связанная с нормативностью поведения, имеет негативную окраску, связанную с ограничениями в рамках реализации себя как личности, как индивидуальности в сферах профессиональной и общественной жизни, а также в сфере обучения.

В целом приоритетами для студентов являются общественная жизнь и профессиональное становление, в которых реализуются их духовные потребности и поиск самоидентичности. Студенчество делится на две группы: одни хотят достичь высокого материального положения за счет имеющихся ресурсов общественных институтов, другие нацелены на поиск себя, удовлетворяя свои духовные потребности и увлечения. Полученные данные во многом согласуются с той политической ориентацией молодежи, которая существует в нашем обществе сегодня. Когда одним нужна стабильность и порядок, другие стараются на первый план поставить желание «выделиться из толпы» и нарушить имеющиеся устои, тем самым также способствуя развитию нашего общества.

§ 7. Роль семьи в становлении современной личности

Как известно, личность содержательно и функционально тесно связана с семьёй, именно в семье закладываются основы личности, и именно семья сопровождает её в течение всей жизни и помогает ей социализироваться как в начале жизни, так и в зрелости.

Каким образом можно охарактеризовать современное состояние тандема личность—семья? Что происходит с институтом семьи? Действительно ли он исчезает, правда ли, что он больше не нужен человеку? Во всём это можно разобраться, лишь опираясь на анализ её функционирования. Существуют различные классификации функций, однако нас интересуют принципиальные задачи, которые стоят и перед социальным институтом, и перед малой группой. На наш взгляд, семья как триада отношений СУПРУЖЕСТВО—РОДИТЕЛЬСТВО—РОДСТВО предполагает выполнение следующих функций:

- сексуальная (помимо собственно сексуальной функции включает в себя и следствие-назначение этих отношений репродуктивную функцию);
- социализирующая (включает в себя и воспитание подрастающего поколения, и передачу ему социального статуса, и осуществление первичного социального контроля);
- духовная (возможность духовного общения, эмоциональная защита и поддержка, и организация досуга);
- экономическая (удовлетворение потребности в материальных средствах и более прикладной аспект хозяйственно-бытовой).

Сексуальная функция семьи является одной из значимых, поскольку именно она связана с биологическим воспроизводством населения и позволяет выйти за пределы СУПРУЖЕСТВА, способствуя появлению новой связи – РОДИТЕЛЬСТВО.

Собственно сексуальная функция предписывает, что именно семья, в рамках общественного уровня, осуществляет сексуальный контроль, т.е. регулирует, что можно, а чего нельзя в сфере сексуальных отношений. С индивидуальной позиции эта функция позволяет удовлетворить собственно сексуальные потребности.

Парадокс, но общество, через СМИ и иные каналы транслирует идею, что сексуальная потребность (в норме) может удовлетворяться не только в рамках семьи (брака), и не обязательно традиционным образом, да и все табу, например, на инцест – это посягательство на свободу личности. Вследствие этого можно предположить, что общество перестало нуждаться в семье как регуляторе норм сексуального поведения.

Отметим, что увеличивается число людей, воспринявших ценность «свободной любви», транслируемой разными представителями культуры. Это подтверждается статистическими данными, которые демонстрируют снижение количества вступлений в брак, и данными социологических исследований, которые позволяют явно выделить

гедонистическую направленность человека в удовлетворении своей сексуальной потребности 241 .

Однако сама по себе сексуальная функция не является центральной задачей, она ориентирует семью на получение потомства. И если мы коснёмся истории человеческого общества, то обнаружим немало фактов, в том числе сохранившихся до наших дней, когда культурные традиции мужчине и женщине разрешают поддерживать сексуальные отношения, но с единственной целью – получить потомство. Итак, репродуктивная функция, как одна из ипостасей сексуальной – есть удовлетворение потребности общества в биологическом воспроизводстве населения и удовлетворение потребности быть родителем для индивида.

Если мы рассмотрим данную функцию с позиции потребностей общества, которые выражаются в конкретный исторический период государством и его политикой в этом вопросе, то можем отметить, что по крайней мере в современной России нет нужды в семье как исполнителе данной функции. Это можно заключить из того, что в настоящее время происходит смещение в вопросе поддержки «источника населения» от традиционной семьи к конкретным «исполнителям» данной функции – женщинам. Название, например, одного из национальных проектов и собственно сертификата говорит само за себя «Материнский (семейный) капитал».

Да и на индивидуальном уровне исполнения репродуктивной функции мы наблюдаем существенные трансформационные процессы, которые вызваны к жизни разными факторами. Люди всё реже испытывают потребность (установку) иметь детей. Как правило, эту проблему принято списывать на материальную сторону жизни — недостаточную экономическую состоятельность, отсутствие достойного жилья и т.д.

 $^{^{241}}$ См.: Гольцова Е.В., Лещенко Я.А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // СОЦИС. 2010. № 2; Богданова Л.П., Щукина А.С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // СОЦИС. 2003. № 7. С. 100–105; Медкова М.В. Семьи «звёзд» шоу-бизнеса (контент-анализ материалов прессы) // СОЦИС. 2002. № 1. С. 131–135.

Как правило, исследователи придерживаются описательной позиции о состоянии потребности индивидов в родительстве, хотя следовало бы рассматривать проблему шире — искать причины возникновения таких установок. И отдельные исследования по данной проблеме проводятся²⁴². Они позволяют эмпирически подтвердить, что первопричина подобной репродуктивной установки далеко не материальные проблемы, а изменение духовных ценностей и потребностей населения.

Эти изменения связаны в первую очередь с изменениями в ценностях самих людей и не без влияния процессов глобализации, открывающих горизонты для индивидуального, личного развития и самоутверждения и требующих от людей использовать этот шанс, прибегая к манипуляции «иначе окажешься несовременным». В чём же проявляется эта ориентированность на индивидуальное начало в мировом обществе, которое в ходе глобализации стирает границы и различия? Ориентированность на индивидуальное начало, которое декларирует каждому возможность развития своей личности, как правило, в реальности проявляется в феномене потребительства, ко-

 $^{^{242}}$ См.: Гольцова Е.В., Лещенко Я.А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // СОЦИС. 2010. № 2; Лебедь О.Л., Дудина Ю.В., Куликова Е.Н. Имидж семьи в современных русских песнях // СОЦИС. 2002. № 3. С. 121–123; Медкова М.В. Семьи «звёзд» шоу-бизнеса (контент-анализ материалов прессы) // СОЦИС. 2002. № 1. С. 131–135; Асланов А.С. Проблемы мотивации рождаемости в современной адыгейской семье // Социология и общество: пути взаимодействия: материалы 3-го Всерос. социол. конгресса, Москва, 21–24 окт. 2008 г. М., 2008; Репродуктивные установки и удовлетворённость семейной жизнью в России и Европе (по данным европейского социального исследования – 2006) / А.И. Антонов [и др.] // Социология и общество: пути взаимодействия: материалы 3-го Всерос. социол. конгресса, Москва, 21–24 окт. 2008 г., М., 2008; Гончарова Г.С. Демографическое поведение и семейные ценности населения Сибири // Социология и общество: пути взаимодействия: материалы 3-го Всерос. социол. конгресса, Москва, 21–24 окт. 2008 г., М., 2008; Моисеева Т.П., Бабикова Н.Я. Бедность российских семей и будущее России // Социология и общество: пути взаимодействия: материалы 3-го Всерос. социол. конгресса, Москва, 21-24 окт. 2008 г., М., 2008; Комбарова Т.В. О некоторых детерминантах демографического поведения населения // Социология и общество: пути взаимодействия: материалы 3-го Всерос. социол. конгресса, Москва, 21-24 окт. 2008 г., М., 2008.

торый смещает акцент с «МЫ» на «Я» и ничего общего не имеет с каким бы то ни было развитием и саморазвитием личности.

Вторая выделенная нами функция, стоящая перед семьёй, напрямую связана с первой, поскольку отсутствие потомства само по себе удаляет функцию социализации.

Социализация как процесс связан с сохранением стабильности общества и его культурной непрерывности, с одной стороны, а с другой стороны, способствует адаптации человека к определённым социальным условиям. Отметим, что воспитательная функция (о которой говорят реже, чем о репродуктивной функции) ориентирована собственно на культурно-духовное воспроизводство населения. С позиции отдельного человека эта функция позволяет удовлетвориться потребности в родительстве в широком смысле, т.е. не просто иметь детей, но и воспитывать их, общаться с ними, реализовываться в них.

Эта функция семьи также оказалась заложницей обстоятельств: всё чаще можно видеть, что молодые люди социализируются вне семьи, а родители и прародители нередко вынуждены обращаться за помощью при адаптации к тем, кому они собственно сами должны помочь - молодёжи. Вследствие этого у молодого поколения нередко возникает иллюзорное ощущение, что все знания старших поколений устарели и, следовательно, не нужны, а это создаёт ситуацию нестабильности в обществе, т.е. препятствует его культурной непрерывности. Можно, таким образом, предположить, что общество (мировое общество, которое объединяется с благими намерениями максимально быстро развиваться) само не знает, что ему необходимо, в частности, необходима ли ему собственно функция воспитания в институте семьи. Это является миной замедленного действия, создавая ситуацию аномии в обществе и нормативной неясности для отдельного человека. Это состояние свойственно всему миру, включившемуся в процесс глобализации, поскольку всё новое очень быстро становится старым, следовательно, не успевают закрепиться нормы, которые так нужны, для того, чтобы знать, как быть и что делать в стандартных жизненных ситуациях. Семейная функция воспитания, как и репродуктивная, имеет далеко неоднозначное значение в глазах современного общества, которое всё чаще полагается на воспитание вне семьи. Не лучше обстоит дело с этой функций и на уровне отдельного человека. В настоящее время отмечается, как уже говорилось, постоянное снижение рождаемости, но не по причине объективных трудностей с воспроизводством, а в силу серьезных проблем в духовном, психологическом плане. В качестве истинной причины отказа от рождения детей (не только иметь одного, а вообще не иметь детей) выступает потребительство, которое всё сильнее и сильнее вторгается в духовную жизнь человека, определяя всё его существование и жизнедеятельность. Людям с такой жизненной установкой дети мешают жить для себя, да и зачем реализовываться в ком-то, когда можно реализовать себя²⁴³.

Духовная роль семьи имеет более широкое значение – поддержание всей системы взаимоотношений триады СУПРУЖЕСТВО–РОДИТЕЛЬСТВО-РОДСТВО. Собственно функция духовного общения на уровне общества призвана развивать личность каждого члена семьи, а на индивидуальном уровне позволяет укрепить дружеские связи между членами семьи и обогатить их личность в духовном, культурном плане. Тем не менее данная функция связана с рассмотренными выше функциями семьи. В частности, потребительская установка автоматически купирует потребность в духовном общении, с одной стороны, а с другой – вопреки установкам индивидуалистической культуры, в рамках которой и зародилось потребительство, препятствует, если не сказать уничтожает на корню развитие личности.

В рамках духовной значимости семьи проявляется функция эмоциональная, которая требует от семьи оказывать психотерапевтическую помощь. Индивид, как правило, ожидает, что в семье он найдёт счастье и любовь, а также эмоциональную поддержку и защиту в сложных жизненных ситуациях.

И вновь наталкиваемся на уже рассматриваемую потребительскую культуру с её последствиями. С одной стороны, общество через СМИ и массовую культуру с её стандартами, влияет в том числе и на

²⁴³ Медкова М.В. Указ. соч. С. 131–135.

семейные отношения. С другой стороны, человек хочет получать, но не хочет оказывать эмоциональную поддержку другим, дарить любовь и счастье. В результате попадает в «яму, вырытую для других».

Экономическая функция семьи включает в себя хозяйственнобытовую функцию. Для общества — это возможность максимально адресно оказывать помощь при проблемах с физическим здоровьем и заботиться о подрастающем поколении. А с позиции индивида получать хозяйственно-бытовые услуги.

Казалось бы, функция как была, так и осталась востребованной и действующей, но это только на первый взгляд. В свете целостного анализа функций, можно отметить, что забота о физическом состоянии членов семьи и детях напрямую связана с функцией репродуктивной и воспитательной. Вместе с тем эти функции в действиях государства (и мирового общества) нивелируются, поскольку «препятствуют», а не способствуют скорейшему вхождению молодого поколения в «объективную социальную реальность». Исчезает семейное единство, и поддержание родственных отношений, которые всегда были воплощением семейных традиций. В настоящее время, в век нарастающего потребительства, по мнению взрослых и здоровых людей, помощь близких не требуется. Именно взрослые люди, максимально полноценные в физическом плане активно выбирают свою жизненную линию, а именно: всё, что даёт семья, может сделать техника и технологии, которые претендуют на полное и тотальное замещение человека.

Да и собственно экономическая функция семьи пришла в упадок. На общественном уровне она призвана поддерживать немощных, нетрудоспособных и, естественно, несовершеннолетних. На индивидуальном уровне подразумевает получение (либо обмен) материальных средств одними членами семьи от других. Однако, памятуя о веке потребительства и ориентированности на индивидуальное, а не коллективное начало, отметим тенденцию к эгоистичному и безразличному взгляду на происходящее и на проблемы не только окружающих, но и близких. Собственно, можно констатировать воплощение призыва к жизни «для себя». В связи с этим представляется значимым вопрос: почему в одних и тех же «объективных» условиях могут формироваться диаметрально противоположные типы личности и семьи? Ведь вопреки широко пропагандируемой индивидуалистической культуре есть люди, которые ориентированы на традиции предков и сбережение духовного начала, эмоциональной близости с родными людьми. Они сохраняют свой вектор приверженности к коллективистской культуре, которая появилась задолго до социалистической революции в России, впрочем, как и в целом ряде других стран. Что же формирует тот или иной тип личности и семьи, если традиционная парадигма материальной детерминанты дискредитировала себя?

В 2011 году студентам технических специальностей ПНИПУ было предложено написать сочинение-размышление «о себе и ценностях в своей жизни». Всего было проанализировано 118 работ молодых людей в возрасте 18–22 лет. Наиболее часто выделяются 7 ценностей: «семья» – 50,8 %; «друзья» – 32,2 %; «Я» – 13,5 %; «образование» – 12,7 %; «карьера» – 8,5 %; «развлечения» – 5,9 %; «деньги» – 5,1 %. Интересным представляется, что среди достаточно традиционных ценностей появляется новообразование – «Я – как главная ценность этого мира». При этом акцент в оценке «Я» двоякий, но равно распределённый. С одной стороны, молодые люди уверены, что их «Я» является центром мироздания и всё происходит ради их персоны (с доминированием гедонистических тенденций), а другие видят ценность «Я» в возможности развития своей личности во благо других.

Треть респондентов (33,1 %) воспринимают современный мир как нечто агрессивное и враждебное, а единственное спасение видят в семье и близких людях. И за сохранение этого «маленького стабильного, устойчивого и надёжного мира» молодые люди готовы бороться.

Итак, для части молодых людей процесс глобализации актуализирует гедонизм как принцип жизни, а другие видят в этом процессе агрессию и враждебность, попытку поглотить их небольшой, уютный, спокойный и понятный мир, и они отмечают, что готовы посту-

питься материальными благами ради спокойного, размеренного и предсказуемого уклада жизни.

Судя по тому, как молодые люди стремятся защитить и сохранить свой «маленький мир», можно предположить, что семья выступает между личностью и обществом неким буфером. Какие же механизмы, условия, факторы имеются у семьи для предотвращения саморазрушения и дестабилизации, неустойчивости, запусков механизмов самоуничтожения отдельного человека?

Для поиска ответов на обозначенные вопросы в 2012 году было проведено пилотажное исследование по проблеме «Семья и личность», более углубленное и расширенное.

В опросе приняло участие 77 человек в возрасте 17–52 лет, из них 55,4 % мужчины и 44,6 % женщины. Представлены разные группы респондентов по уровню образования: среднее образование у 14,6 %; среднее профессиональное имеет 6,7 % респондентов; 20% — с высшим образованием; получают среднее профессиональное и высшее образование соответственно — 2,7 и 56 %.

Для определения ценностных предпочтений респондентам были предложены два списка (один с группой ценностей значимых, а второй – отвергаемых), в которых надо было выделить не больше девяти пунктов значимых/неприемлемых «для себя лично» и «для нашей страны».

В целом для респондентов важно «здоровье» и социально-психологическое благополучие, связанное с ближайшим окружением, положение в более широких социальных группах имеет значение, но всё же не первостепенное (табл. 19). Интересно, что ценность «образование» стоит между интимно-личностными контекстами жизни и позициями, связанными с социально-экономическим положением, являясь, вероятно, значимым для создания основы для «безопасности», «достатка».

Распределение наиболее значимых ценностей по субъекту (каждый респондент выбирал несколько ценностей, поэтому сумма больше 100%)

№ п/п	Ценности	«Для себя»	«Для общества»
1	Безопасность	40,3	70,1
2	Внимание к людям	28,6	48,1
3	Доверие	36,4	5,2
4	Достаток	36,4	20,8
5	Дружба	51,9	3,9
6	Законность	7,8	64,9
7	Здоровье	68,8	9,1
8	Любовь	55,8	3,9
9	Мир	20,8	59,7
10	Независимость	20,8	37,7
11	Образование	41,6	31,2
12	Порядочность	36,4	23,4
13	Развитие	24,7	51,9
14	Семья	74,0	5,2
15	Справедливость	26,0	41,6
16	Стабильность	27,3	48,1
17	Уважение к родителям	49,4	3,9

Ситуация с неприемлемыми «теневыми» ценностями складывается аналогичным образом, респонденты демонстрируют значимость своего личного благополучия и сферы межличностных отношений (табл. 20).

Говоря о ценностях для общества, респонденты демонстрируют обеспокоенность широким кругом проблем и межличностного взаимодействия, и основ государственности и экологии (см. табл. 19, 20).

Таблица 20 Распределение наиболее неприемлемых («теневых») ценностей по субъекту (каждый респондент выбирал несколько ценностей, поэтому сумма больше 100 %)

№ п/п	Ценности	«Для себя»	«Для общества»
1	Агрессия	50,6	26,0
2	Бедность	20,8	45,5
3	Беззаконие	48,1	58,4
4	Безответственность	39,0	14,3
5	Безработица	14,3	45,5
6	Взяточничество	19,5	51,9
7	Война	42,9	55,8
8	Жестокость	55,8	14,3
9	Зависть	37,7	9,1
10	Загрязнение	13,0	40,3
11	Наркомания и алкоголизм	66,2	62,3
12	Подлость	55,8	5,2
13	Порабощение	23,4	40,3
14	Разврат	31,2	29,9
15	Хамство	37,7	11,7

Проанализируем ситуацию с ценностями «для себя» и «для нашей страны» в целом. В личном аспекте «образование», скорее всего, представляется базой для контактов с внешним, более широким миром, да и «безопасность» включается в группу ценностей, связанных с контактами в более широких социальных группах (доверие, достаток, порядочность). В связи с этим представляется вполне логичным, что именно ценность «безопасности», по мнению респондентов, самая значимая «для нашей страны». По-видимому, для респондентов более значима личная ситуация, не только с позиции индивидуальной, но и социальной. Поскольку в числе наиболее важных «для общества» обозначены ценности, которые в целостном единстве имеют значение для индивидуального благополучия (безопасность, законность, мир,

развитие, внимание к людям, стабильность, справедливость), косвенно это подтверждается и самыми незначимыми «лично для себя» ценностями (сотрудничество – 1,3%, согласие – 3,9%, долг – 5,2%). Ценности, связанные с уровнем развития общества в целом, для респондентов менее важны, так как «независимость» и «образование» с точки зрения «нашей страны» оказались на последних местах (см. табл. 19).

Сравнив материал исследований 2011 и 2012 годов, можно заметить, что тенденции одинаковы. На первом месте оказываются стабильность и устойчивость мира в виде ближайшего окружения, которое важно для «меня лично», а для «нашей страны» важно создать соответствующие условия для стабильности и устойчивости микромира отдельного гражданина.

Что же представляет собой этот микромир для респондентов в разные возрастные периоды и как он влияет на них?

По месту проживания в детском возрасте представлены все типы населённых пунктов (сельская местность, небольшие города, райцентр и крупные города). У большинства респондентов родители с профессиональным образованием, хотя у матерей образовательный уровень несколько выше, чем у отцов (табл. 21).

Таблица 21 Образовательный уровень родителей (процентное распределение по каждому из родителей)

	Начальное	Неполное	Полное	Среднее	Высшее
Родители	образование	среднее	среднее	профессио-	образование
Годители		образование	образование	нальное	
				образование	
Мать	2,9	4,3	_	45,7	47,1
Отец	1,4	5,7	5,7	60,0	27,1

Преобладающим типом семьи по характеру структуры в 6-летнем возрасте у респондентов были двухпоколенная (включающая в себя только вертикальную связь двух поколений) и нуклеарная (со-

стоящая из семейной пары и их детей) семьи, а в 12 лет тип семьи резко сместился к нуклеарной (табл. 22).

Таблица 22 Структура типов семей в разные периоды жизни (процентное распределение по периодам жизни)

Периоды жизни	Расширенная семья	Двухпоколенная семья	Нуклеарная семья
В возрасте 6 лет	4,0	56,0	40,0
В возрасте 12 лет	5,0	25,0	70,0
Своя семья	15,0	25,0	60,0

Преимущественно респонденты проживали в полной кровной семье, но всё же пятая часть респондентов отмечает наличие деформации семьи, когда им было 6 лет, а в 12 лет их доля уже составляла почти треть (либо семья была неполной, либо в семье появился «новый» родитель) (табл. 23).

Собственная семья у респондентов преимущественно полная, деформации подверглась лишь десятая часть семей. При этом отметим, что в подростковом возрасте девочки преимущественно проживали в полных (кровных и некровных), а мальчики в неполных семьях.

Таблица 23
Типы семьи по полноте состава в разные возрастные периоды (процентное распределение по периодам жизни)

Возрастной	Полная	Неполная	Полная семья
период	кровная семья	кровная семья	с мачехой, отчимом
В возрасте 6 лет	80,6	15,3	4,2
В возрасте 12 лет	70,8	19,4	9,7

Третьим основанием типологии, применяемой для анализа семьи, было количество детей. Мы выделили три типа – многодетная семья (более 3 детей), среднедетная семья (2–3 ребёнка) и малодетная семья (1 ребёнок).

Респонденты преимущественно воспитывались в средне- и малодетных семьях, в то время как сами имеют уклон к среднему или большому числу детей (табл. 24). Среди наших респондентов также выделяется следующая тенденция: в подростковом возрасте девочки проживали в среднедетных семьях, а мальчики – в мало- или многодетных.

Таблица 24 Типы семей по количеству детей в них в разные возрастные периоды жизни респондента (процентное распределение по периодам жизни)

Периоды жизни	Многодетная семья	Среднедетная семья	Малодетная семья
В возрасте 6 лет	8,7	78,3	41,3
В возрасте 12 лет	9,1	70,1	20,8
Своя семья	26,3	57,9	15,8

Прежде чем перейти к ценностям отдельной личности, рассмотрим, как родительская семья повлияла на собственную семью респондента, т.е. на воспроизведение микросоциальной среды для следующего поколения. Из всех типов семьи значимая связь отмечается только для структуры родительской семьи. На структуру собственной семьи оказала влияние структура родительской семьи, в которой проживал респондент в 12-летнем возрасте. Кто воспитывался в расширенной семье (включающей не только вертикальные — 2 и более поколения, — но и горизонтальные связи родственников) и нуклеарной, соответственно ориентированы только на воспроизводство этих типов семьи. Выросшие в двухпоколенной семье ориентированы на тот же тип либо на расширенный тип семьи.

Норма в собственной семье «помогать друг другу» свойственна тем, кто воспитывался в нуклеарной или двухпоколенной семье. Возможно, это связано с тем, что в расширенной семье меньше возможности заниматься делами каждого, чем в узком кругу двухпоколенной, а тем более нуклеарной семьи, хотя выросшие в расширенной семье чаще отмечают, что родители «всегда были в курсе, что происходит с детьми».

Переходя к анализу ценностных ориентаций, отметим, что в 6-летнем возрасте под влиянием структурных особенностей семьи формируется «для себя лично» отношение к «родине» и неприятие «загрязнения», а «для нашей страны» — «любовь», «равенство» и «теневые» ценности «месть» и «болезнь». В 12-летнем возрасте они закрепляются, и добавляется ряд вновь формируемых ценностей. Лично «для себя» формируется отношение к «могуществу», «удовольствию», «известности», «покою» и неприятие «взяточничества» и «безработицы», а «для нашей страны» — значимость «дружбы», «здоровья» и недопустимость «жестокости».

Ценности, связанные со значимостью общества, окружающего мира и добропорядочных отношений с людьми, формирует преимущественно расширенная и двухпоколенная семья. Гедонистические и эгоистические ценности формируются, как правило, нуклеарной при поддержке двухпоколенной семьи.

Анализируя ситуацию с воздействием культурной составляющей, можно отметить, что дети, растущие в расширенных семьях, в 12 лет любили смотреть мультфильмы. Вероятно, это связано с размытостью возрастных разграничений, вызванной необходимостью находиться не только со своими сверстниками, но и детьми младшего возраста.

Интересным представляется и восприятие героев в разные возрастные периоды в зависимости от структуры семьи. В основном значимое влияние оказывали расширенная и двухпоколенная семья, но их влияние оказывалось очень созвучным: в 6-летнем возрасте привлекали смелые герои, которые защищали, и не принимались персонажи, которые вызывали отвращение и личную неприязнь на уровне брезгливости. В 12 лет направленность в оценках сохранила свой тренд, но планка была поднята: привлекали герои, которые не боялись обнажать правду и были готовы к любому повороту событий, а неприятие вызывали персонажи, стремящиеся уйти от проблем, «забыться». Вероятно, здесь мы наблюдаем влияние возрастных особенностей. В 6-летнем возрасте у ребёнка преобладает потребность в надёжности и защищённости, а в подростковом воз-

расте активизируется ориентир на самостоятельность, независимость и связанный с этим максимализм.

Полные родительские семьи, как правило, закладывают основу для формирования объективной статусной линии жизненной направленности как для себя, так и относительно общественных трендов. Деформированные же семьи более разворачивают ребёнка к проблемам межличностных, нередко эмоционально окрашенных отношений как в ценностях личностного уровня, так и общегосударственного плана.

У детей 6 лет формируется отношение «лично для себя» к таким ценностям, как «внимание к людям», «вера», «образование», «убеждения», «зависть», «безработица», «беззаконие». В 12-летнем возрасте происходит становление восприятия более сложной ценности – «война». С точки зрения ценностей «для страны» можно отметить, что в 6 лет закладывается отношение: к «любви», «согласию», «бедности», «мести», а в 12 лет корректируется отношение к «бедности» и закладывается отношение к «неудаче».

Созвучно с основными трендами формирования отношения к ценностям выглядит и отношение к литературным героям. В 6-летнем возрасте вызывает восхищение любовь к близким людям, надёжность, целеустремлённость, сила (в первую очередь духа), смелость, совестливость персонажей у тех, кто жил в полных, но некровных семьях.

Деформированная (в разной мере) семья продуцирует у подростков при восприятии художественных произведений восхищение смелостью, подростку из неполной кровной семьи нравится герой, который защищает. У тех, кто рос (в 6 лет) в полной, но имеющей неродного родителя семье вызывало в подростковом возрасте неприязнь психологического давления в действиях персонажей, а также этот тип семьи у подростков вызывает неприятие лжи и лени у героев художественных произведений.

Возможно, это связано с психологическим климатом, царящим в семьях полных и деформированных. В кровной родительской семье, имеющей ребёнка 6 лет, было принято отмечать знаменательные семейные даты, в полной семье подростков «родители всегда знали, что происходит с детьми». Да и сами отношения родителей между собой

характеризовались уважением, заботой и единством как в моральных, так и в материальных вопросах. В то же время деформированные семьи фиксируют обратные модели поведения: родители проявляли грубость и неуважение к детям в 6-летнем возрасте и в целом практиковали избиение, оскорбление детей в качестве мер наказания.

Рассматривая влияние типа семьи в зависимости от количества детей, отметим, что в 6-летнем возрасте число братьев и сестёр оказалось связано с формированием таких личных ценностей, как «законность», «дружба», «согласие», а в 12 лет – «уважение к родителям», «власть» и неприятие «войны».

Среди ценностей «для страны» закладывается преимущественно отношение к «теневым» ценностям. В 6-летнем возрасте формируется отношение к «взяточничеству», «непрофессионализму» и «обману». В 12 лет закрепляется отношение к «взяточничеству» и формируется позиция относительно «беззакония», «войны», «загрязнения».

Малодетные семьи тесно связаны преимущественно с формированием ценностей структуризационного, иерархического, статусного порядка. Среднедетные семьи ориентируют человека в отношении ценностей, связанных с взаимодействием, общением. Многодетные семьи локализуются на становлении ценностей субординации.

Относительно восприятия художественных произведений отметим, что представители малодетных семей в 6 лет выделяют у героев отзывчивость, а те, кто растёт в многодетных семьях, неприемлемым считают глупость героя. В 12 лет дети из многодетных семей не принимают героев, стремящихся сбежать от проблем, «забыться».

Мы можем предположить, что в малодетной семье ребёнок испытывает недостаток во взаимодействиях и контактах эмоционального плана, в то время как представители многодетных семей более ориентированы на действие и деятельность.

Говоря о роли семьи в формировании и становлении личности в современных условиях, отметим некоторый парадокс. С одной стороны, семья воспринимается людьми как значимая социальная сис-

тема, помогающая выживать в сложных условиях современной реальности, выступает своеобразной буферной зоной между обществом и отдельной личностью. С другой стороны, семья претерпевает существенные изменения, которые, конечно, закладываются на индивидуальном, личностном, уровне:

- гедонизм в сексуальных отношениях и как следствие свобода от потомства позиционируется в рамках современной культуры как свобода личности:
- людей подталкивают к отказу от рождения и воспитания своего потомства призывами помнить о себе и развивать свою личность;
- псевдоразвитие личности (потребительская ориентация на удовлетворение своих потребностей и интересов) удаляет членов семьи друг от друга как физически, так и духовно.

Что же именно влияет на формирование ценностей личности? Здесь отметим следующее:

- 1. Все рассмотренные нами типологии семьи связаны с формированием ценностных ориентаций у личности, но каждая типология оказалась направлена на достаточно специфичный круг ценностей.
- 2. Возрастные особенности, как мы и предполагали, связаны с формированием ценностных ориентаций, но не сами по себе, а в тесном единстве с типом семьи ребёнка.
- 3. На формирование ценностей оказавшихся популярными в нашей выборке, главным образом повлияла семья, причём преимущественно сказалась ее полнота и количество детей в родительской семье.

§ 8. Психическое здоровье личности

Психическое здоровье личности – сама по себе ценность, тесно связанная с любыми процессами в обществе, их инициацией, реализацией, а также с восприятием социальных процессов личностью, отношением к ним. Психическое здоровье является важной составляющей социального самочувствия человека и его жизненных сил. В понятии «психическое здоровье» отражается единство индивидуального и социального существования человека, процессов индиви-

дуализации и социализации. Очевидная актуальность этой проблемы не обеспечивает ее решение в науке.

В медицине и психологии сегодня устойчиво используются два понятия – «психическое здоровье» и «психологическое здоровье». Если психическое здоровье в психиатрии - «это оптимум функционирования организма, обеспечивающего его адаптацию в среде обитания» 244, т.е. относится к человеку на уровне организма, то психологическое здоровье - психологические аспекты психического здоровья, относится именно к личности. Термин «психологическое здоровье» как психологические аспекты психического здоровья был введен в отечественной психологии с 1991 года И.В. Дубровиной (совместно с коллективом московских авторов А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Н.И. Гуткина, А.Г. Асмолов, В.В. Давыдов, В.С. Мухина, Д.Б. Эльконин и др.) в связи с определением цели и содержания деятельности школьной психологической службы и значительно способствовал развитию практической психологии в нашей стране. «Если термин «психическое здоровье» имеет отношение... прежде всего к отдельным психическим процессам и механизмам, то термин «психологическое здоровье» относится к личности в целом, находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа и позволяет выделить собственно психологический аспект проблемы психического здоровья в отличие от медицинского, социологического, философского и других аспектов» ²⁴⁵.

Таким образом, понятия «психическое» и «психологическое» здоровье связаны между собой непосредственно. Введение понятия «психологическое здоровье» продиктовано практикой, оно разграничило сферы деятельности психиатров и психологов. Психиатры заняты психическим здоровьем, а психологи – психологическим здоровь-

²⁴⁴ Категории болезни, здоровья, нормы, патологии в психиатрии: концепции и критерии разграничения / В.Б. Первомайский, Е.Г. Карагодина, В.Р. Илейко, Е.А. Козерацкая // Судебно-психиатрическая экспертиза: от теории к практике. Киев: КИТ, 2006. С. 24–47.

²⁴⁵ Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / под ред. И.В. Дубровиной. 4-е изд. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. (Руководство практического психолога). С. 4.

ем. За рубежом значительно раньше появилось понятие «психологическое здоровье» и закрепилось в 50-е годы прошлого века также в связи с психологической практикой: с возникновением психологического консультирования и немедицинской психотерапии как самостоятельных областей знания и практики, отличных от медицинской психотерапии, в ответ на запрос психически здоровых людей получать психологическую помощь.

Итак, сегодня сосуществуют два понятия: «психическое здоровье» и «психологическое здоровье». Стоит подчеркнуть, что с методологической точки зрения термин «психологическое здоровье личности» является тавтологией, звучит ненаучно, некорректно и является малопонятным представителям других наук. В строгих научных терминах не бывает психологического здоровья личности, так как личность обладает психикой, а не психологией. В общей психологии личность – и есть совокупность психических (или психологических) характеристик человека, имеющих социальную природу. Поэтому введение понятия «психологическое здоровье» понятно не всем. Альтернативой может быть использование только понятия «психическое здоровье личности» и двух его аспектов – медицинского и психологического – в зависимости от того, представитель какой науки его рассматривает.

Проблема психического здоровья личности тесно связана с проблемой психической нормы. В психиатрии и клинической психологии проблема психической нормы остается одной из центральных теоретико-методологических и практических проблем. Другими словами, сегодня нет единого подхода и общепринятого представления о норме, патологии, здоровье и болезни. Сосуществуют различные подходы к определению психической нормы: эмпирический, нозоцентрический, психопатологический, культурально-релятивистский, адаптационный, статистический, идеологический, феноменологический. При этом существуют и используются в судебной психиатрии 7 критериев пси-

 $^{^{246}}$ Соловьева С.Л. Критерии нормы в клинической психологии [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2014. № 3(26). URL: http://mprj.ru.

хического здоровья и 5 его уровней, выделенные Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Известен опыт структурирования критериев психического здоровья, когда систематизирующим фактором выдвигается критерий критичности человека к себе, своей психической деятельности, своей социальной деятельности и ее результатам. В анализе различных медицинских концепций психического здоровья-болезни, нормы-патологии выделяют центральный внутренний элемент – «функционально-динамический характер взаимодействия субъекта со средой обитания» 247. В число норм – нормативов в клинической психологии сегодня включаются функциональные нормы, социальные нормы и индивидуальные нормы. Есть мнение, что из различных видов нормативов наибольшее практическое значение имеет индивидуальная норма, которая предполагает сравнение состояния человека не с другими людьми, а с его собственным идеальным состоянием, в котором человек обычно пребывал раньше и которое соответствует его личностным (а не общественным) особенностям и обстоятельствам жизни. В целом предлагается больше использовать многоуровневое понятие о норме и здоровье, когда учитывается и степень отклонения психического феномена от обычного индивидуального значения у конкретного человека (индивидуальная норма), и степень его отклонения от среднестатистического значения в популяции (среднестатистическая норма) с учетом культурально-исторических различий (культурально-релятивистская норма)²⁴⁸.

В современной психологии устоялось представление о норме (критерии) психологического здоровья как о присутствии определенных личностных характеристик, позволяющих не только адаптироваться в обществе, но и самореализоваться и, развиваясь самому, содействовать развитию общества. Кроме этого, в понятии психологического здоровья сегодня подчеркивается сложноуловимая, на наш взгляд, гармония между потребностями индивида и общества, кото-

_

 $^{^{247}}$ Категории болезни, здоровья, нормы, патологии в психиатрии: концепции и критерии разграничения / В.Б. Первомайский, Е.Г. Карагодина, В.Р. Илейко, Е.А. Козерацкая. С. 24–47.

²⁴⁸ Соловьева С.Л. Указ. соч.

рую эти характеристики здоровья обеспечивают, а также целостность человека на всех уровнях (биологическом, социальном, экзистенциальном) — гармония между различными составляющими самого человека, между человеком и окружающими людьми, между умением человека адаптироваться к среде и умением адаптировать ее в соответствии со своими потребностями. Интересно, что при слишком широких определениях психического здоровья в медицине (как например, определение ВОЗ: «...состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал...») разграничение психического и психологического здоровья становится затруднительным. Именно в определениях психологического здоровья подчеркивается связь с процессом самореализации личности в обществе, а психическое здоровье в медицине чаще ограничивается адаптацией.

Впервые введение характеристик психологического здоровья, как известно, принадлежит зарубежным гуманистическим психологам. Характеристики психологического здоровья и самоактуализации совпадают, так как психологически здоровый человек – человек, который не просто успешно приспосабливается к обществу и не имеет психологических проблем, а человек, максимально реализующий себя. В нашей стране более принят термин «самореализация» (СР) без значительной содержательной разницы в сравнении с термином самоактуализация (СА).

Представления о самоактуализирующейся личности – наиболее целостная и разработанная идеальная модель человека, которая продолжает оставаться важнейшим реальным ориентиром для психологического консультирования и психотерапии, а также в целом для современной психологической практики и педагогики. СА (или СР) указывается (или содержательно подразумевается) в целях многих других различных направлений консультирования и психотерапии, либо в целях разных направлений представлены отдельные характеристики СА, поэтому она является их универсальной целью. Характеристики СА содержательно входят в долгосрочные генеральные цели консультирования и психотерапии, соответствующие функцио-

нальной модели зрелой личности, по Э. Шострому, Л. Браммеру²⁴⁹. Все это обосновывает дальнейшую острую актуальность рассмотрения характеристик СА в психологической науке и практике.

Проведенный нами сравнительный анализ понятий в зарубежной и отечественной психологии показал, что СА на современном уровне может рассматриваться как субъектный феномен. Содержание понятий «самоактуализирующаяся личность» в зарубежной психологии и «субъектность личности» в отечественной психологии при разности методологических оснований на конкретно-психологическом уровне оказывается аналогичным. В частности, базовые характеристики СА соответствуют характеристикам субъектности личности²⁵⁰. Одинаковые идеи, к которым пришли с разных методологических оснований, могут иметь особую ценность.

Перечень характеристик СА, предложенный А. Маслоу на основе изучения конкретных людей, оценивается сегодня некоторыми авторами как идеологический подход в разработке понятия нормы. Критикуя данный подход, отмечают, что проблема состоит в субъективном выборе нормативной группы²⁵¹. Однако при более детальном рассмотрении характеристик СА, представленных сегодня в науке, напрашивается вывод не о их идеологической нагруженности, а теоретическом обосновании разных авторов, причем независимо друг от друга. Разные авторы описали идеал человека исходя из одной идеи – сохранения и реализации индивидуальности человека, полноценного ее существования в обществе, при этом без противопоставления обществу, а в плане творческого приспособления, в соответствии с логикой своего внутреннего мира, когда самодетерминация преобладает над внешней детерминацией, а объективным результатом СР является вклад в развитие общества. Так, в работах А. Маслоу,

²⁴⁹ Шостром Э., Браммер Л. Терапевтическая психология. Основы консульти-

рования и психотерапии: пер. с англ. СПб.: Сова; М.: Эксмо, 2002. 624 с. 250 Городилова Е.Н. (Расторгуева Е.Н.) Самоактуализация и ее связь с интегральной индивидуальностью: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2002. 199 с.

²⁵¹ Репина Н.В., Воронцов Д.В., Юматова И.И. Основы клинической психологии. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 480 с. (Серия «Учебники, учебные пособия»).

К. Рождерса, Г. Олпорта, Э. Шострома, Р. Мэя, Дж. Бьюдженталя, В. Франкла и других выделяются содержательно сходные характеристики «психологически здоровой, самоактуализирующейся личности», «полноценно функционирующей», «актуализатора», «психологически зрелой личности», «аутентичного существования», «устойчивой личности» и другие соответственно.

операционализации всех тих понятий рубежом в 60-е годы широкую известность получил опросник личностных ориентаций (РОІ) Э. Шострома, разработанный не только на основе теории СА А. Маслоу, но и других теоретиков гуманистического направления в психологии, а также экзистенциального направления, гештальт-психологии и логопсихологии (К. Роджерс, Р. Мэй, В. Франкл и др.). Таким образом, был предложен синтетический вариант характеристик психологического здоровья. Это стало возможным по причине отсутствия существенных противоречий при описании рассматриваемых характеристик у разных авторов. При адаптации РОІ в нашей стране серьезную научную проверку прошел самоактуализационный тест (САТ) Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза, М.В. Латинской, в котором представлены 14 характеристик СА. Этим операциональным определением психологического здоровья или СА мы пользовались в эмпирическом исследовании. На основе работ разных авторов были проанализированы характеристики СА в обобщенной терминологии, предложенной в тесте САТ в нашей стране. Все эти данные делают несостоятельной критику о том, что «возникают определенные трудности при попытке экстраполировать данные, полученные на выборке американских президентов и бизнесменов, на выборку обычных людей среднего класса, не обладающих соответствующими ресурсами в виде власти, денег, высокого интеллекта, социальных связей и поддержки»²⁵². Эти данные на выборку обычных людей за рубежом экстраполированы давно и адаптированы в нашей стране.

-

 $^{^{252}}$ Репина Н.В., Воронцов Д.В., Юматова И.И. Основы клинической психологии.

Некоторые исследователи считают, что подобное многообразие характеристик СА, дифференцирующих норму и патологию, ограничивает возможности их использования в диагностической практике²⁵³, а на наш взгляд (с учетом собственной консультативно-психотерапевтической практики), увеличивает точность диагностики и консультативно-психотерапевтической работы. Более того, нам больше неизвестны готовые психологические инструменты (тесты и др.), целостно, системно измеряющие характеристики психологического здоровья (а не отдельные его параметры).

Критика о частном, ограниченном характере идеологического подхода к определению нормы, когда процесс оценки психологического состояния (статуса) индивида очень часто приобретает скрытый политический и подверженный идеологическому влиянию характер, поскольку в конечном счете критерием оценки оказывается система ценностей, доминирующая в обществе или в сознании отдельно взятой группы людей²⁵⁴, кажется нам также спорной в связи с тем, что ценности СА, присутствующие среди характеристик СА, носят общечеловеческий характер.

Итак, психологическое здоровье в современной психологии чаще всего определяется наличием нескольких характеристик (ниже раскроем содержание этих характеристик с учетом мнения и обобщений разных авторов).

Внутренняя поддержка или автономность. Это способность личности самостоятельно, без поддержки других людей, на основе свободных и ответственных выборов выстраивать контакты со средой, от которых человек получает реальное удовлетворение; способность к независимости от мнения большинства, склонность жить в соответствии с ценностями и правилами, установленными самой личностью, а не обществом (если, конечно, они различаются), т.е. способность самостоятельно формировать свои мнения и суждения, активно искать и принимать решения и отвечать за них, определять и прокладывать

²⁵⁴ Там же.

 $^{^{253}}$ Репина Н.В., Воронцов Д.В., Юматова И.И. Указ. соч.

свою дорогу в жизни, способность к самоопределению, самоуправлению (Ф. Перлз, А. Маслоу). Таким образом, автономность связывают с самодетерминацией, психологической свободой, ответственностью, способностью совершать выбор. Делая акцент на автономности, А. Маслоу и А. Ангьял рассматривают ее в единстве с внешне противоположной тенденцией – не менее сильной – «тенденцией отказа от свободы, самодостаточности, самоуправления и автономии» или «тенденцией к гомономности», которая мотивирует человека соответствовать среде и участвовать в чем-то большем, чем индивидуальное Я, «топить» собственную индивидуальность, формируя гармоничный союз с социальной группой, природой или сверхъестественным существом. С точки зрения Маслоу, у психологически здоровых людей «автономность и гомономность скорее взаимосвязаны, чем противостоят друг другу, находятся в высшем единстве, а дихотомия между ними – свидетельство неполной зрелости»²⁵⁵. Свобода, по Р. Мэю, означает возможность «строить свои собственные неповторимые личностные модели из материалов наследственности и среды», ее оборотная сторона – ответственность²⁵⁶. В терминах Э. Фромма автономность – это позитивная «свобода для» в отличие от негативной «свободы от», она есть в том случае, если «сознание и идеалы индивида будут не интериоризацией внешних требований, а станут действительно его собственными, будут выражать стремления, вырастающие из особенностей его собственного «Я»²⁵⁷. В. Франкл утверждает роль ценностей в самодетерминации: человек свободен благодаря тому, что его поведение определяется ценностями и смыслами, локализованными в высшем, ноэтическом или духовном измерении²⁵⁸. Р. Мэй также определяет свободу как способность трансцендировать свою природу, управлять своим развитием, тесно связанную с самосознанием, благодаря которому человек может прервать цепь стимулов и реакций, создать

²⁵⁵ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. С. 175.

²⁵⁶ Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.: Класс, 2001. С. 18.

²⁵⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1995. С. 225.

²⁵⁸ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 367 с.

в ней паузу для осуществления сознательного выбора последующей реакции 259 .

Э. Деси и Р. Райан развивают представления об автономии как универсальном критерии и механизме нормального развития. Количественной мерой автономии является степень, в которой люди живут в согласии со своим истинным \mathfrak{A}^{260} . У. Тейджсон в своем синтетическом варианте гуманистической психологии определяет свободу как переживание самодетерминации, связанное с самоосознанием, психологическим здоровьем или аутентичностью²⁶¹.

Компетентность во времени. Способность здоровой личности «жить настоящим», в котором представлены прошлое и будущее, видеть связь между прошлым, настоящим, будущим проявляется в чувстве действительности, понимании подлинности настоящего и окружающей реальности²⁶², обеспечивает «приподнятость над мелочами», широкий горизонт, дальнюю временную перспективу²⁶³. Низкую компетентность во времени характеризует недостаточный контакт с реальностью «здесь и теперь», что приводит к бегству в прошлое или будущее и может совершенно подавить чувство настоящего. В современной отечественной психологии активно ведутся исследования времени как важнейшей характеристики психики. Временные параметры самосознания рассматриваются как условие интеграции индивидуальности человека, регуляции сознания, поведения, становления личности, обобщенный показатель степени ее зрелости, уровня развития и как важнейший фактор развития и СР.

Ценностные ориентации СА. Это способность, во-первых, утверждать свою индивидуальную систему ценностей, во-вторых – устремлённость к высшим ценностям или метамотивация. Метамо-

²⁶⁰ Desi E. Ryan R. The General Causality Orientations Scale: Self-Determination in Personality // J. Research in Personality. 1985. Vol. 19. P. 109–134.

 $^{^{259}\,\}mathrm{May}$ R. The Problem of Evil: an open letter to Carl Rogers // J. of Humanistic Psychology. 1982. Vol. 22, No 3. P. 10–21.

²⁶¹ Tageson W. Hymanistic psychology: a synthesis. Homewood (III.): The Dorsey Press, 1982.

²⁶² Перлз Ф. Гештальт-подход и Свидетель терапии. М.: Либрис, 1996. С. 271.

²⁶³ Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2014. 400 с.

тивы, бытийные высшие ценности, по А. Маслоу, это истина, добро, красота, единство, цельность, живость, приверженность к процессу, уникальность, совершенство, завершённость, справедливость, простота, богатство, тотальность, понятность, вольность, игривость, самодостаточность, осмысленность²⁶⁴. Психологически здоровые люди «испытывают особую любовь к высшим ценностям, получают "высшее удовольствие" от них». Дело, которому они себя посвящают, является, прежде всего, воплощением сущностных ценностей, а не средством достижения неких внешних по отношению к делу целей. Мотивация развития позволяет «поддерживать напряжение ради далёкой цели» 265.

Гибкость поведения. Это способность легко и быстро реагировать, изменять свое поведение при реализации своих целей и ценностей в новой ситуации, во взаимодействии с людьми без ригидной приверженности принципам до такой степени, что они становятся компульсивными или догматичными. Подчеркивается возможность дистанцирования от своих принципов при психологическом здоровье. С гибкостью поведения тесно связано творческое приспособление, открытое в гештальтпсихологии - это «открытие нового, наилучшего решения в процессе взаимодействия потребностей организма с возможностями среды» 266.

Сензитивность к себе. Способность отдавать себе отчет в своих потребностях и чувствах, хорошо ощущать и рефлексировать их, когда это требуется; осознание своей индивидуальности, «своих биологических, конституциональных, характерологических особенностей, возможностей, желаний, потребностей, предназначения через интроспективное слушание себя»²⁶⁷. К. Роджерс ведет речь об открытости переживанию (внутреннему и внешнему) как способности слышать себя, чувствовать всю сферу различных переживаний

²⁶⁴ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. 430 с. ²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Робин Ж.-М. Гештальт-терапия. М.: Эйдос, 1996. С. 9.

²⁶⁷ Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-Бук; Киев: Ваклер, 1997. 304 с.

и ощущений, не испытывая угрозы, осознавать свои самые глубокие мысли и чувства, не пытаясь подавить их, часто действовать в соответствии с ними, и даже действуя не в соответствии с ними, способность хорошо осознавать их²⁶⁸. Важно, что осознанность предполагает способность к самоанализу, но она отлична от склонности к самоанализу, так как самоактуализирующиеся люди, по А. Маслоу, сосредоточены на проблемах внешнего порядка, их рефлексивность тесно связана с открытостью опыту, спонтанностью, по К. Роджерсу.

Спонтанность. Спонтанность включает в себя непосредственное выражение своих чувств, что не означает отсутствия способности к продуманным, целенаправленным действиям, а свидетельствует о возможности не рассчитанного заранее способа поведения, об отсутствии страха вести себя естественно, раскованно, демонстрировать окружающим свои эмоции. Спонтанность в поведении означает натуральность, естественность, простоту, отсутствие желания произвести впечатление на людей, подразумевает отсутствие защитных реакций, масок, поз, хитрости, лицемерия и т.д. Она не предполагает обязательно последовательное неконвенциональное поведение личности. Самоактуализирующийся человек, по Маслоу, неконвенционален, спонтанен, скорее и главным образом, в своих побуждениях и мыслях, чем в поведении, предельно спонтанен в своей внутренней жизни - мыслях, побуждениях, желаниях, а через ритуалы условностей «часто проходит с добрым юмором и максимальным изяществом», так как отчетливо осознает, что мир полный условностей, не в состоянии принять его спонтанность. Однако он «сбрасывает» конвенциональность среди своих друзей, когда она мешает ему делать то, что он считает важным или когда хочет быть спонтанным, а также в сновидениях, фантазиях, любви, сексе, первых стадиях творчества и т.п. ²⁶⁹ Сущностная спонтанность подразумевает отказ воспринимать своё поведение как инструмент воздействия на других

_

 $^{^{268}}$ Шостром Э. Анти-Карнеги // Э. Шостром. Прихоти удачи. Минск: Попурри, 1997. 400 с.

²⁶⁹ Маслоу А. Мотивация и личность.

людей, отказ от манипуляций; это импульсы, идущие от лучшей части нашего «Я» (самости). Импульсивность – импульсы, идущие от больной части нашего «Я»²⁷⁰. Э. Шостром подчеркивает важность спонтанности в связи со свободным выражением своих потенциалов. Э. Фромм придает большое значение спонтанности, утверждая, что только на основе спонтанности любви и творчества человек может выстраивать связи с миром без потери своей индивидуальности 271.

Самоуважение. Способность ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них. Самоуважение признак способности любить себя как сильную личность, так как это оценка «личного реального опыта» на основе своих достижений ²⁷².

Самопринятие. Это способность личности любить и принимать себя со всеми своими особенностями, недостатками, даже вопреки последним, независимо от реальных достижений. Психологически здоровый человек «не слишком огорчается по поводу своих недостатков», умеет мириться с ними, привыкает относиться к ним «уже не как к недостаткам, а как к вполне нейтральным личностным характеристикам», что, однако, не означает абсолютной удовлетворенности собой. Высокое принятие себя – условие свободы от невротических чувств вины, стыда, печали, тревоги, самозащиты²⁷³. Безусловное принятие себя, по К. Роджерсу, означает восприятие себя таким образом, что все твои качества нормальны и ни одно из них не является более стоящим, чем другое. Если человек ценит только те свои достоинства, которые получили одобрение у других (популярны, пользуются рыночным успехом), то испытывает напряжение и тревогу, неполноценность, отсутствие уверенности в собственной ценности. Самопринятие связано с открытостью опыту, когда человек не боится, что осознание своих чувств, ощущений, мыслей ска-

²⁷¹ Фромм Э. Указ. соч.

 $^{^{270}}$ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики.

²⁷² Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб: Питер, 2000. С. 48. $$^{273}\,{\rm Mac}$ лоу А. Мотивация и личность.

жется на его самоуважении²⁷⁴. Труднее достигнуть состояния принятия себя, чем самоуважения, хотя психологическое здоровье включает в себя обе характеристики, СА требует того и другого.

Представления о природе человека в целом как положительной. Это склонность личности рассматривать природу человека в целом как положительную («люди в массе своей скорее добры, чем злы»), это глубокая вера не только в себя, но и в других. Такие представления могут быть основанием для проявления доверия и терпимости к людям. К. Роджерс и А. Маслоу наиболее убежденно и последовательно утверждают, что в основе человеческой природы ледобро. Негативные проявления человеческой (жестокость, антисоциальность, разрушительность, незрелость) рассматриваются как результат защитных реакций и страха, как реактивные (неинстинктивные) качества, то есть реакция на плохое отношение, так как психотерапия ослабляет их и превращает в «здоровое» самоутверждение, силу воли, избирательную враждебность, самозащиту, справедливое возмущение. В пространстве помогающих отношений каждый человек двигается в позитивном, конструктивном направлении к СА, зрелости, социальности. Представления А. Маслоу и К. Роджерса о позитивности природы человека вызывают наибольшие возражения оппонентов, которые указывают, что в человеке заложены возможности как для хорошего, так и для плохого. Однако в целом положительные представления о человеке, о других людях оказываются исключительно важны для процесса СА, так как зачем реализовывать высшие ценности, свою индивидуальность среди людей, в которых человек не верит.

Синергия. Это способность личности целостно воспринимать противоположности в этом мире, видеть связь между ними; это внутренняя интегрированность личности, способность преодолевать склонность к дихотомии, разрешать полярности, внутренние конфликты, объединять разные части себя в одно мировосприятие, приводить их к изначальному единству.

 $^{^{274}}$ Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / общ. ред. Е.И. Исениной. М.: Прогресс; Универс. 1994. 480 с.

А. Маслоу выделяет различные линии интеграции самоактуализирующихся людей: интеграция бытийного и дефицитарного; конкретного и абстрактного мышления; первичных и вторичных процессов; внешнего и внутреннего мира (одинаковая успешность пребывать в них); «метажизни» и «обыденной» жизни; «высшей» и «низшей» природы человека; уникального и общечеловеческого в личности; основных составляющих личности — подсознания (Ид), сознания (Эго) и Супер-Эго; инстинктов и защитных механизмов; идеального и реального образа «Я»; автономности и гомономности; эгоизма и альтруизма; скромности и гордости; работы и игры и др. Чем выше внутренняя синергия личности, тем более интегрированным выступает мир в восприятии человека, и наоборот.

Принятие агрессии. Это способность личности принимать свою агрессию как естественные проявления человеческой природы, не испытывая чрезмерно чувства вины или стыда; способность использовать свою агрессию в конструктивных целях. Только направив агрессию в правильное биологическое русло – «терпеливое, но энергичное пережевывание пищи для тела и для ума» – человек не будет ее накапливать, сублимировать, подавлять, преувеличивать, и агрессия как естественное проявление его природы придет в гармонию со всей личностью²⁷⁵. Самоактуализирующиеся люди дают выход своему обоснованному возмущению и неодобрению более откровенно и уверенно, они менее амбивалентны, стеснены и слабы в этих проявлениях. При этом их гнев – это реакция на ту ситуацию, в которой они в данный момент находятся, а не «характерологический выброс накопившихся за определённое время эмоций», «это адекватный эффективный ответ на нечто реально существующее в настоящем времени»²⁷⁶. Зрелость не ликвидирует гнев, а придаёт ему другое качество справедливого возмущения, борьбы со злом и формы решительности, самоутверждения, самозащиты, когда человек способен более свободно выражать

-

 $^{^{275}}$ Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000. 358 с.

²⁷⁶ Маслоу А. Психология бытия.

и лучше использовать свою агрессивность в конструктивных целях, но когда нет неудержимо растущей потребности в агрессии²⁷⁷.

Контактность. Это способность к быстрому установлению глубоких, эмоционально-насыщенных, тесных контактов с людьми или к субъект-субъектному общению. Самоактуализирующиеся люди имеют более глубокие, всеобъемлющие межличностные отношения, в которых они способны к большей самоотдаче, любви, более совершенной идентификации. При этом их глубокие межличностные отношения высоко избирательны. Избирательность в общении не противоречит глубокому чувству общности со всем человечеством, а глубокие межличностные отношения не означают отсутствия проявлений враждебности, нетерпимости, жесткости, резкости.

Гештальтпсихологи подчеркивают, что способность устанавливать глубокие межличностные контакты включает в себя способность уходить от поверхностных, ненужных контактов, на время прерывать контакты, когда они не продуктивны или вызывают болезненные ощущения, а также способность качественно выражать (не бояться показать) основные эмоции контакта – гнев, страх, обиду, доверие и любовь²⁷⁸. По Э. Шострому, глубина отношений с людьми противоположна манипулятивности, дистантности отношений, направленных на то, чтобы использовать других, иметь над ними власть, контролировать, заставлять делать, чувствовать, думать то, что человек хочет с целью получить от них необходимую поддержку, которую манипулятор не может себе обеспечить сам²⁷⁹.

Креативность. Это способность и склонность личности ко всему подходить творчески; творческий образ жизни, «особое отношение к делу, особое настроение»; это фундаментальная характеристика природы человека; не степень развития творческих способностей, а степень творческой направленности личности.

 $^{^{277}}$ Роджерс К. Взгляд на психотерапию. 278 Шостром Э. Анти-Карнеги / Э. Шостром. Прихоти удачи / Д. Карнеги. Минск: Попурри, 1997. 400 с. ²⁷⁹ Там же.

Познавательные потребности. Это потребность личности в знаниях об окружающем мире; это «свобода от страха познания своего внутреннего мира и внешнего мира, от тревоги за себя», как «бескорыстная жажда нового», не связанная прямо с удовлетворением каких-либо других потребностей. А. Маслоу также отмечает устремленность к познанию неоткрытых истин, когда неизвестность, неопределенность не пугают, а притягивают и есть готовность и желание учиться у каждого, кто может открыть что-то новое.

Отечественные авторы чаще всего рассматривают характеристики СА на основе работ зарубежных психологов или выделяют аналогичные, не противоречащие внутренние условия СА (различия больше несодержательные). При этом в их работах чаще анализируются отдельные характеристики личности как условия ее СР. Очень мало работ, в которых ставилась бы специальная задача целостного выделения характеристик СА. Так, например, Б.С. Братусь выделяет условия нормального развития, положительно согласующегося с процессом самоосуществления²⁸⁰, а Р.К. Марамкулова – качества личности, соотносимые с потребностью в CA^{281} , которые также не противоречат характеристикам СА, выделенным зарубежными психологами, некоторые из них имеют более обобщенные формулировки.

Критика о большом количестве параметров СА или психологического здоровья обосновывает цель их структурного рассмотрения.

В нашем эмпирическом исследовании структуры характеристик СА с помощью факторного анализа были получены следующие данные²⁸².

В общей выборке выявлена 3-факторная структура показателей характеристик СА при свободном выделении факторов, объясняющих совместно 62,2 % дисперсии. Так, структура параметров СА

²⁸⁰ Братусь Б.С. Аномалии развития личности: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1988. 480 c.

²⁸¹ Марамкулова Р.К. Потребность в самоактуализации как основа творческого роста будущего учителя начальных классов. М., 1995. 282 Городилова Е.Н. (Расторгуева Е.Н.) Указ. соч.

включает три компонента, получивших название «Самопринятие», «Принятие других» («Я и Ты»), «Осознанная спонтанность».

Показатели первого фактора «Самопринятие» (в порядке убывания их значений факторных нагрузок – самопринятия, гибкости поведения, компетентности во времени, поддержки, самоуважения) свидетельствуют о положительной внутренней позиции, установке человека относительно самого себя ("Я-о'кей") и следование себе в поведении ("Я соответствую себе").

Показатели фактора «Я и Ты» (представления о природе человека, синергия, ценностные ориентации, познавательные потребности) регистрируют суждения человека о мире, других людях и о себе в связи с ними. В целом фактор характеризует связь человека с миром и другими людьми (между Я и Ты), отражает заинтересованную и позитивную ценностную позицию по отношению к Другому, способность к целостному, диалектическому восприятию мира и людей (не только себя), пониманию связанности противоположностей и проявление этой позиции в поведении.

Название третьего фактора «Осознанная спонтанность» объясняется присутствием в этом факторе, кроме показателя спонтанности, показателей сензитивности к себе и ценностных ориентаций, что указывает на неимпульсивный и согласованный с ценностями характер спонтанности. Это отвечает представлениям разных авторов об осознанной спонтанности, регулируемой непосредственности реакций как условии СА.

Спонтанность сегодня теоретически характеризуется как одно из условий «динамического равновесия между принятием себя и принятием других» (например, Т.П. Скрипкина, 2000). Выявленная структура СА может рассматриваться как поддержка этой идеи, так как принятие себя и принятие других отражены соответственно в факторах 1 и 2. Это согласуется также с рассуждениями Э. Фромма о возможности построения связей с миром без потери индивидуальности только на основе спонтанности любви и творчества. Присутствие показателя креативности в данном факторе оказывается также

не случайно и теоретически обосновано: качественное общение с другими людьми – творческий процесс.

Кроме трехфакторной структуры характеристик СА принудительное выделение факторов показало, что рассматриваемая структура может быть представлена в виде двух факторов. Тогда основными обобщенными компонентами СА являются «Я и Я» (на основе объединения факторов «Самопринятие» и «Осознанная спонтанность»), и фактор «Я и Ты» повторяется по сравнению с двухфакторной структурой характеристик СА. Двойное вхождение в оба фактора имеет только показатель ценностных ориентаций СА, через них осуществляется связь между Я и Ты. Действительно, ценности связывают человека с миром, с другими людьми, через них. По Д.А. Леонтьеву (1999), человек «переживает свою принадлежность к социальному целому».

Двухфакторная структура характеристик СА наглядно отражает двоякую направленность, обращенность человека в процессе СА одновременно на себя и в мир. Подлинное бытие, осуществление, утверждение себя, происходит через отношения Я-Ты, через мир, всегда включают в себя «утверждение бытия другого» (М. Бубер, М.М. Бахтин, К.А. Абульханова-Славская). Это показывает важность теоретических представлений о взаимопроникновении и единстве мира и человека именно по отношению к процессу СА (С.Л. Рубинштейн, Д.А. Леонтьев, Ф.Е. Василюк, Л.Я. Дорфман, Е.В. Клочко), а также может свидетельствовать в пользу точки зрения о единстве процессов СА и самотрансценденции (И. Ялом, А.А. Реан, Я.Л. Коломинский, О.В. Немиринский).

Таким образом, характеристики психологического здоровья, предложенные в рамках гуманистической психологии, сохраняют свою актуальность; психологическое здоровье личности в целом характеризуется двойным положительным «зарядом»: включает в себя положительное отношение к себе и положительное отношение к другим людям. Связующую роль между ними играют ценностные ориентации.

§ 9. Представления личности о социальной справедливости через призму социальных эксклюзий

Основанием интеграции личности в общество является принятие ею условий собственного существования, своего места в нём. Личность сравнивает своё представление о должном с тем, что наблюдает и корректирует как своё представление, так и поведение. Она отчасти соглашается с «неправильностью мира», а отчасти пытается исправить его, «вернуть» его к норме. Важное место в той части картины мира, что касается общества, должного положения дел в нём, занимает представление о социальной справедливости.

В ходе социализации личность впитывает в себя как нормативное содержание социальной справедливости, так и практику её применения. Получая основной опыт в рамках базовых социальных институтов и формируя свой статусно-ролевой набор, личность в дальнейшем ретранслируют его в другие социальные институты, которые осуществляют ресоциализацию других личностей, навязывая им соответствующие их новому статусу социальные роли.

Социальную эксклюзию отечественные авторы понимают преимущественно как «отверженность» либо как «характеристику особой, крайней формы нуждаемости» ²⁸³. И применяют этот термин большей частью по отношению к тем категориям населения, которым требуется социальная защита, так или иначе связывая её с материальным положением, достатком. При этом даже в этом случае они предпочитают говорить лишь о «равенстве стандартов». Но бедность сама по себе не вызывает эксклюзии. Эксклюзия возникает лишь при достаточно большой устойчивой объективной и субъективной социальной дистанции, разрывающей связи индивидов или групп с другими частями общества или государства и приводящей к частичной или полной их изоляции.

В связи же с социальной справедливостью социальную эксклюзию чаще всего рассматривают как *источник* чувства несправедли-

 $^{^{283}}$ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. Т. XII. № 1. С. 39.

вости, тогда как, на наш взгляд, в огромной мере зависимость противоположна — социальная эксклюзия выступает следствием социальной несправедливости. Значительное место среди последствий социальной несправедливости занимает не только собственно социальная эксклюзия, но и так называемая «самоэксклюзия». Она проявляется в осознанном неприятии сложившихся порядков, вызванном чувством несправедливости и несоответствием нормативного содержания социальной справедливости её реализации, расхождением ожиданий и практики либо отрицанием самих установленных правил её нахождения. В ситуации столь широкого распространения данных чувств ограничивать источники социальной эксклюзии кругом отдельно взятых девиантов, их психологическими дефектами или принадлежностью к социально незащищённым группам, на наш взгляд, нет оснований.

Для более глубокого понимания социальных эксклюзий воспользуемся их классификацией, предложенной экспертом Организации Объединённых Наций М. Вольфом²⁸⁴. В его работе эксклюзии разделены на 6 видов: 1) отчуждение от средств к существованию, 2) социальных услуг, благосостояния и сетей социальной безопасности, 3) культуры потребления, 4) массовых организаций и солидарностей, 5) политического выбора, 6) возможности понимания происходящего. Внимание исследователей, затрагивающих проблему социальных эксклюзий, чаще всего привлекает первый вид, реже – второй и третий. Остальные виды эксклюзий редко удостаиваются внимания.

Первые три вида эксклюзий напрямую связаны с материальным положением людей, справедливым распределением между ними доходов и накоплений, а также выполнением государством своих социальных обязательств. Эти социальные эксклюзии являются в огромной мере следствием социальной несправедливости общественного устройства.

²⁸⁴ Wolf M. Globalization and social exclusion: Some paradoxes // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labour studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. P. 81–102.

Эксклюзия от массовых организаций и солидарностей в значительной мере также является не причиной, а следствием несправедливого их устройства, неприятия правил их построения. Так, в России основной «причиной и мотивом участия в акциях протеста» является именно «отстаивание социальной справедливости» ²⁸⁵, а причиной неучастия в общественной деятельности и деятельности профсоюзов является неверие в то, «что это что-нибудь может изменить» ²⁸⁶. Таким образом, несправедливость выступает как причиной участия, так и причиной неучастия в массовых организациях.

Ощущение исключения из политики и фактическое лишение права политического выбора, влияния на власть затрагивают основную массу граждан РФ. Справедливой и близкой к народу считают власть лишь около 1 % населения²⁸⁷, а 64 % живут, «полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властью» ²⁸⁸. Лишь 15 % считают, что следующий Президент РФ сможет занять свой пост независимо от воли сегодняшнего Президента²⁸⁹. И мы не можем назвать это проявлением лишь «самоэксклюзии», односторонним отказом от участия в политике, общей аполитичностью, вызванной зажиточностью. Не можем мы объяснить этот феномен и менталитетом, иными исключительно субъективными, внутренними побудительными причинами россиян. Напротив, за последние десятилетия граждане РФ были по инициативе власти отстранены от выбора губернаторов, частично – мэров, лишены права голосовать против всех предложенных кандидатов. Кроме того, в избирательной системе был отменен минимальный порог участия в выборах, введён муниципальный фильтр,

_

²⁸⁵ ГМПР: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности. аналит. докл. [Электронный ресурс]. М., 2011. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/ad gmpr 2011 2.pdf (дата обращения: 27.01.2015).

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Общественное мнение – 2013: сб. исслед. Левада-центра за 2013 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/om13.pdf (дата обращения: 27.01.2015).

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же.

увеличено минимальное количество голосов, необходимых для проведения референдума и выдвижения независимых от парламентских партий кандидатов в президенты, а также введены ограничения на публичные собрания и ужесточено наказание за всевозможные «призывы экстремистского характера», объявлена борьба с анонимностью в сети Интернет. Все эти нововведения неизбежно затрудняют как прямое, так и косвенное участие населения в политике. Таким образом, мы можем констатировать, что политическая «самоэксклюзия» населения является скорее не причиной негативной оценки справедливости устройства политической системы, а как раз, напротив, следствием оцениваемого гражданами как несправедливого механизма формирования органов власти.

Эксклюзия от возможности понимания происходящего и, следовательно, будущего. Одна из её причин лежит в информационной изоляции, закрытости области принятия решений как на государственном и международном уровне, так и на уровне своего муниципалитета и по месту работы или службы. Непредсказуемость событий завтрашнего дня затрагивает даже прошлое. Как известно, «Россия – страна с непредсказуемым прошлым». Непубличность механизмов принятия решений, их «подковёрность» убеждают наблюдателя в несправедливости этих решений, в том, что они идут вразрез с его интересами — «если всё по-честному, по правде, то зачем что-то скрывать, делать за спиной?» К этим же выводам подталкивает и выбор властью во взаимоотношениях с населением модели манипуляции общественным мнением, навязывание массовой культуры и снижение культурных стандартов масс-медиа и образования.

Также можно говорить и о *моральной эксклюзии*, возникающей в отсутствие общественного консенсуса по большинству вопросов. Она, как правило, возникает в ситуации отсутствия общественного договора, в состоянии, близком к аномии, характеризующемся размыванием представлений о должном, то есть о том, как должно быть организовано справедливо устроенное общество; когда базовые для представителей власти (или даже провозглашаемые ими) ценностные ориентиры не разделяются всем населением (или хотя бы подавляю-

щим его большинством). Моральная эксклюзия выступает одной из главных причин неудовлетворённости реализацией принципов социальной справедливости, убеждённости в несправедливости общественного устройства. Разумеется, реализовать одновременно и повсеместно разные принципы и модели социальной справедливости просто невозможно.

Все формы социальных эксклюзий так или иначе приводят к отчуждению, как в социологическом толковании, так и в социальнопсихологическом. Отчуждение проявляется в нежелании участвовать в функционировании социальных институтов (вплоть до того, что некоторые не хотят иметь ничего общего с государством вообще) или в фактическом отказе от семьи, уклонении от службы в армии и т.п. Эскапизм других ограничивается игнорированием правил социальных образований. В случае же выбора активной позиции по утверждению или восстановлению социальной справедливости можно выделить две основные стратегии: присвоение фрагментов социальной реальности, воплощающих собственные принципы социальной справедливости (прежде всего через создание и переустройство малых групп) и стратегию системного переустройства общественных оснований (социальной структуры, каналов мобильности). Таким образом, мы можем констатировать, что несправедливость по отношению к личности приводит к эксклюзии, которая, в свою очередь, вызывает отчуждение, проявляющееся в отказе личности участвовать в жизни общества и воспроизводящее несправедливость. Социальная эксклюзия лишь в редких случаях порождает серьёзные общественные изменения.

Рассмотрим подробнее взаимосвязь основных социальных институтов с принципами социальной справедливости.

Роль института армии в формировании и утверждении социальной справедливости достаточно велика. Прежде всего его роль определяется способом формирования офицерского корпуса и набора солдат. Призывная модель формирования армии, доминирующая в Российской Федерации и предполагающая наличие воинской повинности, неодинаковым грузом ложится на плечи мужского населения. Например, в одних регионах призыв отсутствует (или почти отсутст-

вует), в других план призыва (с учётом численности призывного контингента) в разы выше. Не меньше различаются планы и по типам населённых пунктов (большая часть призывников набирается из сельской местности и малых населённых пунктов). Совершенно неодинаково распределяется вероятность призыва в армию и по уровню материального достатка семей и социальным позициям в целом.

Внутреннее устройство армии зачастую также подвержено влиянию таких институций, как уставщина и дедовщина, нарушающих принципы справедливости (или утверждающих альтернативные её принципы). Причём в воспроизводстве этих статусных систем огромную роль играет как раз требование соблюдения справедливости — сегодня ты новобранец и роль твоя незавидна, но завтра ты станешь «дедом» и получишь компенсацию. Справедливость видится в неизбежности восходящей социальной мобильности и обязательности прохождения всех её ступеней. Попытка воспротивиться данной системе рассматривается как отказ от обязанностей, стремление «бесплатно», «без очереди» получить дополнительные права и привилегии. Примерно такая же аргументация зачастую используется в обоснование всеобщей воинской повинности — «если мы это прошли, то и другие должны». Привносится этот подход и в другие социальные институты при значительном их пополнении бывшими военными.

Воинскую повинность можно также рассматривать и как вариант социальной эксклюзии. Обязательными признаками службы выступает целый набор деприваций: сна, отдыха, свободы передвижения и принятия решений, личного времени, женского общения и многих других. Годичное и более длительное пребывание в отрыве от привычного окружения приводит к разрыву наработанных социальных связей, потере части созданного социального капитала. Связи же и навыки, полученные во время срочной службы, как правило «на гражданке» не обладают высокой ценностью. «Суровая школа жизни» или «школа мужества», добавляя личности ещё несколько освоенных ролей, добавляет и черты склонности к жестокости, формализму, халтуре и принятию несправедливости в собственной жизни и жизни окружающих.

Институт здравоохранения, с которым, в свою очередь, сталкиваются уже все жители страны на протяжении всей своей жизни, играет, пожалуй, ещё большую роль в формировании отношения к социальной справедливости. Взаимодействие с этим институтом в конечном счете регулирует продолжительность нашей жизни. Возможность доступа к качественным медицинским услугам крайне дифференцированна не только между территориальными общностями, но и внутри них. Одни предпочитают лечиться за границей, другие не могут собрать деньги на поход к стоматологу. Одновременно, регулярно забирая средства у одних и передавая их на медицинские услуги другим, государство также создаёт механизм нарушения распределительной справедливости (неравное - неравным). Выбор модели добровольного медицинского страхования или обязательного, модели частной медицины или государственной базируется на выборе модели социальной справедливости. В основе частной медицины лежит понимание социальной справедливости как гарантии свободы личности, её неприкосновенности. Государственная модель исходит из первичности социального равенства, предоставления равного права на получение существующих услуг и недопустимости социальной эксклюзии. Обязательное и добровольное страхование - попытки совмещения этих двух подходов к социальной справедливости. Ещё одной дилеммой выступает совмещение требования заботы о больном и его окружении с неизбежной при некоторых заболеваниях дискриминацией больных и их близких в связи с заразностью, невозможностью выполнять тот или другой виды деятельности либо неадекватностью, неполным контролем пациента за собственным поведением.

Нельзя не затронуть и внутреннюю организацию института здравоохранения. Каждая из моделей предполагает свой подход к обеспечению охраны здоровья. Однако разные модели возлагают на представителей этого социального института дополнительные функции: в государственной модели это роль чиновника, а в частной — роль коммерсанта. Зачастую основные функции меняются с дополнительными местами, и роль коммерсанта и чиновника «по-

беждает» врача. Каждая из моделей организации института здравоохранения в качестве критерия собственной эффективности принимает что-то отличное от собственно поддержания здоровья пациентов: наполненность коек, охват вакцинацией, количество выданных больничных листов, расходы на одного пациента и одного врача, объём оказанных услуг, процент нового оборудования, новизну препаратов, прибыль и т.п. Ожидая справедливого к себе отношения, пациент рассчитывает на то, что его будут рассматривать лишь с медицинской точки зрения, с единственной целью – помочь восстановить (не потерять) здоровье. И в этом ему приходится рассчитывать большей частью лишь на совесть тех, за чьей помощью он обращается вне зависимости от её «платности» или «бесплатности».

Социальный институт образования также всем хорошо знаком. Основой справедливого его устройства, как правило, является государственная гарантия общедоступности начальной и средней его ступеней. Наличие же полного охвата населения соответствующих возрастных групп образованием является показателем равенства возможностей, «стартовых позиций». Как и в случае со здравоохранением, основные подходы к организации образования предполагают выбор между государственной (муниципальной) его моделью и частной системой образования. И если в целом наиболее распространённой моделью школьного образования является «бесплатная» модель, то в случае вузовского и дошкольного образования предпочтения менее однозначны. Так, например, по критерию доступности (фактическому охвату населения, а также включённости в него представителей нижних страт) высшее образование в США (почти исключительно частное) опережает высшее образование Германии (практически исключительно государственное).

Одной из функций образования является обеспечение возможности всестороннего развития личности. Первые ступени образования играют главенствующую роль в первичной социализации. Именно на этой стадии закладывается общее представление о социальной справедливости. В основу глобальных представлений ложится социальная справедливость в школьном классе, первой для индивида после семьи

постоянно существующей и состоящей из чужих ему людей социальной группе. Здесь отмечаются два подхода к социальной справедливости в группе: справедливость как средство включения в социальную группу и справедливость как средство достижения индивидуальных целей. Мы в целом можем констатировать их трансляцию в последующем и на большее окружение, в другие социальные институты: справедливость как средство включения в социум и справедливость как средство достижения групповых интересов.

Не стоит забывать и о том, что борьба с социальной эксклюзией в образовании может быть контрпродуктивной и несправедливой, ведь одной из функций образования является функция селекции, отбора наиболее способных, одарённых учащихся и отчисление не справляющихся с образовательными планами.

Институт семьи является, безусловно, базовым в формировании личности. Более того, модель отношений в семье, базовые роли ребёнка, родителя и супруга зачастую проецируются на отношения в других социальных институтах, а ведение дел «по-семейному» нередко выступает эталоном социальной справедливости. Изменение семьи, в свою очередь, влечёт изменение этого эталона. Сокращение числа детей и, следовательно, концентрация внимания лишь на одном, двух детях повышает эгоцентричность отношений, этому же способствует распространение неполных семей и перевод заработной палаты на банковские карты, что снижает роль общесемейного бюджета. Неполные семьи, как и малодетные, одновременно с этим способствуют размыванию самого идеала семьи, приучают к несовпадению нормы и практики. Эгалитарность распределения внутрисемейной власти, способствующая также снижению у детей авторитета родителей в целом, сдвигает эталон социальной справедливости к большей уравнительности. Частое отсутствие регистрации брака снижает значение формальных правил и, следовательно, роль процедурной справедливости, а частые разводы утверждают первичность, первостепенность свободы и временный, непостоянный характер взаимных обязательств, формируют представление о конвенциональности и «контрактности» социальной справедливости.

Институт государства как социальный институт выполняет функции социального контроля, создания социального порядка и перераспределения благ между различными социальными общностями, группами и их отдельными представителями. Часть людей благодаря успешной реализации социального контроля оказывается в местах заключения, изолированной от основной части общества. Даже после погашения судимости по отношению к бывшим заключённым сохраняется социальная эксклюзия. Другая часть населения подвергается социальной эксклюзии в значительной мере по причине дисфункции распределительной роли государства либо из-за несправедливого определения целей и задач этой функции. К пострадавшим относятся в первую очередь бомжи и бездомные, беспризорники, беженцы. Обратной стороной осуществления государством функции социального порядка выступает его вторжение в те сферы жизни людей, которые предполагают свободу самореализации личности, функционирования организаций и автономность семьи. По мнению большинства граждан Российской Федерации, именно государственному институту принадлежит главенствующая роль в установлении социальной справедливости.

Возникновение многих деформаций в социальных институтах, приводящих к нарушению принципов социальной справедливости, вызвано также проникновением в них правил, влиянием социетальных институтов. Например, требованием коммерциализации, привносящимся из института рынка, и формализмом — из института права. Массовый характер большинства социальных институтов, их масштаб нивелируют индивидуальный подход к социальной справедливости, тем самым превращаясь в «конвейер судеб», подрывают доверие к возможности воплощения персональной социальной справедливости.

Социальная справедливость – сложный феномен, в значительной мере определяющий функционирование социальных институтов и непосредственно связанный с особенностями социализации личности. Эксклюзия же выступает важным показателем социальной несправедливости в обществе, а «самоэксклюзия» – субъективной стороной проявления неудовлетворённости этой несправедливостью.

Глава IV

КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ

§ 1. Особенности культуры личности

Культура личности – это результат взаимодействия личности с культурой общества, большой социальной группы, в которую она входит, и ближайшего окружения.

Личность вступает во взаимодействие с культурой в нескольких отношениях. Во-первых, она функционирует в культурной среде в качестве носителя и выразителя определенных ценностей, норм, идеалов. Во-вторых, личность усваивает культуру, являясь объектом культурного влияния. Усваиваются не только те или иные социальные ценности и нормы, но и разнообразная культурная информация, результаты духовной деятельности. В-третьих, поскольку индивиды не изолированы друг от друга, в процессе их общения происходит также взаимодействие различных личностно-культурных систем. В-четвертых, личность сама создает культуру, будучи субъектом культурного творчества. Э.В. Соколов, указавший три вида взаимодействий личности и культуры, дал общее представление о взаимоотношениях между ними²⁹⁰. Нами оно было дополнено и конкретизировано.

На основании вышесказанного в структуре культуры личности можно выделить четыре подсистемы: содержание культуры личности, которую составляют так называемые референтные образования (ценности, нормы, социокультурные образцы, представления); уровень культурной информированности; характер взаимодействия с другими личностно-культурными системами, что включает в себя культурную заразительность, культурную восприимчивость и толерантность; творческая активность личности. А это, в свою очередь, позволяет дать развернутое представление о структуре культуры личности в систематизированном виде.

279

 $^{^{290}}$ Соколов Э.В. Культура и личность. Л.: Наука, 1972. С. 7.

- 1. Содержание культуры личности:
- общие жизненные ценности, их иерархия, в которых находят отражение жизненные цели и средства их достижения;
- ценностные ориентации, регулирующие поведение и деятельность в различных сферах жизнедеятельности (в трудовой, образовательной, политической, семейной, досуговой, коммуникативной):
- разделяемые моральные нормы, наличие нравственных убеждений и принципов, их роль в формировании собственной жизненной стратегии и степень соблюдения правовых норм;
- степень сформированности ценностно-нормативной системы, т.е. глубина усвоения ценностей и норм, их устойчивость;
- наличие и содержание идеалов как чего-то совершенного, к чему следует стремиться;
- представления об окружающем мире, их соответствие или несоответствие реальности, адекватность выбранных средств поставленным целям;
 - характер мотивов деятельности и поведения;
- степень соответствия реального поведения ценностям, нормам, идеалам.
 - 2. Уровень культурной информированности:
- каналы, источники и способы получения социокультурной информации;
- научные знания, приобретенные во время обучения в различных учебных заведениях и посредством самообразования, а также обыденные знания, усвоенные в процессе повседневной жизни;
 - предпочтения при выборе источников и видов информации;
 - объем потребляемой информации;
 - виды потребляемой социокультурной информации;
- соотношение в структуре культурного потребления массовых и сложных источников и видов информации;
- степень адекватности восприятия содержания информации, системности и глубины ее усвоения;
 - цели и мотивы личности в процессе культурного потребления.

- 3. Взаимодействие личностно-культурных систем
- 3.1. Культурная заразительность:
- эталонность культуры личности для окружающих;
- уровень авторитета в круге общения;
- способы передачи ценностей, норм, представлений, идеалов и других элементов своей культуры.
 - 3.2. Культурная восприимчивость:
 - наличие персонифицированных образцов для подражания;
- отношение к происходящим в обществе преобразованиям, способность к критическому научно обоснованному анализу;
- соотношение в ценностной системе традиционных и современных ценностей;
- преобладающая установка на изменения или стабильность в своей жизни;
- наличие либо отсутствие ориентации на постоянную учебу, повышение квалификации, самообразование и личностное развитие;
 - степень освоения современных информационных технологий;
- степень освоения новой техники по месту работы, учебы и в быту;
- отношение к новым направлениям, стилям, жанрам в искусстве и литературе;
- следование моде с учетом особенностей своей внешности и собственного стиля.
 - 3.3. Культурная толерантность:
- наличие (отсутствие) интереса к культуре других стран, народов;
 - причины неприятия некоторых культур;
 - соотношение позитивно и негативно воспринимаемых культур;
- отношение к межнациональным бракам, фактическое состояние в межнациональном браке;
 - национальный состав круга общения;
 - отношение к работе, учебе в полинациональном коллективе;
 - отношение к мигрантам других национальностей;
 - общение с иностранными гражданами в сети Интернет;

- впечатление о культуре населения той или иной страны, полученное во время поездок за границу.
 - 4. Творческая активность личности
- степень творческого содержания трудовой или образовательной деятельности;
 - виды, формы профессионального творчества;
- виды, формы непрофессионального творчества, соотношение в нем собственно творческой и репродуктивной деятельности;
- регулярность занятий профессиональным и непрофессиональным творчеством;
 - цели и мотивы профессионального творчества;
 - цели и мотивы непрофессионального творчества;
- соотношение культурно-потребительской и творческой активности личности;
 - роль творческой личности в социокультурных инновациях.

При изучении личности наибольшее внимание уделяется ее социализации, рассматриваемой с разных точек зрения. Одна из них абсолютизирует роль культуры общества и сводит к минимуму субъектные свойства личности. Например, американский антрополог К. Клакхон писал: «Человеческий материал имеет тенденцию оформляться самостоятельно, но он определяется культурной социализацией таким образом, что повседневное поведение индивида в конкретных ситуациях может быть предсказано. Индивид становится социализированным, когда он отказывается от своей физической автономии в пользу контроля со стороны культуры и большую часть времени ведет себя так же, как ведут себя другие, следуя культурным образцам. Те же, кто сохраняет слишком большую степень независимости, в конце концов оказываются в сумасшедшем доме или в тюрьме»²⁹¹. Однако такая полностью социализированная личность, которую вряд ли можно назвать личностью в полном смысле этого слова, не способна к творчеству. В этом состоит одно из основных противоречий социализации.

 $^{^{291}}$ Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия, 1998, С. 229.

Другая точка зрения основывается на особенностях механизма ценностно-нормативной регуляции поведения, характерного для современного общества.

В традиционном обществе нормативные требования и правила поведения в различных ситуациях жестко заданы. Выполняются они безоговорочно, поскольку так принято. К тому же за любые нарушения, даже не очень серьезные, следуют одинаково суровые санкции, так как и правила, и санкции не иерархизированы.

Ценностно-нормативный регулятивный механизм предполагает свободу выбора. Из всех функционирующих в обществе ценностей и норм личность выбирает те, которые соответствуют ее потребностям, интересам, предпочтениям и убеждениям. Она рефлексирует по поводу того, что для нее является важным или неважным, полезным или вредным. Социальный контроль осуществляется, но «…опосредованно, неявно, аппелируя к интеллекту личности, ее личностному выбору, убеждениям. Ценность усваивается каждой личностью по-новому, требует ее... переосмысления, переработки» 292. Поскольку ценностно-нормативная регуляция имеет не столько внешний, сколько внутриличностный характер, возникают предпосылки для творчества личности.

Более явно высказана третья точка зрения о приоритетности развития творческой активности личности, согласно которой одной из самых важных в социализации личности является человекотворческая функция культуры, а «смысл социализации – в превращении каждой личности в инициативного, творческого субъекта деятельности» ²⁹³.

Одно из существенных противоречий культуры состоит в противоречии между ее нормативно-регулятивной и творческо-преобразующей функциями, которое имеет диалектический характер, так как каждая из этих функций предполагает наличие другой, т.е. они неразрывно связаны. Культура, с одной стороны, выступает по отношению

 293 Михайлова Л.И. Социология культуры: учеб. пособие. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. С. 160, 163.

 $^{^{292}}$ Общая социология: учеб. пособие / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 352.

к личности чем-то внешним, объективным, поскольку в процессе социализации предписывает ей нормы, правила, образцы поведения и обеспечивает их выполнение с помощью различных средств. В целях достижения стабильности общества в широком смысле как социально-культурной системы осуществляется формирование личности с вполне определенными чертами, соответствующими данному этапу развития общества. С другой стороны, задача культуры — это максимальное развитие способностей личности, обеспечение ее полной самореализации, т.е. становление личности как свободной индивидуальности, которая может в акте творчества выйти за пределы устоявшихся традиций, норм, ценностей и способна к преобразованию наличных форм культуры, ее элементов и социальной действительности.

Проблема творчества как свободной деятельности является в то же время проблемой формирования субъекта. В соотношении потребления культуры и культуротворчества находит отражение соотношение объектных и субъектных свойств личности, степень ее активности. Появление нового невозможно только на основе привычки действовать по определенным правилам, без самодеятельности. Для формирования личности как субъекта в полном смысле этого слова необходимо преодоление разрыва между культурным потреблением и творчеством.

Различают социокультурное и профессиональное творчество. «Социокультурное творчество – это творение общих образцов действий, принципов, ... ценностей, верований, а также символических средств, обеспечивающих коммуникацию этих смыслов и норм» ²⁹⁴. Оно осуществляется в повседневной жизни и содержит значительный компонент стихийности. В результате социокультурного творчества изменяются те элементы культуры, которые образуют механизм регуляции поведения и деятельности людей.

Профессиональное творчество (научное, техническое, организационное, художественное и др.) предполагает наличие специальных знаний, умений и навыков, приобретенных в процессе обучения.

 $^{^{294}\,\}mathrm{M}$ инюшев Ф.И. Социокультурное творчество // Актуальные проблемы культуры XX века. М.: Знание, 1993. С. 54.

В отличие от социокультурного творчества оно имеет целенаправленный, особенно в научном, техническом и организационном творчестве, и ярко выраженный личностный, авторский характер²⁹⁵.

Творческая личность, создав что-то новое (социокультурный образец, техническое устройство, художественное произведение, сделав научное открытие или предложив новую форму организации труда), становится, по мнению А. Моля, инициатором инновационного процесса. Предложенная им модель распространения инноваций дает представление о том, как происходят изменения в культуре²⁹⁶.

Распространение той или иной инновации зависит от целого ряда обстоятельств:

во-первых, от ее конкурентоспособности по отношению к существующему образцу, преобладающему направлению в искусстве, господствующему представлению в науке и т.п., а также по отношению к другим предлагаемым в обществе новшествам;

во-вторых, от степени культурной восприимчивости микросреды, т.е. ближайшего окружения, ее отношения к данной инновации (принятие либо отвержение);

в-третьих, от наличия интереса к ней средств массовой информации как значимой и полезной для широкого круга людей;

в-четвертых, от характера ее восприятия макросредой, которое зависит, в свою очередь, от степени неудовлетворенности ситуацией в той или иной сфере;

в-пятых, от авторитета автора и поддерживающих его известных лиц²⁹⁷.

Инновационный процесс может закончиться на любом этапе, в том числе в микросреде, в связи с инерционностью культуры, с сопротивлением инновации. Только пройдя в конкурентной борьбе отбор на всех этапах, новшество становится достоянием культуры общества. Для продвижения своих идей, изобретений личности требуются уже не ее творческие способности (впечатлительность, фан-

 $^{^{295}}$ См.: Михайлова Л.И. Указ. соч. С. 193–194. ²⁹⁶ Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1974. С. 111–112, 115. ²⁹⁷ См.: Общая социология. С. 433–434.

тазия, интуиция, оригинальность и т.д.), а другие качества: сильная воля, упорство в достижении цели, умение убеждать людей.

В пилотажном исследовании 2011 года, проведенном среди студентов Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ) разных курсов и специальностей (опрошено 307 чел.), были выделены типы культуры личности студента по критериям творческой активности и культурной информированности:

- «творец», ориентированный на творческую деятельность и фактически занимающийся научно-исследовательской работой, техническим или художественным творчеством, потребляющий в основном сложную культурную информацию (53,5 %);
- потребитель сложной культурной информации, посещающий художественные выставки, театры и музеи, читающий научную и серьезную художественную литературу для удовлетворения своих интеллектуальных и эстетических потребностей, но не участвующий в творческой деятельности и не потребляющий массовую культурную информацию (14,9 %);
- потребитель массовой культурной информации преимущественно развлекательного содержания, который не только не занимается деятельностью творческого характера, но и вообще не потребляет сложную информацию (29,7 %).

Наиболее распространенным оказался творческий тип. Малочисленность типа потребителя сложной культурной информации в его «чистом» виде объясняется не только тем, что представители творческого типа тоже потребляют в основном сложную культурную информацию (эта характеристика изначально была заложена при построении данного типа), но и ее малой популярностью среди студентов.

В формировании данных типов культуры личности студентов большую роль играет уровень образования родителей (табл. 25).

Как свидетельствуют приведенные результаты, высшее образование родителей оказывает благоприятное влияние на развитие у детей творческих способностей, тогда как среднее образование способствует приобщению к массовой культуре. Доля «творцов» в группе студентов со средним образованием родителей значительно меньше

и совпадает или почти совпадает с долей потребителя массовой культурной информации. Различия такого рода в большей степени проявляются в зависимости от образования отца.

Таблица 25 Влияние образования родителей на формирование типов культуры личности студента (в % от числа опрошенных в каждой группе)

Группы по образованию родителей		Типы			
		«Творец»	Потребитель сложной информации	Потребитель массовой информации	
Образование	среднее	41,9	10,8	47,4	
отца	высшее	65,3	17,7	17,1	
Образование матери	среднее	45,2	9,7	45,2	
	высшее	60,0	17,1	22,9	

При анализе данных в зависимости от социального статуса родителей были выявлены существенные различия в характере воздействия на формирование типов родителей разного пола (табл. 26).

Таблица 26

Влияние социального статуса родителей на формирование типов культуры личности студента (в % от числа опрошенных в каждой группе)

Группы по социальному статусу родителей		Типы			
		«Творец»	Потребитель сложной информации	Потребитель массовой информации	
Социальный статус отца	Специалист	61,5	7,7	30,8	
	Руководитель или предприниматель	53,1	25,0	21,9	
	Рабочий	62,5	_	37,5	
Социальный статус матери	Специалист	66,7	15,7	17,6	
	Руководитель или предприниматель	45,5	18,2	36,4	

Сравнение групп студентов по социальному статусу матери показал, что творчеством чаще занимаются дети специалистов, а не руководителей и предпринимателей. Среди последних в 2 раза больше потребителей массовой культурной информации. Дело в том, что трудовая деятельность специалистов более насыщена творческим содержанием в отличие от руководителей невысокого ранга, которые преобладают среди руководителей женского пола. Также женщины в основном занимаются мелким бизнесом.

Иные результаты получены в зависимости от социального статуса отца. Среди детей отцов-руководителей и предпринимателей тоже меньше «творцов», чем среди детей специалистов, но разница уже не так велика. Зато среди них больше представлен (и значительно) тип потребителя сложной культурной информации, а меньше — тип потребителя массовой информации, что обусловлено, по нашему мнению, более высоким рангом мужчин-руководителей и бизнесменов.

В выборке, помимо рассмотренных групп, были еще представлены выходцы из семей, в которых отцы являются рабочими. Данные о них неоднозначны. С одной стороны, они вообще не используют сложную культурную информацию и больше других потребляют массовую информацию, с другой стороны, в стремлении к творчеству они не уступают детям специалистов.

Менее благоприятная первичная социокультурная среда не создает достаточных возможностей для формирования культурных потребностей личности и соответствующих навыков, реализации ее способностей и интересов. Поэтому выходцы из рабочих, поступив в вуз и осознавая свое отставание в культурном развитии, пытаются его преодолеть посредством потребления большого объема массовой информации и участия в массовых видах художественного творчества (преимущественно в художественной самодеятельности). Однако такое творчество не является творчеством в полном смысле этого слова, поскольку в нем еще преобладает репродуктивная деятельность, т.е. используются чаще всего образцы профессионального художественного творчества и воспроизводятся на более низком уровне. Следовательно, оно в значительной степени вторично. Высшее

образование не обеспечивает автоматический переход на более высокий уровень культуры. Оно дает возможность широкого выбора, но этот выбор во многом детерминирован условиями предшествующей социализации.

Из факторов вторичной социализации наиболее существенное влияние на дифференциацию по типам культуры оказали материальное положение студентов во время проведения опроса, специальность и курс (табл. 27).

Таблица 27 Влияние факторов вторичной социализации на формирование типов культуры личности студента (в % от числа опрошенных в каждой группе по тому или иному фактору)

Группы по факторам вторичной		Типы			
			Потребитель	Потребитель	
		«Творец»	сложной	массовой	
социализации			информации	информации	
Материальное	малообеспеченные	52,9	_	47,1	
положение	обеспеченные	61,8	15,8	22,4	
Специаль-	«технари»	45,3	15,1	39,6	
ность	гуманитарии	66,7	14,6	18,8	
	первый	50,0	20,0	30,0	
Курс	четвертый	50,0	12,5	37,5	
	пятый	65,7	8,6	25,7	

Культурные различия между группами по материальному положению схожи с теми, что зафиксированы в зависимости от социального статуса отца, т.е. социального происхождения респондентов. У малообеспеченных, к которым были отнесены студенты с низким и ниже среднего материальным положением, вообще не сформирован, как и у детей рабочих, тип потребителя сложной культурной информации. При этом в 2 раза больше, чем среди обеспеченных (со средним и высоким материальным положением), потребителей массовой информации. По уровню творческой активности данная группа уступает и обеспеченным, и детям рабочих, хотя различия не очень большие.

Характер влияния специальности был предсказуем: среди студентов-гуманитариев в отличие от студентов технических специальностей примерно в 1,5 раза больше удельный вес творческого типа и в 2 раза меньше потребителей массовой информации. Это обусловлено изначально высокой ориентацией гуманитариев на творчество.

При сравнении студентов первого и старших курсов выявлены противоположные тенденции. Положительная тенденция состоит в заметном увеличении представительства творческого типа на пятом курсе, а отрицательная – в последовательном уменьшении от первого курса к пятому доли типа потребителя сложной культурной информации. В потреблении массовой информации четкая тенденция не прослеживается.

Анализ трехмерной таблицы дает возможность выявить динамику типов культуры за время обучения в вузе у студентов разных специальностей (табл. 28).

Таблица 28 Изменение удельного веса типов культуры личности у студентов разных специальностей за время обучения в вузе (в % от числа опрошенных в каждой группе по специальности и курсу)

Группы	Типы культуры личности студента	Курс	
по специальности	по творческой активности и культурной информированности	первый	пятый
	«Творец»	39,9	52,8
«Таунари»	Потребитель сложной культурной информации	15,7	12,5
«Технари»	Потребитель массовой культурной информации	42,1	33,3
	Не вошли в типы	2,3	1,4
	«Творец»	59,7	74,8
Гуманитарии	Потребитель сложной культурной информации	22,8	4,0
1 уманитарии	Потребитель массовой культурной информации	15,3	19,7
	Не вошли в типы	2,2	1,5

Общей тенденцией для обеих групп по специальности является увеличение удельного веса творческого типа. Но прирост его примерно одинаков: у студентов технических специальностей он составил 13 %, у гуманитариев — 15,1 %. Тем не менее разрыв в уровне творческой активности сохраняется, что обусловлено сформированными еще в первичной социокультурной среде способностями, интересами, ценностными ориентациями. Студенты, поступающие на гуманитарные специальности, уже на первом курсе проявляют высокий интерес к творчеству. Студенты технических специальностей начинают постепенно вовлекаться в творческие виды деятельности в процессе обучения в вузе.

Основным источником пополнения творческого типа является тип потребителя сложной культурной информации, что привело к уменьшению его численности. Поскольку среди студентов технических специальностей заметно уменьшилось только представительство потребителей массовой информации, есть основания полагать, что они чаще приобщаются к так называемому вторичному творчеству. Массовая культура с ее идеалами потребительства и гедонизма в принципе мало способствует занятиям оригинальным творчеством.

Другая типология культуры личности студента была построена по результатам массового исследования 2012 года среди студентов ПНИПУ (опрошено более 700 человек). Критерием дифференциации послужил принцип разделения ценностей на традиционные и современные, которые соотносятся с аналогичными типами обществ и отражают различия в содержании культуры.

В качестве традиционных ценностей были названы самопожертвование, следование традиции и вольность, а в качестве современных – жизнь человека, свобода и независимость, инициативность²⁹⁸.

²⁹⁸ См.: Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 6; Разинская В.Д. Социокультурный облик современной российской молодежи: моногр. Deutschland, Saarbrucken: LAP LAMBERT, Academic Publishing Gmbh & Co. KG, 2013. S. 9–10.

Мы использовали другие наборы ценностей, которые, по нашему мнению, более соответствуют реалиям российского общества (исключением стали только свобода и независимость, которые нами тоже были отнесены к современным ценностям). В структуре общих жизненных ценностей традиционными являются надежная (гарантированная) работа, стабильное положение в обществе и возможность хорошо жить, не работая, а современными – личностная самореализация, свобода и независимость, собственное дело. К традиционным ценностям труда относятся гарантированность рабочего места и зарплаты, наличие различных льгот по месту работы и не очень сложная, неутомительная работа. Современные трудовые ценности – это самостоятельность в работе, ее разнообразие и возможность творчества, применение своих способностей и деловых качеств.

В ходе исследования были выделены следующие типы культуры личности студента:

- носитель и выразитель преимущественно традиционных ценностей (20,7 %);
- носитель и выразитель традиционных и современных ценностей в равной мере (21,1 %);
- носитель и выразитель преимущественно современных ценностей (58,1 %).

Более многочисленным является последний тип, что было ожидаемо, так как студенчество обладает высокой восприимчивостью ко всему новому, благодаря возрасту и переходному, подготовительному характеру социального статуса. Но весьма значительна и доля тех, кто разделяет в той или иной степени традиционные ценности, что обусловлено неблагоприятными социально-экономическими условиями в стране (кризисы в экономике и как следствие рост безработицы, высокий уровень инфляции, углубление социально-экономического расслоения населения). Поэтому даже у студентов как представителей одной из «продвинутых» социальных групп наблюдается в сравнении с относительно благополучным предкризисным 1997 годом усиление патерналистских настроений и осознание некоторых реальных достижений советского общества, прежде всего бесплат-

ного образования всех уровней и гарантии занятости в качестве ценностей.

Анализ распределений по данным типам в зависимости от различных факторов показал, что в их формировании ведущая роль принадлежит иным факторам, а не тем, которые были выделены в предыдущем исследовании. Обращает на себя внимание значительное ослабление влияния факторов семейной социализации. Различия по образованию и социальному статусу родителей, по материальным условиям жизни в детские и школьные годы либо несущественны, либо противоречивы и не позволяют сделать однозначные выводы. Объясняется это тем, что современное общество динамично, поэтому родители и дети социализируются в разных условиях, а отсюда и большие различия в их ценностях. При выборе ценностей основной референтной группой для студентов становятся сверстники, а не родители.

В международном исследовании, проведенном в самом начале 90-х годов по программе профессора Мичиганского университета (США) Р. Инглхарта, была выдвинута и подтверждена гипотеза социализации, в которой речь идет о наличии связи между социально-экономическими условиями социализации и ценностными приоритетами²⁹⁹. Данная гипотеза подтвердилась и в наших условиях. Она оказалась справедливой по отношению к распространению не только материалистических и постматериалистических ценностей, но и традиционных и современных ценностей.

Из факторов первичной социализации прослеживается заметное влияние места жительства в детские и школьные годы (табл. 29).

Зафиксирована зависимость: чем крупнее поселение, в котором выросли студенты, тем более им присущи современные ценности и тем менее – традиционные. Вместе с тем, если традиционные ценности доминируют, они демонстрируют довольно высокую устойчивость. Об этом свидетельствуют небольшие различия в удельном ве-

²⁹⁹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4. С. 23.

се первого типа культуры среди выходцев из разных типов поселений, в том числе среди коренных пермяков.

Таблица 29 Влияние места жительства до поступления в вуз на формирование типа культуры личности студента по ее содержанию (в % от числа опрошенных в каждой группе по месту жительства)

	Место жительства				
Типы культуры	Деревня,	Поселок,	Средний	Крупный город,	
	село	малый	город	областной	
		город		(краевой) центр	
Носитель и выразитель					
преимущественно тради-					
ционных ценностей	24,5	24,1	22,0	18,9	
Носитель и выразитель					
традиционных и совре-					
менных ценностей в рав-					
ной мере	39,6	21,3	21,4	18,2	
Носитель и выразитель					
преимущественно совре-					
менных ценностей	35,8	54,6	56,6	62,9	

Влияние семьи проявилось опосредованно, через отношение студентов к религии. Более половины опрошенных (399 из 752 человек) указали, что верят в Бога – так воспитаны.

Поскольку полярные группы по отношению к религии – «воинствующие» атеисты, активно выступающие против религии, и истинно верующие, для которых вера в Бога составляет смысл жизни, мы исключили из анализа как малочисленные (данные о них не могут претендовать на достоверность), ожидалось, что основные различия в ценностях из оставшихся групп будут прослеживаться между толерантными атеистами и верующими в силу полученного воспитания. В действительности же, как выяснилось, толерантным атеистам противостоят не столько верующие, сколько респонденты с поверхностной религиозностью, которых привлекают религиозные обряды. Среди толерантных атеистов в отличие от сравниваемой группы

больше представлен тип носителя преимущественно современных ценностей и минимален тип носителя преимущественно традиционных ценностей (соответственно 62,8 и 9,3 % против 56,3 и 25,0 %). Но различия в степени распространенности преимущественно современных ценностей не очень существенны (табл. 30).

Таблица 30 Влияние отношения к религии на формирование типов культуры личности студента по ее содержанию (в % от числа опрошенных в каждой группе по отношению к религии)

	Типы культуры			
	Носители	Носители	Носители	
Группы	и выразители	и выразители	и выразители	
по отношению	преимущественно	традиционных	преимуществен-	
к религии	традиционных	и современных	но современных	
	ценностей	ценностей	ценностей	
		в равной мере		
Толерантные атеи-				
сты	9,3	27,9	62,8	
Атеисты, не видя-				
щие вреда в рели-				
ГИИ	20,7	16,1	63,2	
Атеисты в целом	16,9	20,0	63,1	
Колеблющиеся				
между верой и не-				
верием	20,8	20,8	58,4	
Верующие в силу				
своего воспитания	22,1	21,8	56,1	
Верующие, кото-				
рых привлекают ре-				
лигиозные обряды	25,0	18,8	56,3	
Верующие в целом	22,3	21,6	56,1	

Еще менее отчетливо различия такого рода проявляются между атеистами и верующими. Данное обстоятельство объясняется, по нашему мнению, несформированностью у многих студентов устойчивой мировоззренческой позиции. Это относится не только к колеблющимся между верой и неверием, но и к тем, кто одновременно и в Бога не ве-

рит, и вреда в религии не видит, а также к группе с поверхностной религиозностью. С возрождением религии и укреплением позиций церкви в российском обществе у молодежи, в том числе студенческой, не столько формируется истинная религиозность, сколько мода на нее.

Из факторов вторичной социализации наиболее сильное влияние на дифференциацию по типам культуры оказало материальное положение студентов на время проведения опроса. Чтобы адекватно оценить роль данного фактора, необходимо уточнить, каковы источники пополнения их бюджета.

В последние годы в ПНИПУ больше поступают выпускники школ из поселков и малых городов, в которых ниже размер зарплат и уровень жизни в целом, чем в Перми. Далеко не все родители имеют возможность содержать взрослых детей, а тем более оплачивать обучение в вузе, если они учатся по контракту. Поэтому очень многие студенты работают, в том числе занимаются бизнесом. Следовательно, материальное положение значительной части студентов зависит в большей степени от собственных заработков, а не от помощи родителей. Конечно, это не означает, что большинство студентов благополучны в материальном плане.

Табл. 31 наглядно показывает, что неудовлетворенность базовых (первичных) потребностей способствует формированию и воспроизводству традиционных ценностей.

Когда первичные потребности удовлетворены, возникают новые запросы и потребности более высокого порядка (в саморазвитии, самоуважении, самоутверждении, т.е. в признании со стороны других людей, и в самовыражении) 300 .

В связи с этим актуализируются современные ценности. Среди студентов с высоким материальным положением, как показывают приведенные данные, в 2 раза меньше в сравнении с теми, кто имеет низкое и ниже среднего материальное положение, удельный вес носителей преимущественно традиционных ценностей и значительно больше носителей преимущественно современных ценностей.

³⁰⁰ Михайлова Л.И. Указ. соч. С. 180, 182.

Влияние материального положения на формирование типов культуры личности студента по ее содержанию (в % от числа опрошенных в каждой группе по материальному положению)

Типы культуры	Группы по материальному положению				
личности студента	Низкое	Ниже среднего	Среднее	Высокое	
Носитель и выразитель пре- имущественно традиционных ценностей	27,3	25,0	20,2	13,0	
Носитель и выразитель традиционных и современных ценностей в равной мере	21,2	24,3	20,5	16,7	
Носитель и выразитель пре- имущественно современных ценностей	51,5	50,7	59,3	70,4	

Изменения, происходящие с достижением материального благополучия, закономерны, так как традиционные ценности являются ценностями выживания, а современные – ценностями преуспевания.

§ 2. Личность в процессе модернизации: социокультурные типы

Социология изучает личность в контексте общества, которое находится в процессе эволюционного изменения, и изучение личности не может игнорировать этот процесс. Эволюционные изменения общества в процессе его динамики, выделение качественно различных этапов его развития фиксируются социологией с момента ее возникновения, и фиксация этого дихотомического деления стадий развития общества социологами может быть отражена в следующей таблице (табл. 32).

Одним из исторически последних теоретических описаний социальной эволюции является теория модернизации общества, выделяющая традиционный и современный этапы развития общества.

Классическая социальная типология

Автор	Тип д	ихотомии
Автор	Ранняя стадия	Поздняя стадия
О. Конт	Теологическое общество	Позитивистское общество
Г. Спенсер	Теологически-милитарист- ское общество	Индустриальное – мирное общество
Г.С. Мэйн	Статусное общество	Контрактное общество
Ф. Тённис	Gemeinschaft (общность)	Gesellschaft (общество)
Р. Парк	Священное общество	Секулярное общество
К. Маркс	Феодальное общество	Буржуазное индустриальное общество
Э. Дюркгейм	Механическая солидарность	Органическая солидарность
Ч. Кули	Первичные группы	Вторичные группы
Р. Линтон	Аскриптивные ориентации	Достижительные ориентации
Р. Редфилд	Народное общество	Городское общество
Т. Парсонс	Аскриптивная солидарность	Функциональная солидарность
Г. Сьёберг	Доиндустриальное общество	Индустриальное общество
Р. Дьюи	Деревенское общество	Городское общество
Г. Фуггит	Деревня	Город
Ф. Риггс	Аграрное общество	Индустриальное общество
Φ. ΓИПС	Священное	Секулярное
Г. Беккер	Племена	Горожане
П. Мейер		
Д. Лернер, М. Леви	Традиции	Современность
Б.Хезлиц и др.		

^{*}Источник: Pandey R. Sociology of Development. Delhi, 1985. P. 293³⁰¹.

³⁰¹ Цит. по: Ерасов Б.С. Общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций: хрест. / составитель Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 248.

Данный теоретический подход возникает в 50-60-х годах XX века в работах американских специалистов по странам «третьего мира» для объяснения происходящих там процессов, ломающих традиционные порядки и способствующих переходу этих стран к современному (индустриальному и демократическому) этапу развития общества. Позднее найденные закономерности получают подтверждение и на исторических материалах. По мнению Шмуэля Эйзенштадта, модернизация может быть определена как «процесс изменения в направлении тех типов социальных, экономических и политических систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX век и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX веках - на южноамериканский, азиатский и африканский континенты» 302. Процесс модернизации вызывает изменение типа личности в традиционном обществе, порождает новый тип, доселе не встречавшийся, личности современной (modern personality). Так, обследование А. Инкелесом и Д. Смитом 6000 человек в 6 развивающихся странах (Аргентине, Чили, Индии, Израиле, Нигерии и Бангладеш) зафиксировало появление в них «современного мужчины» (modern man). По результатам исследования А. Инкелеса и Д. Смита (Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge: Harvard University Press, 1974. С. 290) этот «современный мужчина» - «хорошо осведомленный гражданин, участвующий в общественной жизни; он твердо уверен в своих силах, отличается самостоятельными взглядами, не поддается влиянию традиционных установок, проявляет особую независимость, принимая важные решения об устройстве своих личных дел; он готов воспринять новый опыт и новые идеи; для него характерен относительно широкий кругозор и гибкость мышления» 303.

³⁰² Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. C. 1.

³⁰³ Цит. по: Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 622.

Процесс модернизации общества, переход от традиционного к современному обществу, порождается множеством взаимосвязанных изменений в обществе, к которым можно отнести, например,

- изменения в технологии;
- изменения в структуре рабочих мест;
- изменения в профессиональной структуре;
- изменения в образовательной структуре;
- изменение в структуре доходов;
- изменение в образе жизни и стилях поведения и т.д.

Все эти изменения вызывают необходимость приспособления человека к изменившимся условиям. Адаптация человеческого поведения к окружающей среде является одной из важнейших функций культуры³⁰⁴, что делает важным ее учет при изучении изменения личности в процессе модернизации общества, формирования современного типа личности, соответствующей современному типу общества.

Культура как понятие имеет множество определений (например, еще в 1967 году А. Моль³⁰⁵ насчитывает более 250 таких определений). Мы будем использовать технологическое определение культуры, связанное с понятием деятельности. При таком подходе в широком плане культура есть система человеческой деятельности. Более узко под культурой понимается (вслед за Л. Уайтом, П. Боханан, Э.С. Маркаряном, З.И. Файнбургом и др.³⁰⁶) система внебиологически транслируемых регуляторов человеческого поведения. То есть культура здесь понимается как система биологически не наследуемых регуляторов поведения личности (норм, ценностей, уста-

_

 $^{^{304}}$ Culture: Man's Adaptive Dimension / ed. By Ashley Montague. N.Y., 1968. 305 Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. C. 35.

³⁰⁶ См.: White L.A. The science of culture: A study of man and civilization 2nd ed. N.Y., 1969; Bohannan P. Rethinking Culture. Current Anthropology // A world journal of the sciences of man. 1974. Vol. 14, No 4; Маркарян Э.С. О социально-управленческом значении формирования культурологии // Проблемы планирования, прогнозирования, управления и изучения культуры как целого. Пермь, 1981. С. 51; Файнбург З.И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1978. № 1. С. 28–34.

новок и т.п.) в самых разных сферах жизни (семья, труд, политика, обмен и т.п.). Изменение культуры в процессе модернизации традиционно изучается как зарубежной социологией (см. например, работы А. Инкелеса и Д. Смита, Р. Ингельхарта и К. Вельцеля, Ш. Шварца и др. ³⁰⁷), так и российской (см., например, работы И. Дубова, Н. Лапина, Ю. Левады, В.С. Магуна и М.Г. Руднева, О. Оберемко и В. Ядова, В. Разинская, А. Рябова и Е. Курмангалиева, Н. Тихоновой, М. Ядовой и др. ³⁰⁸).

Распространение процесса технологических и экономических изменений в любом обществе резко меняет условия жизни людей и их культуру (как инструмент приспособления к меняющимся условиям жизни), делит население на группы, по-разному вовлеченные в процесс этих модернизационных изменений и по-разному к ним относящиеся, что приводит к формированию различающихся по отношению к модернизации типов личности.

³⁰⁷ Cm.: Inkeles, A., Smith D. Becoming modern, Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge: Harvard University Press, 1975. 437 p.; Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005. 333 pp.; Schwartz S.H. Are there universal aspects the structure and contents of Human values // Journal of Social Issues, 1995. Vol. 50. Iss. 4. P. 19–45.

³⁰⁸ См.: Ментальность россиян. Специфика сознания больших групп населения России / под ред. И.Г. Дубова. М., 1997. 478 с.; Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. 1996. № 5. С. 3–23; Простой советский человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Мировой океан, 1993. 229 с.; Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1(93). С. 33-58; Оберемко О.А., Ядов В.А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: учеб. пособие / под ред. В.А. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 10-44; Разинская В.Д. Социокультурный облик современной молодежи: моногр. Deutschland, Saarbrucken: LAP LAMBERT, Academic Publishing Gmbh &Co. KG, 201388 s.; Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курмангалиева. М., 2003. 448 с.; Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5–23; № 3. С. 5–20. Ядова М.А. Поведенческие установки молодежи постсоветского поколения // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 78-88.

Автором была предпринята попытка разработки социологического инструментария для эмпирического измерения уровня модернизации культуры личности и выделения различных типов личности в зависимости от уровня модернизации³⁰⁹. В основе методики лежит предположение что каждому типу общества («традиционному» и «современному») соответствуют определенные типы отношений индивидов (непосредственные, личные в социальной общности, ведущей натуральное хозяйство в «традиционном» обществе и опосредованные рынком в «современном» обществе). Кроме того, предполагается, что каждому такому типу общества соответствуют определенные типы культуры (способы деятельности людей) и типы личности, социализированные в этих культурах. В эмпирическом социологическом исследовании каждый индивид описывается набором свойств, которые отражают усвоенные индивидом ценности, нормы, установки и другие социальные регуляторы поведения, анализируя которые можно судить об отнесении обладателя набора конкретных свойств к тому или иному социокультурному типу личности.

Оппозиция традиционный социокультурный тип личности – современный социокультурный тип личности является методологическим приемом, позволяющим дихотомизировать значения всех изучаемых социокультурных свойств, получая своего рода *чистые типы личности* — «традиционный» и «современный». Эти идеальные (в веберовском смысле) типы личности образуют полюса, в континууме которых должны располагаться реальные индивиды. Развертка этой оппозиции проведена через все важнейшие сферы деятельности людей.

Традиционный социокультурный тип (тип личности, не связанный с рыночными отношениями) – это такой тип личности, который в процессе социализации усвоил ценности, нормы, установки и тому подобные регуляторы человеческого поведения, которые генетически восходят к культуре традиционного общества. Они адаптируют

³⁰⁹ Вассерман Ю.М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Учен. зап. гум. ф-та. Вып. 7 / Перм. гос. политехн. ун-т. Пермь, 2004. С. 225–239.

поведение личности к социальным условиям, в которых отсутствуют регулярные и интенсивные рыночные отношения между людьми.

Современный социокультурный тип (тип личности, связанный с рыночными отношениями) — это такой тип личности, который в процессе социализации усвоил ценности, нормы, установки и тому подобные регуляторы человеческого поведения, которые генетически восходят к культуре современного индустриального общества. Они адаптируют поведение человека к социальным условиям, в которых отсутствует натуральное хозяйство и все люди регулярно являются участниками рыночных отношений.

Оба социокультурных типа личности – это теоретически сконструированные идеальные типы. То же самое следует сказать о традиционном и современном обществе, о культуре традиционного и современного общества. В реальной истории были различные общества, находящиеся на традиционной стадии развития и в разных фазах разложения этой стадии (т.е. на разных стадиях модернизации общества), но нас они интересуют только как историческая и логическая противоположность современному «модернизированному» обществу.

Точно так же в реальной истории мы встречаем различные «современные» общества. Каждое из них своеобразно, но практически во всех сохранились те или иные черты «традиционной» ступени развития. Строя идеальную модель такого «современного» общества, мы абстрагируемся от любых способных в нем существовать черт традиционного общества, и предполагаем эти две идеальные модели общества полностью противоположенными друг другу. Подобно этому две идеальные модели социокультурных типов личности являются инструментом изучения, масштабом для измерения реальных индивидов реального общества, образующего объект исследования.

Реальные социокультурные типы личности в условиях модернизирующегося общества (каковым является, например, российское общество) в процессе социализации усваивают разнородные наборы норм, ценностей, установок и т.д., что по-разному адаптирует их к модернизирующимся социальным отношениям. О реальных социокультурных типах личности можно сказать, что их культура в большей или меньшей степени связана с рыночными отношениями и они находятся между полюсов упомянутого континуума.

Совокупность проявлений культурно обусловленного приятия или неприятия личностью ценностей традиционной или современной культуры в тех или иных сферах жизни может быть замерена эмпирически, как установка личности. После такого замера личность может быть отнесена к тому или иному социокультурному типу в той или иной сфере жизни (предполагается, что модернизация различных сфер жизни происходит не одинаково).

Измерение таких свойств социокультурных типов личности, как установки, проводилось с помощью метода суммарных оценок, посредством предложения респонденту ряда полярных оценочных суждений с просьбой проявить степень своего согласия или несогласия с приводимыми точками зрения. Количество баллов, набираемых по этой шкале индивидом, моделирует его установки на феномены современного и традиционного общества, оценивая его личностный «потенциал модернизации» в каждой сфере и суммарный. Чем больше сумма набранных баллов, тем более выражена положительная установка личности к феноменам современного общества (т.е. менее выражена положительная установка личности к феноменам традиционного общества), тем более модернизированной считается усвоенная личностью культура. И наоборот, чем меньше сумма набранных баллов, тем более выражена отрицательная установка личности к феноменам современного общества (т.е. более выражена положительная установка личности к феноменам традиционного общества), тем менее модернизированной считается усвоенная личностью культура. Характеристики социокультурных типов – уровень модернизации культуры личности замерялся по следующим параметрам (перечень включает пять частных шкал):

- субшкала 1 отношение к семейной жизни различным типам семейных отношений (например, предпочтение современной нуклеарной семьи или традиционной многодетной, многопоколенной и т.п.);
- субшкала 2 отношение к экономической жизни (например, предпочтение объективной принудительности безличной власти рын-

ка для всех, характерное для современного общества, или личных связей и отношений, характерных для традиционных обществ и т.п.);

- субшкала 3 отношение к равенству (экономическому, характерному для традиционных обществ, или юридическому, характерному для современного общества и т.п.);
- субшкала 4 отношение к политической жизни (политические свободы, приоритет прав личности, характерных для современного общества, или политический патернализм, наличие привилегий, характерные для традиционных обществ и т.п.);
- субшкала 5 отношение к «чужакам», к другой культуре, творчеству, новациям (ксенофобия, неофобия, характерные для традиционных обществ, или толерантность и открытость новому, характерные для современного общества и т.п.).

Каждая из пяти упомянутых субшкал содержит по двенадцать полярных ценностных суждений (взятых из СМИ). Респондентам предлагалось выразить свою степень согласия (несогласия) с каждым суждением по шкале из шести баллов: от «полностью не согласен» (-3), до «полностью согласен» (+3). Полученные оценки перекодировались для суждений, положительно оценивающих явления, характерные для современного общества (или отрицательно оценивающих явления, характерные для традиционного общества) от 1 до 6, для суждений, отрицательно оценивающих явления, характерные для современного общества (или положительно оценивающих явления, характерные для традиционного общества), от 6 до 1. Суммирование баллов по пяти субшкалам дает возможность получить суммарную шкалу модернизации культуры личости. Суммарный балл нормализовался путем его деления на число суждений и вычитания из полученного числа единицы, после этого балл модернизации колебался от 0 (чистый традиционный тип) до 5 (чистый современный тип). Таким образом, применение методик Ликерта, давая измерение интервального уровня, позволяет выделить полярные и промежуточные социокультурные типы личности с точки зрения модернизированности их культуры.

Было разработано два варианта шкалы (оба включали все упомянутые пять частных шкал): длинный (60 утверждений) и короткий

(15 утверждений). В первом случае несколько раз было опрошено по несколько сот (от 500 до 800) студентов в университетах г. Перми (опросы проводились в 1992, 2005, 2010, 2012, 2014 годах), во втором случае — около 600 сотрудников двух проектных организаций г. Перми (2003) и около 600 студентов в университетах г. Перми (2004).

При анализе гетеропоколенного массива сотрудников двух проектных организаций г. Перми (2003 г., короткий вариант шкалы) в массиве были выделены три группы: когорты рожденных в период до 1950 года, когорты рожденных в период между 1951 и 1965 годами, когорты рожденных, начиная с 1966 года. В первой группе средний нормированный балл оказался равным 2,83 (стандартное отклонение равно 0,43), во второй группе средний нормированный балл оказался равным 2,95 (стандартное отклонение равно 0,44), в третьей группе средний нормированный балл оказался равным 2,99 (стандартное отклонение равно 0,55). Описанный когортный анализ межпоколенной динамики социокультурных последствий модернизации не опроверг гипотезу исследования о доминировании в модернизирующемся обществе тенденции повышения уровня показателя модернизированности культур личности при переходе от предыдущего поколения к последующему.

Собранные данные по массивам студентов (длинный вариант шкалы) позволили сравнить показатели уровня модернизации культуры личности у представителей двух поколений студентов: поколения, рожденного с конца шестидесятых до середины семидесятых (опрос 1992 года), и поколения, рожденного с середины восьмидесятых до середины девяностых годов (опросы 2006, 2012, 2014 годов). Назовем условно первое поколение «последним советским поколением студентов», поколением, первичная социализация которого в основном протекала в условиях советских реалий. Второе поколением можно также условно назвать «первым постсоветским поколением студентов», первичная социализация которого протекала в условиях реалий перестройки и постсоветской России. Сравнение средних нормированных баллов по суммарной шкале модернизации культуры между представителями разных поколений приведены на рис. 9.

Рис. 10. Схема межпоколенной динамики уровня модернизации культуры личности студентов на демографической сетке

Данные рис. 10 показывают увеличение показателей уровня модернизации культуры личности при переходе от респондентов, принадлежащих «последнему советскому поколению студентов», к респондентам, принадлежащих «первому постсоветскому поколению студентов». Проанализированные данные вскрывают, на наш взгляд, некоторую закономерность. Они показывают, что на протяжении длительного исследуемого промежутка времени (более 20 лет) медленно увеличивается уровень модернизированности культуры личности студентов, что подтверждает данные, полученные по гетеропоколенному массиву, рассмотренному выше.

Кроме динамики среднего показателя уровня модернизации культуры личности, собранные данные позволяют оценить вариацию данного показателя в каждом массиве и выделить группы с большим и меньшим уровнем модернизации культуры личности в каждом собранном массиве данных.

Проведенные тесты показали, что полученные эмпирические распределения по предложенной шкале близки к нормальному, достаточно устойчивы. Собранная в разных массивах по предложенной шкале информация позволила выделить полярные децильные группы: десять процентов от совокупности набравших наименьшие баллы — «первая децильная группа» и десять процентов от совокупности набравших наибольшие баллы — «десятая децильная группа». Это дало возможность сравнить респондентов с более модернизированной культурой личности (первая децильная группа) и респондентов с более традиционной культурой личности (десятая децильная группа) (рис. 11).

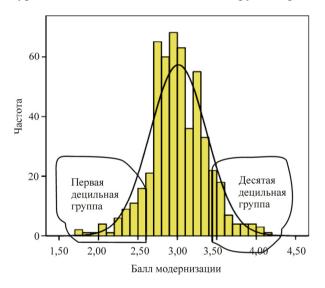

Рис. 11. Выделение первой и десятой децильной групп в массиве 2004/2005 гг.

Для ответа на вопрос, как обнаруженная дифференциация уровней модернизации культуры личности проявляется, был проведен ряд тестов. Например, в первом массиве (1992) опрошенных студентов проверялось, как обнаруженная дифференциация влияет на изменение ценностных ориентаций респондентов. С этой целью был проведен анализ различий ценностных ориентаций этих полярных

групп. В работе использовалось несколько различных методик для измерения ценностных ориентаций респондентов. Так, например, в качестве индикатора ценностных ориентаций применялась, в частности, шкала, используемая в этих целях Лабораторией социологии ПНИПУ, представляющая собой 17 вариантов ответов на вопрос «Что Вы считаете в жизни самым важным? (можно отметить любое количество ответов)». Варианты ответов следующие:

- 1. Хорошее образование.
- 2. Материальную обеспеченность, жизненный комфорт.
- 3. Квалифицированную, интересную работу.
- 4. Благополучную, крепкую семью.
- 5. Надежную, гарантированную стабильную работу.
- 6. Здоровье.
- 7. Свободу, независимость.
- 8. Любовь.
- 9. Отдых, развлечения.
- 10. Наличие собственного дела.
- 11. Карьеру, положение в обществе.
- 12. Наличие хороших надежных друзей.
- 13. Возможность удовлетворять свои культурные интересы, развивать свои способности.
 - 14. Возможность заниматься творчеством, создавать что-то новое.
 - 15. Уважение окружающих.
 - 16. Возможность хорошо жить, не работая.
 - 17. Мир и стабильность в обществе.

Различия в количестве выборов, указанных вариантов ответов между первой и десятой децильными группами по уровню модернизированности культуры личности показывают, что модернизация культуры сопровождается динамикой статусно-иерархической структуры ценностных ориентаций³¹⁰. Хотя различия не наблюдаются в ценностном ядре групп (ценности, выбираемые более 60 % респондентов), но

³¹⁰ Динамика ценностей населения реформируемой России / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова, А.Г. Здравомыслов. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 50.

они ясно видны как в их структурном резерве (выбор 45-60%), так и в периферии (выбор 30-45%) и хвосте (менее 30%) (табл. 33).

Из табл. 33 видно, что модернизация культуры опрошенных респондентов сопровождается определенными изменениями статусно-иерархической структуры их ценностных ориентаций. В ядре изменений не происходит, но во всех остальных элементах структуры можно наблюдать определенные сдвиги.

Таблица 33

Распределение вариантов ответов на вопрос «Что Вы считаете в жизни самым важным?» между группами респондентов с экстремальными показателями модернизированности культуры и элементами статусно-иерархической структуры ценностных ориентаций

Статусно-	Группа		
иерархическая	KMC	ПМС	
система ценностей	(первая децильная	(десятая децильная	
по Лапину	группа)	группа)	
Ядро	2, 4, 6	2, 4, 6	
Структурный резерв	5, 12, 17	1, 3, 12, 17	
Периферия	1, 3	5, 7, 15	
Хвост	7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16	8, 9, 10, 11, 13, 14, 16	

Процесс модернизации культуры приводит к большему распространению таких ценностей, как ценность хорошего образования и квалифицированной, интересной работы (они переходят из периферии в структурный резерв), а также ценностей свободы, независимости и уважения окружающих (они переходят из хвоста в периферию).

Проводилась также (опрос 2005 г.) проверка влияния процесса модернизации культуры личности на предложенный Р. Ингельхартом индекс материализма/постматериализма³¹¹. Оказалось, что по-

_

 $^{^{311}}$ Андриенкова А.В. Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11.

вышение уровня модернизации повышает величину этого индекса. Так, если в первой децильной группе его величина была равна 2,7, то в десятой децильной группе его величина достигла 3,0. Модернизация культуры снижает степень «материалистичности» ценностей респондентов.

Изменение ценности человеческой жизни как социокультурное последствие модернизации личности исследовалось в этом же исследовании с помощью кросстабуляции переменной, фиксирующей принадлежность респондентов к первой и десятой децильным группам, и переменной, фиксирующей отношение респондентов к смертной казни (табл. 34).

Таблица 34 Различия в отношении к смертной казни между респондентами, принадлежащими к первой и десятой децильным группам (исследование 2005 г.) (% от числа ответивших)

	Первая	Десятая
Отношение к смертной казни	децильная	децильная
	группа	группа
Смертная казнь должна быть запрещена	13,8	38,6
Смертную казнь отменять не следует	55,2	56,1
Нужно расширить применение смертной казни	31,0	5,3
Всего	100,0	100,0

Как видно из табл. 34, уровень модернизированности культуры личности достаточно тесно связан с отношением к смертной казни. Так, коэффициент тесноты связи γ, рассчитанный по таблице, равен 0,634. Чем выше уровень модернизированности культуры респондентов, тем выше ценность человеческой жизни, и чем ниже уровень модернизированности культуры, тем ниже ее ценность.

Таким образом, судя по приведенным данным, различия ценностных ориентаций в различных сферах, замеренных по различным методикам, устойчиво отличаются у представителей наиболее и наименее модернизированных групп респондентов.

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод о том, что при повышении уровня модернизированности культуры личности (замеренных по предложенной автором шкале) наблюдаемые изменения в оценке ценности человеческой жизни направлены в сторону большего соответствия современному, а не традиционному обществу.

Для проверки характера влияния уровня модернизации культуры личности на отношение к смертной казни мы использовали в качестве показателя модернизации культуры личности предложенный Р. Ингельхартом четырехпозиционный индекс материалистических / постматериалистических ценностей с выделением чистого материалистического типа (выбор двух материалистических ценностей) и чистого постматериалистического типа (выбор двух постматериалистических ценностей). Распределение массива опрошенных по четырехпозиционному индексу Р. Ингелхарта в данном исследовании (2005 г.) приведено на рис. 12.

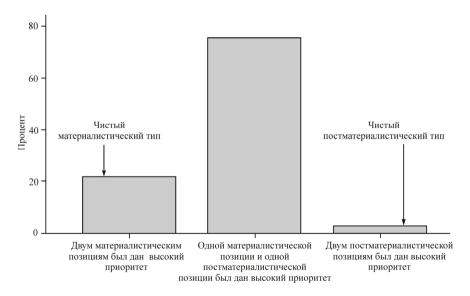

Рис. 12 . Четырехпозиционный индекс Р. Ингелхарта

Распределение вариантов ответов на вопрос об отношении к смертной казни между респондентами, принадлежащими к чистому материалистическому и постматериалистическому типам приведены в табл. 35.

Данные табл. 32 и 33 показывают, что переход к замеряемым постматериалестическим ценностям (так же, как и повышение уровня модернизации культуры личности) сопровождается единой тенденцией увеличения доли респондентов, отрицательно относящихся к смертной казни, и снижением доли респондентов, относящихся к ней положительно. Данная тенденция позволяет предположить, что обе шкалы измеряют последствия одного процесса – процесса модернизации общества.

Таблица 35 Различия в отношении к смертной казни между респондентами, принадлежащими к чистому материалистическому и постматериалистическому типам (исследование 2005 г.) (% от числа ответивших)

	Полярные типы			
Отношение к смертной казни	Чистый материа-	Чистый постмате-		
	листический тип	риалистический тип		
Смертная казнь должна быть				
запрещена	11,7	23,5		
Смертную казнь отменять				
не следует	74,2	70,6		
Нужно расширить примене-				
ние смертной казни	14,1	5,9		
Всего	100,0	100,0		

^{*} Типы, выделенные по методике Р. Ингелхарта

В исследовании 2012 года была продолжена валидизация шкалы модернизации культуры личности. С этой целью была использована методика, разработанная и использованная фондом «Общественное мнение». Этот фонд на основе данных репрезентативного национального опроса выделяет систему типов по степени их вовлеченно-

сти в современные потребительские практики³¹². Количество практик, освоенных респондентом, принятое в качестве критерия для отнесения его к «людям XXI» в цитируемом исследовании, получено на основе применения модифицированной методики Э. Роджерса³¹³, выделяющего группы потребителей по отношению к новому продукту (рис. 13).

Рис. 13. Группы потребителей по отношению к новому продукту

Модификация методики Э. Роджерса сотрудниками ФОМа заключалась в том, что за основу бралась не субъективная оценка респондентов того, с какой скоростью они принимают те или иные инновации, а количество уже освоенных практик (респондентам предлагалось указать, какие из 17 предложенных практик они использовали за последние 2–3 года).

Как пишет О.А. Оберемко, «в итоге в массиве в 34 тысячи человек доля «людей-XXI» (освоивших более 6 практик – IO.B.) составила 14 %. Если сравнивать с классификацией Роджерса, мы увидим, что эта цифра примерно соответствует совокупности новаторов и ранних последователей (16 %)³¹⁴.

 $^{^{312}}$ Оберемко О.А. Кого мы называем «Люди-XXI»? // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 42.

³¹³ Rogers E.M. Diffusion of Innovations. N.Y.: Free Press, 1995.

³¹⁴ Оберемко О.А. Указ. соч. С. 51.

Измерение нами таких свойств социокультурных типов личности, как установки на современный и традиционный образ жизни общества, проводилось с помощью метода суммарных оценок. Количество баллов, набираемых по этой шкале индивидом, моделирует его установки на феномены модернизации согласно описанной выше методике. Чем больше сумма набранных баллов, тем более выражена положительная установка личности к феноменам современного общества (т.е. менее выражена положительная установка к феноменам традиционного общества). Собранные таким образом данные позволяют выделять полярные децильные группы: десять процентов от совокупности набравших наименьшие баллы — «первая децильная группа» и десять процентов от совокупности набравших наибольшие баллы — «десятая децильная группа» (см. рис. 11).

В нашем исследовании, проведенном в 2012 году (опрошено более 700 студентов), мы наряду с нашей методикой использовали вышеописанную методику ФОМа. Согласно методике ФОМа (модифицированная методика Роджерса) среди опрошенных студентов были выделены 3 группы потребителей: «отстающие» (10,1 % респондентов, освоивших 0–5 практик), «позднее и раннее большинство» (79,6 % респондентов, освоивших 6–11 практик), «новаторы и ранние последователи» (10,3 % респондентов, освоивших 12–17 практик).

Полученные данные позволили сравнить политические предпочтения полярных групп как по нашей шкале модернизации культуры личности, так и по шкале Роджерса (модифицирована О. Оберемко) с целью проверки гипотезы о связи более модернизированных практик, с одной стороны, и связи более традиционных практик, с другой стороны, в разных сферах жизнедеятельности. С этой целью использовался вопрос в анкете «Укажите форму Вашего участия в последних президентских выборах (2012 г.)». Результаты кросстабуляции ответа на этот вопрос с полярными группами двух различных указанных шкал приведены в табл. 36.

Данные в табл. 36, на наш взгляд, не опровергают проверяемую гипотезу. Более традиционные типы личности, определяемые с помощью любой методики, демонстрируют сходный тип электорально-

го поведения, точно так же, как и более модернизированные типы демонстрируют сходный тип электорального поведения.

В исследовании 2014 года нами были замерены жизненные ценности студентов по методике, предложенной В. Разинской 315. Данная методика позволяет произвести подсчет выборов, сделанных респондентом, современных ценностей (три ценности максимум) и традиционных ценностей (три ценности максимум).

Различия форм участия и видов голосования на последних президентских выборах (2012 г.) респондентов

Таблина 36

как первой и десятой децильных групп, так групп «отстающих» и групп «новаторов и ранних последователей» (% по столбцу)

Форма участия	Шкала модернизации культуры		Модифицированная шкала Роджерса	
в выборах и вид голосования	Первая децильная группа	Десятая децильная группа	Отстающие	Новаторы и ранние последователи
Проголосовал за кандидатуру одного из других кандидатов (не Путина и не Прохорова)	25.5	13,0	15,4	10,6
Проголосовал за кандидатуру Прохорова	23,4	50,0	15,4	34,1
Проголосовал за кандидатуру Путина	25,5	15,2	19,2	25,2
Участие в выборах не принимал	25,5	21,7	50,0	30,5

Выбор ценностей был перекодирован нами таким образом, что сумма сделанных респондентом выборов колебалась от -3 (выбрано

³¹⁵ Разинская В.Д. Особенности культуры личности // Личность в информационно-инновационном обществе: моногр. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015. С. 279–297.

три традиционных ценности и не выбрано ни одной современной, личность с наиболее традиционным набором ценностей) до +3 (выбрано три современных ценности и ни одной традиционной, личность с наиболее современным набором ценностей). После этого было подсчитано среднее по сумме сделанных респондентом выборов в полярных по уровню модернизации культуры личности децильных группах, выделенных по нашей методике (рис. 14). Данные приведенного на рис. 14 графика (столбики ошибок) показывают статистически значимые различия средних по сумме выбранных ценностей между респондентами, принадлежащими к первой и десятой децильным группам, выделенным по нашей методике. Другими словами, рост уровня модернизации культуры сопровождается увеличением среднего суммарного числа выборов традиционных ценностей).

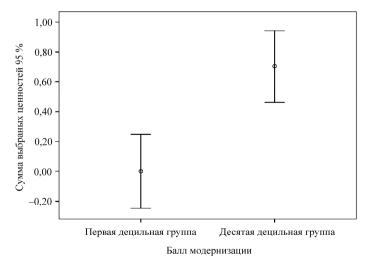

Рис. 14. Сумма сделанных респондентом выборов ценностей в полярных децильных группах по баллу модернизиции

Собранные в массивах данные опросов студентов содержали шкалу для измерения уровня авторитарности личности Б. Олтемей-

ра³¹⁶. Это позволило исследовать связь между уровнем модернизировности культуры личности и уровнем ее авторитарности. В.С. Агеев адаптировал методику по измерению уровня авторитарности личности Б. Альтмейера в СССР (России)³¹⁷. Чем больше баллов набирает респондент по шкале Олтемейра, тем более высокий уровень авторитарности он обнаруживает.

Авторитарная личность как проявление авторитарности исследуется социологами и социальными психологами как мировой (Т. Адорно, Р. Кристи, М. Ягода, Ф. Черри, Д. Бирн, Б. Олтемейер и др. ³¹⁸), так и российской науки (Агеев В.С., Урнов М.Ю. и др. ³¹⁹). При социологической интерпретации данного понятия можно согласиться с М.Ю. Урновым, выделяющим следующие наиболее существенные черты авторитарной личности: 1) явное преобладание чувства зависимости индивида от «своей» группы над чувством индивидуальной свободы; 2) убеждение, что группа, с которой человек себя идентифицирует, находится в недружественном окружении, где единственно возможным типом отношений являются отношения неравенства, господства и подчинения; 3) склонность к иерархичности, признанию безусловных авторитетов; 4) отрицание универсальности нравственных норм, наличие двойной морали (одной для «своих», другой для «чужих»); 5) агрессивная нетерпимость. Анализ этих черт позволяет предположить, что чем выше степень авторитарности лич-

_

³¹⁶ Altemeyer B. Enemies of Freedom: Understanding Right-Wing Authoritarianism. San-Francisko, 1988.

³¹⁷ Исследование авторитаризма / В.С. Агеев [и др.] // Социологическое исследование массового политического сознания и проблемы утверждения нового политического мышления. Вып. 5. М., 1989.

³¹⁸ Исследование авторитарной личности / Т. Адорно [и др.]. М., 2001; Christie R., Jagoda M. Studies in the Scope and Method of the "Authoritarian Personality". N.Y., 1954; Cherry F. Byrne D. Authoritarianism // Personality Variables in Social Behavior. N.Y., 1977; Altemeyer B. Op.cit.

³¹⁹ Исследование авторитаризма / В.С. Агеев [и др.] // Социологическое исследование массового политического сознания и проблемы утверждения нового политического мышления. Вып. 5. М., 1989; Урнов М.Ю. Авторитарность: опыт количественной оценки // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1994. № 5.

ности, тем ниже степень модернизированности ее культуры. Поэтому одной из гипотез нашего исследования является предположение о том, что в авторитарной личности проявляются в условиях современного общества культурные феномены, характерные для общества традиционного, т.е. связь показателей авторитарности личности и уровня модернизации ее культуры должен быть обратной.

Результаты корреляции показателя уровня авторитарности и показателя уровня модернизированности культуры личности (замеренной по описанной выше шкале), проведенной для проверки сформулированной выше гипотезы, показали следующее. Для всех массивов были получены статистически значимые корреляционные связи. Величина линейного коэффициента корреляции между анализируемыми показателями в первом массиве равна 0,53, а во втором и третьем 0,48 и –0,49, в четвертом – 0,58, в пятом – 0,53, в шестом – 0,52. Теснота связи между шкалами во всех исследованиях примерно одинакова и достаточно высока; отрицательная связь говорит о том, что чем выше уровень модернизации культуры респондента, тем ниже уровень его авторитарности. Результаты корреляции не позволяют отвергнуть гипотезу о наличии отрицательной линейной связи между уровнем авторитарности респондентов и уровнем модернизации их культуры.

Вышеприведенные результаты лонгитюдного (свыше двадцати лет) исследования продемонстрировали то, что типы личности в зависимости от уровня модернизации их культуры могут выделяться с помощью различных методик. На наш взгляд, это происходит потому, что процесс модернизации общества приводит к дифференциации общества на типы личности, различающиеся уровнем модернизации культуры, и разные методики по-разному улавливают эту дифференциацию типов личности.

§ 3. Экономическая культура личности

Современный этап развития российской экономики характеризуется необходимостью радикальной трансформации ее национальной модели. Обострение конкуренции на глобальных рынках в связи

с очередным финансово-экономическим кризисом и переходом мировой экономики к новому технологическому укладу стимулирует отказ от доминирования сырьевой модели, генерирующей нарастание экспортно-сырьевой зависимости страны и снижение ее национальной безопасности. Необходим переход к модели высокотехнологичной инновационной самодостаточной открытой национальной экономики. Однако такая экономика требует высококвалифицированных профессионалов (предпринимателей, менеджеров, специалистов), обладающих не только компетенциями в области современных технологий, но и высоким уровнем экономического сознания и экономической культуры. На дефицит культурного ресурса экономического роста на макро- и микроуровне постоянно указывают российские хозяйственники, администраторы, политики и ученые разных идеологических и теоретических ориентаций. В связи с этим знание, использование и управление - важнейшие императивы экономической культуры современного российского общества, социальных групп и личности.

Экономическая культура определяется нами как целостная система ценностей, норм и правил, которыми осознанно или бессознательно руководствуются люди в своем экономическом поведении и действии и которые так или иначе оцениваются и принимаются (отторгаются) в данном обществе.

В основу построения структурно-функциональной, динамической и воспроизводственной моделей экономической культуры в данном исследовании закладывается расширенная системная модель экономической личности (экономического человека), которая включает такие подсистемы, как рационально-экономическая (homo economicus), социально-экономическая, культурно-экономическая. Культурно-экономическая подсистема личности активно взаимодействует с остальными ее подсистемами, выполняя свои интегративные, трансляционные, инновационные, репродуктивные и регулятивные функции.

Собственно культурная составляющая экономической личности также моделируется в виде трехуровневой системы, включающей

уровни общей культуры человека (группы, общества); общей экономической культуры, релевантной всем специальным видам экономической деятельности; специальной экономической культуры, образующей регулятивные рамки специфических экономических практик производства (труда), предпринимательства, менеджмента, обмена, распределения, потребления, сбережения, инвестирования в различных отраслях, профессиях, территориях, регионах.

Экономическая культура личности (ЭКЛ) – это сложный объект, предполагающий мультидисциплинарный подход к его научной рефлексии. Родовым понятием здесь выступает «культура», видовыми – «экономическая» и «личностная». Но возможна и другая логика дефиниции ЭКЛ, когда в качестве родового качества берется личность, а культура и экономика определяются как её видовые характеристики. Так или иначе, изучение ЭКЛ требует подключения теорий культуры, экономики и личности, каждая из которых насчитывает множество парадигм.

Культура есть исторически развивающаяся надбиологическая сфера человеческой жизнедеятельности (труд, поведение, общение), благодаря которой обеспечивается воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Культура хранит и транслирует социальный опыт, генерирует программы деятельности³²⁰.

Культура не тождественна обществу, являясь его частью, но вместе с тем пронизывает все его сферы. С точки зрения общей теории систем культура выполняет роль информационного кода – регулятора поведения людей в обществе подобно генетическому коду, регулирующему биологическое поведение организмов. Это особенно видно на примере предметов материальной культуры (орудия труда, одежда, мебель, посуда), которые, с одной стороны, выполняют утилитарную, практическую функцию, с другой – культурную, как средство хранения и передачи смыслов и значений социального поведения и общения.

³²⁰ Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 525.

Отраслевая классификация культуры позволяет разделить ее на два класса: 1) экономическая культура; 2) неэкономическая культура (социума в узком смысле, политики, религии и т.д.), которая не является непосредственным предметом данного исследования. Экономическая культура, как проекция культуры в сферу экономики представляет собой чрезвычайно сложный феномен современной цивилизации.

В настоящее время наряду с доминирующей в мировой экономической науке неоклассической парадигмой (мейнстрим) существуют и развиваются посткейнсианская, неоинституциональная, неомарксистская теории экономики, а также такие ее современные парадигмы, как поведенческая, психологическая, синергетическая, эволюционная экономика, теория экономических механизмов. Каждая из этих моделей экономики тяготеет в своем основании к той или иной модели культуры. Так, институциональная экономика базируется на понимании культуры как системы ценностей и институтов — норм и правил поведения, включая механизм их выполнения³²¹.

Классическая и марксистская политэкономия в качестве одного из основных постулатов использует классовую модель культуры. Неоклассическая экономическая теория развивается на основе позитивистской модели культурного рационализма, а кейнсианство активно использует психологические культурные установки (предельная склонность экономического агента к потреблению, сбережению, инвестированию).

Исходя из вышеизложенного изучение экономической культуры наиболее логично вести в рамках такой дисциплины, как экономическая культурология или культурная экономика. Но это направление научных исследований, к сожалению, еще остается белым пятном. В России исследование ЭК ведется традиционно в рамках экономической социологии и экономической психологии, а также в парадигме таких управленческих наук, как менеджмент организации, орга-

 $^{^{321}}$ Институциональная экономика / под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2009, С. 350.

низационная культура, управление персоналом. С 1960-х годов в СССР начинают активно изучаться такие аспекты социологии труда и предприятия, как ценностные ориентации, мотивы труда, стратегии поведения в сфере труда, то есть важные характеристики экономического сознания и экономической культуры (научные школы В.А. Ядова, Н.А. Антова, Л.Н. Когана, З.И. Файнбурга, Н.И. Лапина, О.И. Шкаратана). С конца 1980-х годов появляются работы, специализирующиеся на проблематике экономической культуры. Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина определяют экономическую культуру как проекцию общей культуры на сферу социально-экономических отношений³²²

Современные определения ЭК носят, как правило, собирательно-описательный характер. Например, Н.И. Боенко определяет экономическую культуру в узком смысле слова как «совокупность ценностей, норм, стереотипов как личностного, так и институционального характера, являющихся регуляторами поведения субъектов экономической деятельности, их стратегий и взаимоотношений в процессе трудовой деятельности, а также совокупность способов взаимосвязей экономических институтов и индивидов в процессе функционирования хозяйства» 323. В широком смысле эта культура включает определенные результаты труда, а также результаты воспроизводства работников. Соглашаясь в принципе с такой дефиницей ЭК, отметим два ее недостатка, во-первых, излишнюю многословность, во-вторых, сведение экономической культуры только к сфере труда, в то время как этот феномен охватывает все сферы экономической жизни, включая и потребление, обмен, распределение, накопление.

Не претендуя на абсолютную научную новизну, предлагаем определение экономической культуры как системы взаимосвязанных идеальных, символических и материальных объектов, кодирующих

³²² Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Новоси-

³²³ Боенко Н.И. Экономическая культура: проблемы и тенденции развития. СПб., 2005. С. 38.

и регулирующих поведение экономических агентов при выполнении ими всего комплекса функций воспроизводства экономической жизни. В табл. 37 показана разработанная автором структурная воспроизводственная модель экономической культуры.

Таблица 37 Структурная воспроизводственная модель экономической культуры

Сферы реализации	Уровни экономической культуры		
экономической культуры	Экономическое сознание	Экономическое действие (поведение)	Экономическое бытие
Собственность	Знание и установ- ки в сфере собст- венности		Культура при- своенного богат- ства
Производство (труд)	Культура трудовых компетенций и установок		Культура человеческого капитала, рабочего места, продукта труда
Распределение	Культура дистри- бутивных знаний и установок		Культура богат- ства или бедно- сти
Обмен	Культура знаний и установок в сфере обмена		Культура результатов обмена
Потребление	Культура потреби- тельских знаний и установок		
Сбережения и инвестиции	Культура сберегательных и инвестиционных знаний и установок	жения и инве-	Культура сбереженного и инвестированного богатства
Развитие	Культура страте- гий развития	Культура процесса развития	Культура результатов развития субъекта

Культура экономического воспроизводства — один из важнейших факторов воспроизводства самой экономической культуры. Основой индивидуального и общественного воспроизводства являются отношения собственности. Поэтому культура имущественных отношений кодирует культуру всего воспроизводственного цикла в данной социально-экономической системе. Так, шоковая массовая приватизация государственных предприятий в постсоветской России по культуре целевых установок и действий «приватизаторов» имела и до сих пор имеет полукриминальный характер. Российский вариант первоначального накопления капитала в конце XX — начале XXI века сформировал, по выражению Г. Клейнера, «экономику физических лиц», в которой собственные интересы руководителей доминируют над их интересами как институциональных субъектов и над интересами рядовых исполнителей 324.

Культура первоначального накопления современного российского капитала во многом кодирует дальнейшее развитие и воспроизводство культуры производственно-трудовых и распределительных отношений в российской экономике. В политико-экономическом аспекте центральной проблемой здесь выступает историко-культурная форма воспроизводства основного классового отношения между наемным трудом. Принципиальный антагонизм капиталом И интересов и возможностей их реализации собственников и топменеджмента приватизированных предприятий, с одной стороны, и рядовых исполнителей - специалистов, служащих, рабочих - с другой, может принимать либо более культурную цивилизованную форму «социального партнерства», оформленного коллективным договором между профсоюзами и администрацией, либо форму жесткой эксплуатации наемного труда. Как показывают многочисленные исследования, наблюдения и расчеты, степень такой экономической эксплуатации, выражающейся в конечном счете в норме прибавочной стоимости и прибыли, в современной России в целом в 2-3 раза выше, чем в развитых странах Запада и даже в развивающихся стра-

-

 $^{^{324}}$ Клейнер Г. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. 1996. № 4. С. 84–86.

нах Восточной Европы. Культура классовой экономической эксплуатации наемного труда капиталом быстро деградирует в ситуации затяжного экономического спада и кризиса, когда капитал старается воспроизвести себя за счет наемного труда, сокращая рабочие места и занятость, заработную плату и социальный пакет и одновременно повышая экстенсивность и интенсивность труда занятых работников.

Политико-экономическая культура производства определяет возможности формирования, реализации и развития других ее компонентов, включая технологическую, физико-психологическую, административную, этическую, эстетическую, производственно-трудовую культуру. Каждая из этих видов культуры, наряду с общей детерминантой, имеет и свою внутреннюю логику развития. К примеру, технологическая культура выполнения производственных функций, качества труда и продукта развивается соответственно логике НТП и НТР, перехода к более высоким технологическим укладам в форме информатизации, электронизации и автоматизации производственных процессов. В результате в большинстве отраслей экономики наблюдается тенденция «освобождения труда», его интеллектуализация, креатизация и гуманизация.

Культура распределения – следующей фазы воспроизводства, с одной стороны, кодируется культурой собственности и производства, с другой – имеет относительную самостоятельность. Так, модель «шведского социализма» противоречиво сочетает частно-капиталистические формы собственности и менеджмента в производстве и социал-демократические формы распределительных отношений. Это возможно, поскольку более 70 % национального дохода Швеции и Норвегии перераспределяется через государственный и муниципальный бюджеты. Поэтому в экономике развитых стран ее смешанный характер выражается не только в сочетании плановой культуры централизованного регулирования с культурой саморегулирования частных экономических агентов, но также в синтезе прямых форм общественного распределения национального дохода и продукта по критериям социальной справедливости и социального равенства с опосредованными рыночными формами распределения по критерию эконо-

мической эффективности. В связи с этим нам трудно согласиться с выводами некоторых экономистов о том, что исторический переход в российской институциональной матрице от прямых форм дистрибутивных отношений к рыночным, доминирующим в современном варианте капитализации национальной экономики, есть безусловный прогресс³²⁵. Прогрессом бы было оптимальное сочетание этих альтернативных форм распределения, которое одновременно обеспечивает и экономический рост, социально-экономическое и социокультурное развитие всех социальных групп и индивидов.

Культура обмена – следующей фазы воспроизводства – структурируется по типам ценностных ориентаций, целей и средств их реализации контрагентов обменных операций, культуре контрактов и форм их выполнения, степени развития и нейтрализации контрактного оппортунизма, то есть невыполнения обменных обязательств. Вопреки апологетам рыночного капитализма практика развития рыночного обмена в постсоветской России демонстрирует заметное падение культуры обмена, криминализацию торговли, учащение фактов фальсификации качества товаров и услуг, неоправданного завышения цен, гипертрофию посреднических операций. Подобную декультуризацию обмена можно отнести к одному из важных недостатков (изьянов) рыночной модели экономики, поскольку культура обмена превращается в культуру обмана.

Культура потребления – одна из центральных проблем современного «общества потребления». Под культурой потребления можно понимать «устойчивые формы поведения людей в сфере потребления, т.е. связанные с потреблением ценности, образцы поведения, знания, материальные предметы потребления и их символические значения» ³²⁶. Современные концепции культуры потребления чаще всего акцентируют две ее основные функции:

 325 См.: Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.

³²⁶ Рощина Я.М. Социология потребления: учеб. пособие. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. С. 177.

- необходимую фазу реализации продукции и доходов массового капиталистического производства;
- один из основных факторов создания социальных статусов, различий и ограничений 327 .

Тип культуры потребления задается взаимодействием социально-экономических и социокультурных факторов. Используя типологию социального пространства П. Бурдье, который выделяет экономический, культурный, социальный, символический виды капиталов³²⁸, мы предлагаем следующую матрицу основных способов потребления (рис. 15) на основе комбинирования экономического и культурного капиталов данных агентов.

Культурный капи- тал	Высокий	Высокая ориентация на потребление культурных благ при низкой степени ее реализации	Высокий уровень реализации высокой ориентации на потребление культуры	
	Низкий	Неразвитость или деградация потребления культурных благ	Неиспользование экономического потенциала для потребления культурных ценностей	
		Низкий	Высокий	
		Экономический капитал		

Рис. 15. Основные способы потребления культурных благ

Культура сбережения и инвестирования также кодируется доминирующим типом имущественных и производственных отношений данного общества и вместе с тем дифференцируется по различным социальным группам и индивидам, по влиянию второстепенных или производственных факторов. Например, трансформация социально-экономического строя в России с конца XX века, безусловно, увеличила массовую ориентацию населения во всех социальных группах на накопление денежных и материальных форм богатства и на его капитализацию. Вместе с тем в рамках этой общей ориента-

³²⁸ Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 56–58, 106.

_

³²⁷ Рощина Я.М. Указ. соч. С. 184–189.

ции мы можем выделить четыре основных культурных типа по комбинации установок на сбережение и инвестирование:

- «чистые сберегатели», ориентированные на сбережение доходов и имущества без их дальнейшего инвестирования;
- «чистые инвесторы», ориентированные на использование всех сбережений для их инвестирования в реальной и финансовой экономике:
- «уравновешенные» экономические агенты, стремящиеся распределять доход равномерно между сбережением и инвестированием:
- «пассивные» агенты, не ориентированные ни на сбережение, ни на инвестирование.

Кроме того, по комбинации ориентаций агентов на факторы доходности и риска инвестиций определяются следующие культурные типы инвесторов (рис. 16).

Риск вести- ций	Высокий	«Дураки»	«Агрессоры»	
Риск инвести ций	Низкий	«Консерваторы»	«Лоторейщики»	
		Низкий	Высокий	
		Доходность инвестиций		

Рис. 16. Культурные типы инвесторов

В этой классификации инвесторы-«консерваторы» предпочитают не рисковать, «агрессоры» – идти на высокий риск ради возможного высокого дохода, «лотерейщики» – потенциальные строители или участники различных финансовых пирамид, а «дураки» страдают явным непрофессионализмом. Профессиональный анализ разделяет особую субкультуру мелких трейдеров – спекулянтов и традиционную культуру элиты финансового рынка, состоящей из

устойчивого узкого круга руководителей и хозяев крупнейших брокерских компаний 329.

Не углубляясь в многочисленные теории личности, определим ее как индивидуализированного субъекта сознательной, социально значимой деятельности 330. Определенный концепт человека – личности закладывается в основание социальной науки любой отраслевой направленности. Так, в основание экономической теории как науки об экономическом поведении человека заложена модель «экономического человека» (homo economics), которая, в свою очередь, имеет свое историческое развитие вместе с развитием типов экономики и ее теоретических версий. Даже в рамках классической политической экономики можно говорить о вариантах смитовского, бентамовского, мальтузианского «экономического человека». Его современная доминирующая неоклассическая модель сконструирована из таких основных характеристик, как атомизированность, эгоистичность, рациональность, полная информированность. Критики неоклассическомейнстрима – институционалисты, кейнсианцы, справедливо указывают на крайнюю абстрактность этой модели экономической личности, считая, что она не учитывает ее социальные, моральные, институциональные компоненты.

Социология, в свою очередь, базируется на модели социологического человека (homo sociologic) в ее разнообразных историкотеоретических модификациях 331. Стремление преодолеть односторонний подход экономистов и социологов к моделированию человека приводит к появлению его интегральных моделей типа «социально-экономического человека» (homo socioeconomicus)³³². Соединение моделей «экономического человека» и «культурного человека» позволяет нам сформировать модель «культурно-экономического человека» (homo cultur-economicus). Эта версия экономической личности,

330 Социологическая энциклопедия. С. 567.

³²⁹ Миловидов В.Д. Философия финансового рынка. М.: Магистр, 2013. С. 202.

³³¹ Радаев В.В. Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 35–54. ³³² Там же. С. 56–58.

на наш взгляд, содержит в себе все видовые, специальные ориентации человека в экономике и интегрирует их. Эта модель предполагает самый широкий диапазон вариантов экономической личности - от профессионального кретинизма до всесторонне ориентированной и развитой личности специалиста, управленца, предпринимателя.

Анализ проведенных многочисленных междисциплинарных исследований в трансформирующейся России позволяет определить ряд важных тенденций и проблем развития экономико-культурного содержания личности.

Первая тенденция состоит в трансформации ценностных установок личности. Так, обобщение итогов шести волн всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», проведенных под руководством Н.И. Лапина с 1990 по 2010 год, выявило формирование двух доминирующих ценностей: гуманизма (86-89 % поддержки населения в 2010 г.) и властности (23 %) 333. В сфере экономики это раздвоение ценностей выражает конфликт между большинством населения, ориентированным на социально эффективную гуманизированную экономику, и меньшинством, поддерживающим экономическую олигархию и рыночный либертаризм. По данным исследований под руководством Е.Г. Ясина выявлена тенденция снижения ориентаций россиян на порядок и коллективизм и рост стремления наслаждаться жизнью, т.е. гедонистической ориентации. 334 Анализ данных «Европейского социального исследования» - международного сравнительного проекта, проводимого в 25 европейских странах (ESS) по классификатору Ш. Шварца, включающему десять ценностных индексов, выявил, что средний россиянин начала XXI века более, чем жители большинства сравниваемых европейских стран, стремится к богатству и власти, личному успеху и социально-

 $^{^{333}}$ Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9.

³³⁴ См.: Мастикова Н.С. Ценности россиян: что следует из сопоставления статистик международных исследований // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 40–41.

му признанию, но при этом сам успех и способы его достижения не связаны с творческой активностью и саморазвитием³³⁵.

Вторая важная тенденция экономической культуры личности современного россиянина состоит в развитии разнообразных форм и стратегий социальной адаптации к трансформирующейся социально-экономической системе. Степень такой адаптации включает: 1) установку на рыночную капитализированную экономику; 2) степень реального приспособления к рыночным формам жизнедеятельности, в том числе в условиях глобализации; 3) достигнутый уровень жизни и социальной удовлетворенности. Проводимые массовые исследования показывают, что, несмотря на экспансию рыночных отношений в постсоветский период, доля россиян, ориентированных на традиционную государственную организацию и поддержку экономической жизни, устойчиво выше примерно в два раза, чем доля модернистов, ориентированных исключительно на рыночную самоактивность и карьеру³³⁶. В период трансформации экономического строя устойчиво воспроизводятся три массовые установки наемных работников: 1) патерналистские – в отношении государства и хозяев предприятий; 2) конкурентные - в системе «капитал-труд»; 3) партнерские – на основе эффективного трудового контракта 337.

В процессе социально-культурной адаптации к новым экономическим реалиям россияне используют различные типы стратегий экономического поведения. Критериями их классификации могут выступать: 1) тип используемых социокультурных ресурсов; 2) тип ориентации (мотивации) агента; 3) степень добровольности и самоактивности поведения; 4) степень традиционности или инновационности³³⁸. Анализ многочисленных результатов исследований в со-

 336 Горшков М.К. Российская идентичность в социологическом измерении // Социологические исследования. 2008. № 6.

³³⁸ Боенко Н.И. Указ. соч. С. 144.

 $^{^{335}}$ См.: Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22.

 $^{^{337}}$ См.: Темницкий А.Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. 2004. № 6.

временной России позволяет нам определить следующие основные типы экономических стратегий личности:

- предпринимательская стратегия, ориентированная на создание собственного предприятия, крупного, среднего или малого бизнеса;
- стратегия активного приспособления и продвижения в системе наемного квалифицированного и высокооплачиваемого труда;
- стратегия пассивной адаптации в системе массового наемного труда недостаточно высокой квалификации и оплаты;
 - стратегия самозанятости;
- стратегия участия в теневой экономике, теневом капитале или теневом наемном труде;
- стратегия эмиграции в страны с более эффективным массовым предпринимательством и наемным трудом.

Результаты социальной адаптации личности в трансформационной экономике выражаются не только в уровне и качестве занятости и дохода, но и в степени их социальной справедливости, а также социального равенства. Данные российской статистики последних двух десятилетий показывают устойчивую тенденцию роста коэффициентов социального неравенства по доходам (коэффициента Джини, фондового коэффициента). Специалисты различают два вида бедности: а) по доходам; б) «по лишениям» (депривации), когда бедные выделяются на основе набора испытываемых ими лишений (в работе, питании, одежде, жилье, образовании, поездках и т.д.). По расчетам специалистов, в «тучные» 2000-е годы бедность по доходам в России сократилась с 46 % в 2003 г. до 13 % в 2013 г., а бедность «по лишениям» соответственно с 39 до 25 %, доля неблагополучного населения с учетом обеих видов бедности с 66 до 32 %. При этом в стране формируется устойчивая «культура бедности» 339.

Для оценки справедливости в сфере занятости социологи рассчитывают «индекс справедливости рабочего места» (ИСРМ), учитывающий справедливость распределения работы, оценки ее резуль-

 $^{^{339}}$ Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 13–15.

татов и вознаграждения. Так, по данным современного репрезентативного всероссийского исследования, ИСРМ составил 66,4 балла при стандартном отклонении 18,9 балла при возможных значениях от 0 ло 100 баллов³⁴⁰.

В качестве основных массовых факторов несправедливости заработной платы выявлены: 1) ее занижение по сравнению с объемом работы (84 %); 2) неучет ответственности работы (63 %); 3) недостаточная оценка усердия и старательности (63 %); 4) более высокая оплата такого же труда за границей (59 %) или на других российских предприятиях (50 %)³⁴¹.

Стратегическая важность экономической культуры как фактора трансформационного развития России определяется, во-первых, структурно-функциональной сложностью этого феномена, во-вторых, необходимостью мультидисциплинарного подхода к его изучению и управлению, в-третьих, неоднозначным, нелинейным, синергетическим характером его развития, сочетанием противоположных его векторов и результатов, в-четвертых, обострением проблемы социо-экономико-культурной суверенности и идентификации Российского государства, населения и бизнеса в условиях кризиса 2014 года и политического противостояния с Западом, а также вступлением России в ВТО.

Объектами стратегического управления здесь выступает экономическая культура общества, региональных, отраслевых и профессиональных сообществ, социальных групп и отдельных личностей, субъектами – руководители соответствующих организаций и само население. Генеральная стратегическая цель состоит в формировании и воспроизводстве такого типа экономической культуры, который максимально способствует развитию суверенной самодостаточной национальной социально-экономической системы России, вписанной в контекст глобальной нивилизании.

³⁴⁰ См.: Черныш М.Ф. Справедливость заработной платы в российском контексте // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 82. 341 Там же. С. 87.

§ 4. Экологическая культура личности

Экологическая культура – это феномен кризисного общества, обусловленный глобальным экологическим кризисом – кризисом природной, искусственной и социальной среды людей. Это экологический императив природы к современному человеческому обществу. Основными показателями этого кризиса явились: 1) глобальное нарушение равновесия между социализированным человеком и естественной средой его обитания – природой; 2) заметное ухудшение здоровья населения различных народов и стран, разрушение генофонда планеты; 3) утрата для личности и её общества значения тех фундаментальных ценностей, которые в течение всей истории человечества придавали им устойчивость в повседневной жизни.

В числе этих ценностей:

- сама человеческая жизнь (сохранение её в том виде, в каком она задумана природой;
- природная способность человека деятельно (творчески) проявлять себя первоначально в природной среде, а затем в искусственной и социальной средах;
- морально-этические (в том числе эстетические) нормы и ценности, заложенные человеческим сообществом на заре своей истории и оберегаемые им на протяжении всех этапов его развития.

Именно эти ценности и лежат в основе культуры людей. В своей сущности она не могла быть иной, кроме как социальной и экологической (с учётом понимания этого термина как биологического). Культура — уникальное по своей природе человеческое творение и в то же время адаптивно-адаптирующийся механизм его выживания в природе с одновременным приобщением его и к естественной, и к социальной среде.

Назовём такую культуру естественной экологической культурой человека. В ней воплотились его природные возможности не простого приспособления к природной среде (как у других живых организмов), но приспособления с одновременной адаптацией её к себе, к своим интересам и ценностям, которые обеспечивались его социальной средой.

В основе такого приспособления всегда лежала разнообразная деятельность людей по обработке продуктов природы и превращения их в продукты человеческого труда. Среди них особое значение всегда придавалось так называемой экологической деятельности, направленной на поддержание природной сущности человека и сохранение его естественной среды. Дитя природы, он генетически всегда принадлежал ей и потому не мог не считаться с её фундаментальными законами, но должен был вписаться в них, изобрести на их основе неизвестные ей ранее социальные законы взаимодействия с ней.

Со временем такая деятельность приобрела социально-дифференцированный характер. То есть она стала частью всех остальных видов деятельности социальных образований людей и представляющих их в обществе личностей. Направленность такой деятельности предопределялась особенностями взаимодействия личности с окружающей средой, в которую теперь стали входить естественная, искусственная и социальная среды. От этого зависел и её результат, поэтому её следовало бы называть социально-экологической деятельностью.

В условиях индустриализации и урбанизации жизни общества значение этой деятельности стало возрастать, что было связано с заметным ускорением развития искусственной среды обитания людей и умалением роли их природной среды, а также с резким ухудшением качественного состояния всей окружающей среды.

Подобные изменения в состоянии окружающей среды потребовали от личности и общества изменения вектора экологической деятельности. Теперь вместо естественной охраны этой окружающей среды, соразвития с ней личность вынуждена была решать задачи по её спасению и восстановлению. И такая её деятельность становилась всё более осознанной. Естественный человеческий эгоизм – «брать от неё всё – вот наша задача» постепенно уступал место разумным потребностям в отношениях с ней. Подверглась изменениям и вся структура ценностей личности, занимающейся этой деятельностью. В числе доминирующих оказались ценности здоровья и социального окружения, возможность воспроизводства здорового потомства,

а также саморазвитие за счет гармонии не только с обществом, но и с окружающей средой.

Благодаря этому в рейтинге приоритетов различных видов человеческой деятельности экологическая деятельность вышла на первые места. Показателем этого явился рост числа её сторонников на всех уровнях социальной лестницы индустриально развитых и среднеразвитых стран, появление специального экологического законодательства.

Подобное ускорение событий, связанное с изменением отношения к социально-экологической деятельности, объяснялось востребованностью её личностью, столкнувшейся с нарушениями в своих непосредственных, локальных участках среды, которые напрямую затрагивали интересы индивидуального и группового здоровья. Такое соприкосновение личности с проблемами окружающей среды изменило её представления о возможностях своего участия в изменении качества этой среды, побудило включить экологическую деятельность в различные сферы своей жизни: семейную, профессиональную, бытовую, досуговую; присвоить её ценности как свои. В связи с этим такая деятельность оказалась предельно приближенной к практической жизни личности и стала нуждаться в исследовании её на эмпирическом уровне.

Социально-экологическая деятельность личности стала основанием для формирования у неё современного понимания экологической культуры. В данном контексте культура рассматривается как способ той или иной деятельности людей, как способ их взаимоотношения друг с другом в процессе этой деятельности. Применительно к теме нашего исследования – это способ социально-экологической деятельности, а также взаимодействий людей с внешней средой обитания (прежде всего природной средой!) в условиях кризисного состояния этой среды. При этом речь идет не просто о деятельности, но о совершенной деятельности, осуществляемой личностью в соответствии с принятыми в данном обществе нормами и правилами³⁴².

 $^{^{342}}$ Такой подход к общей концепции культуры длительное время разрабатывается Н.С. Смольниковым. См.: Смольников Н.С. Заметки о культуре // Вестник ПГТУ. Социально-экономические науки. 2010. № 6(25).

В деятельностной концепции экологической культуры личности способу экологической деятельности придаётся определяющее значение. С ним связываются представления о том, как осуществляется эта деятельность, какими средствами. И как воплощается в ней единство субъекта и объекта деятельности. Учитывая, что объект и субъект экологической деятельности всегда связаны, важно иметь в виду механизм этой связи, в рамках которого объектом всегда задаётся технология. У субъекта же другая роль — им исполняется эта технология.

Однако для понимания экологической культуры роль субъекта деятельности имеет решающее значение. Она является следствием способности субъекта к экологической деятельности, его умения осваивать эту технологию, исполнять её по совершенным образцам. В этих целях личности как основному субъекту этой деятельности приходится осваивать содержательные характеристики объекта, выяснять все возможные последствия его функционального воздействия на неё; создавать свои социально-экологические технологии, способные положительно влиять на объект. К таким технологиям относятся образовательные характеристики личности, её экологические интересы и ценности, хорошее знание содержания своего объекта, экологическая ответственность во взаимодействии с ним.

Указанные технологии нарабатываются самой личностью, её социальными образованиями и тем обществом, в котором проходила личность свою социализацию. Под воздействием общества осуществляется известная стандартизация экологической культуры личности, распространение её образцов на всех уровнях социальной жизни, обеспечивается её трансляция от поколения к поколению в процессе воспитания и образования личности.

Вместе с тем общество наполняет экологическую культуру личности содержанием экономических, политических, и идеологических условий её существования и тем самым часто навязывает не свойственные ей стандарты поведения. В этом проявляется конфликт между индивидуально присвоенными личностью нормами и ценностями её экологической культуры и стандартами её общественного образца.

Трансляция стандартов экологической культуры от общества к личности осуществляется через каналы её групповой социализации. Стандарты не могут иметь индивидуального характера. Они индивидуализируются только через опосредование их в условиях группы или общности. Но, опосредуясь, они становятся всеобщими и даже могут способствовать формированию массовый экологической культуры. Последнее их значение является очень важным для осуществления её в условиях современного массового производства или экономической сферы деятельности людей.

В качестве объекта деятельности в экологической культуре выступают внешние среды обитания личности, представленные как на глобальном, страновом, так и на предельно приближенном к личности уровнях. Технологические особенности этого объекта определяются его функциональными свойствами. Они различны у естественной и искусственной среды. И тем более не имеют ничего общего с социальной средой. Первые две предметны и не обладают мышлением. Третья, напротив, разумна и состоит из объединения людей на разных уровнях - от личности до общества. И как следствие этого они по-разному вступают в контакты с личностью. Первая - стихийно, вторая - полуосознанно (поскольку развивается по законам социума и естественным законам), а третья вполне сознательно, на основе субъектно-объектных связей и взаимодействий. Однако у всех трёх сред есть нечто общее. Их «технологическое» состояние носит всё более разрушительный характер. Этим объясняется их отрицательное воздействие на личность. Личность как субъект экологической деятельности изначально находится в конфликте со своим объектом, который она настроила против себя сама.

Человек по природе своей эгоист. Он не может не пользоваться ресурсами природы, он всем своим существом принадлежит ей. Природа подарила ему разум, а он не научился пользоваться им не только для себя (продукты технологического труда), но и для праматери природы. Но законы природы фундаментальны и обладают непостижимой разрушительной силой. Единственным спасением против этой силы и является сегодня экологическая культура личности.

На личности и её социальной среде сегодня лежит социальная ответственность за агрессивное отношение к ней природной среды.

Однако потенциально ориентированная на экологическую деятельность личность сама находится в непростом положении – в конфликте с самой собой и своей социальной средой. Её внешняя социальная среда часто настроена по отношению к ней недоброжелательно, не поддерживает её экологически заданного поведения и даже разрушает многие её культурологические завоевания. Напомним, что в качестве такой среды у личности выступают социальные группы, общности и социум (общество) в целом. Особенно большую роль в этом плане играют экономические, политические и идеологические условия развития экологической культуры личности.

Таким образом, рассматриваемая нами экологическая культура как способ экологической деятельности личности предполагает раскрытие её через детерминацию самой сущности этой деятельности. Вместе с тем в отличие от деятельности она акцентирует внимание на *качественной* стороне этой деятельности, пытается приблизить эту деятельность к качеству жизни самой личности.

На наш взгляд, такой подход к пониманию экологической культуры личности является актуальным, и не только в силу актуальности затрагиваемых в нём экологических проблем, но и благодаря возможностям сближения на его основе позиций двух работающих в этом направлении социологической и экологической наук.

Изложенная выше трактовка экологической культуры личности этимологически также соответствует смыслу первоначального понимания так называемой естественной экологической культуры, означавшего в Античности определенный *способ* обработки человеком земли, а позднее (в трудах Цицерона) – способ *обработки* души самого человека.

При изучении экологической культуры личности мы исходим из понимания её непосредственной близости к специальному социально-экологическому направлению, получившему развитие в социологии. И в связи с этим применяем к ней присущие этому направлению метолы её познания.

В центре внимания методов познания находится экологическая сторона социальной жизни личности (и её социального окружения), то есть те её связи и взаимодействия, которые являются экологическими. В их рамках выявляются особенности такого взаимодействия, зависящие как от социально-экологического состояния личности, так и от внешнего экологического воздействия на нее окружающей среды.

При этом сама личность и социальные объединения рассматриваются здесь как антропогеоценозы, как неразрывно связанные в своей жизни с освоенной ими природной средой. Хотя помимо неё у личности имеются и другие внешние среды.

Таким образом, с использованием этих методов открываются возможности для более глубокого проникновения в сущность экологической культуры личности, для применения к ней инструментария её конкретного, эмпирического исследования.

Личность играет приоритетную роль в развитии экологической культуры. Она является основным носителем ценностей этой культуры, её социальным субъектом. Благодаря социальной и экологической активности личности и обеспечивается динамизм в развитии экологической культуры, формируются присущие ей субъектнообъектные связи и взаимодействия. Подобное влияние личности на эту культуру обусловлено особым значением в ней социальных характеристик, оказывающих цивилизирующее влияние на природные основания человека; её способности одновременно удерживать и природное, и социальное в нём. И хотя природное в человеке (его биологические и психологические характеристики) является фундаментом существования в нём социального, социальные свойства, воздействуя на природные, являются причиной того, что они проявляются в нём в цивилизованном виде.

Через социальные свойства человека и выявляются его характеристики как личности.

Но личностью не рождаются, ею становятся. Индивид не является личностью, и потому не обладает культурой. Личностные качества приобретаются индивидом в процессе его социализации в обществе, то есть в рамках приобщения его к ценностям, нормам и идеа-

лам общества, в котором он живет. Последние на разных этапах его социализации усваиваются, осваиваются и присваиваются индивидом, способствуя постепенному превращению его в личность.

Важнейшим каналом такой социализации является социальное окружение индивида — его социальные общности и группы, интересы которых в обществе и представляет личность. Значение их для личности состоит в том, что к ним люди приобщаются естественным образом, реализуя свои важнейшие биологические и социальные потребности. Тем самым личностью обозначается не столько общественная, сколько общностно-групповая характеристика человека, то есть характеристика его связей и отношений с этими общностями и группами. Вместе с тем это ещё и индивидуальное преломление этих связей, обогащение их содержанием самой личности. Последнее формируется как способностями личности, так и её потребностями, привнесенными спецификой индивидуального воспитания личности.

Процесс приобретения личностью указанных качеств носит непрерывный характер и обеспечивается трансляцией тех ценностей, которые являются значимыми для личности, вошли в её привычку, стали её культурой.

Формирование экологической культуры личности начинается уже на ранних этапах её социализации и практически продолжается всю её сознательную жизнь. Основными агентами первичной социализации личности являются семья, детский сад, школа, детские и подростковые компании. Благодаря им и обеспечивается воспитание в ребенке качеств будущей экологически озабоченной личности: происходит его знакомство с правилами поведения в природной среде, осваиваются первые навыки охраны её от непродуманной деятельности людей.

Исключительно большую роль в эту пору играют научнообразовательная и художественная информация, средства массовой информации, прогулки на природе. В их рамках обеспечивается эстетическое наслаждение природой, способствующее добровольному сближению с ней ребенка; формируются навыки её образно-философского освоения сознанием подрастающей личности. Уже на этих этапах социализации в сознании будущей личности происходит разделение природы на естественную и искусственную, закладываются представления о возможности освоения первой с помощью второй. Известную роль в этом плане играют бытовая и досуговая техника, средства передвижения, а также персональные компьютеры как окно в безграничный мир естественной и искусственной природы и социальный мир.

Вместе с тем нельзя не отметить, что именно для этих этапов социализации личности является важным формирование в ней знаний о загрязнении окружающей среды, об экологических рисках, а равно об ответственности за это различных социальных групп общества и отдельных личностей, и даже приобретение ею первых умений по предотвращению таких рисков.

Таким образом, к моменту завершения первичной социализации личности, примерно к 16–18 годам её жизни, закладываются основные базовые ценности личности, в том числе ценности, связанные с экологической культурой.

Одним из важнейших показателей этого является овладение личностью естественным механизмом связи с внешними средами её обитания (с окружающей средой), налаживание взаимодействий с ними.

Среды играют решающую роль в удовлетворении генетических и вновь появляющихся жизненных потребностей личности, они создают возможности для её действий культурологического характера. Потребности, как правило, осознаются личностью. Тем самым объективная детерминация ее действий переходит в субъективную: такие её действия становятся мотивированными и целеполагаемыми. В этом состоит объективная зависимость личности от окружающей среды.

Основательное знакомство личности с экологической культурой приходится на период вторичной социализации её в обществе. Это связано не только с повзрослением личности, но и с особенностями самой экологической культуры, которые привносятся в содержательную жизнь личности прежде всего государством через проводимую им социальную и экологическую политику и закрепляются институциями общества.

Активное влияние последних на формирование личности в этот период приходится на её молодые, зрелые и пожилые годы и связано главным образом с её работой, получением профессии в учебных заведениях высшего и среднего специального образования. На этих этапах социализации личности усвоенные ею в детстве и юношеском возрасте экологические знания заметно расширяются, а первоначальные навыки их освоения закрепляются на более высоком уровне её деятельности: производственной, бытовой, досуговой, становятся важной составляющей семейного воспитания и самовоспитания личности. Для части из них экологическая культура становится фактором переустройства не только своей жизни, но и жизни всего общества на новых экологических началах. Это выражается в овладении личностью законами научного познания окружающей среды, глубоким проникновением её в сущность экологических проблем, в участии личности в тех или иных акциях и движениях экологического характера, создании экологических фондов для решения экологических проблем.

Подобная активизация личности, направленная на решение экологических проблем, указывает на актуализацию в ней экологического сознания, занимающего важное место в структуре её экологической культуры.

Учитывая особенности заявленных нами социально-экологических методов познания, мы посчитали важным выделить в нем социально-экологические установки. Значение последних для целей нашего исследования состоит в том, что в них отражаются ориентации личности на средовый объект, предрасположенность ее к действиям, направленным на этот объект.

Обращает на себя внимание и тот факт, что эти установки формируются в процессе социализации личности в группах и неизбежно несут на себе печать экологического опыта этих групп. В связи с этим такие установки приобретают статус групповых и отличаются от индивидуальных экологических установок заметной универсальностью (то есть характерной для всех социальных групп, включенных в экологическую деятельность): устойчивостью (опираются на

систему внутренних социально-экологических отношений), преемственностью (связаны с передачей экологических ценностей от поколения к поколению) и принудительным характером воздействия на их носителей (предполагает внешнее воздействие и силу давления группы).

Через групповые свойства социально-экологических установок исследователи получают возможность выявлять закономерные социальные связи личности с её социальным окружением и с обществом в целом, изучать присущие ей социально-экологические ценности и социально-экологические отношения и обобщать статистически значимые данные о её социально-экологическом поведении.

Социально-экологические установки – это сложные дифференцированные образования. У их истоков находятся социально-экологические интересы личности, которые закрепляются в её экологическом сознании. Наличие экологических интересов побуждает личность к поиску специальных знаний, удовлетворяющих эти интересы.

В зависимости от уровня образования личности, профессии и квалификации она в поисках таких знаний может тяготеть к теоретическому, обыденному или эмоциональному уровням этих знаний. Для теоретического уровня знаний характерно постижение личностью специальных методов познания наук, занимающихся изучением экологических проблем – общей, социальной и глобальной экологии. Обыденный уровень знаний, как правило, добывается личностью путем постижения экологических проблем в практической профессиональной, бытовой, общественной или иной деятельности. Эмоциональный уровень присвоения знаний связан с психологическим восприятием этих проблем.

Добытые личностью указанные знания всегда представлены в идейно-дифференцированном виде, то есть тяготеющими к тому или иному социально экологическому идеалу. Носителями этих идеалов выступают классы, социальные общности, группы, интересы которых в обществе и представляет личность. Разумеется, возможны и индивидуальные отклонения личности от идеалов своих социальных образований. Подобные идеалы обосновываются сегодня в тео-

риях экологического и гуманистического социализма 343 , экологического анархизма 344 и экологического модернизма 345 .

Наличие идейных оснований в экологическом сознании личности указывает на целеориентированность её экологической культуры, которая предопределяется как самой личностью, так и теми экономическими, политическими и идеологическими условиями развития общества, в котором она живет.

В экологическом сознании личности прослеживается и четкая связь этого идеала с социально-экологическими ценностями личности, которые в силу своей специфики всегда коррелируют с представлениями личности о качестве жизни. Под воздействием идейных убеждений личности её социально-экологические ценности обретают свою направленность, предопределяющую направленность и её экологической культуры. Поэтому существуют различия в выборе приоритетов в этих ценностях на индивидуальном и групповом уровнях личности. Например, сторонники экологического и гуманистического социализма настаивают на справедливом социальном порядке управления природными ресурсами Земли на основании общественной собственности, соучастия в распределении природных богатств всех групп населения. В связи с этим они придают большое значение такой социальной ценности, как «преодоление бедности», которая препятствует решению экологических проблем в современном обще-

-

³⁴³ Эти теории были самыми популярными до начала 90-х годов XX века на Западе и в СССР. В их рамках главным виновником разрушения окружающей среды называется капиталистическое общество. Сторонники этих теорий марксисты, неомарксисты и экономист Я. Тинберген.

неомарксисты и экономист Я. Тинберген.

344 Ярким представителем этого направления являлся М. Букчин, получивший наибольшую известность в 80–90-е годы XX века. В его теории обосновывается необходимость перехода к децентрализованным формам общественной организации, построенным на доиндустриальной экономике (в форме коммун и иных специфических социальных объединений).

³⁴⁵ Теория, включающая в себя целый ряд направлений, сторонники которых отстаивают решение проблем окружающей среды за счёт новой техники и эффективных менеджерских кадров при сохранении системы рыночного капиталистического общества. Наиболее яркие представители Д. Хубер, А. Молл, А.Вил, теории которых были наиболее популярны в 80–90-е годы XX века.

стве. В то же время сторонники экологического модернизма придерживаются противоположных взглядов. Они предлагают решать эти проблемы только на условиях приоритета частной собственности и признают равную ответственность бедных и богатых за порождение этих проблем.

Вместе с тем при внимательном знакомстве с ценностями и тех, и других нельзя не заметить и того, что часть этих ценностей у них пересекается. Например, такие ценности, как ценности здоровья, экологически чистые продукты питания, качество всех внешних сред обитания, ответственность за качество окружающей среды. Этим создаются предпосылки для их дальнейшего совместного решения социально-экологических проблем.

В целом экологические установки как основной компонент экологического сознания являются показателем «вызревания» в нём экологической культуры.

При изучении экологических установок на эмпирическом уровне за основу измерения их основных показателей может быть взят известный в социологии метод диспозиционного шкалирования, который предполагает расположение этих установок в определенной иерархии диспозиций: элементарной фиксированной установки (ситуационной), социальной фиксированной и общей доминирующей направленности установки. Через измерение показателей диспозиций выявляется предрасположенность личности (ее группы) к определенному типу социально-экологического поведения в той или иной социально-экологической ситуации, с учетом тех или иных экономических, политических и иных условий жизни личности; предрасположенность к участию её в социально-экологической деятельности, к экологической культуре.

При этом использование предложенного метода предполагает учет не только социальных показателей, но и экологических показателей (загрязнения воды, воздуха, плотности населения, частоты технологических аварий) по специально отобранным показателям.

При изучении экологического сознания личности обращает на себя внимание его особая парадоксальность, то есть публичное дек-

ларирование личностью одних социально-экологических ориентаций, а на деле следование другим - прямо противоположным. Например, с одной стороны, стихийная убежденность в сохранении чистоты окружающей среды на планетарном уровне, а с другой полное равнодушие к местным экологическим проблемам. Такая парадоксальность кроется прежде всего в обыденном экологическом сознании личности, в котором в причудливой форме переплетаются научные, практические, мифологические, примитивные экологические ориентации и стереотипы личности. В России такая парадоксальность этого сознания усугубляется ещё и тем, что оно переполнено тревожностью личности за страну в связи с её затянувшимся кризисным состоянием, за качество окружающей среды в связи с либеральным экологическим законодательством и непродуманной экологической политикой. Такое обыденное сознание носит массовый характер и, безусловно, препятствует формированию в ней современного понимания экологической культуры.

Весьма важным компонентом в структуре экологических установок выступают экологические отношения, которые уже обладают свойством выхода за пределы сознания, трансформации его в экологические поступки личности, в её экологическую культуру. Ведь культура личности — это не столько то, что она думает, но прежде всего то, как она действует, что стало привычкой её повседневного поведения.

Так называемая естественная экологическая культура сопровождала человека всегда и выполняла в его жизни функции охраны его биологического здоровья и поддержания в качественном состоянии естественной среды. Однако сегодня мы имеем дело совсем с другой экологической культурой, которой приходится решать совсем другие задачи — спасти среду обитания людей и вывести человека из экологического тупика. Этим объясняется заинтересованность в ней не только отдельной личности, но и всего общества.

Вместе с тем развитие этой культуры испытывает большие трудности. Они связаны с заложенными в экологической политике современного общества механизмами рыночного решения экологических проблем. Под воздействием этой политики в сознание личности по-

вседневно привносится идеология потребительского поведения как в обществе, так и в окружающей среде; возбуждается интерес личности к извлечению прибыли из природы. Такая идеология и психология прекрасно приживаются в различных слоях населения западных стран. Под её воздействием в этих странах сформировалось уже несколько поколений. В России этот процесс также набирает обороты.

На этом фоне фактически невостребованной политическим истеблишментом общества остаётся новая, по своей сути социокультурная экологическая парадигма (НЭП), предложенная учеными от инвайронментальной социологии в конце 70-х годов прошлого столе $au x^{346}$. Её основные положения, переведенные в эмпирическую плоскость, апробированы в десятках стран и приняты их социальными экологами как надежный исследовательский инструмент. Научная новизна и практическая ценность этой парадигмы заключается в том, что в ней предлагаются альтернативные современному обществу принципы его взаимодействия с окружающей средой. То есть такие принципы, следование которым позволило бы вернуть обе стороны в состояние их естественного равновесия. Суть их может быть выражена в формуле перехода от повсеместно господствующего сегодня принципа жизнедеятельности социальных образований людей «что экономично - то и экологично» к противоположному принципу «экономично лишь то, что экологично». В расширительной трактовке эти принципы включают в себя отказ от парадигмы антропоцентризма, от сильной приверженности рыночной экономике, от приоритета экономического развития над техническим и социально-культурологическим, от привычки жить не по средствам (с ориентацией на материальное изобилие) в пользу «экологической скромности». Залогом такого перехода могла бы явиться функционирующая на всех уровнях социальной жизни экологическая культура, основные ценности которой и представляет в обществе личность. Примером этого могут слу-

³⁴⁶ Авторами НЭП являются американские социальные экологи Р. Данлэп и У. Каттон (Michael R. Redclift, Graham Woodgate. The International Handbook Of Environmental Sociology, Second Edition).

жить альтернативные экологические движения, которые активизировались по всему миру в 80–90-е годы прошедшего столетия на базе новой экологической парадигмы. И хотя их активность сегодня пошла на спад, их работа не пропала даром. Благодаря им экологическая культура личности получила новый импульс в своем развитии. К ней стали подключаться всё новые её сторонники, которые в своей экологической деятельности всё более стали придерживаться девиза этих движений «Мыслить глобально – действовать локально».

Однако трудности в развитии экологической культуры личности связаны не только с общественными условиями её современного развития, но и с особенностями идентификации личности с этой культурой. В частности, с её эффектом футурофобии — боязнью личности шагнуть в то более совершенное будущее, в которое ведёт его эта культура и которая представляет угрозу её настоящей культуре. Сказывается фактор инерции культуры и ограниченности экологического сознания. Экологическая культура также не осваивается личностью по причине того, что она воспринимается ею как фактор спасения от экологического шока в будущем, тогда как она ещё не вышла из состояния шока в настоящем.

§ 5. Нравственная культура

Социальные практики и теоретический анализ нравственной культуры. Сегодня одни социологи в экономической сфере говорят о том, что патернализм (планомерное государство с сильной централизованной властью) — менее продуктивный тип управления, чем рынок, другие отрицают рынок как благо, говоря о его негативном моральном следствии в глобальном масштабе. Известно, что объединения ТНК ведут себя на территориях слаборазвитых государств как «варяги», которым всё позволено по праву сильного. Единственная возможность им противостоять — это создать собственные законы, защищающие народы «третьих стран» 347.

 $^{^{347}}$ Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу? // Социологические исследования. 2009. № 1.

Специалисты-этики считают, что нравственность это человеческие практики, моральная реальность. В таком случае этика – наука о нравственности. М. Оссовская – видный польский этик, вслед за Аристотелем относила этос к бытию, культуре, а мораль, по Марксу, – к формам общественного сознания. Польская исследовательница социологии морали героическому античному этосу противопоставила рыцарский средневековый этос, а им обоим – буржуазный торговопредпринимательский этос³⁴⁸. В продолжение этой линии автор представила типы морального сознания: уходящий корнями в традиционное феодальное общество «гедонист»; деловой, ориентирующийся на культуру эквивалентных взаимоотношений и утилитаризм «прагматик»; маргинальный – «переходный тип» и «коммюнотарист», ставящий в центр жизнедеятельности общее благо, творческую деятельность и труд³⁴⁹.

Вопрос о предмете этики каждым мыслителем решается в духе своего времени. Г.Ф. Гегель определил историческое место морали и нравов: у древних греков – единство (слитность) морали и нравов; затем мораль и нравы разделились, разошлись в противоположных направлениях (в морали одно, в нравах – другое), и лишь с развитием гражданского общества, считал классик, мораль и нравы снова соединятся (в единстве слова и дела). Так, А.А. Гусейнов всегда утверждал, что нравы – мораль и этика – это одно и то же. В связи с «падением общественной морали и нравов» в современном мире, в том числе и России, он делает следующий вывод: «Нравственные запреты суть сама нравственность в ее негативном выражении. Нравственность понимается как иное, чем запечатленная в запретах безнравственность, как то, что начинается за пределами этой безнравственности и активно ей противостоит». А.А. Гусейнов подошел

_

³⁴⁸ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по теории морали: пер. с пол. М.: Прогресс, 1987. 527 с.
³⁴⁹ Парамонова С.П. Динамика морального сознания. Введение в социологию

³⁴⁹ Парамонова С.П. Динамика морального сознания. Введение в социологию морали. 3-е изд-е, перераб. и доп. Deutschland, Saarbruken: LAP LAMBERT, Academic Publisching GmbH & Co. KG, 2012. 443 с.

к обоснованию «негативной этики» — этики запретно-запрещенного, — отмечает К.Е. Троицкий 350 .

В нравственной культуре планетарного социума утвердился культ грубой силы – военного, финансового и информационного вмешательства в полиструктуру национальных государств одного сверхдоминантного центра³⁵¹. На объективные законы общества накладывается деятельность мощных групп «форматирующих историю», по верному утверждению А. Фурсова³⁵². Двадцатилетняя практика контроля в руках одного сверхдоминантного центра – социалистической системы – оказывала мощное дисциплинирующее влияние на капитализм. Социально противоположные системы соревновались в разработках и обеспечении фундаментальных наук, освоении околоземного космического пространства, качественных показателях образа жизни, а также состоянии и уровне морального сознания. Сегодня капиталистическая система в поисках выхода из кризиса неистово разворачивает непрерывную цепь «оранжевых» революций и войн против бывших стран социалистической ориентации и на границах СССР/России.

Обозначился кризис труда и производства. Сам труд уходит из развитых стран к дешевой рабочей силе третьих стран. Труд обесценен и заменен на этику потребления, философию гламурного капитализма, теорию обменов в курсе «экономикс». Звучат циничные замечания, что социологией труда занимаются лишь социологи «третьих стран». За действительным уходом труда последовал социальногуманитарный и экономический кризис в «самой развитой» стране мира. Где нет труда, там нет и его оплаты. Образовались финансовые долги населения, появились города-банкроты, такие как Детройт. Государство в целях самосохранения вынуждено идти на обеспечение

 $^{^{350}}$ Троицкий К.Е. Мораль: разнообразие понятий и смыслов: сб. науч. тр. к 75-летию А.А. Гусейнова // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 185–188.

 $^{^{351}}$ Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы / предисл. и ред. рус. изд. д.э.н. проф Л.Л. Фитуни. М.: Pretext, 2005. 318 с.

³⁵² Фурсов А. "Вперед, к победе!" русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Изборский клуб; Книжный мир, 2014. 320 с.

бесплатными обедами неработающего населения. Ежедневные миллионные «выбросы» средств на прокорм образуют неостановимо расширяющуюся дыру в бюджете США. На вопросы Института общественного мнения Гэллапа 48 % молодежи США заявляет, что хочет жить при социализме (доклад А.Г. Арсеенко НАН Украины на конференции по социологии труда в СПб ГУ 27 декабря 2013). В самих США возникла идея создания такого же глобального проекта, каким был проект «холодной войны», с целью выхода из кризиса (Sommers J. Inequality: Imbalanced Society, Imbalanced Economy)³⁵³. Итак, в противостоянии военной агрессии и исторического творчества социума вновь всплывает идея планомерности («проектов») как морально-положительного фактора выживания, самосохранения и саморазвития общества. Отступления в стихийность от планомерности имеют негативные последствия, что подтверждает тезис 3.И. Файнбурга о стихийности как наихудшем способе управления, морально-негативном факторе истории. Стихийное действие смитовской «невидимой руки» - рынка, «управляемый хаос» на границах России, несправедливость и несвобода будут продолжаться, пока планетарный социальный субъект не овладеет мощью гуманитарного знания.

Если на Западе национальный вопрос носит политический характер, то на Востоке и в России – этнический характер, по замечанию венгерского историка и этнографа П. Вереша. В Европейском сообществе во взаимоотношениях наций на первое место ставится демократическое равенство. Однако, по мнению П. Вереша, большие и малые народы во многом не равны³⁵⁴. Они на разных ступенях по

³⁵³ См.: Социальное неравенство как глобальная проблема современности: материалы VIII Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2013. М.: МАКС Пресс. С. 5–6; Научная жизнь. Обзор VIII Сорокинских чтений «Социальное неравенство как глобальная проблема современности» // Регионы в современном мире – 2014: материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2014. С. 208–212.

³⁵⁴ Вереш П. Степной номадизм изобрели древние венгры. Posted U-info [Электронный ресурс] // Уралистика. URL: http://uralistica.com/profiles/blogs/peter-vereshvengry-izobreli-stepnoj-nomadizm.

степени индустриального, экономического развития, квалификационного уровня рабочей силы, уровню образования, возможности политического противостояния. Безусловно, на малые народы должна распространяться идеология патерналистской охранительной политики государства, в ином случае малые народы и их языки просто растворяются и исчезают. Так, идет процесс отмирания саамского языка в скандинавских странах. Казалось бы, что тут особенного: саамы принимают язык большой нации. Почему же северо-европейское сообщество этнологов, антропологов и социологов встревожено угрозой исчезновения языков малых народов? Умирает код культуры, сакрального освоения мира, выработанный в экстремальных условиях 355. Если в данном случае удобна биологическая аналогия, то, например, с гибелью последнего яка в горах Памира обрывается ген приспособления в экстремальных условиях холода, изучение которого помогло бы человечеству (при овладении знаниями и их применением для выживания) выстоять в условиях атомной зимы. Вопрос самосохранения - это фундаментальная сторона моральноэтических практик человечества.

Сегодня исследовательский интерес сосредоточился на вариантах взаимодействия общественного мнения и власти. Общественное мнение обеспечивает обратную связь в коммуникационной модели властного дискурса и выражает явную озабоченность нестабильностью, связанной с мощными миграционными потоками из России специалистов высшей квалификации и потоками прибывающих работников низкой квалификации из Средней Азии, Кавказа, Молдавии³⁵⁶. Массовое перемещение инонациональных работников сферы образования, прибывших из Чеченской Республики во время военных действий, привело к коррупции в системе образования российских городов Северо-Кавказского региона. Привлечение граждан из

 $^{^{355}}$ Окладникова Е.А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования: моногр. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2014. 230 с. 356 Окладникова Е.А. Этнокультурные и социальные технологии регуляции

³⁵⁶ Окладникова Е.А. Этнокультурные и социальные технологии регуляции иноэтничного поведения мигрантов: опыт формирования толерантности и преодоления этнофобий. М.: Берлин: Информ-Директ, 2014. 70 с.

республик с близким вероисповеданием для строительства объектов Универсиады в Татарстане и последовавшее за этим в отдельных случаях нарушение моральных норм (например, угон скота у местного сельского населения), сопровождались социально-психологической напряженностью. Правовое регулирование межнациональных конфликтов нередко принимает латентно-отстраненную форму: такие конфликты квалифицируются и оформляются полицией либо как бытовые, либо как уголовные, но не как межнациональные. Результат - коррупция, связанная с сокрытием истинных причин. В то же время идеологии задана цель – разрабатывать тему толерантности. Интеллигентские круги моментально проявили активность: появилась масса монографических работ и диссертаций по толерантности. Организуются молодежные фестивали толерантности, «интернациональные деревни». Моральные практики «форматируются» неизвестными грантодателями для прикрытия социально-неуправляемых межнациональных отношений. Мораль и нравы приходят в противоречие.

Нравственная культура включает сферы деятельности, отношений, сознания, имеющих различный онтологический статус. Можно ли назвать ограниченный объект морали? Нет. Можно сказать, что объектом является весь мир и раскрытость человека миру³⁵⁷. Вместе с тем определить предмет морали можем. Это отношение к космосу (замусоренность, ожидание агрессии, отношение к уфологии), природе (экология, клонирование, создание генмодифицированной продукции), человеку и обществу (принципы, нормы, кодексы и отклонения-девиации). Развертывание категорий морали, место понятий в системе социально-этического знания, логические связи и их соотношения, субординация и включение в систему – работа, проделанная в свое время Л.М. Архангельским, О.Г. Дробницким, А.И. Титаренко, И. Попеловой, А.А. Гусейновым, Г.Н. Гумницким, Ф. Селива-

 $^{^{357}}$ Хоружий С.С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. 2011. № 12.

новым. Определилось следующее разграничение: вопросы блага, добра и зла, моральных качеств личности рассматривает этика, а вопросы ценностей — социология. Социология морали, начинаясь в 1960-х в СССР/России, разрабатывалась В.Б. Ольшанским, Ю.В. Сагомоновым, В.И. Бакштановским, В.М. Соколовым 358. Критерии самосохраниения, саморазвития и саморазрушения общества, как базовые характеристики, не уступающие по мощи этическим категориям «добра и зла», философским категориям «истина-ложь», рассматривались К.Х. Момджяном, С.П. Парамоновой 359.

Вопрос о допустимости и недопустимости определенных поступков чрезвычайно сложен, он не исчерпывается анализом последствий, ответ на него требует принимать во внимание и общие соображения, но главным образом требует применения того, что Аристотель называл рассудительностью (fronēsis) – умением принимать ответственные решения и поступать в соответствии с ними в конкретных, уникальных и потому не подводимых ни под какие правила, принципы и законы ситуациях³⁶⁰.

И социальная философия, и этика, и социология морали изучают нравственную культуру общества каждая под своим предметным углом зрения: социальная философия — общую методологию, этика — оценку явлений в категориях добра и зла, социология морали (эмпирическими исследованиями, как преломляется реальность в ценностном сознании групп, ценностных мирах социума).

Вопросы нравственной культуры осмысливаются в аспекте акторно-сетевой теории. Л. Болтански и Л. Тевено предлагают не менее семи градов (порядков оснований ценностей) для анализа в АСТ (акторно-сетевой теории): рыночный, индустриальный, гражданский,

 358 Кириллина Т.Ю. Отечественная социология морали: прошлое, настоящее, будущее //Социологические исследования. 2013. № 6. С. 17–24.

³⁵⁹ См.: Динамика морального сознания. Введение в социологию морали / Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 2006; Теоретическая и эмпирическая валидизация морального сознания. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014.

³⁶⁰ Артемьева О.В. Теоретические основания этики добродетели [Электронный ресурс] // Философия и этика: сб. науч. тр. к 70-летию академика РАН А.А. Гусейнова / iph.raS/.u.

национальный, вдохновенный, мнение, экологическое оправдание 361 . Все эти направления анализа применимы к осмыслению нравственной культуры общества.

Этика, мораль, ценности – элементы нравственной культуры личности в этико-теоретическом анализе. С 1950-х по 1970-е годы основательным кругом западных ученых разрабатывалась проблематика нравственной культуры общества. В этом ряду серия работ прогрессивного американского этика Берроуза Данэма, профессора школы социальных исследований Пенсильванского университета, прямо связывавшего судьбу человека с общественными условиями его существования и с социальной структурой общества. Хайнц-Хорст Шрай – профессор евангелической теологии и философии Высшей педагогической школы в Гейдельберге определил добродетель как субъективный коррелят объективной категории «ценность». В соответствии с трансцендентальной, субъективной и объективной этикой он выделяет онтологическую, рациональную и эмотивную мотивацию. Он рассмотрел конфликт мотиваций. (Теории конфликтов через их разрешения от Г. Зиммеля до Р. Дарендорфа, Л. Козера, А. Турена рассматривают их как точки продвижения вперед по линии прогрессивного развития общества.) Берхус Фредерик Скиннер в работе «По ту сторону свободы и достоинства» предложил концепцию «технологии поведения», осуществление контроля как части большой социальной координации – в этике, религии, управлении, экономике, образовании, психотерапии и семейной жизни. Скиннер отрицает критерии нравственности и справедливости. Скиннеризм – это мораль истеблишмента, которая сводится к прагматическому достижению успеха в пределах статус-кво. Наказание рассматривается им как один из способов блокировки нежелательного поведения, а свобода как отсутствие ограничения. В основе «новой гуманистической этики» лежит бихевиоризм, лишенный историзма и этики, сведенный к техницизму. Цель Скин-

-

 $^{^{361}}$ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

нера - сконструировать при помощи «бихевиористской инженерии» управляемого человека для абсолютно управляемого общества. «Фашизм без слёз» - так назвал концепцию скиннеровского манипулирования человеком поэт Стив Спендер. Джозеф Флетчер профессор Вирджинского университета выдвинул идею «ситуационной этики». Являясь сторонником «индивидуальной этики» в противоположность «социальной этике», он замечает, что желаемой цели достигает лишь тот, кто пренебрегает правилами, принципами, законами, игнорируя какие бы то ни было методы контроля. Критикуя данную теорию «ситуационной этики» с её разными мерами для оценки поведения, Бенсон и Эрмсон отмечают, что она служит оправданию сознания групп меньшинства против сознания большинства. Отметим, что до сих пор не прекращаются споры вокруг классического утилитаризма и учения Дж.Ст. Милля. В его работе «Утилитаризм» поставлены следующие проблемы: 1) понимание соотношения нормативных и описательных наук; 2) попытка истолкования пользы; 3) вопрос об утилитаристском правиле; 4) представление о социальной структуре, о взаимоотношениях индивида и государства. Дж.Ст. Милль исходит из тезиса, что моральное добро (ценность) принадлежит общественному миру и поэтому доступно эмпирическому исследованию. Английский мыслитель считает, что этика должна опираться на гуманитарные науки, и прежде всего - на психологию. Это и есть натуралистическая ошибка автора. Отсюда логический статус категории «желательное» психологическое (гедонистическое) обоснование принципа пользы. Сущность морали, ее генезис, критерий моральной оценки, зависимость последних от объекта у Дж.Ст. Милля выводится из ценности индивидуального счастья в качестве желаемого. Однако затруднительным является обоснование желаемости индивидом всеобщего счастья. Здесь психологический гедонизм и альтруизм находятся на противоположных полюсах. По Миллю, общее благо может быть целью только в идеальном обществе. Милль объясняет общее благо как агрегат благ индивидов. Он хочет доказать, что общее счастье хорошо для каждого как целое³⁶². Двойственность структурного и суммарного подходов к этике счастья «разъедает» утилитаристский принцип: или «утилитаризм правила» – установка общественных норм, или «утилитаризм поступка» - приспособительной деятельности индивида во имя своего счастья. Сумма счастья каждого является условием счастья всего общества – основной лозунг утилитаристов, что ведет к релятивизму³⁶³. Широко обсуждалась на Западе и в СССР/России работа Джона Ролза «Теория справедливости». Автор разграничил понятия уравнительной и стимулирующей справедливости и определил основное правило: справедливость это - баланс конкурирующих притязаний, при этом интересы большинства приоритетны над выгодой меньшинства³⁶⁴. Поскольку мораль имеет массу сторон, то этому должна соответствовать и масса дискурсов. Нравственность - сама жизнь общества, этика по разряду оснований относится к философским знаниям. Перейдем от общего этического подхода к анализу и критике морали в концепции структурно-функционального анализа с позиций рефлексивной социологии.

Структурный функционализм и критика Т. Парсонса как моралиста рефлексивной социологии. Социальный мир в глазах Толкотта Парсонса – это прежде всего мир морали, а социальная реальность – это моральная реальность. Самое главное для него – не то, что люди действительно делают; это всего лишь отклонения, второстепенные помехи, своего рода случайные отступления от групповых ценностей, предписываемых индивиду. Однако существуют латентные идентификации, ибо Ego и Alter непременно наделены полом, этнической, расовой и религиозной идентификацией. Латентные идентификации оказывают систематические воздействия на поведение индивидов и порождают постоянное напряжение для стабильно-

 $^{^{362}}$ Кириллина Т.Ю. Зарубежные ученые о социологии морали // Социологические исследования. 2009. № 7.

³⁶³ Буравой М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // Социологические исследования. 2009. № 4.

364 Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. 535 с.

сти социальных систем³⁶⁵. Большинство американских социологов подчеркивают значение моральных ценностей, в частности, как основы общественной солидарности. Моралистский характер теории Парсонса и функционалистов направлен на укрепление социального порядка, что обусловлено субкультурой функционализма. Сторонники структурного функционализма в том числе Парсонс пришли к убеждению, что проблему социального порядка можно разрешить независимо от вопросов, связанных с экономическими институтами и уровнем развития технологии, только с точки зрения морали как таковой, и это не потребует коренных изменений в форме индустриализации или её капиталистической структуре. Функционалисты стали искать условия сохранения социального порядка в рамках управляемого бизнесом индустриализма³⁶⁶.

Функционализм и проблема порядка. Самым ярким выражением консерватизма, свойственного функционализму, является увлечение проблемой социального порядка. Стремиться к порядку – значит, стремиться к смягчению социального конфликта, добиваться моратория на социальные изменения через конфликт и предотвращать склонность к индивидуальному творчеству. Предпочитать порядок значит искать «структуры», структуру социального действия, а не процесс. Порядок становится фундаментальной основой для понимания самой морали³⁶⁷.

Поборники ценностей «порядка» высоко ценят такие духовные ценности, как умеренность, мудрость, знания, доброту, готовность к сотрудничеству или веру в милость Божию и надежду на неё. «Духовные» ценности человек может получать, ничего не отнимая от других. На самом деле сторонники социального порядка ищут возможность улучшить свою собственную жизнь и получить доступ к ограниченным благам и почестям. Им есть что терять в случае

³⁶⁵ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2013. C. 287-288.

³⁶⁶ Там же. С. 290–292.

³⁶⁷ Там же. С. 293.

конфликта. Социальная функция морали заключается в том, чтобы прекратить спор о перераспределении благ.

Религия и мораль в функционализме. Парсонс напоминает нам, что Вебер связал протестантскую этику с развитием капитализма не посредством «устранения этических ограничений», а, скорее, с помощью религиозной стимуляции некоторых мотивов, результатом чего явилось «свободное предпринимательство». «Христианская церковь развивала для внутреннего пользования высоко рациональную кодифицированную систему норм, которые составляют основу юридической структуры, всего последующего развития западного общества», - объясняет Парсонс. За фасадом гуманного государства всеобщего благоденствия Парсонс видит христианство³⁶⁸. Единственное, что Парсонс не может связать с христианством, это марксизм и социализм. Хотя другие исследователи, например Аласдер Мак-Интайр, считают, что марксизм не только корнями уходит в христианство, но и является его единственным историческим преемником. Дилемма: если не признавать преемственность марксизма и христианства, то выбрасывать огромный пласт современной культуры. Если утверждать, что христианство оказало влияние на марксизм, то признавать христианство основным источником «конфликтов».

Дилемма культуры и технологии. Привилегированные группы становятся влиятельными центрами коренных интересов как между государствами, так и внутри их. Военные расходы конкурируют с фондами, обеспечивающими благосостояние нации. Возникающая у государства необходимость поддерживать у людей такие мотивы, которые побуждают их сражаться и умирать, создавать рынок нравственных ценностей, которые никакое количество товаров само по себе не может обеспечить 369 . В заключение отметим, что структурный функционализм поддерживал существующий порядок в США.

Этика с её предельными оценками добра и зла, социология морали, изучающая, как эти вопросы преломляются в сознании групп,

 $^{^{368}}$ Гоулднер А. Указ. соч. С. 297. 369 Там же. С. 298.

институтов, обществ, позволяют исследовать грады, предложенные Л. Болтански и Л. Тевено: рыночный, индустриальный, гражданский, национальный, экологическое состояние. В выводах Бруно Латура о том, что наш мир форматируют не философы, этики, дипломаты, политологи или социологи, а физики-ядерщики, содержится огромная аналитическая посылка³⁷⁰. На средства налогоплательщиков безотказно и моментально государствами выделяются средства, направленные на уничтожение самих же налогоплательщиков (народов). Это подтверждает наш тезис о необходимости контроля гламурнокапиталистической международной элиты большинством людей. Знание гуманитарных наук становится практической мощью этносов. Владение социально-политической ситуацией, моральная воля к победе способны контролировать и воздействовать как на внутренние, так и международные элиты.

§ 6. Правовая культура – социальный феномен

Правовая культура – категория, в содержание которой политики и философы, историки и социологи, культурологи и правоведы вкладывают самые различные смыслы. Часто категория употребляется исключительно в демагогических смыслах, особенно в ходе «демократических» реформ постсоветского общества. Что же представляет собой эта сложная категория, или, как говорят юристы, правовая конструкция? С семантической точки зрения, конструкция включает в себя логически взаимосвязанные словарные единицы, где существительное «культура» выступает как родовой, главенствующий элемент, а прилагательное «правовая», логически подчиненная единица, указывает на видовую принадлежность или разновидность, как например, политическая культура, речевая культура, художественная культура, физическая культура и т.д.

Родовое понятие культура полисемично. В римском мире понятие «культура» (от лат. cultura — выращивание, возделывание, обра-

 $^{^{370}}$ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. Европейский ун-т в СПб., 2013. 414 с.

ботка) использовалось в отношении агрокультур, но с развитием цивилизации оно стало использоваться и в отношении человеческого сообщества, ясно указывая на функциональную направленность этой категории – деятельность по приобретению человеком знаний и умений, всего опыта, накопленного до него обществом. За время существования цивилизации человечество значительно расширило содержание исходного понятия, а научное сообщество накопило массу определений понятия «культура». Так, в работе французского социолога А. Моля «Социодинамика культуры» приводится более 250 определений, к концу XX века количество их значительно увеличилось. В современных учебниках «культура» рассматривается как многоаспектная категория. Культура – это и специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, и продукты материального и духовного труда, и система социальных норм и институтов. Культура – это и «способ регуляции, сохранения, воспроизведения и развития всей человеческой жизни, социальной и индивидуальной», и способ вхождения в общественную жизнь, «осмысления своей неотделимости от других и собственной автономности»³⁷¹.

Основными подходами к определению содержания дефиниции «культура» являются антропологический, социологический и философский. Исходя из предположения о наличии структурно-логической взаимосвязи между элементами сложного понятия, эти же методологические подходы можно распространить и на конструкцию «правовая культура». В антропологическом подходе правовая культура включает в себя все созданное человеком в правовой сфере: право, правовая наука, правосознание, юридическая практика³⁷². Так. Н.Н. Вопленко считает, что «правовая культура есть процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующийся созданием и утверждением в жизни правовых ценностей»³⁷³. Особенно

 $^{^{371}}$ Культурология / под ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д: Феникс, 1995. С. 90. 372 Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2001. С. 340.

³⁷³ Вопленко Н.Н. Правовая культура в России на рубеже столетий // Материалы всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград, 2001. С. 5.

четко взаимосвязь антропологического подхода в культурологи и теории права выделил М.И. Абдуллаев: «... надо иметь в виду, что под культурой понимают не только духовные достижения, но и материальные ценности, созданные человеком в процессе своей творческой деятельности. В этом плане правовая культура включает в себя все достижения юридической теории и практики. Все позитивное, положительное, накопленное человечеством в области права, - это и есть правовая культура» ³⁷⁴. Таким образом, от правовой культуры отсекается все, что сегодня, то есть на момент оценки, не воспринимается как ценность прогрессивного, позитивного развития общества. Включению подлежат только прогрессивные правовые достижения, приобретенные в сфере правосознания, законности, источников права, юридической практики. Представляется, что с антропологической точки зрения правовая культура должна включать не только положительный опыт, но и отрицательный опыт человечества в правовой сфере, хотя бы в целях избежать его повторения. Строго говоря, антропологический подход в культуре предполагает оценку всех сотворенных человеком материальных и нематериальных явлений, а не только прогрессивных в соответствии с позицией сегодняшнего дня. Достаточно напомнить, что в свое время юридический опыт, накопленный «в эксплуататорских формациях», рассматривался как «антиценность», явление, чуждое прогрессу.

Согласно социологическому подходу, «правовая культура – это культура общества, которая охватывает все правовые ценности, в том числе ясные законы, развитую законодательную технику, правовую науку, развитое юридическое образование, совершенную юридическую практику и стабильный правопорядок» В этом смысле оценивается институциональные характеристики правовой культуры, связи ее с правом как социальным регулятором, место ее в социальной системе. В рамках социального подхода возможна оценка со-

³⁷⁴ Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М.: Магистр-Пресс, 2004.

³⁷⁵ Назаренко Г.В. Теория государства и права М.: Ось-89, 1998. С. 99.

стояния правовой культуры в тех или иных сообществах, изучение правовой культуры социокультурной среды. В этом ключе возможно изучение правовой культуры личности (индивида), социальной группы или всего общества на определенном этапе его развития. Известными представителями данного подхода выступают А.П. Семитко, В.П. Сальников, М.Б. Смоленский, С.О. Бондаренко, Ю.Ю. Бугаенко. В понимании этих исследователей «правовая культура — это специфический социальный институт, выполняющий функцию формирования у людей политического и правового сознания, ценностнонормативных установок, а опосредованно и правового поведения. Поэтому она не только играет в обществе роль нормативного ориентира, но и активно вторгается в социальную среду, обеспечивая необходимый уровень индивидуального правосознания и вовлекая индивидов в единую систему социальной организации» 376.

Проблемой этих исследований является их отрыв от непосредственной юридической практики, слабое знание авторами норм действующего права, особенно в его частно-правовой составляющей. Основное внимание уделяется оценке публично-правовых отношений, то есть той сферы правовой действительности, которая регулируется нормами конституционного, уголовного, в меньшей степени административного и процессуального права. Некоторые авторы, находясь под влиянием данного подхода, даже предлагают разбить целостное явление правовой культуры на отраслевые сегменты. Так, В.Т. Кабышев, утверждая, что «конституционализм не может существовать, реализовываться вне связи с уровнем конституционноправовой культуры», видимо, полагает, что должна существовать и уголовно-правовая культура, и административно-правовая, и т.д. 377

С позиций философского подхода, «правовая культура – это весь правовой космос, охватывающий все моменты правовой формы

 376 Бугаенко Ю.Ю. Правовая культура в современной России: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2007. С. 35.

³⁷⁷ Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Конституционное право и политика: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юрист, 2012.

общественной жизни людей. Культура здесь как раз и состоит в способности и умении жить по этой форме, которой противостоит неоформленная ... фактичность, т.е. та докультурная и некультурная непосредственность... и простота» ³⁷⁸. Правовая культура ассоциируется при данном подходе с духовным прогрессом в целом, вне общества или конкретной правовой системы. При оценке используются такие общефилософские категории, как добро и зло, честь и совесть, нравственность и мораль. С.С. Алексеев, определяя с философских позиций понятие «правовая культура», утверждает, что она «представляет собой своего рода юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, накопленных правовых ценностей, тех особенностей права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре и правовому прогрессу» 379. И все же в дальнейшей характеристике правовой культуры у С.С. Алексеева явно прослеживается юридико-теоретический аспект, недаром он является одним из ведущих авторитетов в теории права современной России.

В рамках философского подхода рассматривается и аксиологическая оценка правовой культуры как некой совокупности правовых ценностей, накопленных обществом и используемых индивидами в качестве ценностных ориентиров в повседневной деятельности. Так, Н.Ю. Гурьянов пишет, что «правовая культура – это система норм и ценностей, укоренившихся в сознании, мотивациях, обусловливающих поведение индивида и выражающихся в традициях, стиле взаимоотношений, складывающихся между личностью и правом» 380. Оставив в стороне явно не нормативисткий подход автора к понятию право, так как между правом, в его нормативистком понимании, и личностью никаких взаимоотношений возникнуть не может, отношения возникают между субъектами права и регулируются нормами права, можно согласиться с указанием на одну из функциональных

 $^{^{378}}$ Нерсесянц В.С. Философия права. М.: ИНФРА, 1997. С. 43. 379 Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2009. С. 149.

³⁸⁰ Гурьянов Н. Ю. Правовая культура: сущность, структура, социальные функции: дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2007. С. 23-24.

характеристик правовой культуры как некого ориентира личности в правовом пространстве. Как нам представляется, понятие намного богаче, особенно если рассматривать его в масштабах всего общества.

Более взвешенный, а вернее, более практико ориентированный подход прослеживается в работах правоведов. Так, С.С. Алексеев приводит следующее определение: «Правовая культура – это общее состояние «юридических дел» в обществе, т.е. состояние законодательства, положения и работы суда, всех правоохранительных органов, правосознания всего населения страны, выражающее уровень развития права и правосознания, их место в жизни общества, усвоение правовых ценностей, их реализацию на практике, осуществление требования верховенства права» 381. А.В. Мелехин считает, что «правовая культура – это качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, положительно влияющее на общественное развитие и поддержание самих условий существования государства и общества» 382. А.С. Пиголкин, различая три уровня правовой культуры, дает им следующие определения: «Правовая культура личности – это уровень и степень правовой образованности, правового воспитания отдельного человека, его умение пользоваться нормативно-правовым материалом, личное поведение его в соответствии с требованиями норм права (правомерное поведение). Правовая культура отдельных социальных общностей – это уровень и степень правовой образованности, правового воспитания того или иного класса, общественного слоя, особых социальных групп... Правовая культура общества - это уровень и степень правовой образованности, правового воспитания общества в целом, компетентно-профессиональное творение норм права, их благодатная социальная эффек-

-

 $^{^{381}}$ Алексеев С.С. Восхождение к праву: Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2002. С. 51.

 $^{^{382}}$ Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 545 с.

тивность» ³⁸³. Несмотря на всю их практико ориентированную направленность, эти определения также страдают рядом недостатков. Скажем, крайне слабо выражена прогностическая функция категории «правовая культура», а ведь без прогноза уровня развития правовой культуры у индивида, сообщества или общества в целом невозможно выстроить системную деятельность образовательных, культурных, просветительских, общественных, государственных и, конечно, правоохранительных органов.

Подводя промежуточный итог, отметим, что правовая культура как часть общечеловеческой культуры представляет собой сложное явление, характеризующее состояние правовой сферы жизни общества на определенном этапе его развития, детерминированное уровнем экономического, политического, социального и духовного развития общества и выраженное в уровне правовых ценностей, правосознания и правовой деятельности в обществе.

Как сложная конструкция, правовая культура включает в себя ряд элементов. Следует отметить, что в правовой доктрине отсутствует единство в определении этих элементов. Так, В.И. Каменская и А.Р. Ратинов в качестве структурных элементов правовой культуры выделяют право, правоотношения, правовые учреждения и правовое поведение (деятельность)³⁸⁴. В.П. Сальников считает, что «структурными элементами правовой культуры выступают компоненты юридической действительности в их особом ракурсе эталонов поведения: право, правовые отношения, законность и правопорядок, правомерная деятельность субъектов»³⁸⁵. С.С. Алексеев предполагает, что элементами правовой культуры являются правосознание в обществе, законность, законодательство, его содержание и форма, практическая

³⁸³ Абрамова А.И., Боголюбов С.А., Мицкевич А.В. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.

³⁸⁴ Каменская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры. Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 19, 43.

³⁸⁵ Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. Л., 1988. С. 366.

работа юридических органов в области права³⁸⁶. А.П. Семитко к элементам правовой культуры относит правовые тексты, деятельность, правовое сознание и субъектов, взятых в определенных качественных состояниях и уровнях прогрессивно-правового развития³⁸⁷. Р.А. Ромашов и А.Г. Тищенко указывают такие элементы правовой культуры, как правовые ценности, источники права, правосознание, средства и методы правового регулирования, мотивацию и формы правомерного поведения, юридические гарантии обеспечения приоритета права по отношению к другим социальным регуляторам³⁸⁸. А.С. Пиголкин приводит следующее определение: «Правовая культура – это система правовых знаний, навыков, действий, проявляемых в сфере тех или иных правоотношений, уважение к действующему законодательству, его неукоснительное соблюдение. Правовая культура выступает в качестве важного критерия правового бытия человеческого общества, зрелости и ценностной значимости его государственных институтов, правовых нормативов» 389.

Такая многогранность и многомерность подходов в определении содержания правовой культуры побуждает нас выбрать наиболее значимые и исключительно правовые элементы конструкции. Это позволит обозначить пределы изучаемого явления и избежать излишнего расширения конструкции, включения в ее состав близких, но не исключительно правовых, политических и социальных элементов. По нашему мнению, можно выделить лишь три основополагающих компонента правовой культуры: правовые ценности, действующие в обществе, уровень правосознания в обществе и уровень правовой деятельности в обществе. Понимая, что правовая культура –

 1 388 Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. 2006. № 1. С. 7.

 $^{^{386}}$ Алексеев С.С. Право: азбука, теория, философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 270, его же. Общая теория права. М.: Проспект, 2009. С. 150–151.

 $^{^{387}}$ Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 12.

³⁸⁹ Абрамова А.И., Боголюбов С.А., Мицкевич А.В. Теория государства и права.

многоуровневое понятие, включающее в себя как правовую культуру всего общества, так и правовую культуру отдельного индивида или группы индивидов, мы постараемся раскрыть содержание каждого из компонентов и в отношении оценки правовой культуры личности.

Правовые ценности общества (личности) – это тот материализованный юридический багаж, который накоплен обществом на данный момент. В отношении личности это те материализованные формальные и неформальные правовые ценности, которыми может воспользоваться или уже пользуется субъект в жизни. На первом месте здесь стоит система действующих нормативно-правовых актов, начиная от конституции и законов, актов центральных исполнительных органов власти и кончая актами местных органов власти и управления. Любой юридический акт должен быть правовым, то есть отвечать господствующим в общественном сознании представлениям о справедливости, равенстве, свободе. Оценке подлежит научная обоснованность, эффективность и справедливость действующих актов. Кроме того, нормативно-правовые акты должны быть совершенны и с точки зрения юридической техники, то есть быть непротиворечивыми, лаконичными, ясными и понятными и, в конце концов, физически доступными для населения. В этом смысле уровень развития юридической техники также является показателем состояния уровня правовой культуры.

Немаловажно и состояние индивидуальных правовых актов – правоприменительных документов (решения и приговоры судов, постановления следователей, акты прокуроров, документы в административно-управленческой сфере и т.д.) и правореализационных документов (договоры в хозяйственном обороте и т.д.).

К правовым ценностям можно отнести и правовые памятники, то, что можно назвать правовым архивом, то, чем общество уже пользовалось в своей истории. Это тексты старых, недействующих правовых актов, это огромный массив решений правоприменительных органов, памятники юридико-философской мысли и т.д. На наш взгляд, этот «архив» должен содержать не только позитивный опыт, но и материальные свидетельства негативного правового опыта.

Последнее, на что хотелось обратить внимание, это те правовые традиции, которые сложились и действуют в обществе, не формализованные в нормативно-правовых актах образцы позитивного правового поведения, выражающие идеи справедливости, приоритета общесоциальных интересов, взаимопомощь, чувство уважения к закону и ответственности перед ним, идеалы защиты прав и свобод человека от произвола общества и государства, защиты слабого от произвола сильного.

В целом же формализованные в нормативно-правовых актах, актах правоприменения, закрепленные в правовых памятниках и традициях общества правовые ценности образуют материальную базу для формирования правосознания.

Правосознание можно определить как совокупность представлений и чувств, выражающих отношение человека (общества) к праву и правовым явлениям действительности. Структура правосознания представляет собой единство двух частей: правовой идеологии и правовой психологии. Правовая идеология — это совокупность систематизированных официальных или неофициальных, теоретически обоснованных юридических знаний, идей и оценок права. В ней отражены требования общества, которые предъявляются к личности в области права. Правовая идеология включает в себя понятия и представления о праве и правовых явлениях в обществе.

В отношении индивида правовая идеология это совокупность представлений, убеждений, взглядов, идей человека, в которых выражается его отношение к действующему законодательству, существующему политическому режиму, государственной власти. Уровень и качество этих представлений колеблется от примитивно-поверхностных до научно-теоретических.

Особой значимостью в правовой идеологии обладает юридическая наука, правовая доктрина, то есть те труды юристов-профессионалов, которые концентрируют в себе не только глоссаторские комментарии, но и аналитические рассуждения о праве в целом или об отдельных его институтах, о соответствии правовых институтов требованиям развивающегося общества. Научная теория определяет

стратегию развития правовой жизни общества, осуществляет всесторонний анализ современной правовой ситуации.

Правовая психология формируется в результате повседневной практики. В эту область правосознания включаются правовые чувства, настроения, желания, иллюзии, мотивы, привычки, характерные для личности, социальной группы или общества в целом. Правовая психология отражает эмоции людей, возникающие в правовой сфере. Ей свойственны стихийность, связь с личными интересами и ценностями.

Правовая психология характеризует те переживания, чувства, мысли людей, которые возникают в связи с изданием норм права, состоянием действующего законодательства и практическим осуществлением его требований. Эмоции органически включены в структуру сознания, и человек не может руководствоваться в сфере правового регулирования только рациональным мышлением. Эмоциональная окраска существенно влияет на характер и направленность правового поведения.

Значение правосознания трудно переоценить. Известный правовед И.А. Ильин доказывал, что правосознание представляет собой более значимое явление, чем право в его нормативно-позитивном понимании. И.А. Ильин определял правосознание как «естественное чувство права и правоты», как «особую духовную настроенность инстинкта», как «особого рода инстинктивное правочувствие» — некую универсалию, которая имеет формально-юридическое, естественно-правовое измерение³⁹⁰. Подобная оценка сохраняется и до сих пор, недаром в трудах теоретиков права правосознание включено в механизм правового регулирования как одно из средств воздействия на общественные отношения. Правосознание включается в работу и на стадии правотворчества, и на стадии реализации права. В той или иной степени оно присутствует во всех элементах механизма право-

 $^{^{390}}$ Ильин И. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Философия права. Нравственная философия. М.: Медиум, 1993. С. 140, 142–145.

вого регулирования – нормах права, правоотношениях, актах реализации права.

Наиболее зримую роль играет правосознание на стадии реализации права, в процессе воплощения в жизнь юридических прав и обязанностей. Жизнь человека ясно демонстрирует, что сознание, мысль, образ, волевое усилие действительно управляют поведением людей, инициируют и регулируют их действия и поступки во всех сферах жизнедеятельности, в том числе правовой.

От уровня, качества, характера, содержания правосознания в значительной степени зависит то, каким будет поведение человека в обществе – правомерным, социально полезным или неправомерным, социально вредным и опасным.

Именно в области оценки правосознания отмечаются такие явления, как правовой инфантилизм, правовой идеализм, правовой нигилизм, правовое перерождение, то, что принято именовать деформацией правосознания личности или социальной группы.

Правовой инфантилизм — это наиболее мягкая форма искажения правосознания, заключающаяся в расплывчатости, неполноте, пробельности в правовых знаниях. Можно констатировать, что современное российское общество в своей массе страдает именно правовым инфантилизмом. Население России слабо осведомлено даже о тех правах, свободах и способах их защиты, которые определены в Конституции Российской Федерации.

Правовой идеализм — это обратная сторона правового инфантилизма, заключающаяся в том, что лицо осведомлено о декларируемых в законодательных актах правах и свободах, но необоснованно считает, что реализация этих прав и свобод будет осуществляться без его активного участия, как бы само по себе. Зачем активно участвовать в правореализационной деятельности? Этим должны заниматься только компетентные органы государственной и муниципальной власти, но не сам гражданин.

Правовой нигилизм – сформировавшееся на государственном и бытовом уровнях сознательное отрицание значимости права, законов в социальной жизни и жизни конкретного индивида. Правовой

нигилизм многогранен, он может выражаться как в незнании законов и других правовых актов, так и в пренебрежении ими или сознательном их нарушении. Это осознанное игнорирование требований закона, исключающее, однако, преступное поведение.

Правовое перерождение — крайняя степень искажения правосознания, характеризующаяся переходом от правомерного к противоправному поведению. Примером может служить преступный образ жизни, сопровождающийся деградацией личности, полной деформацией правосознания, в котором доминирующие позиции занимают антиобщественные «ценности» и криминальные установки «воровского» — преступного мира.

Последнее, что следует отметить при характеристике правосознания, это то, что именно через правосознание возможно воздействие на поведение индивида, а следовательно, и на уровень правовой культуры в обществе в целом. Если знание правовых текстов можно приобрести в процессе обучения, то формирование убеждений (положительные правовые ценностные ориентации) – только в процессе длительного и кропотливого правового воспитания.

Идеологизированные правовые представления, личностные правовые убеждения и морально-правовые ориентиры определяют модель поведения человека в реальной правовой действительности. Таким образом, итоговым элементом правовой культуры является практическая правовая деятельность, включающая в себя правотворческую, правоприменительную, правоохранительную и правореализационную деятельность. Другими словами это та правовая практика, которая как критерий истины является решающей для определения господствующих в обществе правовых ценностей уровня правосознания в обществе в целом и у отдельных его индивидов.

Правовая культура общества во многом зависит от уровня развития и качества правотворческой деятельности по созданию законодательной основы жизни общества. Даже незначительная логическая ошибка в этой области может негативным образом сказываться на правовой культуре граждан, не говоря уже об ошибочных, недействующих нормах права или о нормах, принятых в нарушение

Конституция РФ или федеральных законов на уровне субъекта федерации.

Существенное влияние на правовую культуру оказывает и правоприменительная деятельность, властная деятельность государственных органов, осуществляющих регулирование общественных отношений на основе закона с целью его реализации. Если же эта деятельность направлена на удовлетворение частных интересов правоприменителя, в ущерб интересам общества, то говорить о развитой правовой культуре, как бы хороши ни были правовые тексты и правовые традиции, не приходится. То же можно сказать и о правоохранительной деятельности. Если в правоохранительной системе государства процветает коррупция, то любая деятельность по формированию правосознания будет сведена на нет.

Последний фактор — это правореализационная деятельность, то есть социально-активная деятельность рядового гражданина по реализации его субъективных прав и осуществлению обязанностей. Если субъект не обладает достаточными правовыми возможностями надлежащим образом личными действиями реализовать право либо может потребовать от обязанного лица выполнения требования права или добиться судебной защиты нарушенного права, то говорить о высоком уровне правовой культуры в обществе не приходится, а следует констатировать, что в лучшем случае речь идет о желаемой декларации и не более.

Значение правовой культуры подчеркивает ее многофункциональное воздействие на жизнь общества. Среди направлений воздействия можно назвать регулятивное, охранительное, воспитательное, информационное, аксиологическое и прогностическое.

Регулятивная функция направлена на обеспечение устойчивого и эффективного функционирования правовой системы, реализуется с помощью норм права, освоение которых позволяет личности успешно адаптироваться в обществе. Благодаря реализации данной функции происходит подчинение личности требованиям права, что, в свою очередь, способствует установлению правопорядка в обществе.

Охранительная функция обеспечивает возможность защиты субъективных прав, существующего правопорядка, а также применение мер юридической ответственности к правонарушителю.

Воспитательная функция проявляется при формировании определенного типа личности. В ходе социализации индивид усваивает существующие в обществе нормативно-правовые требования, определяет модель правового поведения. Усвоенные индивидом принципы права, выступая в качестве целей жизни, задают направление, определяют стратегию и тактику поведения при социальном взаимодействии.

Информационная функция предполагает передачу накопленного правового опыта, юридических знаний новым поколениям, информирование индивидов о новеллах законодательства, передачу в целях повышения правовой грамотности.

Аксиологическая функция выявляется при оценке на основе норм правовой культуры поведения индивида как правомерного или противоправного. Оценочная функция прослеживается и при определении индивидом своего эмоционального отношения к правовой действительности. Правовая культура как система правовых ценностей формирует у субъекта определенные ценностные потребности и ориентации. Объектом оценки могут быть нормы действующего права, уровень правосознания населения, в конце концов, уровень и качество правовой деятельности государства, должностных лиц и рядовых граждан.

Последняя функция прогностическая, она связана, на наш взгляд, с особой областью социологии — социальным прогнозированием. Нормы права создаются для регулирования как существующих, так и складывающихся общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании. В условиях нормально существующего и прогрессивно развивающегося общества не только социологи должны строить социологические прогнозы развития, но и законодатель должен создавать планируемые модели правомерного поведения в условиях развивающихся общественных отношений. Такое правовое прогнозирование должно отражать объективные закономерности

развития общества и одновременно, по возможности, заключать его в рамки новых прогнозируемых норм права, придавая этим общественным отношениям характер правоотношений.

Понимая значение правовой культуры, а также необходимость повышения её уровня и совершенствования правосознания граждан, Президент РФ в утвержденных в мае 2011 года «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» отметил, что «государственная политика должна быть направлена на формирование высокого уровня правовой культуры населения, безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности, как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, которое препятствует развитию России как современного цивилизованного государства». Одним из путей решения этой задачи является совершенствование методов формирования правовой культуры студентов высших учебных заведений.

§ 7. Личность и образование

Чаще всего образование рассматривают как механизм воспроизводства социальной или социально-профессиональной структуры общества. Однако значение образования для общества значительно глубже. Образование является не только механизмом формирования социальной структуры, оно оказывает существенное влияние на развитие и бытие как самого общества, так и личности, живущей в этом обществе. Именно в образовании зарождаются жизненные планы и образы нового поколения, а значит, зарождается и будущее общества.

Становление и функционирование образования как социального феномена тесно связано с историей общества и культуры. Возникнув в обществе и развиваясь вместе с ним, образование всегда испытывает на себе влияние общества. Влияние общества на изменение социальной роли и функций образования в жизни современного общества проявляется в следующем: общество «подтягивает» систему образо-

вания до уровня актуальных потребностей науки и экономики; способствует росту социального эффекта от капиталовложений в сферу образования, а это, в частности, вызывает рост общественной производительности труда; привлекает внимание к связи образования с прогнозированием экономической и социальной занятости населения и необходимости внесения корректив в образование; обращает внимание своих членов на изменение соотношения умственного и физического труда с все более усиливающейся тенденцией в пользу первого, а также на рост числа профессий, требующих высшего образования, и возрастание числа людей, вовлеченных в сферу, образования; акцентирует внимание населения на том, что в связи НТП сокращаются сроки амортизации знаний, вследствие чего каждый человек должен быть готовым к совершенствованию своих знаний практически на протяжении всей жизни.

В то же время образование само влияет на развитие общества: в контексте общественного развития определяет социодинамику общества как среды, в которой протекают образовательные процессы; фиксирует уровень общественного сознания; формирует методологическую культуру как отдельной личности, так и общества в целом; диагностирует профессионализм членов общества.

Появившись на определенном этапе развития общества, образование как социальное явление с самых ранних стадий своего становления через культ и ритуал было тесно связано с развитием культуры, так как культура требовала постоянного воспроизводства. Являясь ретранслятором культуры, образование испытывает воздействие культуры, так как полученное личностью образование есть результат специально организованного процесса и может быть понято только по логике его формирования в истории культуры. Именно культурная традиция, распространенная в обществе, определяет то, что происходит в образовании. Само образование (как общее, так и профессиональное) является функцией технического уровня производственно-необходимый и социально-необходимый. Производственно-необходимый уровень образования требуется для соответствующей про-

фессиональной подготовки работника (формирование умений, навыков профессии). Тем самым образование, являясь основой культуры и транслируя ее, стимулируется прежде всего требованиями общественного производства. Однако роль образования в жизни личности не ограничивается только экономическими требованиями со стороны общества. Одновременно образование включает в себя и трансляцию, и усвоение таких знаний, которые намного шире узкой профессионализации и специализации (они выходят за пределы конкретного производства и специализации и включают в себя основы науки, техники, культуры). Поэтому роль образования в обществе намного шире, чем передача профессиональных знаний и навыков: оно участвует в социализации личности и ее социальном обучении. Следовательно, уровень образования, характеризующий те социальные отношения, в которых живет и работает индивид или данная группа, социально-необходимым образованием. Соииальноявляется необходимое образование дает общенаучные, общекультурные и гуманитарные знания и направлено на выработку мировоззренческой позиции будущего специалиста, осмысление им стратегии своей жизнедеятельности. В данном случае образование выступает как социокультурный феномен. Таким образом, между двумя сторонами образования имеются и единство, и расхождения 391.

Образование как часть культуры через свою образовательную среду, структуру знаний и технологии образования, воспитательные процессы формирует и корректирует определенные качества личности. Наиболее важными качествами личности, которые формирует образование, являются система интересов, мотивация деятельности, система ценностей.

Формируя систему ценностей как общества, так и отдельной личности, само образование становится *ценностью* лишь на определенном этапе развития общества и культуры (в традиционном обще-

 $^{^{391}}$ Файнбург З.И., Козлова Г.П., Лихачев В.М. К вопросу о содержании и типологии понятия «культурно-технический уровень трудящихся» // Философские науки. 1967. № 2. С. 47.

стве образование не являлось ценностью, оно отражало лишь статус человека). Ценностно-содержательная структура образования дает представление о реальном содержании интеллектуальных, профессиональных и социальных ценностей, транслируемых или развиваемых в системе образования. Эта структура выражает тот срез образовательного процесса, который составляет содержание социализации личности; дает возможность анализировать соотношение формального и неформального образования, идентифицировать социальнокультурные типы личности, воспроизводимые в системе образования. Таким образом, ценностное содержание образования — это сложное явление, имеющее несколько слоев, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены.

На сегодняшний день в ценностной сущности образования можно выделить два слоя. Первое: передавая культурные ценности, сформировавшиеся в течение длительного исторического периода, образование само по себе является определенной ценностью. Это можно объяснить тем, что, во-первых, образование сопровождает человека всю жизнь, а также составляет существенную характеристику любого государства и общества. Во-вторых, образование есть историко-культурный феномен, его можно рассматривать и как результат, и как условие развития культуры конкретного народа. В-третьих, образование представляет собой многомерную, многозначную систему, которая функционирует и развивается по собственным законам. Образование как ценность представляет собой единство трех вышеуказанных компонентов.

Второе: являясь одним из способов передачи будущим поколениям понимания смысла человеческой жизни, образование несет в себе познавательную и преобразующую ценностную нагрузку. Благодаря познавательной ценности образования поддерживается достигнутый уровень развития индивида, его дальнейшее совершенствование и накопление знаний и культурных ценностей. Другая ценность образования — преобразующая ценность, которая содержит в себе опыт эмоционально-ценностного отношения обучающегося к тому, что он познает или преобразовывает. Преобразующая цен-

ность образования проявляется на трех уровнях: государственном, общественном и личностном.

Государственная ценность образования. Отношения образования с государством в решающей мере определяется состоянием общества, характером производительных сил той или иной эпохи. И здесь важно то, как относится государство к образованию: 1) как стратегическому резерву развития государства или 2) как приоритетной сфере общественной жизни, а также - каков доминирующий принцип финансирования образования. Образование осознается государством как ценность только тогда, когда доминирующий тип культуры и ее механизмы социализации направлены на поддержание стабильности в стране. А для этого государство берет на себя заботы об удовлетворении им же созданных потребностей: в передаче общечеловеческих ценностей; в преобразование природы человека посредством образования (в том числе и через профессиональное обучение), в подготовке специалистов для управления, промышленности и армии. Так, в индустриальном обществе государство уделяет внимание концентрации ресурсов на наиболее важных для него направлениях технического прогресса. А для постиндустриального общества у государства другая главная цель - обеспечение максимальной адаптивности общества и человека 392.

Общественная ценность образования проявляется в том, что образование, как никакая другая сфера, особенно восприимчиво к любым изменениям в обществе (стабильность / напряженность): углубление противоречий в системе социальных отношений, отношений между обществом и самой системой образования, отношение общества к месту и роли образования в обществе. По мере усложнения социальных связей и социального взаимодействия в обществе осознается необходимость преобразования природы человека. Для этого создается специальный социальный институт – школа (в широком смысле). Школа как специальный социальный институт имеет

³⁹² Модернизация российского образования: вызовы нового десятилетия. М.: Лело. 2014. С. 36. целью через обучение ввести подрастающее поколение в структуру существующих социальных ролей. Параллельно вырабатывается и определенная система передачи культурных образцов, норм, ценностей, которая впоследствии определяется в специальную науку – педагогику. Благодаря технологической революции понимание роли образования в обществе изменилось: из социального института, позволяющего человеку занять определенное место в социальной структуре, образование становится одной из базовых отраслей экономики страны.

Личностная ценность образования формируется из понимания личностью необходимости образования для своей жизни в обществе. От уровня образования (особенно профессионального) зависит социальный статус индивида со всеми вытекающими отсюда благами.

Таким образом, образование, прежде всего предназначенное для формирования профессионального знания и профессиональных навыков, постепенно увеличивает интеллектуальную составляющую деятельности личности, распознает и эффективно развивает индивидуальные способности, является траекторией карьеры личности, способствует определению ее социального статуса, формирует как личную, так и общественную культуру. Тем самым образование участвует в формировании структуры личности и типа ее сознания.

Становление человека детерминировано социальной ситуацией развития, представляющей собой «особое сочетание внутренних процессов развития и внешних условий (объективными факторами макросреды)», и отношением растущего человека к социальной действительности. В то же время развитие человека обусловлено мерой его собственной активности, направленной на самосовершенствование, участие в деятельности и общении; детерминировано типом ведущей деятельности. Развитие человека закономерно зависит от содержания и мотивов деятельности, в которой он участвует. Таким образом, человек как личность (социальное существо) является носителем и выразителем социальных ценностей, опыта, норм, установок, культуры и ролей. Он одновременно является субъектом совместной деятельности, общения, самовоспитания и объектом (целью) воспитания.

Личность как объект, обучающийся в системе образования, испытывает воздействие образования на себе. Личность как объект социальных отношений характеризуется через такие понятия, как социализация, социальная идентификация.

Личность как субъект социальных отношений характеризуется через самосознание личности, нормативное сознание и систему иенностных ориентаций (диспозиций) личности, через ее потребности, мотивацию, социальные установки, социальное поведение и др. 393

Понятие «субъект», начиная с XVI века, отождествляют с идеей сознания, и по мере развития общества значение сознания в развитии личности только усиливается. Сознание – это одно из основных понятий философии, психологии и социологии, обозначающее высший уровень психической активности человека как социального существа. Социологический подход рассматривает сознание как отображение в духовной жизни людей интересов и представлений различных социальных групп, классов, наций, общества в целом. В сознании реальность находит своеобразное отражение в форме чувствительных и умственных образов, которое предвосхищает практические действия чеповека³⁹⁴

Многие личностные качества являются не только природными, но и приобретенными в определенных условиях социальной жизни. Личность возникает под влиянием господствующей в обществе культуры. «Ключевой механизм становления личности – ее практическая деятельность, самосознание есть продукт... освоения индивидом предметного мира, мира социальных отношений и превращения его во внутренние свойства индивидуальности» ³⁹⁵. В сознании различают уровни (научное и обыденное, идеологическое, общественное и индивидуальное) и формы (политическое, правовое, эстетическое, нравственное, этическое/нормативное, религиозное/мифологическое,

 $^{^{393}}$ Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1988. С. 143.

³⁹⁴ Краткая философская энциклопедия. М.: Энциклопедия, 1994. С. 423. ³⁹⁵ Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Лиспозиционная концепция / ЦСПиМ. М., 2013. С. 17.

научное). Уровни и формы сознания проявляются в его *структуре*, в которой выделяют следующие компоненты: знание, самосознание, саморегуляция, ценности и система ценностной ориентации, образ «Я». В данном случае важно рассмотреть структуру сознания, так как образование в первую очередь формирует ее.

Итак, *знание* есть идеальная форма отражения бытия и результат познания. Образование посредством научного языка передает *научные знания*, используя при этом языковые (естественные, искусственные языки; общения; символы, кодовые системы: азбука Морзе, формулы и др.) и неязыковые (зрительные сигналы, копии, признаки, символы) *знаки* (формы) как символы предметов, признаков, действий. Как носители какой-то информации, знаки помогают человеку определить свое место в мире, свою ответственность перед обществом.

Через самосознание проявляется отношение субъекта как к ценностям общества, так и к самому себе, включая образы собственного «Я», самооценку, самоуважение. Осознание своей самобытности и самотождественности происходит в рамках социума, следовательно, самосознание личности имеет социальную природу. Предыстория самосознания начинается с бессознательного чувства идентичности (начинается с 11 месяцев), а в подростковом возрасте на основе накопленного опыта общения и деятельности уже формируется социально-нравственная оценка 396.

Ценности – это «особые общественные отношения, благодаря которым потребности и интересы человека или социальной группы переносятся на мир вещей, предметов, духовных явлений, придавая им определенные социальные свойства, не связанные прямо с утилитарным назначением этих вещей, предметов, духовных явлений. В ценностях выражается отношение человека, общества к миру» ³⁹⁷. Совокупность ценностей образует систему *ценностных ориентаций* (диспозиций) *личности*. *Диспозиция* являются продуктом столкнове-

³⁹⁶ Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. С. 259.

 $^{^{397}}$ Социологический справочник / под общ. ред. В.И. Воловича. Киев: Политиздат Украины, 1990. С. 120.

ния потребностей и условий, в которых соответствующие потребности могут быть удовлетворены. Выделяют четыре иерархически выстроенные уровни диспозиций. Низшие уровни диспозиций отвечают за поведение личности в определенных сферах деятельности и за направленность действий в типичных обстоятельствах. Высшие диспозиции личности отвечают за саморегуляцию общей направленности социального поведения. Тем самым система ценностных ориентаций (диспозиций) отражает условия образа жизни личности сквозь призму общественного сознания и является одним из компонентов мировоззрения личности³⁹⁸.

«Образ Я» – сложная установочная система, в которой принято выделять несколько относительно автономных измерений: степень когнитивной сложности, отчетливости, последовательности, устойчивости и самоуважения. Степень когнитивной сложности «образа Я» возрастает с возрастом. А отчетливость и последовательность внутреннего образа «Я» и самоуважение растут вместе с его когнитивной сложностью, хотя этот процесс не является прямолинейным.

Сознание и образ «Я» как отдельные компоненты возникают в детстве и развиваются в юности, а именно в эти периоды жизни человека роль образования, как одного из важнейших социальных институтов, участвующих в социализации индивида, очень важна 399.

В процессе формирования сознания личности задействованы внутренние механизмы и все уровни диспозиционной структуры личности. Внутренние механизмы формирования сознания реализуются в активности личности (в том числе и через игру как общую модель формирования человеческого «Я»). Это – сознательное заимствование и обращение к развитым источникам; внутренний диалог; виды социального контроля: страх, стыд, вина (внутренний и субъективный суд над собой), совесть как более высокий уровень интериоризации социальных норм и как признак появления индивидуально-личностного контрольного механизма; ориентация на взрос-

³⁹⁸ Ядов В.А. Указ. соч. С. 35–36, 110. ³⁹⁹ Кон И.С. Указ. соч. С. 266–300.

лых, особенно в оценках (и школьных в том числе) себя, своих интеллектуальных качеств и других 400. А механизм мотивации (как механизм взаимодействия между различными элементами диспозиционной структуры) делает возможной саморегуляцию поведения, обеспечивая тем самым и целесообразность, и готовность личности к последовательному поведению и «эмоциональному переживанию значимости этих действий». Саморегуляция как элемент самосознания выступает необходимой предпосылкой всякой целесообразной деятельности 401. На более высоком уровне диспозиционной структуры личности вступают в действие механизмы реализации самосознания: переход от случайных действий к целенаправленным поступкам. А это означает, что личность уже избирательно осознает собственные желания и делает выбор соответствующих средств для их достижения.

Таким образом, передавая научные знания подрастающим поколениям, используя при этом различные источники (вербальные и невербальные знаки как носители информации и значений), задействуя внутренние механизмы формирования сознания и механизмы социального развития индивида (подражание, заражение, внушение, убеждение), различные факторы (литература, искусство, идеологические организации и, особенно, СМИ), образование формирует структуру сознания и включение индивидуального бытия в жизнь общества и вместе с тем общественного бытия в жизнь индивида. Тем самым образование помогает человеку определить свое место в обществе, свою ответственность перед ним.

Усложнение социальной жизни приводит к усложнению самого сознания и смене типа личности. Тип сознания соответствующий типу личности, соразмерен типу общества и обусловливается уровнем развития общественного бытия, господствующего способа материального производства. Как и в любом типе общества, в современном обществе присутствуют различные типы сознания. А разным типам сознания соответствуют специфические особенности структуры об-

 $^{^{400}}$ Кон И.С. Указ. соч. С. 263–264. 401 Ядов В.А. Указ. соч. С. 44–47.

щественного сознания, его внутренней расчлененности, соподчинения; соотношение форм и уровней сознания, а также их социальной и институциональной организованности 402. Таким образом, тип сознания прошел тот же путь развития, что и само общество (культура): от архаического (диффузного) типа, где человек еще не выделял себя из окружающего мира, до постиндустриального типа, где возрастает значимость индивидуальности. В обществе постмодерна прослеживаются две характерные для него (общества) тенденции. С одной стороны, процесс глобализации, который имеет экономические, политические, социальные и культурные последствия, требует общности, транснациональной лояльности и ведет к росту способности общества к дальнейшему развитию. С другой – в развитии общества возрастает роль индивидуализации 403.

Понятия *«индивидуализация»* и *«индивидуальность»* тесно связаны между собою, но это не одно и то же. *Индивидуальность* – это характеристика человека. Она представляет собой «совокупность элементов, процессов, тенденций, которые образуют особую форму существования явлений объективного мира, особый уровень его бытия и раскрывается через такие свои черты, как единичность, неповторимость, целостность, замкнутость, открытость. Формирование и проявление индивидуальности непосредственно связаны с практической деятельностью, в результате которой человек объективирует себя и на этой основе осознает и выделяет себя из окружающего мира» 404. А *индивидуализация* (как «общее свойство объективной действительности») характеризует развитие общества «как процесс становления и совершенствования человеческой индивидуальности» 405.

Состояние современного общества и те процессы, которые происходят в нем, оказывают влияние на изменения в сознании и пове-

 $^{^{402}}$ Стегний В.Н. Осознание личностью своего социального будущего: моногр. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. С. 110–111.

⁴⁰³ Вульф К. Антропология воспитания. М.: Праксис, 2012. С. 220.

⁴⁰⁴ Резвицкий И.И. Личность. Индивидуальность. Общество: Проблема индивидуализации и ее социально-философский смысл. М.: Политиздат, 1984. С. 24.

⁴⁰⁵ Там же. С. 65–67.

дении личности. Это объективная макросреда, не зависящая от личности и которая является «продуктом деятельности предшествующих и современных поколений». Объективная макросреда характеризует состояние материально-технической базы, господствующие социально-экономические отношения, социальную структуру, политическую организацию, культуру, образ жизни современного индивиду общества⁴⁰⁶. Процессы, происходящие на уровне макросреды, выступают по отношению к личности объективными факторами. Это – глобализация, тенденции развития социальной системы; условия жизни людей; история общества и его современное состояние. Остановимся на таком объективном факторе макросреды, как глобализация, которая является главным отличием современной эпохи от предшествующих. Глобальный мир имеет ряд специфических характеристик: уменьшение значимости национальных государств и утрата значимости национальных культур благодаря интеграции и ассимиляции меньшинств⁴⁰⁷; глобализация культур («переплетение глобального, универсального и частного таким образом, что глобальное проникает и в региональное, и в локальное», что способствует появлению новых форм культурной и социальной сложности, которые в значительной степени в сущности своей остаются автономными); сходство разных культур при сохранении их различий; превращение образовательных учреждений и сообществ учебных заведений посредством культуры постмодерна в гетерогенный конгломерат, сильно дифференцированный как по уровням образовательной подготовки, так и по сферам профессионального участия; появление глобального образования и воспитания; необходимость международного сотрудничества в сферах образования и воспитания; уменьшение рабочих мест (особенно мест низкоквалифицированного труда) 408.

Глобализация привела к трансформации механизмов самовоспроизводства общества и существования самого образования. Если

 $^{^{406}}$ Стегний В.Н. Указ. соч. С. 62. 407 Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. С. 55.

⁴⁰⁸ Вульф К. Указ. соч. С. 222–241.

в прежних типах общества такими механизмами были материальные факторы, то в постиндустриальном обществе - экономические и этические инвестиции, которые трансформируются в общественную практику, культурные ориентации (рассматриваемые как когнитивные). При этом роль культурных ориентаций возрастает, и при одних и тех же культурных ориентациях отношения между действующими лицами могут быть неравными 409.

Что касается личности, то в глобальном мире происходит трансформация языковых форм социального поведения в направлении «естественных форм» жизненной практики (идеологические модели управления человеком, осуществляющиеся через слово/знак, уступают место моделям управления человеком через формы удовлетворения его телесных потребностей: агрессия, секс, еда и др.); вследствие внедрения культа наслаждения настоящим идет утрата временного измерения; происходит всеобщая демобилизация (человек утрачивает способность ставить и достигать какой-либо значимой цели, у него атрофируется способность к самоорганизации, диалогу и пр.).

В то же время глобализация создает для человека разнообразные возможности. Но она же и принуждает человека вести свою собственную индивидуальную жизнь в таких «социальных условиях, которые он не может контролировать» 410. Следовательно, каждый человек должен выбирать свою биографию и формировать ее траекторию, и принятие решений и рефлексия становятся важными навыками его образа жизни. А это означает способность человека к самоопределению и самореализации. В то же время усиливается значение отношения человека (его встреч и конфронтаций) к Чужому (Другому), зависящего от объективных факторов макросреды: исторического и культурного контекста, в котором приобретается опыт. При этом велика роль специфических (личностных) факторов: уровня образования, места обучения, трудовой занятости, наличия

 $^{^{409}}$ Турен А. Указ. соч. С. 57–61. 410 Вульф К. Указ. соч. С. 221.

интеграции в социально приемлемые формы жизни, уверенности в своем будущем, полезности деятельности и наличия перспектив в будущем 411. Индивидуализация способствует как процессу целенаправленного развития внутренних задатков, возможностей, способностей человека, так и совмещению их в соответствии с социальными ожиданиями и требованиями. Следовательно, рост индивидуализации все больше становится зависимым от процессов глобализации, управлять которыми отдельный человек уже не в состоянии. В то же время процессы глобализации требуют расширения и активизации индивидуализации. В этом процессе велика роль самовоспитания (в том числе самообразования, самодисциплинированности, саморазвития, самосовершенствования) 412. Объективные факторы макросреды порождают потребности, интересы, желания людей, их связь с настоящим общества; формируют сознание и ориентацию людей на свое будущее и будущее общества 413.

В качестве субъективных факторов макросреды принято рассматривать средства массовой информации, художественную литературу, искусство, научно-популярную литературу. В них отражается избирательность личности в выборе источников знания и информации. Субъективные факторы макросреды работают совместно с объективными факторами макросреды. И роль этих субъективных факторов макросреды в современном обществе только возрастает.

Не менее важны и объективные факторы микросреды: семья, трудовой коллектив, образование. Наряду с семьей и трудовым коллективом образование (предшкольные учреждения, общеобразовательная школа, система образования, связанная с получением профессии) целенаправленно задает ориентацию личности на будущее. В образовании для этого используются такие внешние механизмы воспроизводства общественного сознания, как воздействие агентов социализации (взрослых людей): выработка определенного отноше-

 $^{^{411}}$ Вульф К. Указ. соч. С. 229–231. 412 Стегний В.Н. Указ. соч. С. 67.

⁴¹³ Там же. С. 60–62.

ния к предметам и к самому себе, оценка поступков ребенка (одобрение, поддержка других – взрослых); «прививка» (внедрение) рафинированных богословских и культурных идей; трансплантация идей в новую идейную и социальную среду и приспособление этих идей к новым (непривычным) для них условиям и функциональным задачам; критика предшествующих или конкурирующих теорий; диалог (как важное средство перехода от устаревшей системы взглядов к другой, более научной и прогрессивной). Поэтому роль образования как объективного фактора микросреды в процессе формирования личности велика.

Но и в самом образовании под влиянием глобализации происходят кардинальные изменения, которые также оказывают влияние на социализацию подрастающего поколения. Во-первых, темпы смены типа общества ускоряют процесс внутренней дифференциации образования: массовое образование дифференцируется, и «механизмы массовой социализации начинают функционировать безотносительно к образовательным учреждениям, а собственно образовательная деятельность приобретает все более элитарный характер» 414. Во-вторых, углубляется кризис старой модели образования как социального и идеологического контроля; происходит распад дисциплинарного института образования (где традиционно осуществлялись субординационные отношения между взрослыми и детьми) и трансформация его институциональной системы из статуса общественного блага в статус личного блага; а также замена его игровым институтом, где взаимодействия между всеми участниками образовательной ситуации осуществляется через горизонтальные связи 415. В-третьих, образование оказалось в духовном кризисе, особенность которого в том, что он объединяет в себе культ свободной чувственности и телесности, дискредитацию любого рода метафизических идей и принципов существования, утрату человеком временной и бытийной перспекти-

 $^{^{414}}$ Бермус А.Г. Модернизация образования: философия, политика, культура. М.: Канон, 2008. С. 147. 415 Там же. С. 182.

вы своего существования. Остановимся на кризисе образования несколько подробнее. С одной стороны, кризис образования вызван тем, что образованию трудно выдерживать темпы развития общества и соответствовать новым требованиям. По своей природе образование, с одной стороны, консервативно (всегда сохраняет верность моделям интерпретации событий на уровне сознания, которое само определяет систему целей и ценностей, заложенных в момент формипарадигмы образования). Вследствие рования новой образование всегда отстает по своим темпам развития от темпов развития общества (французский педагог Селестен Френе подчеркивал, что соотношение развития общества и образование – 10:1). С другой стороны, для образования характерна преемственность: оно всегда направлено в прошлое, из которого следует настоящее и тем более будущее 416. Столкновение консервативности и преемственности образования с быстрым процессом трансформации его внутренней структуры, с одной стороны, и изменения требований к образованию со стороны общества – с другой, сформировало новое противоречие во взаимодействии образования и общества, противоречие между предельной индивидуализацией человеческой ситуации и деструкцией личности (утрата личностью чувства принадлежности чему-либо, другими словами, кризис идентичности). Но главной причиной кризиса образования считается попытка отказаться от национальных культурных традиций и принять за единые для всех стран и народов западноевропейские культурные традиции (новая российская элита демонстрирует свой нигилизм в отношении отечественной культурно-образовательной традиции, обосновывая неизбежность и необходимость присоединения к европейской образовательной модели, что стимулирует в наиболее бедных слоях населения реставрационные тенденции). Духовный кризис является одним из важнейших показателей кризиса образования как такового. Духовный кризис образования проявляется как в широком распространении массового образо-

 $^{^{416}}$ Долженко О.В. Очерки по истории образования: учеб. пособие. М.: Промо-Медиа, 1995. С. 122.

вания при одновременном резком повышении престижности образования (постиндустриальное общество создает новое пространство конкуренции образовательных моделей) 417, так и в восстановлении элитарности гуманитарного образования, которое дает человеку возможность публичной речи; в появлении множества, по большей части манипулятивных, технологий, направленных на функциональную вербализацию индивидуальных потребностей в ограниченном социальном и культурном пространстве. В-четвертых, образование перегружено самыми разнообразными функциями (от обеспечения выполнения государственного стандарта до социальной поддержки незащищенных семей и проведения предвыборных кампаний). В-пятых, утрачивается идентичность личности и происходит ее маргинализация (человеческая ситуация предельно индивидуализируется, сопровождаясь распадом субъектности, последствием чего и является кризис идентичности). В-шестых, прогрессирующее снижение человеческого потенциала, вызванного всеобщей деморализацией и деструкцией базовых механизмов поддержания социального диалога 418 .

Изменение условий существования в постиндустриальном обществе и кризис образования привели к смене требований к образованию как социальному институту, в результате чего возникла потребность в смене и образовательной парадигмы. Прежняя парадигма образования, соответствующая индустриальному обществу и «машинной» культуре (и перенявшая у него модель сборочной линии, на которой идет процесс механизации мышления в среде стандартизированного знания), имела главную цель - формирование специалиста, отвечающего требованиям производства. В такой модели образования господствуют фиксированные образовательные стандарты, само образование рассматривается как поддерживающее (адаптивное). Смена парадигм образования и воспитания не проходит безболезненно, и переход к постиндустриальному обществу - не исключение. В отличие от парадиг-

 $^{^{417}}$ Вульф К. Указ. соч. С. 234. 418 Бермус А.Г. Указ. соч. С. 252–258.

мы образования индустриального общества, где принято рассматривать требования производства первичными (причина), а образование работников как следствие (вторично), в центре инновационной (постиндустриальной) парадигмы образования находится субъект, «его конституирование, его образование, его отношение к миру, к другим людям и самому себе в этом мире» 419. А для этого субъекту необходимо право на личную свободу, критику и автономную деятельность. От человека ожидается активность не только в плане предъявления требований к производству, квалификации труда, его интеллектуальному, творческому содержанию; человек должен быть готов к действию в условиях высокой динамики рынка труда. Реакция человека на действия объективных факторов макро- и микросреды обнаруживается в выборе им форм своей деятельности, которые соответствуют его потребностям, целям, интересам и которые осуществляются в рамках объективной необходимости 420.

А это означает, что в обществе существенно меняются не только привычные условия существования человека, но и привычное назначение образования как социального института. Образование становится одной из основных сил развития, наряду с экологией, «зеленой» энергетикой, здравоохранением и информационной сферой⁴²¹. В отличие от всех предыдущих типов общества, постиндустриальное общество позиционируется как «общество обучения (знания)». В таком обществе «обучение для всех людей продолжается пожизненно, но в разной форме и с различным содержанием». Значит, важным становится развитие личности с ее специфическими потребностями, и прежде всего с потребностью в непрерывном образовании. В «обществе обучения» «среди множества форм знания особое значение придается научным знаниям по формированию социальных перемен». Поэтому необходимо не только поощрять развитие грамотности в различных социальных областях, но и направлять усилия на

 $^{^{419}}$ Вульф К. Указ. соч. С. 54. 420 Стегний В.Н. Указ. соч. С. 62–63.

⁴²¹ Карпов А.О. Образовательный институт, власть и общество в эпоху роста культуры знаний. СПб.: Алетейя, 2013. С. 21.

развитие памяти, восприятия, воображения, здоровья, эстетических и коммуникативных навыков 422. Следовательно, в образовании должна произойти переориентация со стандартов и организационных структур на методы и содержание образования 423. При этом существует необходимость учитывать, где консервативность и преемственность образования необходимо сохранять и поддерживать, а в каких случаях необходима модернизация образования.

Таким образом, постиндустриальное общество есть наиболее развитое общество на информационной основе с приоритетом структур образования и коммуникации. Оно отличается способностью поддерживать и воспроизводить высокую интенсивность внутренних взаимосвязей. В то же время постиндустриальное общество содержит в себе противоречивые возможности как для обеспечения более высокого уровня свободы личности (автономность и высокий уровень саморегуляции и интеграции), так и для появления новых, более сложных, скрытых форм социального контроля над ней. Формирование личности, ее сознания и самосознания происходит в процессе социальной практики (взаимодействия объективных факторов макросреды и собственной деятельности человека). В результате чего сознательная деятельность людей предстает как процесс ее избирательного отражения объективных обстоятельств жизни. Человек, с одной стороны, зависим от объективных факторов, с другой - он сам может на них влиять. И роль образования в этих процессах только увеличивается.

§ 8. Ценности и ценностные ориентации как аспект взаимодействия преподавателей и студентов в вузе

Перед современной системой высшего образования России стоят непростые задачи. Одной из них является подготовка высококвалифицированных кадров. Эта подготовка, как заявлено в ст. 69, п. 1 ФЗ № 273 «Об образовании в РФ», необходима не только для госу-

⁴²² Вульф К. Указ. соч. С. 234. ⁴²³ Карпов А.О. Указ. соч. С. 31–32.

дарства, общества, но и для самой личности⁴²⁴. В том числе и для ее интеллектуального, культурного и нравственного развития. Таким образом, процесс получения высшего образования предполагает приобщение обучающегося к различного рода ценностям: профессиональным, гуманитарным и пр. Какие ценности влияют на социальное взаимодействие преподавателей и студентов в рамках образовательного, воспитательного и научного процессов в вузе? Какие последствия возникают под влиянием тех или иных ценностей на социальное взаимодействие «преподаватель—студент»?

Данная проблема всё чаще становится предметом исследования отечественных социологов⁴²⁵. Однако, как правило, исследователи нацелены на изучение ценностей студентов без связи с образовательным процессом в вузе. Поэтому весьма актуально выяснить, какие конкретно ценности, которых придерживаются студенты, могут оказать влияние на положительные или негативные последствия взаимодействия с преподавателями.

Ключевая категория в нашем рассмотрении – ценности. Категорию «ценности» наиболее точно, на наш взгляд, определил М. Вебер. Он понимал ценность как идеальный императив, то есть нравственное предписание, на которое индивид ориентируется⁴²⁶. Исследователи М. Вебера трактуют ценность как форму, при помощи которой люди организуют свой опыт; это то, что значимо для индивидов, на что они ориентируются в своей жизни, то, что принимается во внимание⁴²⁷.

Отсюда следует, что ценности лежат в основе мотивации индивидов, однако каждый индивид расшифровывает ценности по-

⁴²⁷ Кравченко Е.И. Макс Вебер. М., 2009. С. 55–56.

 $^{^{424}}$ Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 21.10.2014). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149753 (дата обращения: 24.10.2014).

⁴²⁵ См.: Шарипова Р.Х. Самоидентификация российских и китайских студентов // СОЦИС. 2014. № 3. С. 88–93; Ильиных С.А. Представления о семье студентов Минска и Новосибирска // СОЦИС. 2014. № 3. С. 59–65.

⁴²⁶ Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 425.

своему. В результате появляются ценностные ориентации. Согласно неоклассической парадигме структурно-функционального анализа Т. Парсонса, ценности – это связующий элемент между социальной и культурной системами общества 428.

Исследователь В.И. Добреньков отмечает: «Если ценности важны для общества, его выживания и культурного своеобразия, то ценностные ориентации являются делом сугубо личным. Первые абсолютны, вторые относительны, но в силу этого они наиболее дороги для нас»⁴²⁹.

Студенты и преподаватели являются как объектами воздействия акторов в сфере образования, так и субъектами, то есть непосредственно конструируют социальное взаимодействие в рамках вуза и налагают свои ограничения на это взаимодействие. Взаимодействие социальных групп преподавателей и студентов сопоставимо с диалогом. Роль этого диалога в вузе определил исследователь Г.Е. Зборовский: «С позиций социологического подхода к высшему образованию рассмотрение его внутренних диалогов убеждает, что их доминантой является взаимодействие социальных общностей преподавателей и студентов. ...Постановка теоретической проблемы высшего образования как диалога позволяет поставить вопрос об операционализации этого понятия и проведении специального конкретного исследования с целью выяснения характера этого диалога и его восприятия различными участниками (субъектами) образовательного процесса в вузе» 430. Попытаемся разобраться с «внутренним» диалогом социального взаимодействия «преподаватель – студент».

Ограничения, налагаемые субъектами – преподавателями и студентами, – в процессе этого взаимного диалога, во-первых, представ-

 428 Парсонс Т.О структуре социального действия. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/10.php (дата обращения: 11.09.2011).

⁴²⁹ Добреньков В.И. Ценностно ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии. М.: Альма Матер, 2011. С. 187.

⁴³⁰ Зборовский Г.Е. Социологический анализ высшего образования как внутреннего и внешнего диалога // Уральские социологи в общероссийском социологическом пространстве. Екатеринбург, 2008. С. 70.

ляют собой такой идеальный образ социального взаимодействия, на который они ориентированы. Эти ограничения появляются вследствие трансформации идеальных образов преподавателя и студента, ценностей, сложившихся в массовом сознании этих социальных групп, в ходе реального социального взаимодействия в образовательном процессе.

Поэтому рассмотрим представления преподавателей и студентов не только друг о друге, но и об образовательном процессе.

Один из аспектов социального взаимодействия, тесно связанный с его субъективной стороной, – влияние неформальных институциональных ограничений на качество результатов труда. Мы исходим из тезиса Д. Норта, что поддержание высокого уровня трудовой этики в организации снижает трансакционные издержки социального взаимодействия и способствует повышению качества труда. Применительно к вузу это положение можно развернуть в два тезиса:

- а) от уровня профессиональной культуры (этики, морали и пр.) профессорско-преподавательского состава зависит качество его работы:
- б) от уровня профессиональной культуры профессорско-преподавательского состава вуза зависит уровень профессиональной культуры выпускников.

Речь идет об имидже преподавателя, который складывается в массовом сознании студентов. Каким должен быть преподаватель в массовом сознании студентов? Если проанализировать ответы преподавателей на этот же вопрос, то можно получить срез ожиданий как работников вуза, так и студентов.

Исследования, направленные на изучение идеальных типов, стали всё активнее проводиться в последние годы в разных вузах России.

Работы по данной теме можно разделить на две категории: определяющие тенденции, ставящие вопросы, выдвигающие гипотезы, и приводящие реальные данные.

К «тенденциям» можно отнести, к примеру, статью О.В. Зиневича и Е.А. Рузанкиной 431. По мнению исследователей, проблемы, которые кроются в традиционной системе отношений между преподавателем и студентами, заключаются в том, что от преподавателя студенты ожидают в большей степени выполнения им функций информирования и контроля, чем функций воспитания и наставничества. Вследствие этого ожидания преподавателя, касающиеся эффективного взаимодействия со студентами, оказываются напрасными, так как он нередко не удостаивается внимания и уважения. Возникает противоречие между потребностями обучающихся и позицией педагога. В целом отношения преподавателя и студента становятся «безличными», функциональными, формальными, утрачивают традиционное этическое содержание. Выходом из такой ситуации могла бы быть дистанционная форма обучения.

Однако в ней, по мнению авторов, преподавателю не всегда удаётся реализовать принцип сочетания коллективного индивидуального обучения на основе межличностных коммуникаций. Исчезает возможность для формирования коммуникативных навыков «живого общения».

Во второй категории публикаций, в которых приведены данные, можно выделить статью Е.В. Леоновой ⁴³². По мнению этого исследователя, стремительное развитие информационных технологий привело к тому, что если раньше главным носителем знаний являлся учитель, то в настоящее время учащийся может получить необходимую информацию из множества источников, не выходя из дома. Поэтому современный преподаватель должен предстать перед студентами в первую очередь как личность, а не только как специалист, владеющий необходимыми знаниями и транслирующий их аудитории. Своим отношением к содержанию преподаваемого материала, методикой преподавания, требовательностью, стилем общения со студента-

-

 $^{^{431}}$ Зиневич О.В., Рузанкина Е.А.. Этические аспекты внедрения инноваций в сферу образования // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 127–130.

⁴³² Леонова Е.В. Педагогическое мастерство и личность преподавателя // Высшее образование в России. 2011. № 4. С. 112–115.

ми преподаватель как образец профессионала закладывает основы мировоззрения своих учеников, образовательный фундамент будущих специалистов, но и их отношение к профессиональной деятельности 433 .

Автор статьи также приводит конкретные данные социологических опросов (и преподавателей, и студентов), проведенных в 2009 году на базе ИАТЭ НИЯУ «МИФИ». Опрос 1048 студентов показал, что студенты, отмечая положительные качества преподавателей, на первое место ставят «понимание студентов», «уважение», «доброту», «отзывчивость». В сумме эти характеристики набрали около 65 % ответов. На втором месте стоит «педагогическое» и «ораторское» мастерство – в сумме около 23 %, на третьем месте – «знание своего предмета» (10 %).

Представители профессорско-преподавательского состава ИАТЭ НИЯУ «МИФИ» (122 чел.) более широко осветили спектр положительных характеристик современного преподавателя. Так же как и студенты, преподаватели поставили на первое место мотивационно-личностные качества, такие как вежливость, выдержанность, высокий культурный уровень, готовность объяснить материал, дисциплинированность, доброжелательность, доступность, желание работать, желание преподавать, объективность и пр.

На втором месте по частоте упоминания характеристики, относящиеся к когнитивной сфере: квалификация, компетентность, знания, ум, профессионализм, научная деятельность и пр.

На третьем месте по частоте упоминания находятся характеристики, относящиеся к педагогическому и ораторскому мастерству, такие как умение объяснять, воспитывать личным примером, хорошая дикция, методическая грамотность.

Таким образом, делает вывод автор статьи, студенты как младших, так и старших курсов видят в преподавателе наставника, ждут от него эмоциональной поддержки, понимания, помощи. Если с первого дня обучения в вузе не поддерживать энтузиазм студентов, их

⁴³³ Леонова Е.В. Указ. соч. С. 113.

изначальный интерес к преподаваемым дисциплинам в контексте будущей профессиональной деятельности, то вполне закономерно может наблюдаться снижение учебной мотивации в дальнейшем.

Причины таких ожиданий, вероятно, кроются в характере взаимодействия семьи и учреждения образования. Исследователи отмечают, что «весьма показательны в этом смысле ответы школьных педагогов на вопрос: «Если бы каждый из родителей Ваших учащихся предложил помочь в учебно-воспитательной работе, хотя бы по одному из ее видов, то, как бы Вы отнеслись к этому?». Положительно ответили почти 98 % педагогов. Между тем это желание учителей не находит активного отклика, на что указывают результаты большинства наших опросов, проведенных среди родителей учащихся старших классов в рассматриваемый период» 434.

Иными словами, родители, как правило, стремятся переложить функцию воспитания детей на образовательные учреждения. Это, вероятно, происходит потому, что родители уходят от воспитания детей, так как заняты добыванием материальных средств, либо погружены в повседневные домашние дела. В результате дети поступают в вузы и подсознательно пытаются восполнить невнимание родителей вниманием преподавателя. Поэтому они обращают больше внимания на личные качества преподавателя, чем на профессиональные.

Однако в разных вузах могут наблюдаться разные тенденции. Так, исследование, проведенное в ФГБОУ ВПО «Пермская ГСХА», выявило, что если в 2009 году студенты обращали больше внимания на личные качества преподавателя, то в 2012 году они стали оценивать работу преподавателя, опираясь на профессиональные качества 435. Вероятно, такое смещение произошло благодаря тому, что возросли требования вуза к компетенциям студентов.

Эти данные противоречат ожиданиям студентов, поэтому понятны причины конфликтов со студентами, к которым можно отне-

 434 Бикметов Е.Ю. Взаимодействие семьи и школы в социализации индивида // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 88.

 $^{^{435}\, \}rm Пучков \ A.A.$ Идеальный образ преподавателя: социологический опрос // Высшее образование в России. 2012. № 6. С. 130–133.

сти низкую степень коммуникабельности преподавателей, отсутствие проявления личных качеств, доброго отношения.

Если говорить о том, что преподаватель должен представать перед студентами преимущественно как личность, а не просто профессионал, то вполне резонным кажется вопрос, должен ли он транслировать ценности студенческой аудитории. Сегодня ответ на этот вопрос дает М. Вебер: преподаватель должен быть нейтрален по отношению к действительности, но не избегать оценки явлений. Также он не должен навязывать ценности студенческой аудитории. Во времена М. Вебера это понималось как нейтральность по отношению к политическим ценностям.

Вот чему преподаватель должен научить студента согласно М. Веберу:

- «1) способности находить удовлетворение в выполнении поставленной перед ним скромной задачи;
- 2) признанию фактов, в том числе и в первую очередь таких, которые неудобны для него лично, и умению отделять их констатацию от оценивающей их позиции;
- 3) умению дистанцироваться при изучении научной проблемы, в частности, подавлять потребность выставлять на первый план свои вкусы и прочие качества, о которых его не спрашивают» 436 .

Лекция должна быть более ценностно окрашена, чем научный доклад. Однако всему есть предел. Необходимо отметить, что сегодня наука во многом ориентируется именно на эти тезисы M. Вебера 437 .

Между тем многие современные исследователи придерживаются и других позиций. Так, исследователь И.А. Лапшина доказывает необходимость воспитания духовно-нравственных качеств в студенте. А для этого сами преподаватели должны быть носителями таких качеств ⁴³⁸. Ее исследование опирается на данные опроса 300 преподава-

437 См.: Добреньков В.И. Ценностно-ориентированная социология.

402

⁴³⁶ Вебер М. Избранные произведения.

 $^{^{438}}$ Лапшина И.А. Востребованность духовной культуры вузовского преподавателя // СОЦИС. 2011. № 6. С. 89–93.

телей Российского химико-технологического университета (РХТУ) им. Д.И. Менделеева. Перед опросом были определены три модели ценностей преподавателей: общечеловеческая, либеральная и традиционная. Вывод исследователь делает неоднозначный: «стержнем духовной культуры преподавателя являются именно общечеловеческие иенности» 439. Необходимо отметить, что в данном случае допущена неточность, ведь респонденты отвечали на вопросы о том, каким должен быть преподаватель вуза, а не каких ценностей он придерживается. Поэтому вполне закономерно, что данные показали ориентированность преподавателей на общечеловеческие ценности.

Однако на базе РХТУ им. Д.И. Менделеева проводились опросы не только преподавателей, но и студентов (350 респондентов). Студенты выделили пять наиболее важных для них качеств преподавателя: «знание своего предмета», «умение учить студента думать», «умение связать материал с будущей профессией», «чувство юмора», «нравственность и порядочность». Однако два качества из пяти личные качества, которые дополняют идеальный образ преподавателя в сознании студентов 440. Характерно, как замечает И.А. Лапшина, что для студентов крайне важно определенное отношение преподавателя к своему предмету, то есть профессиональные качества.

Также крайне важно отметить то, что большинство студентов указали на то, что преподаватель оказывает влияние на их ценности: «Так, исследование ... показало, что современный студент считает педагога способным влиять на формирование духовного мира своего ученика. 15 % студентов ответили, что большая часть преподавателей оказывает влияние на формирование их духовно-нравственных ценностей; половина (52 %) испытывает такое влияние, но от незначительной части преподавателей. Среди формируемых под воздействием педагогов ценностей студенты в открытом вопросе отметили уважение, порядочность, доброту, стремление к самосовершенствованию. Треть опрошенных (29,8 %) хотя и высказали мнение, что

⁴³⁹ Лапшина И.А. Указ соч. С.91. ⁴⁴⁰ Лапшина И.А. Указ соч. С. 92, 93.

практически никто из преподавателей не влияет на формирование их духовного мира, но все же указали, что преподаватели научили их уважительному отношению к труду и заложили стремление сохранить природу для будущих поколений» 441.

Следовательно, преподаватели в массе своей оказывают влияние на студентов; 56 % студентов-респондентов не испытывают такого влияния от большинства преподавателей. Значит, преподаватели своими ответами описывали идеальный тип, на который сами сориентированы.

В условиях неопределенности ценностей российского общества можно согласиться с исследователем И.А. Лапшиной, что преподаватель должен оказывать влияние на формирование профессиональных и общечеловеческих ценностей у студентов.

Кроме представлений друг о друге, и студенчество, и преподавательский состав налагают ограничения на социальное взаимодействие, когда исходят из представлений о самом образовательном процессе. Здесь имеются в виду такие показатели, как представление о качестве образовательного процесса, представление о том, дает ли образование доступ к трудоустройству по специальности.

Авторы информационно-аналитического отчета по материалам социологического исследования, проведенного в 2009-2010 годах в Свердловской области, доказали, что мотивация студентов оказывает существенное влияние на представление студентов об эффективности образовательной подготовки в вузе⁴⁴². Исследователи разделили всех респондентов на три группы: респонденты первой группы (54%) высоко оценили образовательный процесс и изъявили готовность к результативному обучению. Респонденты второй группы (32 %) не согласились с тем, что вуз обеспечивает достаточные условия для качественного образования, в то время как потенциал

 $^{^{441}}$ Лапшина И.А. Указ. соч. С. 93. 442 Профессиональные стратегии и ценностные ориентации молодежи в условиях экономического кризиса: информационно-аналитический отчет / под ред. Ю.Р. Вишневского, Л.Н. Банниковой, М.В. Певной. Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2010. С. 96-104.

к профессиональному обучению у них, по их мнению, достаточно высок. К третьей группе были отнесены респонденты (14 %), не согласившиеся, что их вуз дает эффективное профессиональное образование в целом, и, следовательно, устроиться на работу по специальности практически невозможно.

При этом каждый пятый студент отметил готовность к работе по специальности. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что существующая система образования поддерживается в массе своей теми студентами, которые поступили в вуз с сильной мотивацией учиться и работать по выбранной специальности. Их доля колеблется в пределах половины от всего массива студентов. Другая половина поступила в вуз без сильной мотивации учиться и работать по специальности. У этой группы существует другой характер мотивации: получить отсрочку от службы в вооруженных силах, «потому что родители сказали», поступили потому, что «надо где-то учиться».

Сами студенты подмечают проблемы связи между системой образования и рынком труда. Так, 64 % респондентов отметили, что найти работу по выбранной специальности не очень легко, 15 % что это сделать очень трудно и 5 % – что крайне трудно 443 . В этом сходятся мнения всех трех групп респондентов.

Что касается проблем в образовательном процессе, то здесь наиболее заметно необъективное отношение преподавателей к студентам (29 % в 2007 г. и 25 % в 2009 г.); много недостатков в организации учебного процесса (27 % – 2007 г., 22 % – 2009 г.); слишком большая перегрузка, нехватка времени (23 и 21 % соответственно); слабая связь полученных знаний с жизнью и реальной работой по профессии (24 и 26 % соответственно); низкое качество преподаваемых дисциплин (16 и 12 % соответственно) 444.

Такая оценка студентов работы вуза в целом и работы преподавателей в частности приводит к тому, что падает мотивация получать

⁴⁴³ Профессиональные стратегии и ценностные ориентации молодежи в условиях экономического кризиса. С. 102. ⁴⁴⁴ Там же. С. 102–103.

образование по специальности, так как студент понимает, что для трудоустройства на «хорошее место» от него, возможно, потребуется дополнительное образование или прохождение учебной практики.

Несмотря на то, что обозреваемые исследования проводились в 2010 году, эти данные весьма актуальны не только для Свердловской области. Так, например, исследователи провели опрос в Вологодской области работодателей и работников. Среди причин нехватки специалистов на рабочие места сами работодатели отмечали достаточно высокий уровень высшего образования у принятых работников лишь в 11,8 % случаев, средний – в 61,9 %, низкий в 26,3 % случаев

Сами же работники, получившие высшее образование, отмечали, что их квалификация не соответствует требованиям их места работы только в 2,5~% случаев 446 .

Расхождения в ответах работников и работодателей, вероятно, носят субъективный характер. Тем не менее сам факт расхождения говорит о наличии проблем между рынком труда и функциональностью системы высшего образования.

Таким образом, существенное влияние на образовательный процесс в вузе могут оказывать следующие ценности студентов и преподавателей:

- профессионализм преподавателя. Он напрямую зависит от баланса личных и профессиональных качеств самого преподавателя.
 Причем на первые места, согласно рассмотренным исследованиям, в одних вузах выходят личные качества преподавателей, в других профессиональные;
- мотивация студентов к получению высшего образования. Мотивация формируется, как было показано выше, из внешних и внутренних условий. К внешним условиям, вероятно, следует отнести конъюнктуру на рынке труда и требования работодателей к квали-

 $^{^{445}}$ Устинова К.А. Сфера образования и рынок труда: проблемы рассогласования // СОЦИС. 2014. № 6. С. 97.

⁴⁴⁶ Там же. С. 99.

фикации выпускника. К внутренним – нацеленность самого студента на получение профессионального образования. Также мотивация студентов может быть обусловлена профессионализмом самого преподавателя;

– противоречивые ожидания от социальных ролей. Это противоречие раскрывается через возможный конфликт ожиданий: студенты ищут в преподавателе доброго профессионала, который, как понимающий родитель, всё расскажет и покажет. Преподаватели же при этом исходят из своих обязанностей, которые предполагают проявлений личностных качеств.

Ниже представлена сравнительная характеристика требований системы образования и ожиданий студентов ⁴⁴⁷:

Идеальная модель преподавателя (требования системы образования)	Идеальная модель преподавателя в сознании студентов	
Профессиональные качества		
Владеть методами эмоциональной саморегуляции	Умение заинтересовать	
Излагать предметный материал во взаимосвязи с дисциплинами, представленными в учебном плане, осваиваемом студентами	Умение логично преподать учебный материал	
Не прописано / не учтено	Умение грамотно и красиво говорить	
Оценивать эффективность обучения предмету (дисциплине, курсу) обучающихся, учитывать освоение ими знаний,	Последовательность в действиях, объективность	

⁴⁴⁷ Пучков А.А. Социальное взаимодействие преподавателей и студентов в условиях модернизации системы высшего образования Российской Федерации: дис. ... канд. социол. наук. Н.-Новгород, 2013. С. 129.

⁴⁴⁸ Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел "Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования": Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 11 января 2011 г. № 1 н. г. Москва. URL: http://www.rg.ru/2011/05/13/spravochnik-dok.html (дата обращения: 15.11.2011).

	 	
Идеальная модель преподавателя	Идеальная модель преподавателя	
(требования системы образования)	в сознании студентов	
овладение умениями, применение полу-		
ченных навыков, развитие опыта твор-		
ческой деятельности, познавательного		
интереса, используя компьютерные тех-		
нологии, в т.ч. текстовые редакторы и		
электронные таблицы в своей деятель-		
ности		
Знать методы и способы использования	Владение различными методи-	
образовательных технологий, в том чис-	ками обучения	
ле дистанционных, а также современные		
методы и формы обучения и воспитания		
Участвовать в пропаганде научно-	Преподаватель должен инфор-	
технических, социально-гуманитарных,	мировать студентов о своих на-	
экономических и правовых знаний.	учных исследованиях (низкая	
	значимость для студентов)	
Личностные качества		
Не прописано/не учтено	Честность	
Не прописано/не учтено	Дружелюбие	
Использование в учебном процессе зна-	Эрудированность	
ния фундаментальных основ, современ-		
ных достижений, проблем и тенденций		
развития соответствующей научной об-		
ласти; ее взаимосвязей с другими нау-		
ками		
Соблюдение прав и свобод обучающих-	Способность сочувствовать,	
ся. Поддерживание учебной дисципли-	уважение	
ны, режима посещения занятий, уваже-		
ние человеческого достоинства, чести и		
репутации обучающихся.		
Не прописано/не учтено	Общительность	
Не прописано/не учтено	Умение произвести впечатление	
Не прописано/не учтено	Постоянство в суждениях	
·	<u> </u>	

Глава V

ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

§ 1. Отчуждение и самотчуждение личности в местном самоуправлении

Одни из первых теоретических концепций отчуждения личности от управления принадлежат авторам теории «общественного договора» Т. Гоббсу, Д. Локку, Ж.Ж. Руссо. Понятие «общественный договор» означает, что граждане частично отказываются от суверенитета, полученного в «естественном состоянии», получая взамен регулирование отношений со стороны созданного государства и его органов во имя общего блага. Более глубокое теоретическое осмысление отчуждения связывают с именами немецких философов: Г. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса. Среди социологов отчуждение личности в обществе рассматривали Г. Зиммель, Г. Маркузе, Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Бергер.

Отчуждение может охватывать сферу труда, сферу экономических, политических и иных отношений. То есть отчуждение имеет свои истоки не только в экономических, но и в определенных социально-политических отношениях, когда осуществляются отстранение народа от руководства государством, специфическая обработка общественного мнения, подавление индивидуальности, разобщение людей. Обычно под отчуждением понимают процесс превращения результатов и продуктов деятельности человека в нечто, не зависящее от него и господствующее над ним. Несмотря на формальное развитие демократических механизмов, прав и свобод граждан, всё чаще рассматривается отчуждение личности в вопросах управления и местного самоуправления.

После распада СССР государство в лице его руководителей провозглашало идеи необходимости включения гражданина в процессы управления. Противопоставлялись возможности влияния на управление советского человека и современного российского гражданина. Считалось, что активные личности и сформируют так назы-

ваемое «гражданское общество», которое возьмёт на себя часть вопросов, ранее решаемых государством. Однако провозглашённые идеи всё меньше стали находить поддержку в рамках практических действий в отношении расширения участия граждан в управлении. Всё чаще граждане стали отстраняться от принятия решений в политической и экономической жизни.

Реформирование местного самоуправления по европейскому образцу, заложенному в ратифицированной Россией Европейской хартии о местном самоуправлении, должно было способствовать расширению участия граждан в управлении местными делами, развитию инициатив и активности личности 449. Но в реальности стали складываться механизмы отчуждения и самоотчуждения граждан от власти, общественной деятельности.

Отчуждение личности от участия в управлении имеет две составляющие. С одной стороны, в участии личности в управлении не заинтересовано само государство и его властные структуры на различных уровнях. С другой стороны, индивидуализированные и атомизированные личности не стремятся сами брать ответственность за решение вопросов, выходящих за пределы их ближнего окружения.

В советский период государство способствовало привлечению гражданина к различной общественной деятельности, ибо занятый продуктивной деятельностью человек имеет меньше свободного времени для чего-то «неконструктивного», вредного для государства. Его вовлечённость в общественную работу формировало убеждение, что от него что-то зависит. Таким образом, возможности государства по активации потенциала личности были существенными и использовались достаточно эффективно в рамках существовавшей системы. Вместе с тем это не означало, что личность была самостоятельной, ее активность направлялась в необходимые государству русло, она была полностью отчуждена от участия в принятии политических решений. Политические решения за гражданина принимала партия

 $^{^{449}}$ Европейская хартия о местном самоуправлении ETS N 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.). Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/2540485/#ixzz3NE8cTHCa.

и уполномоченные лица, гражданин должен был лишь их беспрекословно поддержать. Однако в социальной жизни сохранялась существенная автономия.

В современном обществе с отчуждением личности от власти произошли определённые изменения. Внешне, посредством заявлений публичного характера, правящая элита выступает за расширение прав граждан в управлении, за усиление самоорганизации и общественных инициатив. Но вместе с тем в активности личности, тем более основанной на самоорганизации, политическая власть и политические элиты видят потенциальные угрозы для своего положения. Замкнутая в своём узком круге личность – прекрасный объект для манипуляций, а активному гражданину необходимо не только всё разъяснять и объяснять, но даже приходится отчасти от него зависеть. Активные личности склонны к самоорганизации, вокруг них могут образовываться локальные сообщества, которые зачастую становятся препятствием для реализации тех или иных властных решений. Пассивная, отчуждённая личность, не участвующая в принятии решений, не требует дополнительной работы с ней.

Государство в лице правящей элиты не разработало и даже не стремится к разработке чётких критериев, условий, стимулов, гарантий, которые бы способствовали вовлечению в процесс решения местных вопросов главного субъекта местного самоуправления – местных жителей, а также отдельных личностей, чей потенциал мог бы быть реализован на этом уровне. Формируется устойчивое мнение, что наши граждане не готовы к демократии, не стремятся к участию в демократических процедурах, готовы подчиняться только чётким указаниям, которые формирует власть. Однако мы знаем, что отстранение граждан от выработки, принятия решений, контроля за их выполнением в конечном счете оборачивается против самой власти, наносит ущерб властным институтам.

Отчуждение граждан от управления осуществляется как при помощи формализованных процедур, так и в ходе складывающейся практики взаимодействия. Достаточно активно идёт процесс отмены прямых выборов на местном уровне, практически не используется

институт референдума, опросов граждан. По рекомендации федерального центра города, в том числе региональные столицы, меняли уставы, с тем чтобы мэры избирались не на прямых выборах, а из числа депутатов местных представительных органов.

С точки зрения современной власти отмена прямых выборов позволяет местным бюджетам сэкономить деньги на проведение муниципальных выборов, снизить градус напряжённости во время менее предсказуемых выборов глав муниципалитетов, меньше расходовать времени на использование административного ресурса на территориях значимых муниципалитетов. Однако, по сути, отмена выборов глав местного самоуправления приводит к отчуждению местных жителей от участия в управлении, всё больше превращает этот институт низовой демократии в послушный придаток региональной власти. Можно согласиться с мнением известного политолога, генерального директора Центра политических технологий И. Бунина, отметившего, что централизация системы власти дошла до тупика 450. Не имеющие поддержки общества главы муниципалитетов управляют с оглядкой на региональную власть, пасуют перед принятием самостоятельных решений. Кроме того, любые действия власти граждане склонны воспринимать критически, подозревая власть в корысти либо некомпетентности.

Власти используют ряд механизмов, через которые граждане могут приобщиться к управлению, но они, как правило, носят консультативный характер. Применяются публичные слушания, формируются общественные палаты при органах власти. Но граждане имеют мало информации о своих возможностях в рамках данных форм. То есть сильно противоречие между необходимостью реального и активного участия населения в осуществлении местного самоуправления и существующей на сегодняшний день практикой фор-

⁴⁵⁰ Савина Ю. «Перекрученная» вертикаль // Новые известия. 2011. 30 июня. URL: http://www.newizv.ru/politics/2011-06-30/146951-perekruchennaja-vertikal.html.

мального участия и пассивностью большинства граждан, возникающей в результате социально-управленческого отчуждения⁴⁵¹.

Кроме отчуждения личности от управления в силу незаинтересованности власти, мы отмечаем и самоотчуждение личности от управления, различных форм общественно-политической активности на местном уровне. Оно состоит в том, что личность не стремится пользоваться имеющимися возможностями, не веря в пользу для себя или своего близкого окружения.

За два десятилетия жизни в условиях современного российского общества, сформировался тип личности, скептически оценивающий свои возможности во влиянии на власть, в воздействии на принятие решений. Активность личности современного человека в основном сконцентрирована вокруг интересов не общественного, а частного характера, то есть семьи, работы, досуга, но редко выходит на более широкий уровень. Действительно, в 90-х годах XX века по социально-политическим причинам произошел важный ценностно-нормативный сдвиг: на первом плане оказалось не коллективное, а личное. Социальные взаимодействия, социальные привычки и социальные были традиции общего характера заменены индивидуальноличными.

Английский социолог 3. Бауман отмечал, что современное общество базируется на индивидуализированности и атомизированности людей. Атомизация состоит в том, что общество дробится на отдельных индивидуумов, которые поддерживают между собой минимальный уровень общения, социальные связи также характеризуются слабостью. «Атомизированные индивидуумы», которые порождаются современным обществом, оказываются мало способными к устойчивым социальным связям за пределами семьи, работы.

«Индивидуум – худший враг гражданина», – отмечал 3. Бауман, ссылаясь на А. де Токвиля. «Гражданин – это человек, склонный добиваться собственного благополучия через благополучие города, то-

413

⁴⁵¹ Хабибрахманова Э.Х. Социально-управленческое отчуждение в системе местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2010. С. 11.

гда как индивидуум склонен быть равнодушным, скептически настроенным или настороженным к «общей причине», «общему благу» 452. Человек рассчитывает только на свои индивидуальные усилия и достижения, не осознавая того, что, отграничивая себя от той или иной социальной общности, он не сможет решить проблемы общего значения. То есть даже в условиях кризиса личность рассчитывает на благополучный для себя лично исход, так как верит в предпринимаемые индивидуальные усилия.

Исходя их этого личность мало интересуют различные формы, при которых она, интегрируясь с другими индивидами, могла бы принимать участие в управлении, решении местных проблем.

Атомизации и индивидуализации, а соответственно, и самоотчуждению на местном уровне способствует и транзитное положение многих личностей. Оно состоит в том, что когда человек из небольшого города оседает в крупном городе, он рассматривает его как временное пристанище для последующего переезда в более крупный город. Это явление достаточно распространено в современном российском обществе. А такая личность имеет крайне слабые социальные связи с другими жителями, местной социальной, культурной, политической средой. Гражданин ожидает, что кто-то другой возьмёт на себя ответственность за участие и принятие решений, а он включится в деятельность лишь тогда, когда это будет ему необходимо.

Самоотчуждение граждан связано и с очень большим социальным расслоением в обществе. Неприятие друг друга носит характер скрытой напряжённости. Разница в уровне жизни, перспективах развития не способствует солидарности между полярными группами. У них не возникает желания объединять свои усилия для решения даже тех проблем, которые носят общий характер. Бедные не стремятся участвовать в решении общих вопросов, не веря в возможности солидарного их решения. Богатые предпочитают решать свои проблемы индивидуально, снижая зависимость от других групп.

 $^{^{452}}$ Бауман 3. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 44.

С политическим самоотчуждением на местном уровне ситуация складывается ещё более однозначно. Большинство граждан игнорирует местные выборы, не участвует в деятельности местных политических организаций, считая политическую активность отклонением от нормы. Это несмотря на то, что возможности участия прописаны в большом количестве нормативных актов. Явка на местные выборы низкая, поэтому сформированные выборные органы не отражают в полной мере мнение населения. Для увеличения явки избирателей местные власти стараются совмещать местные выборы с выборами федеральными и региональными, тем самым искусственно привлекая к ним избирателей. Да и политический выбор зачастую определяется избирателями пенсионного возраста и представителями бюджетной сферы, что также не отражает весь спектр мнений и интересов. Попытки властей взывать к гражданским чувствам людей не приводят к нужному результату, то есть налицо типичное политическое самоотчуждение личности от участия в формировании власти, принятии решений.

Активному участию личности в местном самоуправлении препятствует низкое доверие власти, её формализованным институтам. Однако сохраняется доверие конкретным представителям власти, так как власть в России во многом персонифицирована. Граждане могут доверять местной власти в целом только потому, что они доверяют личности главы города, и наоборот. Но отношения власти и общества редко носят характер полноценного партнёрства.

Самоотчуждение граждан от общественных формализованных институтов также выглядит очевидным. Если в развитых странах общественные организации на местном уровне имеют влияние на власть, объединяя активных граждан, то у нас количество и качество этих организаций весьма низкое. Общественные организации — это одна из основ развитого местного самоуправления и активная единица любого местного сообщества, участие в них позволяет снизить уровень отчуждения граждан от решения местных проблем. Тем не менее большинство граждан не считает подобные организации влиятельными. Так, по данным И.В. Мерсияновой, лишь 2–3 % рос-

сиян называют их в ряду субъектов, в наибольшей степени влияющих на местную ситуацию 453. Другими словами, граждане самоотчуждаются и от решения местных проблем посредством членства или помощи подобным организациям. Кроме того, сама местная власть не имеет большой заинтересованности в существовании подобных организаций, опасаясь их оппозиционности и перехода от решения социальных проблем к вопросам политического характера.

Значимую роль общественные организации играют в отношении мобилизации ресурсов как личности, так и сообщества, как регуляторы взаимодействия между властью и бизнесом в интересах местного развития.

Участие в управлении для граждан невозможно без политической активности местных сообществ и групп, а раз она низкая, личность ищет альтернативные возможности в решении местных проблем, но без привлечения власти. Существенную роль в росте общественной активности, социальной ответственности на местном уровне призвано сыграть волонтёрство, социальные проекты. Не секрет, что социальные и экономические проблемы в России растут как снежный ком, властные структуры почти всех уровней продолжают снимать с себя социальные обязательства, что неизбежно отражается на качестве жизни граждан, особенно наименее социально защищённых. Восполнить эти недостатки хотя бы частично можно путем вовлечения активных граждан в волонтёрское движение. Поскольку волонтерство — это неоплачиваемая, сознательная, добровольная деятельность на благо других, то выгоды от неё очевидны.

Волонтёрское (добровольческое) движение – пример эффективной самоорганизации «снизу», причём охватывающей, скорее, не старшее поколение, а молодёжь. Это связано с тем, что молодые люди по своим социально-психологическим качествам являются более отзывчивыми, остро реагирующими на несправедливость и соци-

 $^{^{453}}$ Мерсиянова И.В. Проблема формирования социальной базы местного самоуправления в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 65.

альные проблемы. Граждане же после 30 лет и до 60 более сосредоточены на семейных, профессиональных, бытовых проблемах. В одиночку добровольчеством занимаются около 14,5 млн человек, организованным путём в добровольчество вовлечено около 2 млн человек через инициативные группы и движения, около 3,3 млн человек – по месту жительства, 5,1 млн человек – по месту работы 454.

Активно создаются и общественные советы, общественные палаты при органах власти, через которые власти стремятся наладить диалог с обществом, привлечь к нему авторитетных представителей местных сообществ. Но это, скорее, начало пути.

В современном российском обществе личность гражданина, несмотря на декларативные заявления, является отчуждённой не только в сфере экономики и труда, но и, как было сказано, в сфере управления, влияния на принятие решений. Основную роль в местном самоуправлении продолжают играть органы управления, а гражданам отводится роль пассивных статистов. Личность в системе местного самоуправления занимает в целом отстраненную позицию, или её участие в местных управленческих процессах носит формальный характер. Отчуждение личности закладывается на политическом, правовом уровне, а самоотчуждение - на социальном и психологическом. Отчуждение граждан от управления ведёт к нарастанию негативных тенденций в институте местного самоуправления: снижается качество и эффективность реализации решений, граждане лишаются мотивации к участию в управлении, снижается ответственность за качество принимаемых решений. Преодоление отчуждения происходит преимущественно на индивидуальном уровне, где результат является наиболее очевидным гражданину.

§ 2. Студенческое самоуправление

Студенческое самоуправление: понятие и отечественная практика реализации. Под управлением в общественных науках

 $^{^{454}}$ Доклад о состоянии институциональной благотворительности в Российской Федерации. М.: Форум доноров, 2011.

понимают функцию социальной системы по сохранению целостности ее структуры и содействию деятельности системы для достижения ее цели. Самоуправление в этом случае означает управление деятельностью организации или социальной общности, реализуемое самими их членами либо непосредственно, либо опосредованно – через выбранных представителей. Подобное управление всегда интересовало лучшие умы человечества, размышление о подобных принципах построения общества можно найти в трудах различных философов от Платона до К. Маркса. Термин «самоуправление» изначально связывался с местным, наиболее низким уровнем власти 455, и только постепенно его стали употреблять применительно к образовательным учреждениям.

Самоуправление изучается различными науками и рассматривается в ряде учебных дисциплин, среди которых государственное и муниципальное управление, педагогика, социология и др.

Самоуправление в вузе - это проявление демократизации студенческой жизни. При рассмотрении понятия «самоуправление» ученые отмечают его необходимые условия: власть и нормативно регулируемую свободу⁴⁵⁶. Этому соответствует научная позиция, определяющая самоуправление в вузе как часть воспитательного процесса с демократическими методами управления 457.

Самоуправляющиеся коллективы – это результат самостоятельного объединения людей для осуществления своих интересов 458. В данных объединениях сочетаются, казалось бы, такие несовместимые цели - интеграция индивидов и самореализация личности, т.е. противоречащие друг другу единение и самоутверждение.

456 Белоцерковский В. Самоуправление: будущее человечества или новая утопия? М.: Интер-Версо, 1992. С. 25.

⁴⁵⁵ Коротких Л.И. Студенческое самоуправление: истоки и перспективы // Среднее профессиональное образование. 2009. № 11. С. 39.

⁴⁵⁷Андруник А.П. Самоуправление студентов в учебной деятельности как средство формирования личностных качеств будущих специалистов // Вестник Перм. гум.-технол ин-та. Образование, воспитание, менеджмент качества, инновации. Пермь, 2008. № 8. С. 262.

⁴⁵⁸ Белоцерковский В. Указ. соч. С. 26.

Среди основных характеристик самоуправления выделяют: независимость в управлении собственной социальной группой; автономность в целеполагании; самостоятельность принятия решений; участие членов социальной группы в принятии и осуществлении управленческих решений, стирание грани между субъектом и объектом управления (в соответствии с расхожим выражением «Рядовой выходит в управленцы»).

При этом самоуправление в вузе не означает полной самостоятельности, независимости студентов от руководства образовательного учреждения. Студенческое самоуправление подразумевает взаимодействие, партнерские отношения с преподавателями и администрацией вуза 460.

Как правило, задачи студенческого совета (или иной формы реализации самоуправления в вузе – студенческого профкома, совета командиров и пр.) предполагают:

- представление интересов обучающихся перед профессорскопреподавательским составом и администрацией вуза;
- общественную деятельность, организацию различных внеучебных мероприятий;
 - обеспечение информацией о студенческой жизни.

Результатом самоуправления может стать создание условий для самореализации личности, удовлетворения ею культурных, гражданских, организационных, профессиональных потребностей.

На научных конференциях и круглых столах в современной России подчеркивается необходимость коллективных форм деятельности среди молодежи, не ограниченной лишь учебными целями. 461 Нынешнее студенческое самоуправление функционирует в условиях

 $^{^{459}}$ Хрулькова Ю.В. Современная модель студенческого самоуправления в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева // Университетское управление. 2009. № 1. С. 74.

⁴⁶⁰ Андруник А.П. Указ. соч. С. 262.

 $^{^{461}}$ Современный воспитательный процесс: состояние и проблемы («круглый стол») / В.В. Дубицкий, А.Е. Крухмалев, В.Ф. Шрейдер, В.Г. Пузиков, И.А. Огородникова, Н.К. Поздняков, О.Г. Дука, Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 89.

отсутствия молодежных организаций, существовавших прежде. При этом нередко самой молодежью оно воспринимается как очередная бюрократическая система 462 и негативно характеризуется через понятия «самоуправство», «вседозволенность», «анархия» и «отсутствие лисциплины» 463.

В Западной Европе студенческое самоуправление представлено более широким спектром видов деятельности: кроме спортивных и творческих мероприятий (которыми чаще всего ограничивается самоуправление в России), существуют также волонтерские и общественно-политические движения 464. В США студенческое самоуправление направлено на формирование таких качеств личности, как желание служить обществу (например, благодаря волонтерству), активная жизненная позиция и нравственность 465.

В научной среде нередко поднимается вопрос о влиянии учреждений образования и деятельности студенческого самоуправления на социализацию личности 466. Студенческое самоуправление как инструмент воспитания обучающихся особенно широко рассматривается в работах Г. Кершенштейнера и Д. Дьюи.

Говоря о развитии студенческого самоуправления в нашей стране отечественные ученые 467 предлагают его деление на три периода: с 1987 – до 1991 года длился комсомольский этап (ориентирующийся в большей мере на воспитательные цели), с 1990 - по 2006 год профсоюзный этап (поскольку именно профсоюзы взяли на себя большинство функций самоуправления) и с 2005 года наблюдается мультиорганизационный этап (когда в системе студенческого само-

420

⁴⁶² Современный воспитательный процесс. С. 89.

⁴⁶³ Попов В.Р. Студенческое самоуправление: опыт сравнительного историкосоциологического анализа // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 219.

⁴⁶⁴ Современный воспитательный процесс. С. 89.

⁴⁶⁵ Мартынова М.Д. Развитие лидерства и социальной активности молодежи в системе высшего образования как основание для формирования управленческих качеств будущих специалистов // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 5-6 (28). C. 129.

⁴⁶⁶ См.: Хрулькова Ю.В. Указ. соч. С. 74; Коротких Л.И. Указ. соч. С. 42. ⁴⁶⁷ Попов В.Р. Указ. соч. С. 211.

управления сосуществуют различные студенческие организации и разнообразные модели деятельности).

Динамика изменения представления молодежи о самоуправлении в российском вузе свидетельствует о переходе к доминированию в сознании современных студентов досугово-развлекательной формы студенческой деятельности 468. Пермские студенты не исключение.

Студенческое самоуправление в г. Перми. Наше пилотажное исследование среди учащихся пермских высших учебных заведений 469 посвящено самоуправлению. В структуре самоуправления расматривались эмоционально-когнитивный и поведенческий компоненты.

Поведенческий компонент самоуправления в вузе характеризуется частотой посещения студентами внеучебных мероприятий образовательного учреждения; разнообразием видов внеучебных мероприятий, посещаемых учащимися; членство в студенческом совете или ином подобном органе; решением собственных проблем при посредничестве студсовета.

Эмоционально-когнитивный компонент определялся представлениями студентов об органах студенческого самоуправления.

В качестве факторов, воздействующих на проявления самоуправления, рассматривались курс обучения и успеваемость студента.

Итак, начнем с поведения студентов в сфере самоуправления. Большинство опрошенных не является членами студенческого объединения по самоуправлению: состоят в студсовете 12,0 % респондентов; не состоят, но хотели бы в нем оказаться 12,7 %; не вступили в студенческий совет и не имеют такого желания 75,3 % опрошенных.

Возможно, освоение учебной программы или неуспеваемость оказывают влияние на поведение студентов в сфере самоуправления. Как видим из табл. 38, от успеваемости членство в студсовете на-

 $^{^{468}}$ Попов В.Р. Указ. соч. С. 218. 469 Анкетный опрос был проведен в пермских вузах в 2014 году на 2-м и 5-м курсе обучения (N = 166).

прямую не зависит. Студенты, «провалившие» сессию, и «отличники» не имеют желания оказаться членом студсовета. Резко отличаются друг от друга две категории студентов: «хорошисты» и сдавшие сессию «удовлетворительно». Среди первых больше, чем среди «троечников», членов студенческого совета (в 2 раза) и желающих в него вступить (в 1,5 раза), зато меньше негативно относящихся к идее оказаться в составе студенческого самоуправляющего органа (почти на 20 %).

Таблица 38 Влияние успеваемости студентов на возможность членства в студенческом совете (в %)

Членство	Последняя сессия сдана			
в студсовете	«ОТЛИЧНО»	«хорошо» и «отлично»	«удовлетво- рительно»	сессия не сдана
Состоят	0,0	20,3	9,4	0,0
Не состоят, но хотели бы вступить	0,0	18,8	12,5	0,0
Не состоят и не хотели бы вступить	100,0	60,9	78,1	100,0

Невхождение в состав представителей студсовета не означает полного равнодушия к проводимым данным органом мероприятиям: ³/₄ респондентов не является членом студенческого совета, лишь около четверти учащихся не интересуются внеучебными мероприятиями, что проявляется в отсутствии на них (табл. 39).

Среди имеющих опыт участия в мероприятиях, не связанных с учебой, популярна «Студенческая весна» (40 %); «Школу лидера» и различные мероприятия спортивного характера посещают в 4 раза реже (примерно по 10 %).

Все неучебные мероприятия, посещаемые респондентами, можно сгруппировать в несколько кластеров: обучающие (тренинги, мастер-классы), общественно-политические, творческие и спортивные.

Наиболее широко, разнообразно представлена творческая деятельность студентов, что выявляют и другие социологические исследования.

Таблица 39 Участие пермских студентов разного курса в студенческих мероприятиях (в %)

Мероприятия	2-й курс	5-й курс	Всего
Студенческая весна	55,1	29,9	40,3
Парад университетов	4,3	9,3	7,2
Спортивные мероприятия	15,9	6,2	10,2
КВН	1,4	4,1	3,0
Демонстрация 1 мая	0,0	5,2	3,0
Школа лидера	30,4	1,0	13,3
Конкурс студсоветов	0,0	2,1	1,2
Дебют первокурсника	4,3	0,0	1,8
Звездный трамплин	0,0	1,0	0,6
Точка отсчета	1,4	0,0	0,6
Суперстудент	2,9	1,0	1,8
Не участвую в подобных мероприятиях	26,1	28,9	27,7

К окончанию вуза заметно снижение интереса студентов к обучающим мероприятиям, напрямую не связанным с получаемой специальностью: «Школу лидера» и «Точку отсчета» посещают почти 32 % второкурсников и всего 1 % студентов старших курсов. Однако параллельно с этим снижаются и визиты на творческие (с 68 до 47 %) и спортивные мероприятия (с 16 до 6 %). Это говорит об общем снижении активности участия студентов в мероприятиях, не связанных с учебой. Происходит это не за счет выбывания учащихся из сферы внеучебных мероприятий (доля неучаствующих ни в одном из мероприятий на 2-м и 5-м курсе примерно постоянна – 26–29 %), а за счет

сокращения разнообразия посещаемых мероприятий. По-видимому, это связано с постепенным определением интересов студентом.

В связи с этим необходимо учитывать, насколько часто студенты оказываются вовлеченными в подобные мероприятия, независимо от того, являются они активными его участниками или простыми наблюдателями (табл. 40).

Таблица 40 Частота посещения студентами мероприятий университета, не связанных с учебой (в %)

1 раз в месяц и чаще	7,2
1-2 раза в семестр	13,9
1 раз в год	24,7
Реже 1 раза в год	26,5
Никогда не участвовали	27,7

В нашем исследовании наблюдается обратная зависимость между регулярностью посещений внеучебных мероприятий вуза и числом студентов: не реже одного раза в месяц оказываются на вузовских мероприятиях, не связанных с обучением, примерно 7 % опрошенных, 1–2 раза в семестр – почти 14 %, раз в год – около 25 %, реже 1 раза в год или никогда не участвовали в подобных мероприятиях – примерно по 27 % респондентов. Более того, число посетителей мероприятий университета, не связанных с учебой, убывает в геометрической прогрессии по мере роста частоты посещений от 1 раза в год до 1 раза в месяц.

Реализация самоуправления происходит и на поведенческом уровне. Использование возможностей студенческого совета для решения насущных проблем учащимися представлено в табл. 41.

1/5 часть опрошенных пыталась решить свою проблему с помощью студсовета (19%). Обратившиеся в этих целях в студенческий совет разделились примерно поровну: на тех, кому проблему удалось таким способом решить, и на тех, кому это не удалось. Решенные во-

просы связаны с учебой, проживанием в общежитии, стипендией, возможностями отдыха на море и пр.

Таблица 41 Решение проблем студентами с помощью студсовета (в %)

Решили проблему	8,4
Обращение не решило проблему	10,8
Не обращались в Студсовет за помощью	80,7

Эмоционально-когнитивный компонент самоуправления в вузе определяется представлениями о нем студентов (табл. 42). В целом по выборке оказалось, что, по мнению большей части опрошенных, студсовет не располагает большими полномочиями и поэтому только производит впечатление самоуправления в университете (примерно треть респондентов дала подобный ответ), гораздо меньшее число учащихся склонно отмечать, что студсовет призван отстаивать интересы студентов и оказывать помощь в решении их проблем (около четверти опрошенных).

Ответы студентов разных курсов обучения свидетельствуют об отличиях в их представлениях о самоуправлении в вузе. Если для старшекурсников студенческий совет — это имитация деятельности по самоуправлению в учебном заведении, а не реальное ее осуществление (44 %), то для младших студентов — это либо объединение, «представляющее интересы студентов перед администрацией вуза» (26 %), либо совсем неизвестное учреждение (23 %). Бросается в глаза также, что для большой доли второкурсников, студенческий совет — «возможность самому не оставаться в стороне, лично управлять делами в своем вузе» (почти 15 %), среди обучающихся 5-й год такого мнения придерживается лишь 1 % опрошенных.

Таблица 42 Видение студсовета студентами 2-го и 5-го курса (в %)

Студенческий совет	2-й курс	5-й курс	Всего
Возможность самому не оставаться в стороне, лично управлять делами в вузе	14,5	1,0	6,6
Организация, представляющая Ваши интересы в администрации вуза и помогающая студентам решить их проблемы	26,1	21,6	23,5
Лишь имитация самоуправления в вузе (в силу не- больших полномочий и подчиненного положения)	20,3	44,3	34,3
Ненужная бесполезная организация	14,5	24,7	20,5
Неизвестная организация	23,2	4,1	12,0
Отдых от учебы	0,0	1,0	0,6
«Отмывание» денег вуза	0,0	1,0	0,6
Затруднились ответить	1,4	2,0	1,8

По мере обучения в вузе в 5 раз сокращается, по вполне понятным причинам, количество студентов, называющих студсовет неизвестной ассоциацией. При переходе от курса к курсу наблюдается и снижение (в 14 раз) уверенности в том, что студенческий совет позволит учащемуся быть актором в делах управления вузом. При этом среди студентов более чем в 2 раза возрастает число интерпретирующих данное объединение учащихся как подражание, имитацию самоуправления, но не реальное его наличие; к 5-му курсу почти в 2 раза увеличивается число согласных с утверждением, что «студсовет – ненужная бесполезная организация».

Только старшекурсники предложили свои варианты ответа на вопрос, чем для Вас является студсовет. Так, были названы: «средство отдыха от обучения» (по-видимому, за счет смены вида деятельности) и «нелегальные способы заработка с помощью наличия студсоветов» («отмывание» денег учебного заведения) (по 1 %).

Если сложить все позитивные трактовки студенческого совета (имеются в виду такие варианты ответа: «возможность самому не оставаться в стороне, лично управлять делами в своем вузе», «организация, представляющая интересы студентов в администрации вуза и помогающая решить их проблемы» и «отдых от учебы»), то станет очевидным более позитивное отношение к нему со стороны студентов младших курсов (40 %) по сравнению со старшекурсниками (24 %).

Следовательно, в представлении о том, что собой представляет студенческий совет, большую роль играет курс обучения.

Мы попытались также выяснить, как смотрят студенты на данную форму самоуправления в вузе в зависимости от вхождения в студсовет (табл. 43).

Таблица 43
Влияние членства в студсовете на его характеристику студентами (в %)

Студенческий совет	Не состоящие в студсовете	Члены студсовета
Возможность самому не оставаться в стороне, лично управлять делами в вузе	3,7	22,2
Организация, представляющая Ваши интересы в администрации вуза и помогающая студентам решить их проблемы	21,3	29,6
Лишь имитация самоуправления в вузе (в силу небольших полномочий и подчиненного положения студенческого совета)	35,3	29,6
Ненужная бесполезная организация	23,5	7,4
Неизвестная организация	14,7	0,0
Отдых от учебы	0,7	0,0
«Отмывание» денег вуза	0,7	0,0
Затруднились ответить	0,0	11,1

Отсутствие членства в студенческом совете дает более негативное представление учащихся о данной организации: не состоящие в студсовете чаще его представителей отзываются о нем как о ненужном объединении (24 против 7%), как об ассоциации для «отмывания» денег (1 против 0%), как об имитации самоуправленческой деятельности (35 против 30%). Наибольшая доля не входящих в состав студсовета сомневается в его возможностях управлять делами вуза (более трети).

В то же время наиболее популярные ответы активистов студенческого совета противоречат друг другу: около 30 % из них считает студсовет органом, имеющим реальные рычаги воздействия для решения студенческих вопросов, другие 30 % полагают, что его управленческие возможности заявлены лишь формально, что имитирует наличие самоуправления в образовательном учреждении. Настораживает также доля не определившихся с тем, что представляет собой организация, в которой они состоят (более 11 %).

Показательна также информированность студентов о руководителе студенческой организации. Председателя студсовета своего вуза смогла назвать пятая часть респондентов (22,3 %). Не большинство, но это неплохой показатель, поскольку он тем не менее превышает число опрошенных студентов, входящих в состав студенческого совета (12 %).

Согласно социологическому исследованию, студенческое самоуправление в г. Перми реализуется через творческую, спортивную, обучающую и общественно-политическую деятельность учащихся в вузе. По мере перехода с курса на курс сокращается спектр посещаемых учащимися мероприятий. Снижается число студентов по мере увеличения частоты посещений внеучебных мероприятий вуза. Участие в студенческих мероприятиях, не связанных с учебой, не зависит от формального членства в органах самоуправления в вузе. Также не зависит от этого информированность студенческой молодежи о руководителе их студенческой организации. Большинство опрошенных характеризует студенческий совет своего вуза как имитацию самоуправления, подчеркивая его бесправное и подчиненное положение. Позитивное отношение к студсовету заметно чаще встречается у студентов младших курсов по сравнению со старше-курсниками. Более негативные интерпретации данной организации дают респонденты, не являющиеся членами студенческого совета.

Таким образом, на эмоционально-когнитивном уровне самоуправление в вузе для студентов вырисовывается чаще как формально заявленное, а не реально действующее управление снизу. На поведенческом уровне современное студенческое самоуправление тяготеет к легким развлекательным формам деятельности.

§ 3. Инновационный потенциал менеджеров среднего звена в современном российском обществе

Социальный слой менеджеров среднего звена (МСЗ) переживает период становления, а его социальные харатеристики и динамика определяются рискогенностью их деятельности, находящейся на острие процессов инновационного развития отечественной экономики, индивидуализации их трудовой деятельности на фоне информатизации, а также общим пониманием необходимости экстренной модернизации социально-экономического развития.

Во многом данная социальная группа объединена за счет общности социальных установок, стиля жизни и даже особенностей поведения, несмотря на индивидуальные особенности и черты характера, определяющие стиль управления ⁴⁷⁰.

В то же время современное состояние социальной группы МСЗ характеризуется высокой гетерогенностью как по демографическим показателям (половозрастные диспропорции, выражающиеся в преобладании женщин и молодых людей в возрасте до 40 лет), так и по человеческому капиталу (разброс уровня компетентности при явно выраженной направленности на повышение своего образовательного уровня).

⁴⁷⁰ Калмынина Т.В. Становление института менеджмента в условиях трансформации российского общества (на примере Республики Бурятии): автореф. дис. ... канд. социол. наук / Бурят. гос. ун-т. Улан Удэ, 2009. 26 с.

На основании проведенного исследования⁴⁷¹ выделяются пять «идеальных типов» МСЗ (в нотации М. Вебера), не встречающихся в реальной жизни в чистом виде. Однако они дают представление о распределении и взаимосвязи психологических, социально-демографических и профессиональных особенностей среди российских менеджеров среднего звена:

- группа «Альтруисты» составляет 33 % выборки. Такие менеджеры ориентированы на нематериальный успех, как общественную полезность деятельности человека. Они открыты, бескорыстны, ответственны, требовательны к себе и подчиненным, трудолюбивы. Но в наименьшей степени креативны;
- группа «Эгоистичные идеалисты» насчитывает 21 % выборки. Менеджеры в этой группе стремятся к достижению материального благополучия и независимости вкупе с душевной гармонией. Они показывают коллективизм, перфекционизм, толерантность. Многие по складу ума эстеты и увлеченные личности. Являются идеальными сотрудниками и исполнителями (ответственные, порядочные, самокритичные и т.д.), замечательно уживаются в коллективе;
- группа «Материалисты» занимает 19 % выборки. Менеджеры этой группы ориентированы на согласованность с обществом в ущерб внутренней свободе и демонстрируют амбициозность, нацеленность на результат, рациональность и прагматичность, предприимчивость. Но при этом менее, чем менеджеры других групп, связаны ограничениями общественной морали;
- группа «Трудяги-реалисты» составляет 16 % выборки. Стремятся к достижению материального благополучия через трудолюбие, демонстрируя прагматизм и реализм, упорство и консерватизм вкупе с дисциплинированностью, но при этом пассивны и ограничены своими материальными интересами;

⁴⁷¹ Авторское исследование « Тенденции и факторы социальной динамики менеджеров среднего звена в условиях инновационно-информационной трансформации российского общества» (анкетный опрос, респонденты – 481 менеджер среднего звена, представляющие 18 отраслей экономики на территории России, 2013 г.).

– группа «Фрилансеры» насчитывает 9 % выборки. Нацелены на достижение личной свободы в ущерб материальному достатку и общественной полезности. Это, как правило, самоуверенные, самостоятельные, жизнерадостные люди, в значительной степени неформалы.

Таким образом, менеджеры среднего звена – внутренне неоднородная социальная страта, и не только из-за различий в уровне дохода, вызванного существенной отраслевой дифференциацией оплаты труда, но и различных ценностных установок, а также отношения к жизненному успеху. Система ценностей, согласно которой человек с каждым днем совершенствуется в личном и профессиональном плане, отражает личностную сторону качества управленца ⁴⁷². Таким образом, оценивая превалирующие мотивационно-ценностные установки и компетенции в выделенных по отношению к социальному успеху группах (слоях) менеджеров среднего звена, мы можем судить об уровне их совокупного управленческого, а значит, и инновационного потенциала.

Далее в рамках методологии SWOT-анализа⁴⁷³, применяемого в стратегическом планировании, выполнена сравнительная характеристика сильных и слабых сторон выявленных групп менеджеров среднего звена, а также их потенциальных социальных возможностей. В качестве критериев для анализа выбраны те характеристики, которые необходимы менеджерам среднего звена в условиях инновационного развития предприятий, а именно:

– нацеленность на творчество и инновации, проявляемые в профессиональной деятельности через изобретательность⁴⁷⁴ и креативность, которая верифицируется нацеленностью на самореализа-

 $^{^{472}}$ Стегний В.Н., Севастьянова И.Т., Спосиб А.Г. Мотивация инновационной проектной команды // Инновации. 2010. № 12(146). С. 95–99.

⁴⁷³ https://ru.wikipedia.org/wiki/SWOT-%E0%ED%E0%EB%E8%E7

 $^{^{474}}$ Гарипов Р.Р. Образ жизни современного менеджера: дис. ... канд. социол. наук. Казань, 1999. 145 с.

цию, профессиональный альтруизм, ценности свободы, творчества, социальной солидарности, уверенности и развития личности ⁴⁷⁵;

- *уровень человеческого капитала* отражает имеющиеся образование (формальное и неформальное), стаж и общий кругозор, а также нацеленность на повышение своего образования в будущем⁴⁷⁶. Известно, что высокая активность менеджеров в отношении неформального обучения предопределяет их повышенную эффективность в управлении⁴⁷⁷;
- коммуникативная компетентность характеризует коммуникативные навыки, умение мотивировать сотрудников, организовывать групповую работу, формировать коллектив и предупреждать в нем конфликты⁴⁷⁸, успешность и адекватность в сфере взаимодействия менеджера с людьми⁴⁷⁹. Компетентность в области межличностных коммуникаций увеличивает взаимное доверие в подразделениях организации, поощряет совместную поддержку, ускоряет решение вопросов⁴⁸⁰ и создает предпосылки для формирования сильной внутрикорпоративной культуры;
- управленческая (профессиональная) компетентность подразумевает использование менеджерами многообразия социальных технологий 481 , умение планировать деятельность, знание научных

 475 Волков Ю.Г. Креативный класс: поиск социологического концепта // Россия реформирующаяся. 2010. № 9. С. 43–60.

⁴⁷⁶ Шабанова М.А. Новое поколение предпринимателей и менеджеров в меняющейся институциональной среде // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3, № 2. С. 23–38.

 477 Сарно А.А. Типы менеджеров, их инновационная активность // Проблемы развития инновационно-креативной экономики – 2009: сб. науч. ст. М.: Креативная экономика, 2009. С. 208–229.

 478 Полянова Л.М. Социальная оценка управленческого персонала как фактор совершенствования системы управления организацией: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2009. 177 с.

⁴⁷⁹ Бушкова-Шиклина Э.В. Ценностные ориентации менеджеров и процесс принятия управленческих решений: корреляционные связи: дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2007. 203 с.

⁴⁸⁰ Севастьянова И.Г., Стегний В.Н., Руруа Г.А. Модель мотивации проектной деятельности // Учен. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 1. С. 99–103.

⁴⁸¹ Казаков В.В. Ролевой потенциал руководителя среднего звена строительной

432

методов управления и принятия решений, ориентацию в предметной области деятельности организации⁴⁸². В этом показателе также учитывается нацеленность на повышение уровня управленческой компетентности:

- информационная компетентность, т.е. умение работать с информацией и документацией, анализировать данные и контактировать с сотрудниками и другими менеджерами с использованием компьютеров. Являясь олицетворением «цифровой эпохи», она рассматривается как отражение одновременно профессиональной компетентности, уровня человеческого капитала и коммуникационной компетенции 483:
- владение иностранными языками как необходимая компетенция менеджера, ориентированного на инновационные проекты, подразумевающие высокий уровень интеграции иностранных разработчиков и продвижение продуктов на международные рынки;
- *стиль управления* и его гибкость 484, которыми оцениваются волевые качества менеджеров (превалирование динамической или инертной воли)⁴⁸⁵ а также уровень настойчивости, смелости и ответственности. Сюда же примыкает прогрессивность применяемых при управлении методов. Менеджеры среднего звена, целеустремленные и настойчивые оказываются более управляемыми и толерантными к изменениям (адаптивными) 486, а инновационные процессы эффек-

организации: опыт социологического анализа: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2007. 192 с.

482 Гарипов Р.Р. Образ жизни современного менеджера.
483 Вишневский Ю.Р., Дидковская Я.В., Певная М.В. Проблемы профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий // Информационно-аналитический отчет. – Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2011. 167 с.

⁴⁸⁴ Любенко Д.Л. Воздействие социального образа профессии на управленче-

скую активность менеджера: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2003. 184 с. ⁴⁸⁵ Узнадзе, Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 451 с.

⁴⁸⁶ Волков И.В. Типология современных менеджеров среднего звена на основе оценки их личностных потенциалов // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6(31), Y. 2, C. 153–156.

тивны, когда в коллективе поддерживается индивидуальная инициатива и ослабляется контроль;

- нравственно-ценностные установки, выражающиеся в особенностях правового сознания и поведения⁴⁸⁷, проявлениях профессиональной честности, уважении личности, соблюдении бизнесэтики. Правильные нравственно-ценностные установки менеджеров среднего звена, благодаря которым в коллективах создаются условия, при которых быть честным и открытым выгодно, позволит наладить эффективный рабочий процесс, а соблюдение бизнес-этики предопределяет также коммуникативный потенциал менеджеров среднего звена⁴⁸⁸;
- *отношение к труду*, проявляющееся в способности управлять собой, быть ответственным, способным и желающим брать на себя риски, подавать пример окружающим. Работники с правильным отношением к труду вносят максимальный вклад в потенциал организации. При этом решительность, инициативность и самостоятельность прерогатива высших менеджеров, к пополнению рядов которых должен стремиться каждый менеджер среднего звена;
- *оптимизм* как общая установка менеджера на жизненный и профессиональный успех, вера в будущее.

Такие важные для выявления инновационного потенциала характеристики, как возраст, стаж и квалификационный уровень представителей группы, могут быть отражены комплексными показателями.

В соответствии с рекомендациями НИИ труда применяется коэффициент профессиональной перспективности (КПП), расчитываемый исходя из среднего возраста, оценки среднего стажа и данных по образованию респондентов (среднее или высшее). Оценка стажа производилась исходя из предположения, что лица со средним обра-

434

⁴⁸⁷ Шабанова М.А. Новое поколение предпринимателей и менеджеров в меняющейся институциональной среде.

⁴⁸⁸ Соболева Н.Э. Ценностные установки бизнес-сообщества и его модернизационный потенциал в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: Изл-во НИУ ВШЭ, 2013, 26 с.

зованием трудятся с 18 лет, а с высшим – с 23 лет. Конечно, такая оценка КПП приблизительная, но позволяет сравнить между собой возможности приведенных групп.

$$K\Pi\Pi = y \left(1 + \frac{C}{4} + \frac{B}{18}\right).$$

Коэффициент уровня образования согласно методике выбирался 0,15 для лиц, имеющих незаконченное среднее образование; 0,60 – для лиц со средним образованием; 0,75 – для лиц со средне-техническим и незаконченным высшим образованием; 1,00 – для лиц с высшим образованием по специальности.

Полученные результаты приведены в табл. 44. Максимально высокие значения коэффициента профессиональной перспективности отмечены в группах «Эгоисты» и «Альтруисты», которые потенциально являются базовыми группами внутри страты менеджеров среднего звена российского общества для реализации инновационного потенциала.

Таблица 44 Коэффициент профессиональной перспективности различных групп MC3

Тип	«Фрилан- серы»	«Эгоистич- ные идеа-	«Альтруи- сты»	«Материа- листы»	«Трудяги- реалисты»
Показатель	_	листы»			
КПП	4,64	5,19	6,30	4,48	5,19

В ходе SWOT-анализа значения введенных показателей относились к достоинствам и недостаткам групп менеджеров среднего звена исходя из их полезности в условиях инновационного развития предприятий. Использовалась двухуровневая порядковая шкала и соответствующее цветовое кодирование: достоинство (серый), и недостаток (белый). Нейтральные значения не учитывались. Также подсчитывалось общее число выраженных в группе характеристик, способствующих проявлению инновационного потенциала. Результаты анализа приведены в табл. 45.

SWOT-анализ типов менеджеров среднего звена в связи с инновационным потенциалом

Тип Показатель	«Фрилан- серы»	«Эгоистич- ные идеа- листы»	«Альтруи- сты»	«Материа- листы»	«Трудяги- реалисты»
Творчество и инновации					
Человече- ский потен- циал	нефор- мальное				
Коммуника- ционная компетент- ность	идейное согласие	межлично- стные ком- муникации	открытые коммуни- кации	диктуются руково- дством	дружба и поддержка
Управленче- ская компе- тентность					
Информаци- онная компе- тентность					
Владение языками					
Стиль управ- ления	традици- онный	традицион- ный	коллеги- альность совеща- тельность	авторитар- ный	авторитар- ный
Нравственно- ценностные установки	гедонизм эгоизм				
Отношение к труду	-				

Окончание табл. 45

Тип Показатель	«Фрилан- серы»	«Эгоистич- ные идеа- листы»	«Альтруи- сты»	«Материа- листы»	«Трудяги- реалисты»
Оптимизм					
Число выра- женных ха- рактеристик по группе	3	8	5	2	3

Чтобы высвободить таланты и энергию, стимулировать инициативу и инновации, необходимо определить, в каких областях потребности и цели организации пересекаются с потребностями, целями и способностями сотрудников. Таблица иллюстрирует разброс значений, важных с точки зрения ориентации на инновации показателей групп менеджеров. Так, «фрилансеры», имеющие достаточный уровень информационной и коммуникативной компетентности, проигрывают с точки зрения ориентации на творчество и инновации и обладают негативными нравственно-ценностными установками. А «материалисты», обладающие высоким человеческим капиталом и уровнем языковой подготовки, по стилю управления и коммуникационной компетентности не способны возглавлять современные инновационные проекты (минимальное число характеристик, способствующих проявлению инновационного потенциала – 2).

Пожалуй, потенциальным и естественным движителем инноваций в менеджерской среде является группа «Эгоистичных идеалистов» (максимальное число выраженных характеристик – 8), проявляющих склонность к творчеству и инновациям при несомненных прочих достоинствах. Однако, во-первых, коэффициент профессиональной перспективности в данной группе далеко не максимальный, что связано в том числе с высокой долей лиц в возрасте старше 40 лет. Во-вторых, вследствие перечисленных факторов, у данного ти-

па менеджеров, насчитывающего 21 % от их общего числа, ограниченные возможности по карьерному росту и воспроизводству самого себя. Напротив, группа «альтруистов», занимающая треть выборки, обладает лучшими карьерными возможностями и при правильной корпоративной и социальной политике может быть принуждена к увеличению своего человеческого потенциала, что положительно отразится на информационной и языковой компетентности.

Также подтверждается тезис Ю.Г. Волкова 489, что в настоящее время ни один из типов социально-профессиональной группы менеджеров среднего звена России не может претендовать на статус креативного класса в чистом виде. В связи с этим для полноты картины представляется необходимым проанализировать социальную динамику и адаптацию менеджеров среднего звена.

§ 4. Распространенность предпринимательских качеств: кросскультурный анализ

Впервые вопросы предпринимательства были рассмотрены в трудах Р. Кантильона, А. Смита 490 , Д. Риккардо 491 , М. Вебера 492 , Й. Шумпетера 493 , Дж.М. Кейнса 494 , Дж.V. Гэлбрайта 495 и др. Ричард Кантильон понимал под предпринимателем «человека, действующего в условиях риска» ⁴⁹⁶, при этом он разграничивал функцию предоставления капитала и предпринимательскую функцию. А Бодо определял предпринимателя как «лицо, несущее ответственность за предпринимаемое дело; тот, кто планирует, контролирует, организует

⁴⁸⁹ Волков Ю.Г. Креативный класс: поиск социологического концепта // Россия реформирующаяся. 2010. № 9. С. 43–60. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

⁴⁹¹ Рикардо Д. Собр. соч. СПб., 1908.

⁴⁹² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

⁴⁹³ Шумпетер И. Теория экономического развития. М., 1982.

⁴⁹⁴ Кейнс Д.М. Избранные произведения. М., 1993.

⁴⁹⁵ Гэлбрайт Д.К. Экономическая теория и цели общества. М.: Экономика, 1988.

⁴⁹⁶ Тимофеев В.А. Предпринимательство – движущая сила качественных сдвигов в эпохи перемен // Экономические науки. 2010. № 10(71). С. 44.

и владеет предприятием» ⁴⁹⁷. Позже Жан Батист Сей определил предпринимательскую деятельность через комбинирование тремя факторами производства — земли, капитала, труда, затем он и Фрэнсис Уокер разграничили доход на капитал и предпринимательский доход.

А. Смит, хотя и рассматривал экономику как саморегулирующийся механизм, усмотрел в предпринимателях инициаторов создания богатства⁴⁹⁸. По его мнению, предприниматель, являясь собственником капитала, ради реализации определенной коммерческой идеи и получения прибыли идет на риск, при этом он сам планирует, организует производство, реализует выгоды, связанные с разделением труда, распоряжается результатами деятельности.

Согласно концепции Макса Вебера, в основе предпринимательской деятельности лежит рационализм, при этом он выделял два типа предпринимательства: капиталистический тип (рациональный) ведения хозяйства, который основан на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного приобретательства, и тип, носящий иррационально-спекулятивный характер.

Для Й. Шумпетера капиталист и предприниматель – разные понятия: «Право собственности на промышленное предприятие или вообще на любое «имущество» не является для нас существенным признаком предпринимателя» Р.М. Нуриев отмечает, что в понимании Й. Шумпетера предприниматель – это «человек инициативы, внедряющий в производство новые комбинации» ⁵⁰⁰. Предпринимателем может быть, по Й. Шумпетеру, и фабрикант, и администратор, у которого есть реальная власть, директор и учредитель.

Дж. М. Кейнс предлагает свою трактовку понятия «предприниматель», а именно: своеобразный социально-психологический тип хозяйственника, для которого главное «... не рациональная калькуля-

 500 Нуриев Р.М. Шумпетерианский предприниматель в теории и на практике // Экон. вестник Ростов. гос. ун-та. 2003. Т. 1, № 3. С. 31–32.

⁴⁹⁷ Хизрич Р., Питер М. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха // Происхождение и история предпринимательства. М., 1991.

⁴⁹⁸ Смит А. Исследование о причинах и богатстве народов. М., 1962. С. 489–490.

⁴⁹⁹ Шумпетер И. Теория экономического развития. М., 1982. С. 170.

ция М. Вебера или новаторство Й. Шумпетера, а набор определенных психологических качеств»: умение соотнести потребление и сбережение, способность к риску, дух активности, уверенность в перспективах и др. Основными мотивами предпринимательской деятельности, по Дж.М. Кейнсу, выступают стремление к лучшему, стремление к независимости, желание оставить наследникам состояние.

На современное представление о предпринимателе оказали влияние работы Б. Карлоффа, Ф. Котлера, Б. Хайека и др. Б. Карлофф пишет, что предприниматель должен управлять ресурсами, при этом стремиться расширить масштабы дела (выпуск новых видов продукции или выход на новые рынки). По его мнению, предпринимательство выступает основным способом самореализации людей.

А.И. Агеев выделяет следующие признаки предпринимательства: владение капиталом, соединение и комбинирование факторов производства, ориентация на извлечение прибыли, капитализация доходов, «включенность» в рыночные отношения, экономическая свобода и самостоятельность, принятие риска, инициативность и творчество, способность преодолевать сопротивление среды, особое управление производством.

И.М. Модель, Б.С. Модель определяют предпринимательство как профессиональную экономическую деятельность, направленную на расширенное воспроизводство собственного капитала с целью получения прибыли безотносительно к конкретной сфере производства, материального или духовного 501 .

В. Зомбарт считал, что предприниматель должен обладать качествами завоевателя (духовная свобода, воля и энергия, упорство и постоянство); организатора (способность правильно оценивать людей, заставлять их работать, координируя их действия); торговца (способность вербовать людей без принуждения, возбуждать в них интерес к своей продукции, внушать доверие)⁵⁰².

440

 $^{^{501}}$ Модель И.М., Модель Б.С. Профессиональная культура предпринимателя // Социс. 1997. № 10. С. 13.

 $^{^{502}}$ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Гос. изд-во, 1924. 336 с.

Под предприимчивостью понимается способность человека к обнаружению и использованию наилучших путей осуществления самостоятельных, на свой страх и риск действий ради извлечения выгоды: проницательность, критическое отношение к собственным и чужим ошибкам и преодоление их с помощью применения альтернативной стратегии и тактики поведения; находчивость, новаторство, инициативность, маневренность и гибкость в поведении и согласовании интересов в среде своего бизнеса, трудоголизм, способность к адаптации различных знаний, способность к быстрым ситуационным реакциям под воздействием изменения конъюнктуры; способность к администрированию собственных и чужих мотиваций.

Для сравнения распространенности качеств предпринимателя в обществе был проведен сравнительный анализ результатов следующих исследований:

- Инновационный и предпринимательский потенциал общества (исследование проведено Левада-центром по заказу ЦМИ, в январе 2012 г. было опрошено 6000 респондентов, выборка формировалась с помощью многоступенчатой стратифицированного вероятностного отбора)⁵⁰³;
- международное исследование предпринимательства (General population survey "Entrepreneurship survey among the general population in the 27 Member States, the US, EFTA countries, Croatia, Turkey, Japan, South Korea and China" was conducted for the European Commission, DG Enterprise and Industry E/1: Entrepreneurship). Исследование проведено в 2010 году⁵⁰⁴;

 $^{^{503}}$ Инновационный и предпринимательский потенциал общества. Исследование Левада-центра по заказу ЦМИ. URL: https://www.sberbank.ru/common/ img/uploaded/files/pdf/.../1/IPPS.pdf (дата обращения: 28.01.2015).

General population survey "Entrepreneurship survey among the general population in the 27 Member States, the US, EFTA countries, Croatia, Turkey, Japan, South Korea and China" was conducted for the European Commission, DG Enterprise and Industry E/1: Entrepreneurship. URL http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl 283 en.pdf (дата обращения: 28.01.2015).

• исследование, посвященное вопросам социально-профессиональной идентификации предпринимателей среди жителей Пермского края (2013–2014 годы).

В ходе авторского исследования был проведен экспертный опрос предпринимателей и руководителей (изучение самоидентификации предпринимателей и руководителей), а также опрос рабочих, служащих, специалистов, студентов о предпринимателях и руководителях. Всего было опрошено 902 человека, из них 632 человека опрашивались относительно предпринимателей и руководителей, выборка формировалась квотным методом. Также были опрошены предприниматели и руководители. При проведении данного исследования выборка формировалась квотным методом, поэтому исследование не может претендовать на всеобщую характеристику ситуации, но позволяет выявить основные тенденции.

В названных исследованиях анализировалась распространенность «предпринимательских» качеств в обществе: склонность к риску, конкуренции, состязательности, степень изобретательности. Также важны такие характеристики, как независимость, уверенность в собственных силах, готовность к активным действиям, отстаиванию своих позиций и оптимизм. Склонность к риску раскрывалась в суждении: «Как правило, я готов рисковать»; склонность к состязательности: «Мне нравятся ситуации, в которых я мог(ла) бы соревноваться, состязаться с другими»; уверенность в своих силах: «Обычно я уверен(а) в том, что сам(а) справлюсь с трудными ситуациями»; степень изобретательности: «Я изобретательный человек, у которого есть интересные идеи»; готовность отстаивать свою позицию; «Меня не останавливает, что мое решение может быть кем-то не поддержано»; независимость, самостоятельность: «То, как складывается моя жизнь, зависит прежде всего от меня, а не от других людей или от воли случая», готовность к активным действиям: «Если я вижу чтото, что мне не нравится, я стараюсь это изменить»; оптимизм: «Я настроен(а) оптимистично по поводу своего будущего».

В рамках данного исследования был дан содержательный анализ субъективных самооценок респондентов Пермского края и сопостав-

лены результаты с данными исследований на всероссийском и международном уровнях. Для анализа были высчитаны индексы по предложенной методике⁵⁰⁵:

Индекс ...= ((«полностью согласен» + $0.67 \times$ «скорее, согласен» + $0.33 \times$ «скорее, не согласен»)/(«полностью согласен» + «скорее, согласен» + «скорее, не согласен» + «полностью не согласен»)) × 100.

Сравнительный анализ данных показывает, что жители Пермского края реже склонны к рискованному поведению, чем граждане России в целом и чем жители Западной Европы и США. Среди же жителей Пермского края данный индекс составляет 50 п.п. При этом один из высоких индексов присущ студентам (61,5 п.) и предпринимателям (57 п.), наименее готовы к риску специалисты (42 п.) и руководители (45 п.). Среди россиян индекс восприятия риска («как правило, я готов рисковать») равен 53 п., и он ниже, чем у жителей Западной Европы, США, Китая. Отметим, что у жителей США самый высокий индекс готовности к риску и составляет 73 пункта. При этом японцы еще менее склонны к риску, чем россияне.

Респонденты Пермского края чаще склонны к соревнованиям и готовы состязаться, чем жители России в целом. Индекс состязательности жителей Пермского края («я люблю ситуации, в которых я мог(ла) бы соревноваться, состязаться с другими») выше, чем индекс в целом по России («мне нравятся ситуации, в которых мог(ла) бы соревноваться, состязаться с другими») (62 п.п. и 53 п.п. соответственно). Отметим, что среди жителей Пермского края наиболее высок индекс среди студентов 69 п.п. и предпринимателей 65,5 п., ниже у служащих (62 п.) и руководителей (61 п.). И меньше всего склонны к соревнованиям и состязательности специалисты (60 п.) и рабочие (58 п.).

Значение российского индекса близко к среднеевропейскому, но значительно ниже американского. Значение индекса Пермского края, хотя и выше среднеевропейского, все равно ниже американского

⁵⁰⁵ Инновационный и предпринимательский потенциал общества, режим доступа. Исследование Левада-центра по заказу ЦМИ. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/.../1/IPPS.pdf (дата обращения: 28.01.2015).

(70 п.). Отметим, что как в США, так и в Ирландии, Мальте, Люксембурге и Китае, примерно 7 из 10 респондентов согласились, что им нравится конкурировать с другими. Чехам и Венграм меньше нравится конкурировать с другими. Так, с данным утверждением согласились только 4 из 10 респондентов из Чехии и Венгрии. Японцы еще реже отмечали, что им нравятся ситуации, в которых они могли бы конкурировать с другими.

Пермяки, как и россияне в целом, менее готовы отстаивать свои идеи и свою точку зрения, если они не поддерживаются другими, чем европейцы и американцы. Так, индекс готовности идти против мнения других у пермяков («меня не останавливает, что мое решение может быть кем-то не одобрено») составляет 65,5 п., тогда как по России в целом индекс равен 63 п. Среди жителей Пермского края данный индекс наиболее высок у предпринимателей 69,5 п. и студентов 67,3 п. и наиболее низок среди руководителей (63,5 п.) и специалистов (64 п.). У служащих данный индекс составляет 65 п., а у рабочих 66 п. Из данных международных исследований следует отметить, что самый низкий индекс у японцев, они менее всех готовы отстаивать свою позицию, а самый высокий – у жителей США, их меньше всех остальных останавливает то, что их решение может быть кем-то не одобрено (индекс 85 п.).

Согласно данным исследования Левада-центра, индекс согласия с суждением «если я вижу что-то, что мне не нравится, то я стараюсь это изменить» жителей России составляет 69 п. и примерно соответствует среднеевропейскому, но ниже американского уровня (82 п.). По данным международного исследования, около 90 % респондентов в Австрии, Кипре, Турции, Мальте, Швейцарии, Германии, Греции и США полностью согласились или, скорее, согласились с суждением «если я вижу что-то, что мне не нравится, то я стараюсь это изменить». Менее всего готовы изменить то, что им не нравится в Японии и Финляндии, Китае. Так, только одна десятая респондентов из Японии и Финляндии полностью согласились с суждением, тогда как в других странах с данным суждением согласились от 16 до 51 % респондентов.

Отметим, что индекс стремления что-то изменить среди жителей Пермского края выше, чем по России в целом (72 и 69 соответственно). Наиболее высок данный индекс среди студентов 76 п. и служащих 74 п. Индекс руководителей соответствует среднему индексу по Пермскому краю (72 п.). Интересно, что у предпринимателей индекс данного суждения ниже среднего значения и составляет 71 п. Меньше всех стремятся изменить то, что им не нравится, специалисты и рабочие 70 п.

Согласно данным Левада-центра, значение индекса изобретательности составляет 56 п. Данное значение оказалось минимальным по сравнению со странами Европы и США. Максимальное значение данного индекса в США 78 п. Отметим, что все значения индексов американцев максимальны по сравнению с другими странами. Японцы менее всех готовы рассматривать себя в качестве изобретателей (49 п.). Так, только каждый десятый полностью согласился с суждением, и практически половина японцев, скорее, не согласилась с данным суждением.

Среди жителей Пермского края данный индекс составляет 63 п. Хотя значение индекса выше по России в целом, оно все равно ниже среднеевропейского и американского. Среди жителей Пермского края максимальное значение данный индекс получает у предпринимателей (70 п.). К среднему уровню можно отнести студентов (64 п.) и руководителей (63 п.). Наименьшее значение данный индекс получает у специалистов (60 п.) и рабочих (60 п.), а также у служащих (61 п.).

Индекс адаптивности («обычно я уверен(а) в том, что сам(а) справлюсь с трудной ситуацией») у россиян достаточно высок и составляет 66 п., в странах ЕС – 68 п. Респонденты в США (86 п.) и Дании (75 п.п.), скорее, согласятся с этим суждением, чем жители других стран. Так, 95–96 % опрошенных из данных стран согласились с данным суждением. Более трети респондентов из Австрии, Китая, Великобритании полностью согласились с данным суждением (от 37 до 40 %). В США таких респондентов – две трети опрошенных. В Японии опрошенные меньше считают, что способны справиться с трудной ситуацией (58 п.).

Среди жителей Пермского края значение индекса составляет 67 п. Наиболее высокой адаптивностью отличаются студенты (73 п.) и предприниматели (71 п.), наименьшей рабочие – 63 п.

При этом если в целом по России индекс самостоятельности («то, как складывается жизнь зависит прежде всего от самого меня») ниже среднеевропейского и американского уровней (68, 72 и 87 п. соответственно), то значение индекса Пермского края выше среднеевропейского и составляет 79,5 п. Можно сказать, что жители Пермского края готовы отвечать за свою жизнь. Так, наиболее высок данный индекс у студентов (87 п.), ниже у руководителей (81 п.) и предпринимателей (80 п.). У специалистов и служащих данный показатель составляет 79 п. Наименьшее значение данный показатель получил у рабочих (73 п.).

Отметим, что две трети стран, включенных в международное исследование, показали следующие результаты: от 80 до 90 % опрошенных полностью согласились и, скорее, согласились, что их жизнь зависит прежде всего от них. Так, респонденты из Ирландии, Словении, Швеции, США чаще соглашались, что их жизнь зависит от них (от 91 до 93 %). А вот респонденты из Чехии (79 %), Хорватии (78 %), Словакии (78 %), Нидерландов (78 %), Эстонии (77 %), Турции (74 %), Японии (73 %), Болгарии (72 %) меньше соглашались с суждением, что их жизнь зависит от них.

Значение индекса оптимизма у россиян выше среднего значения по ЕС (68 и 65 п.). Наиболее высокое значение индекса наблюдается в США (81 п.), меньше оптимизма наблюдается среди жителей Болгарии (56 п.), Японии (57 п.), Венгрии (58 п.).

Среди жителей Пермского края данное значение составляет 74 п. Наиболее высокое данное значение у студентов 82 п. Менее оптимистично настроены предприниматели (78 п.), еще менее оптимистичны руководители (73 п.), служащие (72 п.) и специалисты (72 п.). Наименьшее значение данный индекс получил у рабочих (70 п.).

В целом можно сказать, что индексы россиян или близки к среднеевропейским значениям, или ниже и ниже индексов США. При этом индексы россиян выше индексов японцев. В целом россия-

не менее готовы рисковать, отстаивать свою позицию, проявлять самостоятельность, чем европейцы и американцы. Меньше россиян считают себя изобретательными, чем европейцы и американцы. При этом уверенность в своих силах, склонность к соревнованию и оптимизм у россиян практически такой же, как и у европейцев.

Среди жителей Пермского края предприниматели чаще соглашались практически со всеми суждениями, за исключением стремления изменить то, что не нравится. Также высокие индексы согласия с данными суждениями наблюдаются и у студентов. По степени согласия с суждениями предприниматели и студенты наиболее близки друг к другу. Руководители менее склонны к риску, отстаиванию своих позиций и менее оптимистично настроены. Отметим, что, согласно данным международного исследования, жители ЕС, у которых был предпринимательский опыт, чаще, чем другие жители, готовы рисковать, соревноваться и больше чувствуют себя изобретателями.

Таким образом, особую значимость для развития предпринимательства имеет распространенность «предпринимательских качеств»: склонность к риску, конкуренции, состязательности, степень изобретательности, независимость, самостоятельность, уверенность в собственных силах, готовность к активным действиям, адаптивность, отстаивание своих позиций и оптимизм. Совокупность этих качеств является в некотором роде уникальным для предпринимателя, и их распространенность является одним из факторов повышения предпринимательской активности.

Научное издание

ЛИЧНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННО-ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Монография

Редактор и корректор И.А. Мангасарова

Подписано в печать 29.06.15. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 28. Тираж 100 экз. Заказ № 120/2015.

Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета. Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33.